

Алаш мұрасы

МІРЖАҚЫП

ДУЛАТҰЛЫ

6

St. Kyumobz

МІРЖАҚЫП

ДУЛАТҰЛЫ

АЛТЫ ТОМДЫҚ
ШЫҒАРМАЛАР
ЖИНАҒЫ

МІРЖАҚЫП

ДУЛАТҰЛЫ

6

Кейінгі жылдары табылған
құжаттар мен деректер,
хаттар, естеліктер

АЛМАТЫ «МЕКТЕП» 2020

Редакция алқасы:
**Дулатова Г. М., Қасқабасов С. А., Қирабаев С. С.,
Абдрахманов С. А., Қойгелдиев М. Қ.,
Нұрпейісов К. Н., Сатыбалдиев Е. Ә.**

**Құрастырушылар: Ерлан Сатыбалдиев,
Виль Галиев,
Тұрсын Жұртбаев,
Марат Әпсеметов**

570840

- © Дулатұлы Міржақып, 2013
 - © Сатыбалдиев Е.,
Галиев В., Жұртбаев Т.,
Әпсеметов М. (құраст.), 2013
 - © “Мектеп” баспасы, көркем
безендірілуі, 2013
 - © “Мектеп” баспасы, көркем
безендірілуі, 2020
- Басылымның мүлiктiк құқықтары
“Мектеп” баспасына тиесiлi

Се

Сыртқы тарап

ж. С. АМКАНОВА

БАСПАДАН

Міржақып Дулатұлының шығармалар жинағының 6-томы Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің «Алаш мұрасы» бағдарламасы бойынша жарық көрген 5 томдығының заңды жалғасы. 6-томға Міржақып Дулатұлының өмірі мен қызметіне қатысты Ресей Федерациясының мемлекеттік мұрағаты мен Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатынан соңғы жылдары табылған құжаттар мен хаттар, сондай-ақ ОГПУ-дің әртүрлі бөлімдерінде жасалған Міржақып Дулатұлы және басқа Алашорда қайраткерлерінен жауап алу, тергеу протоколдары енгізілген.

Кітапқа тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы тарих, археология және этнография институтының қызметкері Виль Зайнуллович Галиевтің Міржақып Дулатұлы және Алаш қозғалысы туралы бұрын жарияланбаған ғылыми-зерттеулері енді. Ұлт-азаттық қозғалыс жайында 150-ден аса ғылыми еңбектің авторы В.З.Галиев оқырманға «Оян, қазақтың» авторы М. Дулатұлы туралы патшалық жасырын полицияның мәлімдемесін және құпия құжаттарды ұсынады. Бұған Омск жандарм басқармасының мәлімдемесі, қылмыстық кассациялық департамент Сенаты обер-прокурорының Саратов сот палатасының прокурорына осы кітаптың «тұтқындалуы» туралы қатынас қағазы, Саратов сот палатасы прокурорының баспа ісі жөніндегі бас басқармасына «Оян, қазақ!» кітабын М. Дулатұлының ісі бойынша заттық айғақ ретінде тіркеуі туралы бұйрығы және т.б. дәлел.

М. Дулатұлының «Оян, қазағы» қазақ қоғамының қозғалысына жаңа леп берді. Ол қазақ халқының сана-сезімін көтерудің куәсі ғана емес, сондай-ақ ресейлік самодержавие тоқырауында белгілі оқиға болды. Бұл мемлекеттік биліктің белгілі құрылымында нақты әрі жете түсінілді.

«Мектеп» баспасы ұйымдастырған Мәскеу, Санкт-Петербург, Петропавловск, Павлодар, Зайсан сапарларында В.З. Галиев М. Дулатұлының жастық шағындағы шығармашылығы туралы қызықты материалдар жинады. М. Дулатов және оның «Оян, қазақ!» кітабы туралы мұрағаттық ізденістері, XX ғасырдағы сирек ведомстволық және мерзімді басылымдар негізінде В.З. Галиев «Ұлтты оятқан кітабын» жазды. Онда ағартушы, ұлтжанды М. Дулатұлы өмірінің бірінші жартысы кең ауқымда қамтылған.

6 томдықтың соңғы томына қазақ зиялы қауымының өкілі, «Алаш» партиясының мүшесі М. Дулатұлының, оның отбасының (әйелі, қызы, ұлы) сирек кездесетін суреттері, жары Ғ. Дулатованың саяси Қызыл Крестің председателі Е.П. Пешковаға күйеуін денсаулығына байланысты босатуды сұраған өтініші мен оған жауап хаттардың көшірме факсимилесі және А. Байтұрсыновтың жары Бадрисафаның хаты енгізілген.

Бұл 6-томның ерекшелігі — кітап М. Дулатұлының «Оян, қазақ!» кітабының орыс тіліне аудармасының 5 нұсқасымен — генерал-губернатордың тілмашы М. Айтпенев, цензор В. Смирнов, поручик Федоров, коллеж ассессоры Б. Илькин және профессор Н. Ф. Катановтардың аудармасымен құнды.

«Оян қазақ!» кітабының арқасында қазақ қоғамы болашаққа батыл қадам жасады.

Кітапты құрастырушылар режиссер Берік Барысбековке және мұражайдың ғылыми қызметкері Нина Сошинаға баға жетпес көмек көрсеткендері үшін ерекше алғысын білдіреді.

Құжаттар мен деректер,
хаттар (1904—1917)

ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МЫРЖАКЫПА ДУЛАТОВА

№ 1. 1 июля 1904 г. О назначении М. Дулатова учителем в Зайсанский уезд.

Официальное распоряжение попечителя Западно-Сибирского учебного округа, опубликованное в ведомственном издании: «Уволены по Акмолинской области: учительница Омского частного еврейского училища Елена Кесслер — с 15 марта, по прошению; законоучитель Самарского сельского училища Атбасарского уезда Дмитриевский — с 1 марта, за переходом в другое место; учитель Тлебалганской аульной школы Ташмухамед Нысанбаев — с 1 июля; учитель Новочеркасского сельского училища Акмолинского уезда Николай Лиханов — с 1 июля; учительница Никольского сельского училища Акмолинского уезда Зинаида Лепехина — с 1 июля; учитель Черниковского сельского училища Акмолинского уезда Антон Герасимов — с 1 августа, по прошению; учитель Каратальской аульной школы Кокчетавского уезда Кармен Даулетеев — с 1 августа. По Семипалатинской области: преподаватель гимнастики в Семипалатинском пятиклассном и трехклассном городских училищах поручик Рутилевский — с 1 марта, за переходом в Восточную Сибирь; учитель Казымбаевской аульной школы Павел Кривоногов — с 1 мая; учительница Усть-Каменогорского женского приходского училища Вера Доброхотова — с 18 мая, по болезни; учитель

Джарлинской аульной школы Зайсанского уезда Иван Губкин — с 1 июля»*.

Мыржакып Дулатов поехал из Зайсана в Джарлинскую аульную школу. Об этом свидетельствуют распоряжение попечителя Западно-Сибирского округа и сохранившееся в архиве дело инспектора школ Семипалатинской области, в котором написано: Джарлинская аульная школа, учитель Мыржакып Дулатович Дулатов**.

№ 2. 23 января 1905 г. Статья М. Дулатова в газете «Семипалатинский листок».

«Редко в каком городе можно заметить такую небрежность к вопросам народного просвещения, как в Зайсане.

На 4—5 тыс. жителей имеется только городское трехклассное училище и приходское женское училище. Кажется, немного, но и эти учебные заведения ютятся в домах, совершенно не приспособленных к школьным целям, благодаря чему ежегодно отказывают не одному десятку ребятишек в начальном образовании.

Городское трехклассное училище, например, помещается в четырех комнатах, включая сюда и учительскую. Все комнаты проходные, они малы и не могут вместить больше 10—15 человек каждая, а вмещают, вопреки всем правилам гигиены, по 30—40 человек. Всех учеников до 90 человек.

Света, воздуха мало. Кажется ненормально, но и ученики, и учителя продолжают отравлять свое здоровье в этих классах.

Желая прийти на помощь населению, учебное начальство ходатайствовало об отпуске казенных

* Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1904. №. 8. С. 432.

** ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 39. Л. 147 об.

средств, и Министерство народного просвещения ассигновало на постройку здания для Зайсанского городского трехклассного училища по смете 1903 г. 8190 руб.

Кажется, чего бы проще для города, — взять готовенькие денежки, начать заготовку материалов и с Божьей помощью построить училище. Кстати сказать, часть материалов была уже заготовлена г-ном В. Г. Титовым в бытность его городским старостой, но половина их израсходована неизвестно кем и куда, а другая половина лежит и по сие время.

План здания был готов, смета и деньги также были, но «отцы» спали, и спали так крепко и долго, что проспали деньги. В начале марта 1904 г. 8190 руб., как вовремя не взятые, были исключены из сметы, и городское училище остается в том же здании, а бедные детишки «сонных отцов» остались глотать пыль в маленьких комнатах училища и сидеть, как сельди в бочке. Сон «отцов» был так крепок, что даже неоднократные напоминания местного представителя Министерства народного просвещения не могли их пробудить от спячки.

Кто виноват, не знаю, но факт остается фактом. Исходя из факта такого отношения к вопросам народного образования, учебное начальство может ведь, и вполне законно, рассудить, что в Зайсане городскому училищу совсем не место, если «отцы», дети которых учатся в училище, не желают даже на казенные деньги улучшить быт учебного заведения. О пособиях от города нечего и думать, а между тем в других городах и строят школы, и содержат их большей частью сами же города.

Насколько мне известно, были факты перенесения училища из таких спящих городов, как Зайсан, в города, более сознающие пользу просвещения. Пожалейте,

господа, своих же детей! Проснитесь, «отцы», пока не поздно!»*.

Материал в газете подписан псевдонимом «Нездешний».

№ 3. 11 октября 1909 г. Протокол заседания членов правления Петропавловской мусульманской библиотеки-читальни.

Присутствующими членами Общества для содержания Петропавловской мусульманской библиотеки-читальни в заседании сего числа под предводительством Саида Хамзича Сутюшева и при секретаре Мир-Якубе Дулатове, в составе больше 1/3 всех записавшихся членов общества, выбраны в члены правления и кандидатами следующие лица:

Члены правления:

1. Саид Хамзич Сутюшев — единогласно.
 2. Галим Рахматуллович Тюменев — единогласно.
 3. Рахматулла Матигулович Негматуллин — 26 голосами против двух.
 4. Закир Галиев — 25 голосами против трех.
 5. Хафиз Гиреевич Максютков — 25 голосами против двух.
 6. Хасан Фазлуллович Бичурин — 22 против пяти.
 7. Мир-Якуб Дулатов — 24 против четырех.
 8. Мухаммед Камал Шамсутдинов — 24 против четырех.
 9. Зариф Абдуллович Ялымов — 22 против трех.
 10. Хафиз Фаттакутдинович Урманов — 22 против пяти.
 11. Ахмеджан Абдуллович Акчурин — 18 против девяти.
 12. Закиржан Альханов — 18 против девяти.
- Кандидаты:
1. Ахмед-Вали Мухамеджанович Ибрагимов — 17 против четырех.

* Зайсан//Семипалатинский листок, 1905. № 18. 23 января.

2. Салимбай Кусемисов — 17 против девяти.

3. Галим Исеев — 16 против десяти.

Кроме того, собрание постановило: уполномочить правление произвести все необходимые расходы для открытия вышеупомянутой библиотеки-читальни и открытие таковой.

Председатель — С. Сутюшев, секретарь — М.-Я. Дулатов. Члены собрания: А. Акчурин, А. Ибрагимов, Закир Галиакберов, Хасан Мухамедьяров, Магзумжат Рахматуллин, З. Ялымов, З. Поиматов, Ш. Ялымов, С. Загидуллин, Х. Максютлов, Ш. Юсупов, А. Усманов, Х. Залмутдинов, Ф. Сабитов, Г. Хуснутдинов, Р. Негматуллин, М. Галимов, Х. Бичурин, Х. Урманов, Н. Хакимов, Г. Тюменев и Гариф Негматуллин. С подлинным верно. Председатель Сутюшев, секретарь Х. Максютлов.

*Центральный государственный архив
Республики Казахстан (далее — ЦГА РК).
Ф. 369. Оп. 1. Д. 2819. Л. 36 и об.*

№ 4. 14 октября 1909 г. Протокол общего собрания членов правления Петропавловской библиотеки-читальни об избрании М.-Я. Дулатова ответственным за библиотеку.

Члены правления Общества для содержания Петропавловской мусульманской библиотеки-читальни в собрании сего числа, в составе не менее 1/2 членов, выбрали председателем правления Саида Хамзича Сутюшева, заместителем председателя — Рахматуллу Матигуловича Негматуллина, казначеем — Галима Рахматулловича Тюменева, помощником казначея — Хасана Фазлулловича Бичурина, секретарем — Хафиза Гиреевича Максютлова, помощником секретаря — Зарифа Абдулловича Ялымова и ответственным лицом — Мир-Якуба Дулатова, постановив представить кандидатуры на утверждение г-ну акмолинскому губернатору. Кроме того, правление

постановило уполномочить председателя правления г-на С. Сутюшева и члена правления г-на А. Акчурина по заявлению г-ну полицмейстеру города Петропавловска об открытии общества, арендовать подходящую квартиру для библиотеки-читальни, уполномочить казначея г-на Г. Тюменева совместно с помощником казначея г-ном Бичуриным приобрести необходимые канцелярские принадлежности.

Председатель С. Сутюшев, товарищ председателя Р. Негматуллин, казначей Г. Тюменев, секретарь Х. Максюттов.

Члены правления: М.-Я. Дулатов, З. Ялымов, А. Акчурин, З. Алеев, З. Альханов, Х. Бичурин, написанному постановили верить.

ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2819. Л. 37.

№ 5. 20 октября 1909 г. Рапорт полицмейстера г. Петропавловска акмолинскому губернатору о Мыржакыпе Дулатове на предмет разрешения ему быть ответственным за мусульманскую библиотеку.

При сем представляю Вашему превосходительству на утверждение прошение с протоколом правления Общества для содержания мусульманской библиотеки-читальни об избрании Мир-Якуба Дулатова ответственным лицом по заведованию библиотекой-читальней согласно установленным правилам и правительственным распоряжениям.

При этом докладываю, что Дулатов родился в ноябре 1884 г., сын киргиза Сарыкопинской волости аула № 1 Тургайского уезда, воспитание получил в Тургайском русско-киргизском двухклассном училище, о чем есть свидетельство от 3 мая 1901 г. за № 61 и свидетельство кустанайского инспектора от июня 1902 г. № 46 на звание аульной школы; служил

учителем Аркалыкской аульной школы Курганской волости Омского уезда по 1 сентября с. г.

За время же проживания в Петропавловске Дулатов ни в чем предосудительном замечен не был.

Полицмейстер А. Исанов.

ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2819. Л. 34 и об.

№ 6. 13 июня 1911 г. Секретное представление прокурора Семипалатинского окружного суда прокурору Омской судебной палаты об открытии следствия о Миржакыле Дулатове.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что мною одновременно с сим за № 60 предложено судебному следователю Семипалатинского окружного суда принять от помощника начальника Омского жандармского управления в городе Семипалатинске возбужденное им 13 июня формальное дознание о киргизе Мир-Якубе Дулатове и приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного п. 6 ст. 129 угол. улож., и что сведения об обстоятельствах этого дела будут мною представлены Вашему превосходительству дополнительно.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ).

Ф. 102. Оп. 7. 1911. Д. 1360. Л. 6.

№ 7. 13 июня 1911 г. Прошение прокурора Семипалатинского окружного суда помощнику начальника Омского жандармского управления в г. Семипалатинске.

Секретно. Прошу Ваше Высокоблагородие передать судебному следователю Семипалатинского окружного суда возбужденное Вами в порядке ст. 1035 установления учреждения суда формальное дознание по обви-

нению киргиза Мир-Якуба Дулатова для производства следствия. О времени передачи прошу меня уведомить.

Подлинное подписал прокурор суда Кривицкий. Исполняющий дела Капустинский. С подлинника верно: ротмистр Леваневский.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 7. 1911. Д. 1360. Л. 3.

№ 8. 14 июня 1911 г. Уведомление в Департамент полиции о возбуждении дознания по обвинению Мыржакыпа Дулатова.

1. Наименование дознания: по обвинению киргиза Тургайской области Мир-Якуба Дулатова в преступлении, предусмотренном п. 6 ст. 129 угол. улож.

2. Время возбуждения дознания: 13 июня 1911 г.

3. Место возбуждения и производства: г. Семипалатинск.

4. Кто производил дознание и кто наблюдающее за производством дознания лицо прокурорского надзора: помощник начальника Омского жандармского управления в г. Семипалатинске ротмистр Леваневский и заместитель прокурора Семипалатинского окружного суда М. Я. Пухляков.

5. Основание возбуждения дознания: данные обыска, по которому обнаружены девять экземпляров принадлежащей перу Мир-Якуба Дулатова брошюры «Пробуждайся, киргиз!», что указывает на распространение названной брошюры в большом количестве в пределах Семипалатинской области.

Помощник начальника Омского жандармского управления ротмистр Леваневский.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 7. 1911. Д. 1360. Л. 1.

№ 9. 14 июля 1911 г. Отношение помощника начальника Омского жандармского управления семипалатинскому генерал-губернатору о рас-

пространении Муқаном Бекметьевым и Мукашем Атажановым книги «Проснись, казах!».

Отношением от 22 мая за № 60 каркаралинский уездный начальник уведомил меня, что купец Муқан Бекметьев и его приказчик Мукаш Атажанов привезли из г. Петропавловска от Мир-Якуба Дулатова 50 экз. брошюры «Пробуждайся, киргиз!», каковые распространяют между киргизами, продавая по 20—25 коп. за экземпляр, причем названный начальник сообщил, что им по этому поводу производится негласное расследование, и препроводил мне один экземпляр упомянутой брошюры.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 2—3.

№ 10. 4 августа 1911 г. Отношение из Семипалатинска оренбургскому губернатору от 31 июля, за № 8636.

Прошу Ваше превосходительство привлечь редакторов газеты «Вақыт» и журнала «Айқап» за помещение изложенных корреспонденций к строжайшей ответственности в порядке обязательного постановления и, если представится возможность, выяснить автора этих корреспонденций, о чем сообщить мне.

Губернатор Тройницкий.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 10.

№ 11. 10 августа 1911 г. Обстоятельства ареста Мыржакыпа Дулатова по донесению Омского жандармского управления.

Имею честь донести Вашему превосходительству, что обыск и арест Мир-Якуба Дулатова произошел при следующих обстоятельствах: в мае мною была получена от каркаралинского уездного начальника брошюра «Пробуждайся, киргиз!» с уведомлением, что названную брошюру привез в числе 50 экземпляров

купец Бекметьев из г. Петропавловска от Мир-Якуба Дулатова.

Получив в первых числах июня сведения, что Дулатов приехал в г. Семипалатинск и привез для продажи различные брошюры, в том числе и брошюру «Пробуждайся, киргиз!», и принимая во внимание предварительное содержание названной брошюры, я произвел у Дулатова в порядке охраны обыск, причем, явившись в квартиру Дулатова, просил его показать имевшееся имущество. Так как среди предъявленных мне книг и брошюр не было брошюры «Пробуждайся, киргиз!», то ротмистр Леваневский, вынув из портфеля, а может быть, и из кармана полученную им от каркаралинского уездного начальника брошюру «Пробуждайся, киргиз!», спросил Дулатова: «А такие брошюры у Вас есть?». Дулатов ответил, что есть. «Покажите», — сказал ротмистр Леваневский. Дулатов вынул из чемодана девять экземпляров названной брошюры, причем покопался немного, а не вынул их из кармана, как пишется в корреспонденциях газеты «Вакыт» и журнала «Айкап», что и послужило причиной ареста Дулатова. Находящиеся у Дулатова книги и брошюры на киргизском языке, кроме явленных мне, были взяты для просмотра и никакого отношения к аресту Дулатова не имели.

Брошюра «Пробуждайся, киргиз!», оставшаяся в типографии газеты «Вакыт», по содержанию своему служит проводником идей панисламизма, направлена на возбуждение недовольства среди киргизов современной политикой русского правительства и в статье «Загадка» заключает грубые издевательства над священной особой Государя Императора и всем русским народом. Ввиду изложенного мной было возбуждено о Дулатове донесение, переданное, по предложению прокурора Семипалатинского окружного суда, еще 14 июня судебному следователю с основанием предъявления Дулатову обвинения по п. 2 и 6 ст. 129 уголов-

ного уложения. М. Дулатов числится содержанием в тюрьме за судебным следователем.

Что же касается Байтурсынова, то противоправительственная агитационная деятельность его настолько установлена, что говорить о ней не приходится, ибо постановлением г-на министра внутренних дел Байтурсынов выслан на два года ссылки в 1909 г.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 47—48.

№ 12. Не позднее 19 августа 1911 г. Перевод корреспонденции из Семипалатинска об аресте Мыржакыпа Дулатова, помещенной в выходящих в Оренбургской губернии газете «Вакыт» и журнале «Айкап».

Один из видных молодых киргизов — Мир-Якуб Дулатов проездом из Петропавловска в Зайсан и Усть-Каменогорский уезд остановился было в Семипалатинске. 6 июня чинами полиции он был арестован, причем арест произошел при следующих обстоятельствах: Дулатов проживал совместно с одним учителем-киргизом на углу Областной улицы, во втором этаже; а в 7 часов вечера дом, в котором проживал Дулатов, был оцеплен полицией и в квартиру вошли жандармский ротмистр, полицмейстер, пристав 1-й части и надзиратель. Они приступили к обыску, продолжавшемуся до 12 часов ночи. Ротмистр вынул из кармана брошюру «Пробуждайся, киргиз!» и сказал Дулатову: «Знаешь ли ты, кто написал эту брошюру?». «Книга эта — мое сочинение», — отвечал Дулатов, она выдержала два издания и оба раза издана с разрешения цензора. Еще у Дулатова были отобраны разные книги, газеты и рукописи на киргизском, татарском и русском языках. Среди них: последние сочинения Искакова — «Собрание», «Разве это жизнь?!»; газеты «Қазақстан», «Вакыт» и др. В 12 часов ночи Дулатова увезли в тюрьму.

В Семипалатинске у Дулатова нет никого из близких, и неизвестно, когда его освободят. В прошедшем

году та же участь постигла было и другого киргизского писателя — Ахмета Байтурсынова, который без всяких причин и даже не по суду просидел в тюрьме целых девять месяцев. Что будет из этого? Подписал Азамат Куриқбасов.

Верно. Чиновник особых поручений Симонов.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 6—7.

№ 13. 19 сентября 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати Временному комитету по делам печати в г. Казани о противоправительственном характере издания «Проснись, казах!».

Из постановления оренбургского губернатора от 3 сентября за № 93411 между прочим усматривается, что в типографии выходящей в г. Оренбурге газеты «Вақыт» была отпечатана на киргизском языке брошюра под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!»), которая по содержанию своему может служить проводником идей панисламизма, направлена к возбуждению среди киргизов недовольства современной политикой русского правительства и, кроме того, в статье «Загадка» заключает грубое издевательство над священной особой Государя Императора и всем русским. Ввиду такого содержания брошюры автор ее — Дулатов, по сообщению оренбургского губернатора, привлечен к судебной ответственности по п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож.

Ввиду изложенного и принимая во внимание, что, по имеющимся в Главном управлении по делам печати сведениям, упомянутая брошюра своевременно была представлена на рассмотрение Казанского временного комитета по делам печати и инкриминированию со стороны последнего не подвергалась. Главное управление предлагает названному комитету вновь и с полным вниманием рассмотреть означенное произведение по существу его содержания и, поступив в дальнейшем

согласно требованию закона, о последующем донести управлению.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард. Скрепил за правителя дел С. Казанский.

*Российский государственный исторический архив
(далее — РГИА). Ф. 776. Оп. 21.
Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 1–2.*

№ 14. 11 октября 1911 г. Сообщение канцелярии оренбургского губернатора семипалатинскому губернатору о поисках автора статьи, опубликованной в газете «Вакыт».

Сообщаю Вашему превосходительству, что по делу корреспонденции из Семипалатинска, помещенной в № 802 газеты «Вакыт», относительно ареста Дулатова добыты сведения, что в Семипалатинске нет никакого Азамата Курикбасова, и, очевидно, подпись эта вымышлена. Подозрение в составлении означенной корреспонденции падает на киргиза Акбутинской волости Гаялу Ильясова.

Губернатор, генерал-лейтенант Сухомлинский.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 11.

№ 15. 28 октября 1911 г. Отношение тургайского уездного начальника губернатору Тургайской области по поводу распространения Сейдалы Кадирбасовым книги «Проснись, казах!».

Через крестьянского начальника 1-го участка Тургайского уезда ко мне поступила от сарыкопинского волостного управителя переписка по поводу обращения среди киргизов названной волости книги «Оян, казах!», издания 1911 г. оренбургской татарской газеты «Вакыт».

Автор этой книги Мир-Якуб Дулатов в весьма осторожной форме призывает киргизский народ к

объединению в идее освобождения из-под гнета, в котором якобы киргизы находятся; обращает внимание киргизов на несправедливое якобы к ним отношение правительства, указывая в этом случае, как на примере, на водворение в Степи переселенцев (с. 21, 22, 60, 61, 62, 63 и 64).

Хотя в настоящее время киргизы вверенного мне уезда недостаточно способны и до некоторой степени, как я полагаю, не расположены к восприятию пропагандируемого в книге «Оян, қазақ!» призыва, но тем не менее дальнейшее издание этой книги, обращение ее в торговле и распространение в Степи нежелательно.

По собранным мной негласным сведениям установлено, что Мир-Якуб Дулатов происходит из киргизов аула № 1 Сарыкопинской волости Тургайского уезда. В 1901 или 1902 г. он окончил курс Кустанайского городского училища, после чего был учителем в Петропавловском уезде Акмолинской области, а недавно был задержан в Семипалатинске, где и содержится в тюрьме. В месте прописки Дулатова проживает его родной брат Аскар Дулатов, и, как доносит сарыкопинский волостной управитель, через него и при посредстве переводчика Оренбургского окружного суда киргиза Сейдалы Кадирбасова он имеет сношения с киргизами и распространяет среди них свою литературу.

Об этом, с представлением одного экземпляра книги «Оян, қазақ!», доношу на благоусмотрение Вашего превосходительства.

Приложение: один экземпляр книги «Оян, қазақ!».

Уездный начальник (подпись).

Помощник (подпись).

Казахское книжное дело в документах и материалах (XIX — начало XX в.).

Сборник архивных документов.

Сост. Ж. Ж. Шалгынбай.

Алматы, 2009. С. 440.

№ 16. 4 ноября 1911 г. Отношение прокурору Саратовской судебной палаты от Казанского временного комитета по делам печати по поводу антиправительственного характера книги М. Дулатова «Оян, қазақ!».

В типографии, выходящей в г. Оренбурге газеты «Вакыт», отпечатана на киргизском языке брошюра под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») сочинения Мир-Якуба Дулатова. Она представлена в узаконенном числе экземпляров в Казанский временный комитет по делам печати. Рассмотрев означенную брошюру по докладу члена комитета проф. Катанова, комитет признал содержание ее преступным и постановил наложить на нее арест.

Вследствие сего, представляя при сем перевод некоторых стихотворений из названной брошюры, в которых возбуждается в киргизах ненависть к русским переселенцам в киргизские степи, и особенно стихотворения под заглавием «Загадка», в котором заключается грубое издевательство над священной особой Государя Императора, Комитет по делам печати имеет честь просить Ваше превосходительство о представлении на рассмотрение судебной палаты утверждения ареста, наложенного комитетом на брошюру на киргизском языке «Оян, қазақ!». Во-вторых, о привлечении к судебной ответственности автора ее — Мир-Якуба Дулатова по ст. 128 и 129 угол. улож.

О последующем Казанский комитет по делам печати имеет честь просить Ваше превосходительство почтить его уведомлением. Подлинное за надлежащим подписал. С подлинным верно: председатель комитета М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 3.

№ 17. 18 ноября 1911 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати.

Вследствие предложения Главного управления по делам печати от 19 сентября текущего года за № 10238 Казанский временный комитет по делам печати вновь рассмотрел отпечатанную в типографии выходящей в г. Оренбурге газеты «Вакыт» брошюру на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») сочинения Мир-Якуба Дулатова, признал содержание ее преступным и постановил наложить на нее арест.

При сем Временный комитет имеет честь представить в Главное управление по делам печати копию с отношения своего прокурору Саратовской судебной палаты от 4 ноября за № 21724 и русский перевод некоторых стихотворений из названной брошюры. Председательствующий М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 2.

№ 18. 18 ноября 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати в Казанский временный комитет по делам печати о поступлении издания «Проснись, казах!».

Вследствие представления от 8 ноября за № 1733 Главное управление по делам печати предлагает Казанскому временному комитету сообщить основания, по коим брошюра на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») соч. Мир-Якуба Дулатова была инкриминирована комитетом по ст. 128 и 129 угол. улож. с наложением на нее ареста лишь 7 ноября, тогда как, согласно списку неповременных изданий, представленных в Казанский временный комитет по делам печати с 15 по 17 марта 1911 г. за № 23, названная брошюра поступила в комитет 15 марта с. г., следовательно, со времени поступления вышеупомянутого издания на рассмотрение

комитета до времени наложения на это издание ареста прошло около 8 месяцев.

Кроме того, принимая во внимание, что ныне Казанским временным комитетом инкриминировано второе издание вышеназванной брошюры, Главное управление предлагает комитету принять меры к выяснению — где и когда было напечатано первое издание брошюры Дулатова, было ли таковое инкриминировано, и о последующем донести управлению.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

Скрепил: исп. об. правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 13 и об.

№ 19. 22 ноября 1911 г. Выдержка из ведомости о лицах, против которых было возбуждено формальное дознание или предварительное следствие по подозрению в государственных преступлениях.

Звание, имя, отчество, фамилия и возраст лица: киргиз Тургайской области того же уезда Мир-Якуб Дулатов, 26 лет.

В чем именно обвинялся и по каким статьям закона: ч. 2 п. 103 и п. 6 ст. 129 угол. улож.

Кем и когда разрешено дело: Семипалатинским окружным судом 23 декабря 1911 г.

Сущность постановленного приговора или определения: признан виновным по ч. 2 п. 103 и п. 6 ст. 129 угол. улож.

Определенное судом место наказания: заключение в крепости сроком на один год с заменой сего наказания, при невозможности отбыть таковое в крепости — заключением в тюрьме на тот же срок.

Время обращения приговора или определения к исполнению: 22 ноября 1912 г. Прокурор Семипалатинского окружного суда Кривицкий.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 7. 1911 г. Д. 1360. Л. 9.

№ 20. 23 ноября 1911 г. Отношение крестьянского начальника 1-го участка Тургайского уезда тургайскому губернатору о книге «Оян, казак!».

В сентябре предшественнику моему сарыкопинский управитель представил при рапорте книгу, напечатанную на киргизском языке под названием «Оян, казак!», изданную киргизом аула № 1 вверенной ему волости Мир-Якубом Дулатовым.

При этом он, донося, что такие книги присланы брату автора Дулатову, просил разъяснить, могут ли они быть в обращении, и сообщил, что автор сидит в Семипалатинской тюрьме.

Г-ном Куфтиным было поручено секретарю уездного съезда г-ну Асавову сделать перевод на русский язык этой книги, которая, по докладу его, оказалась книгой призыва киргизов проснуться и сбросить с себя русское иго. Книга эта вместе с перепиской была передана мной тургайскому уездному начальнику, и 25 октября за № 1166 предписано сарыкопинскому управителю отобрать все эти книги и представить уездному начальнику, каковое распоряжение одновременно сделано и всем управителям вверенного мне участка. Рапортом от 7 ноября за № 712 сарыкопинский управитель мне донес, что им отобрано 33 таких книги у брата Мир-Якуба Дулатова — Аскара Дулатова. Уездному начальнику доложено при рапорте за № 711, что книги печатались в оренбургской типографии газеты «Вакыт» и в казанской типографии бр. Каримовых, на одной части брошюры имеется адрес: «Петропавловск Акмолинской области. Мир-Якубу Дулатову».

От остальных управителей мной еще не получено донесений. О вышеизложенном имею честь представить Вашему превосходительству.

Крестьянский начальник Березин.

*Казахское книжное дело в документах и материалах (XIX — начало XX в.).
Сборник архивных документов. С. 446.*

№ 21. 30 ноября 1911 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о рассмотрении издания «Проснись, казах!» в Саратовской судебной палате.

Саратовская судебная палата, рассмотрев в распорядительном заседании 18 ноября предложение прокурора палаты об оставлении в силе наложенного Казанским комитетом по делам печати ареста на брошюру на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») соч. Мир-Якуба Дулатова, определила: арест этот отменить и переписку об этом при копии своего определения возвратить прокурору палаты для исполнения.

Прокурор Саратовской судебной палаты отношением от 25 ноября за № 6683, уведомляя о сем комитет, присовокупил, что вся переписка по поводу означенной брошюры Дулатова им, прокурором, за № 6682 препровождена обер-прокурору Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената для внесения ее на рассмотрение Сената в порядке надзора.

О вышеизложенном Временный комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати в дополнение к представлению от 8 ноября за № 1733. Председательствующий М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 14.

№ 22. 9 декабря 1911 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о ходе судебного дела по книге М. Дулатова «Проснись, казах!».

В дополнение к представлению от 30 ноября с. г. за № 1887 Казанский временный комитет имеет честь почтительнейше просить Главное управление по делам печати не отказать ему в руководственном указании о том, должен ли комитет привести в исполнение

постановление Саратовской судебной палаты об отмене ареста, наложенного на киргизскую брошюру Мир-Якуба Дулатова под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, казак!»), или же надлежит отложить исполнение сего постановления до рассмотрения его Сенатом в порядке надзора по представлению прокурора Саратовской судебной палаты. Председательствующий М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 16.

№ 23. 10 декабря 1911 г. Отношение обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената прокурору Саратовской судебной палаты об аресте книги М. Дулатова «Проснись, казах!».

Вследствие отношения от 25 ноября с. г. за № 6682, с возвращением приложения, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что я не нашел возможным, применительно к ст. 129 уст. угол. судопр., предложить правительствующему Сенату на обсуждение определение Саратовской судебной палаты от 18 ноября текущего года об отмене ареста, наложенного Казанским временным комитетом по делам печати на брошюру Дулатова «Пробуждайся, киргиз!», так как, в силу решения Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената за 1906 г. № 3 по делу Проппера и других, означенное определение судебной палаты, постановленное в порядке ст. 1213 уст. угол. судопр., самостоятельному обжалованию не подлежит, а, как указано в упомянутом решении Сената, может быть обжаловано лишь в порядке ст. 491 уст. угол. судопр. во время предварительного следствия.

Вследствие этого и имея в виду, что из Вашего сообщения видно, что Вами поручено прокурору Оренбургского окружного суда возбудить против Дулатова уголовное преследование по признакам преступлений, предусмотренных п. 1 и 6 ст. 129 и ст. 128 улож.,

я полагаю, что указанная брошюра подлежит аресту и приобщению к делу в качестве вещественного доказательства, как *corpus delicti*, на основании ст. 371 и следственных статей уст. угол. судопр., причем если бы судебный следователь отказался исполнить требование прокурора и приступить к следствию и аресту брошюры ввиду упомянутого определения палаты, то он обязан бы был о таком отказе в данном случае представить не суду, а той же палате, на постановление которой возможен затем протест в правительствующий Сенат в порядке обжалования постановлений суда I степени по следственным действиям.

Исп. об. обер-прокурора Сената (подпись).

Секретарь (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 19—20.

№ 24. 13 декабря 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати обер-прокурору Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената о книге М. Дулатова «Проснись, казах!».

Прокурор Саратовской судебной палаты отношением от 25 ноября за № 6683 уведомил Казанский временный комитет по делам печати о том, что дело по вопросу об аресте брошюры на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») соч. Мир-Якуба Дулатова препровождено прокурором Вашему превосходительству для внесения на рассмотрение Сената в порядке надзора определения Саратовской судебной палаты от 18 ноября с. г. об отмене ареста, наложенного на названную брошюру Казанским временным комитетом.

Уведомляя об изложенном, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не признано ли будет возможным

с Вашей стороны сообщить, в каком положении находится в настоящее время означенное выше дело.

За начальника Главного управления по делам печати, исполняющий обязанности правителя дел (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 16.

№ 25. 16 декабря 1911 г. Отношение обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената в Главное управление по делам печати о переписке по поводу книги М. Дулатова «Проснись, казах!».

Вследствие отношения от 13 декабря с. г. за № 14229 имею честь уведомить Главное управление по делам печати, что переписка по вопросу об аресте брошюры Дулатова «Пробуждайся, киргиз!» возвращена мною прокурору Саратовской судебной палаты при отношении от 10 декабря с. г. за № 1286. Копия означенного отношения при сем прилагается.

Исполняющий обязанности обер-прокурора Сената (подпись).

Секретарь Гофман.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 18.

№ 26. 21 декабря 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати в Казанский временный комитет по делам печати о наложении ареста на издание «Проснись, казах!».

Вследствие представления от 9 декабря за № 1953 Главное управление по делам печати сообщает Казанскому временному комитету, что по вопросу о приведении в исполнение постановления Саратовской судебной палаты об отмене ареста, наложенного комитетом на брошюру Дулатова «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!»), комитет получит указание по доставлении

Главному управлению отзыва по сему делу прокурором вышеназванной судебной палаты.

Вместе с сим управление предлагает Казанскому временному комитету ускорить сообщение сведений, затребованных предложением от 18 ноября с. г. за № 13107.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 20.

№ 27. 22 декабря 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати губернаторам областей Российской империи о наложении ареста на изданные книги.

По постановлениям комитетов и должностных лиц по делам печати, наложен арест на следующие произведения печати:

С.-Петербургского комитета — от 13, 15 и 16 декабря 1911 г. на брошюры под заглавиями:

1) *Н. Рубакин*. «Две конституции — турецкая и российская» (Мидхат паша, Лассаль и Государственная дума). Историческая параллель. Книгоиздательство «Земля» Н. В. Марковского. Цена 15 коп. СПб. Типолитограф. «Герольд», 1906, с возбуждением судебного преследования по ст. 128 угол. улож. и ст. 1034-5 улож. о наказ.

2) «Как прошли выборы в Государственную думу».

1) «Предвыборная кампания». 2) «Выборы». 3) «Итоги выборов». 4) «Чего ждет русский народ от Думы» (с приложением списка членов Государственной думы). СПб. Типолитограф. Р. С. Вольпина, 1906. Цена 30 коп., с возбуждением судебного преследования по п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.

3) *Карл Каутский*. «Интеллигенция и социал-демократия». Перев. с немецкого. Книгоиздательство «Новый мир». Цена 10 коп. Типограф. И. Шурухт, 1906, с возбуждением судебного преследования по п. 2 ст. 129 угол. улож.

4) «Правительственная казна и народный карман». (Долой косвенные налоги.) Книгоиздательство «Безработица». № 2. Цена 10 коп. Типолитограф. С. М. Муллер, с возбуждением судебного преследования по п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.

5) *Поль д'Аббе*. «Любовь и ненависть античного мира». Перев. с французского. Книгоиздательство «Труд и польза». СПб., 1911. Цена 1 руб., с возбуждением судебного преследования по ст. 1001 улож. о наказ.

6) Рабочая библиотека № 2. «Социалисты и либералы». Книгоиздание «Луч». Цена 7 коп. СПб., 1905. Типография «И. Люндорф и К^о», с возбуждением судебного преследования по п. 1, 2 ст. 129 угол. улож.

Московского комитета — от 10 декабря 1911 г.:

1) на брошюры под названием «Новые песни», «Я такая с малых лет». Склад издания А. С. Балашова. Москва. Цветной бульвар, угол Знаменского переулка, д. Салтыковой №3/27. М., 1911. Типография Филатова, с возбуждением судебного преследования по ст. 1001 улож. о наказ.

Казанского временного комитета: 1) от 7 ноября 1911 г. на брошюру на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») соч. Мир-Якуба Дулатова, Оренбург. Типография газеты «Вакыт» в Оренбурге, с возбуждением судебного преследования по ст. 128 и 129 угол. улож.; 2) от 9 декабря 1911 г. на брошюру на татарском языке под заглавием «Г. Л. Чин хуррият качан булачак?» («Когда наступит настоящая свобода?»). Издание книгоиздательства «Магариф». Казань, 1906. Типо-

графия И. В. Ермолаевой, с возбуждением судебного преследования по п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож.

Владивостокского инспектора — от 2 декабря 1911 г. на брошюру под заглавием «Умученные от жидов. Доклад общему собранию Русского народного союза имени Михаила Архангела. Киевская трагедия и Саратовское дело». (Из актов подлинного производства по брошюре члена Государственной думы г-на Замысловского.) Составил протоиерей Василий Островиков. Владивосток. Типолитограф. газеты «Дальний Восток», с возбуждением судебного преследования по п. 1 и 2 ст. 132 угол. улож.

Об изложенном Главное управление по делам печати сообщает Вам, милостивый государь, для сведения и зависящих с Вашей стороны распоряжений.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард. Скрепил исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 15 и об.

№ 28. 22 декабря 1911 г. Отношение Главного управления по делам печати прокурору Саратовской судебной палаты по поводу передачи дела о книге «Проснись, казах!».

Представлением от 30 ноября с. г. за № 1887 Казанский временный комитет по делам печати донес Главному управлению, что арест, наложенный Временным комитетом на брошюру Дулатова «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, казах!»), отменен определением Саратовской судебной палаты 18 ноября с. г., но что вместе с тем, вся переписка по поводу означенной брошюры Дулатова препровождена Вашим превосходительством обер-прокурору Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената для внесения ее на рассмотрение Сената в порядке надзора.

Из препровожденной при отношении от 16 декабря за № 1323 копии отношения обер-прокурора Уголовного кассационного департамента на Ваше имя от 10 декабря за № 1286 усматривается, что вышеозначенное определение судебной палаты, постановленное в порядке ст. 1213—15 уст. угол. судопр. (1906 г.), самостоятельному обжалованию не подлежит, но что указанная брошюра, по мнению обер-прокурора, как вещественное доказательство может быть арестована по требованию Вашего превосходительства ввиду возбуждения против Дулатова уголовного преследования по п. 1 и 6 ст. 129 и ст. 128 угол. улож.

На основании изложенного и принимая во внимание, что Казанскому временному комитету надлежит привести в исполнение вышеозначенное определение Саратовской судебной палаты и что о последовавшей отмене ареста, наложенного на брошюру Дулатова, должно быть сообщено циркулярно начальникам губерний и областей, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать уведомить, наложен ли по Вашему требованию арест на означенную брошюру.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 21 и об.

№ 29. 28 декабря 1911 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о передаче книги М. Дулатова на рассмотрение члену Казанского цензурного комитета профессору Н. Ф. Катанову.

Вследствие предложения от 18 ноября с. г. за № 13107 Казанский временный комитет имеет честь

представить в Главное управление по делам печати следующее объяснение по поводу выхода в свет брошюры на киргизском языке «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») соч. Мир-Якуба Дулатова. Названное сочинение поступило в Казанский комитет 15 марта с. г. и было передано на рассмотрение члену комитета Богданову, который возвратил ее 22 марта, не усмотрев в ней признаков уголовного преступления, так как основное содержание этой брошюры, по его отзыву, заключается в побуждениях киргизов к учению и просвещению и в указаниях на возрастающую трудность положения их вследствие темноты и невежества. К сему необходимо добавить, что, начиная с января с. г., как Богданов, так и другой член комитета — проф. Катанов, по требованию прокурора судебной палаты и жандармского управления были совершенно подавлены огромной и в то же время тщетной экспертной работой по делу о панисламистской пропаганде, они проводили в камере судебного следователя по особо важным делам по 5—7 часов в день, не исключая и праздников, и, кроме того, им задавались переводы на дом, так что они лишены были возможности детально вникать во все мелочи рассматриваемых сочинений, число которых в этом году тоже значительно возросло.

Когда же комитету стало известно, что автор книги «Пробуждайся, киргиз!» Дулатов привлечен оренбургским губернатором к судебной ответственности по п. 2. ст. 129 угол. улож., то означенная брошюра была передана вновь на рассмотрение другого члена комитета — проф. Катанова, который 8 ноября с. г. представил перевод всех сомнительных мест, и тогда комитет имел возможность на означенную брошюру наложить арест, который, однако, был отменен Саратовской судебной палатой, о чем комитет имел честь сообщить в Главное управление по делам печати 30 ноября с. г. за № 1887.

Что касается выхода в свет этой киргизской брошюры в первом издании, то комитет считает долгом донести, что по книгам Казанского временного комитета таковой брошюры Дулатова не значится, переписка же по сему вопросу с типографиями Уфы и Оренбурга еще не закончилась. По получении надлежащих сведений по сему вопросу таковые будут представлены в Главное управление по делам печати дополнительно.

Председательствующий М. Пинегин. Секретарь Антонов.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 22 и об.

№ 30. 3 января 1912 г. Предписание прокурора Саратовской судебной палаты в Главное управление по делам печати о приобщении экземпляров книги «Проснись, казах!» в качестве вещественного доказательства по делу М. Дулатова.

Вследствие отношения от 22 декабря 1911 г. за № 14777 имею честь уведомить Главное управление, что мною 16 декабря 1911 г. за № 7121 поручено прокурору Оренбургского окружного суда предложить судебному следователю по важнейшим делам все экземпляры брошюры «Пробуждайся, киргиз!» приобщить к делу о Дулатове в качестве вещественных доказательств, в порядке ст. 371 уст. угол. судопр. и что мною вместе с этим затребованы от названного прокурора окружного суда сведения о распоряжении означенного судебного следователя относительно приобщения к делу экземпляров брошюры «Пробуждайся, киргиз!» в качестве вещественных доказательств, каковые сведения по получении и будут сообщены Главному управлению.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 249. Л. 23.

№ 31. 3 января 1912 г. Отношение товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о» в Казанский временный комитет по делам печати.

Брошюра «Оян, казак!» на киргизском языке — сочинение М.-Я. Дулатова печаталась в нашей типографии в 1910 г. в марте в количестве 1000 экз. и представлена в С.-Петербургский комитет по делам печати в количестве 8 экз., и получена нами расписка от С.-Петербургского комитета от 13 марта 1910 г. за № 5960. По получении расписки от вышеозначенного комитета по просьбе Дулатова брошюра «Оян, казак!» в количестве 1000 экз. отправлена в Петропавловск по дубликату накладной за № 056977 31 марта 1910 г., и дубликат накладной выслан на имя Дулатова в г. Петропавловск.

Заведующий типографией «Восточная печать» товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о» в Уфе Б. З. Максютков.

НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 179. Л. 137.

№ 32. 7 января 1912 г. Казань. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о тираже книги М. Дулатова, изданной в Уфе.

В дополнение к отзыву от 28 декабря 1911 г. за № 2065 Временный комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати, что по сведениям, собранным комитетом, первое издание брошюры Дулатова на киргизском языке под заглавием «Оян, казак!» было напечатано в 1910 г. в количестве 1000 экземпляров в «Восточной типографии» т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о» в Уфе и по отпечатании 8 экз. ее были представлены в С.-Петербургский комитет по делам печати, в чем и выдана расписка сего комитета от 13 марта 1910 г. за № 5960. Председательствующий М. Пинегин. Секретарь Антонов.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 24.

№ 33. 15 января 1912 г. Отношение тургайского губернатора в Департамент полиции об обнаруженных в Тургайском уезде экземплярах книги М. Дулатова.

В конце прошлого года ко мне поступили донесения от тургайского уездного начальника и крестьянского начальника 1-го участка Тургайского уезда об обнаружении у киргиза аула № 1 Сарыкопинской волости Дулатова книги противоправительственного содержания, изданной на киргизском языке братом его Мир-Якубом Дулатовым под заглавием «Оян, казак!» («Пробуждайся, киргиз!»).

Из дальнейших донесений уездного начальника и сообщения, по моему запросу, начальника Оренбургского губернского жандармского управления оказалось, что означенной книги, напечатанной в типографии газеты «Вақыт» в г. Оренбурге, в продаже или обращении среди киргизов уезда не обнаружено, кроме 17 экземпляров, отобранных у Дулатова. Автор книги, киргиз Мир-Якуб Дулатов, арестован помощником начальника губернского жандармского управления в г. Семипалатинске, куда Дулатов приехал для распространения своей книги, направленной к возбуждению среди киргизов недовольства современной в отношении них политикой русского правительства и являющейся в то же время проводником идей панисламизма.

Мир-Якуб Дулатов — киргиз Тургайского уезда Сарыкопинской волости — содержится в Семипалатинском тюремном замке, привлечен к дознанию в порядке ст. 1035 уст. угол. судопр. Омским губернским жандармским управлением и с 20 сентября числится содержащимся за Семипалатинским окружным судом. Об изложенном сообщаю Департаменту полиции, для сведения прилагаю один экземпляр означенной

выше книги «Оян, казак!». Исполняющий дела губернатора, камер-юнкер двора Его Величества (подпись).

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 7. 1911 г. Д. 1360. Л. 8 и об.

№ 34. 19 января 1912 г. Отношение прокурора Саратовской судебной палаты в Главное управление по делам печати о производстве обыска у М. Дулатова.

В дополнение к отношению моему от 3 января с. г. за № 32 имею честь уведомить Главное управление, что в исполнение поручения моего от 6 декабря 1911 г., № 7221 на имя прокурора Оренбургского окружного суда судебным следователем по важнейшим делам того же суда 7 января за № 3 были затребованы сведения от оренбургского полицмейстера о конфискации в г. Оренбурге брошюры Дулатова и в утвердительном случае присылки ее для приобщения к делу, на что оренбургский полицмейстер отношением от 10 января сообщил, что брошюры Дулатова в Оренбурге конфискованы не были.

Вследствие этого названным судебным следователем было послано 11 января с. г. отдельное требование мировому судье 1-го участка Петропавловского уезда о производстве обыска и выемке экземпляров брошюры Дулатова «Пробуждайся, киргиз!» и, кроме того, для той же цели затребованы сведения о местах нахождения других экземпляров названной брошюры от Казанского временного комитета по делам печати.

И. о. прокурора судебной палаты (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 28 и об.

№ 35. 19 января 1912 г. Уведомление от прокурора Семипалатинского окружного суда семипалатинскому губернатору о представлении Сманом Бегембетовым и Бельгибаем Алдабергеновым де-

нежного залога для освобождения из семипалатинской тюрьмы М. Дулатова.

Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что, согласно определению Семипалатинского окружного суда от 18 января по делу о киргизе Мир-Якубе Дулатове, обвиненном по п. 2 ст. 103 и п. 6 ст. 129 уголовного уложения, об изменении принятой против обвиняемого меры пресечения — содержания под стражей до представления поручительства на денежный залог в сумме 2000 руб. и в силу внесения за него означенного залога киргизами Бугулинской волости Сманом Бегембетовым и Абралинской волости Бельгибаем Алдабергеновым мною одновременно с этим сделано распоряжение семипалатинскому полицмейстеру об освобождении названного Дулатова из-под стражи.

Прокурор суда Кривицкий.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 15.

№ 36. 21 января 1911 г. Справка о передаче книги М. Дулатова «Оян, қазақ!» на цензирование В. Д. Смирнову.

Брошюра под заглавием «Оян, қазақ!» была представлена из типографии «Каримов, Хусаинов и К^о» 13 марта 1910 г., в чем была выдана расписка за № 5960.

Названная брошюра послана В. Д. Смирнову и комитету не докладывалось. Секретарь (подпись). 21 января 1911 г.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 25.

№ 37. 21 января 1912 г. Циркуляр Главного управления по делам печати губернаторам областей Российской империи.

Приговором Московского окружного суда от 10 ноября 1911 г. постановлено уничтожить брошюру под

заглавием «Власть женщины». Современный роман Н. Попова, выпуск 2-й, издание 2-е, Москва. Типография П. П. Рябушинского, цена 5 коп. (циркуляр Главн. управ., 16 октября 1910 г., № 10842).

Приговором того же суда от 1 декабря 1911 г. постановлено уничтожить брошюру под заглавием «Альбом пикантных приключений». Флирт. Типолитография Л. М. Прохорова и Н. А. Яшкина. Москва. Д. № 20 (циркуляр Главн. управ., 18 сентября 1910 г., № 9701).

Приговором Одесской судебной палаты от 14 декабря 1911 г. постановлено уничтожить брошюру под заглавием «Лили Браун-Гижицкая. Положение женщин в настоящем и будущем строе». Перевод с немецкого М. Поляковой, книгоиздательство «Демос». Издание 2-е. Одесса. 1905 г., цена 10 коп., типография «Порядок» (циркуляр Главн. управ., 22 ноября 1911 г., № 13263).

Определением Варшавского окружного суда от 5 января утвержден арест, наложенный Варшавским комитетом по делам печати на брошюру на еврейском языке под заглавием «И. Розенблюм. В огне страсти». Варшава, типография Турша.

Определением Новочеркасской судебной палаты от 30 декабря 1911 г. утверждены аресты, наложенные Ростовским-на-Дону комитетом по делам печати на брошюры под заглавиями:

1. *Бах А.* «Экономические очерки», № 273. Цена 10 коп. Книгоиздательство «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Типография «Донская речь». Ростов-на-Дону, 1905 г.

2. *Дживелегов А. К.* «Ответственность министров в конституционных государствах». Изд. Н. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону. Типография «Донская речь», 1905 г., цена 3 коп. (циркуляр Главн. управ., 26 мая 1911 г., № 6122).

3. «Как сицилийские крестьяне боролись за свои интересы». Издательство «Донская речь» Н. Парамо-

нова в Ростове-на-Дону. Электротпечатня А. И. Тер-Абрамян., 1905 г., цена 6 коп. (циркуляр Главн. управ. 26 мая 1911 г., № 6122).

4. «Как люди живут». Книгоиздательство Н. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Типография Пулович., 1905 г.

5. Листок под заглавием «Как защищают рабочие свои интересы», цена за десяток — 5 коп., листок № 12. С. Прокопович. Ростов-на-Дону. Электротпечатня А. И. Тер-Абрамян. (циркуляр Главн. управ. 10 мая 1911 г. № 5550).

Определением Казанской судебной палаты от 20 декабря 1911 г. утвержден арест, наложенный на брошюру на татарском языке под заглавием «Г. Л. Чин хуррият качан булачак?» («Когда наступит настоящая свобода?»). Издание книгоиздательства «Магариф». Казань, 1906 г., типография И. В. Ермолаевой.

Определением С.-Петербургской судебной палаты от 20 декабря 1908 г. постановлено отменить арест, наложенный С.-Петербургским комитетом по делам печати на книгу под заглавием «Зарницы. Сборник беллетристики, стихотворений, художественной критики, философских, социальных, политических, экономических и общественных статей», № 1. 1908 г., типография т-ва «Общественная польза», цена 1 руб. 50 коп.

Определением Саратовской судебной палаты от 18 ноября 1911 г. отменен арест, наложенный на брошюру на киргизском языке под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» («Оян, қазақ!») сочинения Мир-Якуба Дулатова (типография газеты «Вакыт» в Оренбурге), но прокурором Саратовской судебной палаты 16 декабря 1911 г. за № 7121 поручено прокурору Оренбургского окружного суда предложить судебному следователю по важнейшим делам все экземпляры

брошюры «Пробуждайся, киргиз!» приобщить к делу о Дулатове в качестве вещественных доказательств в порядке ст. 371 уст. угол. судопр.

Об изложенном Главное управление по делам печати сообщает Вам, милостивый государь, для сведения и зависящих с Вашей стороны распоряжений.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард. Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 29 и об.

№ 38. 23 января 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати в С.-Петербургский комитет по делам печати о повторном рассмотрении книги «Проснись, казах!».

Главное управление по делам печати предлагает С.-Петербургскому комитету вновь рассмотреть брошюру Дулатова на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» по существу ее содержания и, поступив в дальнейшем согласно требованиям закона, о последующем донести управлению.

К сему Главное управление присовокупляет, что вышеназванная брошюра Дулатова была напечатана в 1910 г. в «Восточной типографии» т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о» в г. Уфе.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 27.

№ 39. 28 января 1912 г. Секретное отношение судебного следователя Оренбургского окружного суда в Главное управление по делам печати с запросом по поводу первого издания книги «Проснись, казах!».

Честь имею просить сообщить мне, каким Временным комитетом по делам печати рассматривалось сочинение Мир-Якуба Дулатова «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, киргиз!»), 1-е издание, напечатанное в 1910 г. в «Восточной типографии» товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о» в г. Уфе в количестве 1000 экземпляров. Был ли наложен арест на это издание, кем оно арестовано и был ли привлечен Дулатов к ответственности? Прошу также выслать мне по экземпляру 1-го и 2-го изданий названного сочинения Дулатова.

Следователь (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 29.

№ 40. 31 января 1912 г. Секретное отношение акмолинского губернатора министру внутренних дел о переводе книги М. Дулатова «Проснись, казах!» и ее антиправительственном характере.

Полицмейстер г. Петропавловска отобрал у одного из местных магометан и представил мне брошюру на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!», т. е. «Пробуждайся, киргиз!» Мир-Якуба Дулатова, напечатанную в 1910 г. в г. Уфе в типографии «Восточная печать».

Брошюра эта, по моему поручению, была переведена состоящим при Акмолинском областном правлении переводчиком Айтпеневым на русский язык, причем оказалось, что содержание ее переполнено тенденциозными описаниями угнетенного положения киргизов с призывом к сплочению и борьбе за свои права и, кроме того, дерзкой критикой деятельности русского правительства.

Ввиду сего мною предложено начальникам полиции, а равно и крестьянским начальникам, близко стоящим по своим служебным обязанностям к киргизам вверенной мне области, принять безотлагательно настоячивые меры к конфискации брошюры Дулатова

под заглавием «Пробуждайся, киргиз!» и о последующем доносить мне с представлением конфискованных экземпляров и списков — как тех лиц, у которых будут отобраны брошюры, так и тех, которые по негласному дознанию распространяют таковые среди киргизов.

По получении сведений о подобных лицах мною будет дано распоряжение об учреждении за их поведением негласного наблюдения полиции.

О вышеизложенном представляю Вашему Высокопревосходительству.

Приложение: 1) экземпляр брошюры Дулатова под заглавием «Пробуждайся, киргиз!».

2) Русский перевод означенной брошюры.

Чинovníк особых поручений А. Юрьев.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 30 и об.

На полях л. 30 сделана приписка

«Дело это доложено

2-ном начальником Главного управления

2-ну министру 13 мая 1912 г.»

ПЕРЕВОД М. АЙТПЕНЕВА

№ 41. Не позднее 31 января 1912 г. Перевод книги М. Дулатова «Проснись, казах!» на русский язык, выполненный переводчиком Степного генерал-губернатора М. Айтпeneвым.

«Открой глаза, проснись, киргиз, поднимайся.

Не проводи годы напрасно, в темноте,

Ушла земля, вера ослабла, состояние гиблое.

Дольше лежать, мой киргиз, не годится.

Предисловие

Все наши киргизы, за исключением немногих грамотных и вращающихся в свете, не сведущи в делах, полезных народу. Причиной этого то, что грамотные у

нас представлены каплей дождевой, упавшей в море. Народ наш не оседлый, а кочевой и находится в разбросе; для того чтобы узнавать, что делается на свете, у нас нет газет на своем языке, а издаваемые татарами — нашими родичами — газеты не под силу нам, ибо мы плохо понимаем их язык по неграмотности. Потому наш киргиз, не имеющий понятия обо всем, что делается на Божьем свете, представляет собой существо, заброшенное где-то в темном углу мирового сарая, проводящее все время во сне.

Время идет вперед и меняется все ежедневно. Сравнивая последние 15 лет с настоящим нашим положением, мы замечаем, что в такое короткое время мы очутились в довольно стесненном состоянии, и если и далее будем предаваться спячке, ничегонеделанию, то что будет с нами в недалеком будущем?

Нет, так нельзя. Сознывая, что мощь народа в его знании, с Божьей помощью, под сенью благоволения к нам правительства, начнем и мы пользоваться знанием, для этого будем учиться наукам по-магометански, знать веру, бросим невежество, разовьем жизненную энергию и создадим этим себе пользу, достаточную нам до скончания века.

Второе — для того чтобы пользоваться своим правом, сохранять землю и скот, не терпеть обиду от других, нужно учиться по-русски и нужно быть образованным. Не знать по-русски — значит не знать заповеди Божьей. Примеры ниже следуют.

В Российской империи более 140 миллионов жителей, они говорят на 109 языках, господствующий язык — русский; правительственные бумаги, дела ведутся по-русски; законы пишутся на русском языке, и выходит, что всякий щедр тем, что сам имеет; на этом-то основании и я, чтобы быть полезным своему бедному народу, пишу эту книжку.

Мир-Якуб Дулатов, 1909 г.

Прежнее и настоящее состояние киргизского народа. Мир-Якуб, зачем сидишь, не вода пером, никакой бегунец не получит приза, не участвуя на скачках, покажи-ка, по возможности, свою силу, проснись бедняга, не лежи зря.

Какая польза от лежания без движения? Не очистится стоячая вода, не имея течения. Пример бери с передового, а отсталого научи, не годится ходить, не набирая ума. Почему не покажешься и чего сомневаешься? Увидишь, если не оценит тебя народ. В данное время в цене дар слова, а потому попытай свое счастье; быть может, раз отстанешь, а в другой раз возьмешь; твое слово кому-нибудь понравится, а другой будет критиковать. Не годится не показывать себя и смущаться, а насущный хлеб нужно зарабатывать шагая.

Говорится — терпение разрезает гору; молодец не будет мудрее, не расширив свои познания. А энергичным юнцам следует оправдать свое имя. Молодец не молодец, если ходит зря и не приносит пользы народу и не полюбился ему. Говорится — не возносись, если сведущ, и не продавай свое знание нуждающемуся. За веру и народ погибай и вкладывай свой скот; я ручаюсь, что не будешь тогда плохим, я не отступлю от этого — даю в том руку.

Блуждает в темноте бедный киргиз; не светит ему месяц, не восходит солнце и нет рассвета.

Человек, заметивший пожар, должен его потушить, иначе жить нельзя — больно душе.

Запала в душу дума — окружающее описать и в назидание оставить брошюру, более всего посвящая написанное народу и молодежи двадцатого века. Хотя я прожил немного, но видал достаточно и положение народа узнал; все не ушли далеко друг от друга, и нельзя сказать, чтобы один был велик, а другой больно низок.

Как произошел киргиз, узнаешь, если посмотришь летопись, а потому здесь не останавливаюсь и буду писать о более подходящем.

Мир наполнен разными людьми, которые исповедуют разную религию, и толкования у них разные.

Большая часть людей живет оседло в городах, только наши киргизы остались кочевать по степи. Было время, когда все три жуза смешивались между собой и не были в подданстве ни у кого из царей, а имели своих ханов и судей, которые разбирали дела. Решениями их руководствовались.

Удобных земель у киргизов было достаточно, и хоть бы кочевали 1000 верст — везде к услугам булаки (водные источники), зеленая трава, осока по берегам речек, озер и болот; плодились барашки и жеребята, и не было нужды от малоземелья.

Немного позже киргизы наши разобщились и у них к тому же нашлись враги. Сильный отбирал у бесильного все, и поднялась беда. Грабитель и разбойник стали именоваться «батырами», и они отнимали все у бедняка.

Разве мы очутились бы теперь в этом положении, если бы тогда делалось все с умом, на пользу народа?

Дорога всему худому была открыта, и каждый старался перещеголять другого в варварстве. Таким образом, дошло до того, что лишились мы единства и пришлось нам кланяться чужому. Свой бранился со своим и крал скот. Спорили, не умещаясь в земельном приволье, а теперь очутились в тесноте, лезут клином. Извне и внутри поднялась беда, немногочисленные родом стали терпеть обиду от многочисленных. А когда спорят два сокола, тогда появляется еда ворону, и таким образом киргиз потерял свое.

Если бы тогда строили крепость для защиты от неприятеля, бросили бы невежество и стали учиться, энергию свою употребляли на правое, хорошее, не

обижали слабых, жили в мире и согласии, то разве оказались бы мы отсталыми, а вот теперь мы живем на смех ближних друзей и злорадность врагов.

При вышеописанных обстоятельствах рассчитывать на прочность трона хана нельзя было, и вот киргизы приняли подданство России во времена хана Абулхаира.

Царь сказал: «Буду управлять по справедливости, веру и землю трогать не буду, раз уж перешли в подданство без боя, не стреляя и не рубя мечом, как же я не оценю вашего достоинства!». Дал обещание не брать нас в солдаты, а взамен этого обложил раментом (податью) каждую кибитку (тундук) и сказал: «Киргиз — один из сынов России и будет удовлетворяться каждое его требование».

Киргизом управлял сначала хан, правитель — десятичный али-султан, а затем все это было отменено, в наше время существует закон.

Многие соблазнились на награды. Получая чины, думали, вошли в почет, все, продавая народ, думали только о своей пользе, киргизский народ не ценился ни во что. Над киргизом пал темный туман: сзади — обрыв, спереди — полуостров; вот беда: некому стать главою над заблудившимся, нет разузнающих дорогу.

Мы, киргизские интеллигенты, обязаны собраться вместе и подумать о народе, почему неосуществимо на практике понятие «культура». Цивилизованные народы ушли вперед, а потому не следует спать без просыпа. Одолела всех нас дремота, давайте сообща будить киргиза.

Прежнее славное житье киргизского народа. Каким было славным житье киргиза, когда он блаженствовал кочуя! Молодые юноши и девушки, не зная горя и забот, друг пред другом соперничали в нарядах. Главари перекочевков, бывало, уезжали вперед, а молодежь — перегоняли друг друга на бегунцах, из-

украшенных филиновыми перьями, а остановившись на летовках, выстаивали жеребцов от опоя. Была чудная картина белых юрт, расставленных вокруг озера. Тогда-то видно было и богатство, и привязывались жеребята на зеленой траве. Как люди, так и животные наслаждались, как будто находились в земном раю. Молодые парами ходили вместе чинно и благородно, напоенные и накормленные. Девушки, невестки и жены мирз уходили собирать ягоды. Народ был тогда простодушен и помогал бедняку. Всегда устраивались скачки, когда рождался сын, привозилась невестка или выдавали замуж дочь. На удивление, устраивалось пиршество по умершему, если он был знатен или почетен. Разговор завязывался, когда, сидя за кумысом, ожидали молодого барашка или жеребенка.

Разве теперь увидишь хоть что-то из перечисленного, по правде говоря? Многие, сознающие, находятся теперь в большом горе.

Образованная молодежь даст нам пользу, если будет сведуща по разным отраслям.

Народ мы — свykшийся с несчастьем, не ищущий простора.

Раз выяснилось наше поведение, кто же будет с нами считаться?

В России мусульман 20 миллионов; нет и не было единства между ними, а наш киргиз сейчас и вовсе остался позади всех. Никакая просьба наша не удовлетворяется, все время мы угнетены. Киргизы, впереди вас ожидает то, чего вы еще не видали, и уподобитесь вы Монай-шаману, если будете все терпеть, а потому действуйте, пока свободны ваши руки и ноги, а не то настанет время, когда не сможете и пошевелиться.

Что достигнуто наукой. Воспеваю прелесть науки. Читатели, сами подумайте. Буду описывать, что достигнуто наукой, а вы слушайте.

Расстояние, которое не одолеешь на лошади в шесть месяцев, можешь проехать в короткое время по железной дороге. По телеграфу получаешь вмиг сведения с конца земного шара. Автомобиль сам мчится без лошади и управляешь рукой, чтобы не свернул. Наука дала в подмогу воду и огонь, и на большом расстоянии можно говорить по телефону. Океаном воспользовались, как землею, и прежние неудобства устранены, и плавают по океану, подобно рыбе, и вольны ехать куда угодно. Найдено средство летать по воздуху и спускаться, если надо, на землю, и этому присвоено имя «воздушный шар». Разве прежде народ видел это чудо?

Поверьте тому, что существует: изобретен беспроволочный телеграф, и вы не узнаете, хоть сигнал его пройдет через вас. Машина стала ходить под землей — это тоже чудесное изобретение; само собою чудо не является, а все изобретается человеком, посредством науки. Изобретены берданки, бомбы, мины, пушки, пистолеты, револьверы, браунинги — одним словом, все, что нужно употребить против неприятеля. Появились электрические машины, светящиеся без масла и огня, ночью свет подобен дневному; конечно, это должно быть чудом. Граммофон говорит и поет, цитирует стихи из Корана. Многие, не выдавшие это, не поверили бы, но я думаю, многие видели. Есть телескоп, показывающий вещи, находящиеся на далеком расстоянии. Вещи с пуговицу становятся с верблюда — это тоже дело науки. В России много фабрик и заводов, таковые полезны народу тем, что удешевляют вещь и делают ее доступною беднякам. Появились сенокосилки, посредством которых в немногое время можно косить много; есть сохи, сеялки, приносящие много пользы. Появились типографские машины, печатающие книги, газеты и журналы и тем дающие доступ к просвещению народа.

Все это изобретено человеком посредством науки; только один киргиз наш преспокойно лежит и не мо-

жет сделать хоть что-то из перечисленного, зато не сравним ни с кем по невежеству. Разве не состояли бы мы в рядах и не нагнали бы опередивших нас вера и могущество наше, получи мы свободу? Стали бы мы именоваться образованными.

Относительно выборов. С начала выборов управителей прошло 40 лет. Выборы эти, если подумать, доконали нас. Богачи, именующиеся мирзами, образуют партии и для достижения должности управителя сорят деньгами. Другой опять выставляет кандидатуру на бия, а третий думает: «Неужели я хуже тех, которые сами не выставляют своей кандидатуры?». Так подстрекают другие, заставляя достичь должности, имея состояние. И вот преспокойно живущий бедняга находит себе заботу. Называют одного по имени и находят, что он был бы подходящим аульным старшиной, и уверяют в своем протезе, и вот тот также тянется после этого. Немногочисленный родом выступает с речью, что его обошли, он же сам солидарен с ними, и вот ему дают отступного и он отходит с радостью, а если не дают ему ничего, он пристрашно обижен и проклинает свое одиночество. Начальнику, производящему выборы, дают по тысяче, а разве с ним нет других русских? Стражники и писари получают за поздравление (суюнчи), нельзя не дать и переводчику. Достигают должности управителя с большими расходами, и тем кончаются выборы.

После утверждения в должности начинается возложение на народ расхода и сбор такового ежегодно. Бедный, присутствовавший на выборах без всякого дела, изнуряет свою лошаденку, не получая никакой выгоды, а когда приезжает домой, то хвастается пред женой тем, что он кушал вместе с таким-то. Этим только растрачивается скот и теряется совесть, сильный слабеет, а бедный вовсе лишается сил. Многие, доказывая ложь, дают ложную присягу и делаются

клятвопреступниками. Напрасно друг на друга взваливают беду, крадут скот и барымтачат, дерутся, спорят и втягивают друг друга в тяжбу. И вот стоит чиновник, разбирающий это дело, гордо, а переводчик также держит голову высоко, и киргиз, хотя от этого и несет много вреда, но не хочет воздержаться. Спорят, навлекая на себя заботу и тратя скот, считают, чей голос больше и чей меньше, достигнув должности управителя после долгих усилий, мирятся со своим народом. Мир состоится, если придут к нему и приведут лошадь в подарок и халат; обыкновенно за едой выражается согласие, а через год все это забывается, так же, как дятел не сдерживает своей клятвы не стучать больше носом дерева, так же киргиз забывает мировую.

Прежний раб теперь вошел в почет, словно хан; народ наизусть изучил худые дела, а раз должностными лицами сделались люди нечестные, то как же не сядут на лошадей все воры и мошенники. Ах, Боже, какая выгода от этих дел, за исключением прироста зла ежедневно, немного случаев сами видели, как убийцы по суду были высланы. Старший отделился от младшего брата, от отца ушел сын, родственник стал дешев, многие продаются за малые деньги. Разве это не есть действие невежества? Народ сам себя не жалеет, тратит скот для достижения управительства; как бы было хорошо, если бы так тратились на пользу народного образования! За медный знак тратят большие деньги, и азарт все время не притихает; неужели народ наш проведет все время так, подобно пьянице? Киргизы, бросьте эту привычку и направимся по прямому пути, неужели управительство, судейство и аульное старшинство — такая великая честь, как царство?!

Киргизские земли. В 1731 г. мы приняли подданство России. Когда обнаружили наше невежество и слабость, тогда разгорелся аппетит на киргизского

сына, и в 1868 г. все киргизские земли были наименованы государственными. С каждым годом стали сокращаться наши земли и водные источники, и отходят таковые под крестьянские селения. Почетные, управляющие народом аксакалы, вдумываетесь ли вы в это дело? Не куя железо, пока оно горячо, вы остаетесь виновными в плаче наследников.

Родные земли, где нам обрезают пупок и где нас очищали от грязи, прощайте, достается мужикам, а святые могилы дедовы остались среди улиц, сел, а мужик употребит надмогильные камни для бани, а дерево могильное сожжет в печи.

Не найдя в один из приездов и следов могил, потекут из глаз слезы ручьями. Все отошло — и большое озеро, и горный проток, и удобное стойбище, и урманы, и береговые плодородные низины, и леса. Как подумаю обо всем этом, лишаясь рассудка и с горя внутри все горит.

Вначале перешли в подданство с землею, надеясь жить под сенью справедливости. Лишившись земли, имеемой теперь, киргиз, будешь пасти скот в пустыне.

Простой народ сбился с толку, и только вы, образованные, найдете какой-нибудь выход из этого положения.

Где, киргиз, твоя земля, где твои предки и народ, получивший наименование «киргиз»? Теперь всех вас выгнали и на вашем месте построили села и вас доконал хохол.

Для измерения земли выезжают землемеры и для селений отбирают у нас хорошие земли, сочные травы, пресные воды. И где тот молодец, который нашел бы выход?!

Отошли высокие горы, бегущие протоки, огромные озера и возвышенные степи с травой «бетег». С отходом земли укоротились наши кочевья, и мы стали джатаками.

Нам оставлены горькие воды, пустыни, не оставлена хорошая земля для хлебопашества. Как же после

этого на горах и камнях будут пастись полные дворы овец и табуны лошадей богачей?!

Пришел мужик, подобно кочующей туче, и все будет идти он, пока у киргизов не останется земли. А как пришел к нам, так начал сеять и разбогател, он не ленив, подобно нашему народу. Теперь мы увидали свое стеснение, и не поможет нам униженная просьба. Каково будет твое положение, киргиз, если дадут на душу по 15 десятин?

Относительно мечети и медресе. Носит киргиз только наименование магометанина и кочует по степи привольной днем и ночью, не зная покоя, отыскивая пользу, и не молится, когда это возможно, Богу. Дело не вершится тем, что себя именует мусульманином, так как в данное время многие не соблюдают религии. А от того, что говоришь по-киргизски и одеваешься в халат, не слагается заповедь Божья.

Было бы хорошее дело, если построил бы мечеть, куда ходил бы молиться, не пропуская положенного времени, содержал бы имама достойного, а богачи делали бы посильный вакуф. Яростно стремящийся на тяжбу киргиз пятится назад, если упомянешь о вере; если найдешь хоть немного неправды в моих словах, плюнь мне в лицо.

Во множестве у киргизов нет мечети, этому причиной миссионер поп; во-вторых, и сам народ неискренен, а потому, каким же образом откроется ход для ислама? Если кто осмеливается открыть школу, так другой из вражды доносит начальству, у многих испорчены помыслы. Так что храни нас Бог!

Настало время, когда нужно глаза открыть; богатым помогать бедным; странствуя в молодости, ищи образования и избавь себя от удочки невежества. Не достигнешь добра, если не оставишь это. Тебе мой совет: пора оставить общее мнение «все равно, отцы и деды были мусульманами».

Нет у киргизов правильно поставленного образования, а малышей только мучают; мулла, сидя на коленках, наводит грозу и распускает учеников после заката солнца. Если один из учеников улыбнется, то, подобно китайцу, наказывает его учитель розгами; проучившийся три-четыре года ученик не может писать. Многие муллы не знают себе цену, гордятся только именем «таксыр» («честь») и думают только об одном — не случится ли смерть с кем, и молят о смерти. Нет дела о правилах преподавания по новому методу, а напирают на зубрение азбуки и Афтияка; как же такой принесет пользу народу, когда все его поведение противно шариату? Не имея правильного преподавателя, как же народ будет образован? Все вышесказанное относится к пороку мулл, а что касается содержателей, то они таковы. Наниматель муллы, принимая в расчет жалованье, платимое мулле, требует от него обучения детей и днем и ночью, а если заметит, что мулла сидит без дела, так улучшает минуту и дает ему поручение, посылает его куда-нибудь. Учителя нужно держать по-учительски; конечно, такое положение есть плод невежества. Место, где совершается учение, нечисто, зачастую — в соседстве с паршивыми телятами и козлятами. Ничто достойное само к нам не придет, если мы сами не пожелаем иметь оное, а потому давайте брать пример с цивилизованных народов и бросим дурную привычку.

Проповедь киргизу относительно веры. Киргизам в отношении веры нужно, если только будет установлен такой порядок, подчиняться бы нам духовному собранию; тогда бы для веры открылся ход и стала бы вера крепче. В каждой волости пусть будет по указному мулле, кандидат к нему и муэдзин, избираемые народом из своей среды, имеющие свидетельство от муфтия в отношении ценза образования. Для них не обязательны знания по-русски, и вершили бы они дела

по шариату, ведая венчанием, бракоразводами, наследственными делами, погребением и наименованием младенцев. Если указному мулле не будет времени или не предоставится возможности, то он мог бы уполномочить за себя другого муллу, а венчание, развод и наследственные дела желательно, чтобы разрешал сам мулла. Сторона, недовольная решением указного муллы, могла бы принести жалобу уездному ахуну и окончательно — духовному собранию. Если это будет удовлетворено, то в том мы должны видеть преддверие к справедливости. В каждой волости пусть будет одна мечеть. Прихожане, содержащие мечети, берите на себя и медресе для обучения детей; расходы на медресе будут уплачиваться земством. В медресе держать двух мулл: одному преподавать науки по-мусульмански, а другому — по-русски, и преподавание совершать по правилам педагогики, тогда бы киргиз пошел вперед. Содержание двум учителям отнести на счет земства. Указный мулла, кандидат к нему, муэдзин и два учителя должны избираться через пять лет. Необходимо допускать делать вакуф в пользу мечети и медресе. Метрические книги должны вестись указным муллой. Власти должны разрешать отказывать желающим свое имущество и деньги в пользу мечети и медресе.

В случае удовлетворения всех перечисленных желаний и подкреплений таковых, ввиду канонов с отдачею в руки киргизам велений шариата, киргизский народ остался бы доволен. Имя ходатая по сему делу да останется записанным в летописи (туарих), и не будет он считаться погибшим, где бы то ни находился и в каком бы состоянии ни был, если страдает за веру и народ.

Народ наш как бы нарочно бросает шариат под ноги; например, если кто и соглашается подчиняться шариату и если по нему находит для себя вред, то отказывается от него. Согласно времени муллы необразованны и многие стоят ниже всякого простого киргиза. Поучив-

шись мало-мальски, становится муллою и начинает спорить без места и цели. Он не будет сознаваться в незнании — вот истинные бедняки, не знающие своей силы. Полумулла — недоучившийся мулла, как говорится, портит веру; да упаси Боже нас от них.

К нашим образованным обращаюсь я, к тем, которые посвятили себя на пользу народа. Отважный, дальнозоркий мой лев, неотступно посвятивший себя народу, согласный отдать свою душу и для того, чтобы киргиз был на счету, участвующий в больших маневрах. Обладающий даром слова, глубокой мыслью и неустанно служащий, умный, да упадет тебе в ноги враг, сраженный пулею, посланной замахнувшейся рукой без ошибки.

Отыскивая исцеление от болезни, заводящий знакомство с молодыми европейцами, если по одному делу условились, так бесповоротно, не изменяя условий, держите вы слово. Во-первых, Бог, а затем народ знают чистоту вашей души. Будь у дракона клык шести четвертей, но все-таки по очереди, не страшась, высказывали вы свое слово. В былое время дорогую жизнь свою отдавали вы для того, чтобы сохранить честь народа. Да будет свято ваше стремление к достижению намеченной цели! Если бы враг посредством зла не остановил бы вас, то вы сами не отстали бы от рядов. Вы все время с распростертой рукой шли вперед за наукой, а в то время ничтожные и недостойные не смели показываться и оставались дома. Подобно легендарному богатырю Каарману, бросались вы открыто на крепость, и в трудную минуту голос ваш придал бы большую силу народу, вот вам Бог.

Если умрешь (Царствие Небесное), место тебе в раю, а в живых — ты судья, придающий силу в труде; проведи киргиза в передний угол, да будет благословен твой заработок.

Здравомыслящие молодцы, всмотритесь во время, думайте о благе народа, о себе не беспокоясь; не меняйте бедняков ради богачей, будете в ответе за их слезы, если не внемлете их рыданию. Нельзя не сказать строго способному нести ношу дромадеру: если есть отвага в тебе, то покажись, настало для того время; посылаю тебя на скачки как неутомимого, не уподобись негодному; если придешь первым, то некому оспорить твоё счастье, а завидующие враги не будут успевать за тобой; ставь свою голову за нужду своего народа. Если разнесется клич «Алаш!», кто не поспешит за свою кровь; думаю, поймете, ибо хватит на то разума. В это время мы дошли до тяжелой поры, если не будешь спешить, то увидишь более тяжкое, нежели теперь. Отстань от зла и держись за справедливое и, поступая так, поднимемся на пьедестал почести.

Скорбь по поводу стесненного положения. I. Из очей наших льется кровь вместо слез, из рук ушли наследуемые нами обряды, законы; после хана, управляющего народом по справедливости, веления шариата не в нашем ведении.

Киргиз, ведь ты остался под ногами; из тебя ушла душа — остался скелет; молодцам — главарям народа в ноги бросилась кровь, не стало цели. Кто же виноват в этом, если не мы сами; зачем повадили, позволяя садиться на голову, сося кровь нашу, подобно пиявке, как же не проглотить нас с припевом? Хотя и поздно, проснемся, призывая Бога в искренней молитве. Во время не могли защититься, а теперь стоим, обессилив.

II. Киргиз лежит во сне, не открывая глаз; ведь сгорел же он, не спасаясь от огня, тогда как прочие народы отправляются на луну, наш народ пятится, не забрасывая ноги вперед. Остался ни при чем невежей, твердя все «степь», «степь»; не смешивался с народом образованным. Прочие в пример золоту и серебру, а наш киргиз — простой черный камень. Все стали скря-

гами; знающий не распространяет свои знания, а богач не жертвует. Киргиз становится златоустом, если только появляется один на полезное дело. Если один из сотни станет за сообщничество, девяносто девять дробятся подобно мелким камешкам. За общность, единомыслие и искренность не держится никто; богачи, мирзы, управители народные представляют собой не приносящее плод сухое дерево.

III. С каждым вздохом вырывается из груди пламя: кто исправит и выведет народ из угнетенного состояния; киргиз наш есть народ кочующий по степи и пасущий скот, тратящий без счета силу, энергию и скот свой на бесполезное. Разве он не обманулся, будучи недалёковидным, и не потерял свое право? Не мог усмотреть, что ожидало его впереди, и не видел настороженного против себя капкана. Может быть, появятся из народа один-два молодца в XX веке? Молодежь, начини интересоваться знаниями и наукой, удали скорбь нашу. Будем рады, если молодежь получит европейское образование. Получивши соответствующее цели образование, оно бросит семена в народ и тем выведет на дорогу многих заблудившихся и гибнущих в темноте. Киргиз глух ко всему, что относится к образованию, киргиз несведущ, доволен тем, что сохраняет свою жизнь. Разве не заставили плакать кровью всех, именующихся алашами?

IV. Нет у киргизов на своем языке печатного органа, много лени и невежества и нет старания. Кто излечит от болезни? Жить становится труднее с каждым днем. Где увидим цель, куда пойдем существовать, мой алаш? Пусть образованные рассмотрят наше бедственное состояние. Ввиду того, что киргиз мясист, без кости, то всякий пожирает его. Нас немало — шестимиллионный народ и, слава Богу, в невежестве утопаем, более нечем нам похвастать, остались мы дикарями в степи. Мы несколько не совестимся, тогда

как другие вперегонки заняты наукой, и между цивилизованными народами и нами такое пространство, что не окинешь оком. Опьянели мы в невежестве, плохое к нам прививается, а достойное для нас враг. Все старое у нас в почете, новшества в младенчестве, а если подумать, — так не годится, и если не бросим, то нет пользы для народа. Было бы хорошо не быть добычей чужого, когда сам себе враг. Если кто начнет толковать о народной пользе, то не станет киргиз слушать, не поверит, хоть ты борись, и разойдутся. Мастера мы взваливать вину на других, нет согласия во всем, не так ли — подумайте.

V. Нет единства, мы шестиустый народ — отсталый, поэтому не интересующийся наукой и цивилизацией, и никак не можем насытиться невежеством.

Еще многое тебя ожидает, и не будет приниматься во внимание твое неподчинение. Твой покровитель давал тебе яд вместо меда, и не оказался ли врагом твой приятель? Не то увидишь, если будешь подчиняться и исполнять то, о чем тебе будут говорить, и, ухватившись, подобно слепому, будешь идти за ним.

За муллой худая слава, за правителем много протеже, много врагов у образованного, поэтому не появляется на свет его изобретение. Молодежь, учитесь, пусть откроются глаза, и воспитывайте себя, а выучившись, разбрасывайте семя знания, тогда только будете полезными окружающим и всякий помолится за вас, и притом знающий не попадет на удочку чужому. Много потеряли от незнания, где нужно было давать мало — мы передали; даже не мог стать хозяином своему скоту, отдавал таковой даром при несчастии; кто поумнее — поймет это, сказанное глупцу останется без пользы; не думаю, что все были бы одинаковы; многие понявшие, я думаю, извлекут пользу от этого.

VI. Много за нашим народом дурного и много бедняков, стонущих от зла; есть много ненасытных, не

сдерживающих себя и проглатывающих ближнего, подобно щуке, глотающей мелкую рыбу. Такие люди не останятся ни перед каким злом, хотя бы проглотили верблюда. Хотя мы все созданы Богом, но всякий найдет то, за чем пойдет. Не выищешь среди киргизов никого, кто бы помог лицу, страждущему за народ, и малоумные не поймут того, что они не жалеют душу на благо народа. Сам ничего не поделаю, а убиваюсь, думая о них. Есть тело без души, тело как бы целое, а внутри все выгорело; не слушаешься, бедный киргиз, так поделом тебе.

VII. Молодежь, не учишься мастерству, не занимаешься наукой, а проводишь время в праздности, и если каждый из вас занимался бы посильным делом, то разве нападал бы я на вас. Вы довольны тем, что имеет отец, а сами исключительно придаетесь пустословию и разъезжаете из аула в аул, принимая лестное звание «мирза». Снаружи вы хороши, и усы примазаны, а если поговорить с вами, вы пусты. Как вас не назовут глупцами? Бедное состояние можно исправить, наладить, а пропустив время ученья, не воротишь, когда спохватишься, будет поздно. Еще один порок, что бедность признают за послание от Бога и тем усугубляют свою лень. Ложатся рано, встают поздно, не думают о завтрашнем дне. И такой окаянный все толстеет. Занялся бы хлебопашеством, разве мало имеет распаханной земли, смотришь, была бы так еда и деньги на одежду семье. Заготовил бы сено на зиму и занялся бы посторонним заработком, и была бы польза от труда, и велись бы денежки. Разве мой совет придется по вкусу многим? Жалею, что слово мое пропадет без пользы, ну тогда пеняй на себя, никто не виновен в том, что не дошел до цели.

VIII. Разве есть молодец, знающий и через знания расположивший к себе народ? Искренно давай совет

народу, не продавай свои знания; если народ не хочет пользоваться твоим советом, то Бог с ним. Молодец только тот, который заботится о благе народном, а кто знает и старается только для себя, тот не человек. Пусть дети занимаются наукой, а не проводят время попусту за игрой, ведь всяк удостоверился в том, что к лежащему ничего не привьется. Не дадут соску дитяти, если оно не плачет; не будет у нас достатка, если мы не будем добиваться. Никто не согласится с тем, что спелое яблоко само может полезть в рот.

Много есть у нас просьб царю, мы будем довольны, если все они будут уважены. Если не окажет нам справедливость, то мы, подобно голодному скоту, погибнем.

Настанет ли время избавления от зла и будет ли начальство держать нас в равенстве, и придется ли нам забыть терпимое зло!?

Письмо мое, написанное мударрису З. Эфенди З., посылаю Вам письмо; жаль, что не вижу Вас сейчас; мечта моя — сблизиться с Вами; я жажду общества достойных, чтобы высказать все, что у меня наболело; ведь Вы считаетесь одним из мусульман, которых многие любят. Положение Ваше одно из завидных; что за жизнь смотреть на треножник очага? Дай Бог, чтобы Вы были столпом времени и вернулась бы ушедшая сила. Наш киргиз, поговаривая, что завтрашнее зависит от Бога, пропустит время. Находимся в темном сарае, кто отворит дверь к свету? (...) я Вам помощник, и если мы избавим от невежества многих, то потомство будет нас благодарить и молиться за нас, а если мы не принесем никакой пользы, то разве не предадут нас анафеме? Думая об этом, эфенди, не будем спать, будет нам совестно; оставайтесь здоровы, наш почтеннейший.

Писал письмо Мир-Якуб Дулатов.

Относительно наследия жен. Много у киргизов тяжёлых дел, и все потому, что не искореняется зло, получившее с давних пор форму обычая. Зло это — обычай женитьбы. Некоторые родители просватывают малютку еще в колыбели. Пока вырастают, проходит много времени. Многие выходят глупыми или с наружными недостатками: хромыми, кривыми, паршивыми. И вот, подрастая, друг другу не нравятся; начинается судебный процесс. Бывает еще и так: просватывают взрослую за пятилетнего мальчишку; что же думают родители, какая это пара? Старик-вдовец берет в жены молодую девицу, уплачивая отцу ее много калыма. Такая жена в общем неверна мужу, имеет много друзей, а бывает и так, что подобная девица убегает из родительского дома с любимым человеком, подает прошение начальству, отыскивая свое право предоставления ей свободы, и, конечно, старик-жених, помимо чисто формальной стороны суда, угоняет скот у тестя.

Многие отцы, женив сына в молодости, вместо удовольствия находят одно горе. Если останется молодая вдова, ее берет в жены родственник ее умершего мужа, называя это наследованием. Порядок этот не предусмотрен шариатом и как таковой считается правильным — не знаю. Другие имеют по 5—6 жен и толкуют, что это разрешено пророком. Допустим, можно многоженство, но ведь нельзя всех держать в равенстве, а если жены не будут равны, то, значит, такой муж совершает зло и почитается греховодником. Пророк, имея много жен, держал всех равно; например, всем женам поодиночке пророк говорил, что он их любит, и дарил золотые браслеты, советуя не показывать остальным, а между тем каждая имела по золотому браслету и слышала, что пророк любит ее.

Богачи, имея много жен, не умеют держать их в равенстве, а потому и многоженство ни к чему. Одна

из жен считается за главную (байбише), на другой он женится из желания иметь детей, третью жену берет, чтобы иметь работницу, вернее рабыню, а четвертую берет, потому что она вдова его ближнего. И выходит, что он берет ее без согласия. Разве это подражание пророку? Все это не шариат, а обычай. Первый допускает вторую жену только по необходимости. Иногда богачи женятся для того, чтобы иметь работницу, поэтому такая женитьба не должна считаться по шариату. Многие родители не считаются с чувствами молодых, а считаются со своими личными взглядами, и выходит, что сын или дочь не хотят брака, находя свою пару негодной. Если бы сватовство происходило вовремя, то все подростки находили бы свою пару и не было бы того случая, как он или она находили пару негодною и тем причиняли горе молодому сердцу. Родители берут в расчет состояние сватов, их положение, а что касается личных чувств молодежи, то с таковыми не считаются. Многие делают сватами из партийных расчетов. Вот, например, если у одной умер жених, у последнего остался меньший брат, так невеста достается этому меньшому, хотя бы ребенку. Бывает и так: сосватавшись из-за имущественных выгод, отказывается некто выдать свою дочь, если сват по каким-либо причинам обеднел. Бедняки просватывают дочь, чтобы получить больше калыма, и когда последняя отказывается от жениха, отцу ее ничего не остается, как выдавать ее силой, так как он не в состоянии возвратить калым. Многие спешат получить калым за дочь, а после, когда она отказывается от жениха, то не рады сватовству. Было бы лучше, если бы мы не спешили сватать молодых, а вместо этого учить детей. Татары, которых мы видим, не спешат со сватовством, а молодые у них женятся по личным своим чувствам, и у татар нет калыма за дочерей.

Муллы всегда совершают обряд венчания над молодыми, не спрашивая их согласия, а когда кос-

нется дело до суда, без заминки свидетельствуют, что венчание совершено было. Мулла, получая обильное вознаграждение, не считается с согласием невесты, и нравственность его убивается щедрым подношением; ведь это нехорошо со стороны мулл, а пуще всего непростительно всем тем, которые сватают детей в раннем возрасте.

Если бы киргизы отказались бы от всего вышесказанного, то много поубавилось бы дел и ссоры притихли бы. Сделать бы правило: сватать по достижении 17—18 лет и брать только после этого калым, и то по изъявлению согласия молодыми. Было бы это и по шарияту, и по закону, не плакало бы много молодых и прекратились бы споры.

Юноши. I. Хорошая девица должна принадлежать такому же парню, а если она достается плохому, то проводит всю жизнь в горести и жизнь ее проходит в пустоте. Рубится в спешке молодая жизнь и калечится навеки. Многие девушки продаются подобно скоту, а муж, и притом плохой, всегда гордится и выражает свою власть над ней побоями, а она — не могущая защитить себя и найти свое право — гибнет. Притом у нас в народе так принято, что если пройдет слух, что такая-то не хочет иметь мужем своего жениха, то общее мнение всегда осуждает ее и винит только ее одну, никто не скажет, каков ее муж. Вот проводит целую жизнь бедняжка в рыданиях, плача кровью. Ведь нам этот обычай негоден, а между тем им заражены все киргизы. Когда же настанет время и киргизы отстанут от таких дурных обычаев?

II. Да будет ум другом твоему хозяйству, будь услужлив и крепок на слово, и не худо было бы, если бы сам принадлежал себе и провел бы в довольстве ничтожные годы жизни. Дурной девице, не оценивающей твоих достоинств, не кланяйся, а если найдется достойная, то не воздерживайся и ухаживай за ней,

распознавая ее, и старайся, чтобы таковая подходила ближе к твоим требованиям, дабы провести в любви немногие годы своей жизни, и все время супружества ты мог бы положиться на нее и доверять ей. Не нужно гнаться за красотой, что толку в ней, когда девушка хороша только внешне, а поступками не оправдывает твоей любви.

III. В молодости всякому хочется провести время приятно, в шутке, забаве. Бываем чересчур вежливы и из почтения говорим все на «вы». Проведенный так час засчитывается за год. Ищем себе подругу жизни, не щадя живота и не жалея средств. Если кто из сверстников найдет подходящую себе, то мы завидуем ему и, конечно, не расходимся с ним из-за этого, бываем любезны из вежливости. В молодости могут быть разные обстоятельства, но мы должны без ошибки встречать каждое; если вдуматься, то есть ли польза от этого, а нужнее всего — наука и образование, но мы не сознаем этого.

Загадка. Разные звери жили в одном месте, они избрали льва ханом. Удавы, тигры были у него вельможами, и все удивлялись силе и могуществу льва. В друзья ко льву влезли слон и волк и принесли ему с собой много подарков. Так как льву подчинялось много сильных зверей, то прочие звери сами валились к нему в пасть. Лев много погубил зверей, почему они и не решались из страха говорить открыто о его несправедливости. Чего только не натерпелись от льва мелкие звери: шкуры их употреблялись на постели, а мясо — на еду, неподчинявшиеся убивались.

Много прошло времени в таком положении, и лев делал все, что хотел. Как говорится, один конец всякому творению, так же и этому богатырю настал конец.

В другом месте жили также звери, но меньше, зато у них были справедливые законы, ими управлял знающий хан, звери были сплоченны и единомышленны.

Этот задумал показать чудо и доконать сильного хана, и, завоевав себе славу цивилизованного правителя, умереть с этим именем. С такой целью он затеял войну со львом и создал ничтожное дело. Немногие победили многих и из владений льва отрезали себе кусок земли. Эти звери были некрупны, но энергичны, хитры и задорны; победивши льва, теперь преспокойно живут на острове.

Лев, получив поражение, принял это как послание за грехи и дурные дела и дал обет больше не творить дурных дел. Однажды лев принес раскаяние и, собравши народ, устроил пир. Запретил сильному обижать слабого, о чем издал повеление. На пир были приглашены все, никого не обошли: туда пришли лиса, корсак, зебра, дикие козы, сурки, зайцы, волк, медведь, лось, марал, барсук и мышь, — одним словом, все звери. Собравшиеся звери огулом принесли жалобы и взвыли, просили отозвать от них всех волков, управляющих ими, причем сказали: «Не можем жить там, где будут волки, и нет нам житья от них. Враги сильных зверей — волк и кабан, и у тигров с удавами помыслы худы». Лев рассердился за поругание чести своих приятелей и гневно разогнал пир.

Вторично был созван пир, разогнанный вследствие неурядицы, и на этот пир явились те же звери и стали выть, шуметь, в один голос твердя: «Не подчинимся обиде, хоть будем убиты!». Разошелся пир, лев метал гром и молнии и на многих наложил наказание и в третий раз собрал народ, но только не пригласил мелких зверей. Эти бедняги посердились на льва за угнетение и держание их в неравенстве. Лев сказал: «Вас не нужно, только расстраиваете совещание». Таким образом, лев принял на себя плач этих бедняков. Не будет сочувствовать никто чужому горю, если самого не посетит горе, а главная цель льва та, чтобы не пустить их вперед. Лев не выгадал ничего, не остановил шум

зверей вовремя, изменивши свое повеление, выпросил кольцо себе на здоровую голову. Говорят, что те звери беспокойны и поныне собираются на совещание каждый день, хотя я сам среди них не был, но верь мне, читатель, это не ложь.

Понимайте, как вам на душу легло, и, быть может, заметите мой страх: я не решился сказать, что это было наяву, а сон мой был действительно таков.

Наставление. I. Написанное мною наставление не есть поддельное, а искреннее мое желание. Многие практичные можете брать пример; не годится вам остаться вне, когда наука пошла вперед. На учение не жалейте средств, лишь бы познания расширялись ежедневно. Нет толку кусать локти, упустив время, пользуйся данным моментом; если не послушаете доброго совета, то будет время, когда вы спохватитесь; я думаю, не направляю вас к худу; подумайте — если не ленивы вы, то, конечно, последуете, а всякий мыслящий извлечет пользу. Пусть расширяется круг единомышленников — сначала один, два, три и далее, ни до чего не дойдете и дело не дойдет до конца, когда будете ходить отдельно; разве не видите, что бедный народ наш находится в железной темнице на цепях. Мы были трусливы, но гонения нас сделали бесстрашными (батырами), что же нас теперь испугает?! Ведь мы не купленные рабы, чтобы всякого носить на головах своих; было сказано: «Настанет тяжелое время» — это и есть то самое время, если вдуматься сам, сын Алаша.

II. Некоторые из камней бывают драгоценными. Дело же может сделать молодой, если будет хорошо воспитан; одним словом, начнем учиться для того, чтобы дать просвет засыпанной стали. Тысячу раз спасибо молодцу, получающему образование и сеющему доброе семя в народ, заступающему за обиженного и направляющему на истинный путь заблудившихся. Да будет благословен каждый шаг его, раз он жертвует

собою для народа и избавляет от бед многих, попавших в беду. Не был бы несчастным наш киргиз, если были бы такие молодцы во многом числе. Что ни почетный наш — только и думает о себе, а богачи заняты количеством своего скота, молодежь же ведет бесцельную жизнь, не интересуется знанием. Богачи не помогают нуждающимся, к тому же все невежественны; только и знают — кто богаче. Думают, как опередить соперника в богатстве. Тратят свой скот на ненужное, а наши судьи (бии) — что стая воронов, несущаяся на падаль, и нет бия, который бы не брал взятки. Все это я видел своими глазами, верьте мне.

III. Образованный может плыть на лодке по земле, будет подражать хорошему примеру и будет ездить в молодые годы для науки по чужим землям. Если ты силен и здоров, старайся больше ходить и приобретешь знания. Такой одолеет и гору, и камни, а не будет сидеть дома сложа руки; все же хорошо ежедневно выучивать по одной хотя бы букве, нежели слоняться попусту. Капля за каплей может образовать огромное море, так и малое знание, постепенно расширяясь, может умножиться. Нет пользы от того, что будешь слоняться между аулами зря; хоть ты богат, и тогда нужны знания, ибо они будут помогать расширять богатство. Бедный образованный может стать богачом, а неграмотный богач может обеднеть — это не чудо. Образованный не будет нуждаться на этом свете; одним словом, ученье — свет, а неученье — тьма. Мы обязаны вам советовать, а вы должны слушаться и исполнять. Совет мой не для одного кого-нибудь, а для всех желающих понять меня.

IV. Если хочешь быть молодым, то будь вежлив; нет пользы, если ты будешь колючкой; нет пользы от твоего образования, если не служишь своему народу. Разница между видевшим свет и не видевшим большая, и молодец не достигнет всего, если сам не

испытает все на практике. Не бросайся зря на какое угодно дело, если не усвоишь таковое сам. Бери пример с добрых людей, сторонись злых. Ничто не дается на свете легко, только труд теперь может принести пользу. Не посеявши семя, не пожнешь плод. Приноси добро всякому и не чуждайся людей. Дай Бог, чтобы всякий молодец достиг своей намеченной хорошей цели. Всем ищущим знания помощи, Боже, и расширь их разум. Не останавливайтесь, находя свое образование достаточным, а идите все время вперед. Горше всего — поздно спохватиться, упустить время.

V. Ученики, старайтесь познавать всякую науку, а в особенности — полезную. Носясь с учебниками огромными, не срамитесь, не зная, что в них написано, и не зная, как толковать известное выражение. Не хвали одного и не ругай другого преподавателя; не ходи зря, топча улицу. Не только родители, но даже и родственники и знакомые питают надежду на твой успех и полезность твою. Хотя ты обеспечен, но все-таки терпи и учись. Не будет худа без добра, в конце сам увидишь пользу, милый мой.

Обязателен для нас русский язык ввиду того, что мы живем в России. Наука — такой источник, из которого должен отвесть всякий. Привыкай читать журналы и газеты, вдумывайся в сообщаемые сведения, а что не знаешь или не понимаешь, спроси и не будь столбняком, проглотившим аршин. Где тот жигит, который осушит наши слезы? Ведь мы, киргизы, живем в тесноте и плачем. А что будет тогда, когда мы, подобно гнилому дереву, не устоим против червей, нас точащих, у кого не появится аппетит, если мы сами себя отдадим добровольно на съедение?

VI. Первоначальное образование — познавать свою мусульманскую веру и тем набрать духовную пищу, нужную на том свете. Распознать, что для мусульманина обязательно и что — нет; писать хорошо по-своему,

понимать по-турецки, читать Коран, правильно цитировать стихи. Этого достаточно для преподавания детям младшего возраста; если же пожелаешь быть образованным учителем в медресе, то нужно получить большое образование в городе, в медресе «Галия». Второй обязательный язык — русский, это для своей пользы в светской жизни. Законы русские написаны по-русски и потому понять таковые трудно; газеты также на русском языке; предписания разные также пишутся по-русски и не пишутся по-нашему, а потому необходимо знать, чтобы не быть слепым. Вначале киргизы наши боялись учить по-русски своих детей, остерегаясь погубить их, ибо думали, что дети примут православие и уйдут в солдаты, но пользу узнали спустя некоторое время, и потому лишились земель своих и водных источников. Умницы, найдете, быть может, и теперь выход — сбросите знамя, поднятое врагом.

VII. Всякий скажет, что в народе хорош только богач, никто не скажет, что хорош бедняк. Правда, что богатый имеет большее значение, но хорош он только тогда, когда тратит свое богатство на известное дело, а потому мы должны верить добро только богачам, жертвователям на пользу народа, а от скряги-богача сторониться дальше. Не радуйтесь скоту, которого у вас по тысяче голов, а приносите пользу на образование, не завидуйте, богачи, друг другу и не ссорьтесь.

В настоящее время все заинтересованы брать пример со знающего; малочисленные не страшатся многочисленных и применяют науку; многие самонадеянные великаны остаются ни при чем, а их обгоняют интересующиеся наукой худенькие, щеголяя хитростью.

Киргизы, одинаково учите и сына, и дочь — тогда про вас скажут: «Вот пошли вперед». Не стремитесь теперь рано женить сына и тем опутать его и надломить жизнь. Такие всегда остаются у себя дома и,

быть может, закапывают в землю свои таланты; вся их надежда — на достояние отца, и становятся они ленивыми и симпатиями не пользуются.

VIII. Вновь и вновь твержу, что нужно образование, и многие, пожалуй, с этим согласятся, но только есть один порок — могут соглашаться, но могут не верить.

Всегда правда победит ложь, но только нужно везде об этом говорить, если не будешь говорить, то кто может догадаться, что в тебе есть. Всякий издевается над киргизом, над его широкой одеждой, большими сапогами, дергает за ушко малахая; когда я вижу подобную историю, меня берет зло. Изверился я и не думаю, чтобы из вас, молодежь, вышел толк. И тогда было бы сносно, когда выходил бы из 1000 один глава, а из 100 — один к нему в помощь. Нашелся бы в каждой группе один учитель, который подал бы пример народу и, будучи на страже интересов народа, поправил бы наше дело. Если мы не исполним ничего из выше-изложенного, то, конечно, кто будет считать нас за народ? Как будет молчать знающий, когда ум — море, глаз — зоркий, дума — мастер? Никто не в силах погасить свет, зажженный Богом, и не погаснет он от брызг воды, поднятых человеком. Умные люди до последней капли крови употребят свои знания на пользу народа. Нет семи смертей, а одной не миновать; когда настанет час, что скажут те, которые молят смерть на родине?

IX. Родня не может не завидовать, если ты имущ, и не может помочь, если ты беден. Нет у нас солидарности, ибо незнающие слушались бы знающих. Оба глаза не дружат между собою и не верят друг другу, насколько ни были бы близкими. Если поссорятся как-нибудь жена и дети, так уж они питают взаимную злобу, и тянется их незавидная жизнь, и не могут один другого подчинить навсегда, а имеющиеся родственники не берут на себя заботу по устройству мировой сделки. Никто не поддерживает начинателя доброго

дела, а злопыхателей нашлось бы много. Если возгорится большое дело, то хоть настанет всемирный потоп — не зальет разгоревшейся страсти, и каждая из сторон старается потопить друг друга. Бедняк жаждет тяжбы, но этим ничего не выигрывает, не получит он пользы, не изменив к добру своих чувств, и хозяйство его будет рушиться. А если общий враг гложет кого-нибудь, то другие не подумают о помощи и нанесении поражения врагу сообща.

Х. Если раба назовешь бием — он доволен, будет смеяться, а назови его рабом — он умрет на твоих руках, а кто происходит от чистой крови, того всякий без хвастовства распознает. Язык человека без костей, и если привязываться к каждому слову, то оттуда и произойдет тяжба. Много незнающих, сеющих на камнях хлеб, и посев пропадает без пользы. Так и совет мой — не принесет пользы глупцу. Свет велик, есть много людей, радующихся своему существованию; какой же толк от них, когда они не приносят никому добра и пользы? Необузданный и не получивший воспитание не подчинится совету, но дума у меня, хотя и отважная, зато язык боязлив, и не решаюсь говорить многое.

XI. Разорить человека — совет натравливающего; какая польза от его слов, ведь язык волен говорить что угодно; такой всегда входит к тебе смеясь, а выходит с ехидством; тебе называется другом, а за глаза выдает тебя и секреты твои. Если послушаетесь меня, то держитесь подальше от них, если и будете иметь знакомство, так выбирайте человека прямого, открыто говорящего без всяких стеснений. Молодежь, не оставайтесь несведущими, ведь теперь выходит масса новостей. Не довольствуйся только тем, что сам живешь, питаешься, содержишь семью, а бери свою долю от науки и раздавай народу. Какая разница между тобою и животным, когда ты невежа? Сравнивай час разговора с образованным, как проведенный год; не верь дурному

человеку — он может тебя погубить. Не верь незнакомому, назвавшемуся тебе другом, а сначала разузнай его.

ХII. Молодежь, не будем горды и не будем делать дела, противные чести, постараемся найти полезное для народа и выручим сообща нуждающихся. Давайте воздержимся от излишества и не будем сорить средствами для достижения ненужной цели, а если кто, по силе возможности своей, проявит что-нибудь, так не будем строги к нему, а будем поощрять и направлять его.

Забудь прошлое, старое время, киргиз, а действуй осторожно; не зная, что ожидает нас впереди, не нужно проводить время так же, как и прежде. Хватайся за дело нужное и отставай от ненужного; если народ наш постигнет беда, то рассматривай таковую как болезнь. Не доверяйтесь и не подпускайте к себе близко, а принимайте меры, пока вы не утомились; ведь так не может все продолжаться и не всегда будет предоставлена вам свобода.

Если взялись за известное дело, давши обет, держитесь крепко. Если кто укажет вам на ваши ошибки, будьте им довольны. Не унижайте других и не ставьте себя выше, не будьте лицемерными и не лебезите, а тех, кто только напоказ представляется другом, избегайте и скажите: «Уходите от меня».

ХIII. Написал повесть молодым, интересующимся знаниями, и призываю вас к этому; если в вас есть чуткость, бросьтесь на зов, подобно скакуну. Обладая даром слова, начинайте говорить; настанет время, когда нас оставит эта способность. Молодежь, не оставайтесь без движений, а берите свою долю от науки. Все суживается у нас: и вера, и имущество; о, даже есть ли среди нас знающие? Киргизы, мы не думаем о завтрашнем дне! Другие народы, приводя разные примеры и изобретения, смеются над нами; с этим мы не должны спорить, а раз оно правильно, — приходится

сознаваться. Все показывают свое образование и ведут состязание в письме. Если ты будешь образован и честен, то будешь в почете в народе, а если ты вралъ и нет в тебе совести, то всякий прочитает тебе анафему.

XIV. Да разойдется книжка эта в народ; написал я ее на 25-м году отроду. Всякий солидарный со мною пусть имеет таковую под руками, на совещании. Может быть, я неглубокомыслен и не так понятен в ней, но все-таки думаю послужить хорошим примером.

По своей силе Мир-Якуб поднял флаг; идите вы, образованные, на беседы. Передадим знающим — для критики, для того чтобы знать мнение совета. Из того, что я считаю себя выше, нельзя заключить, что мне не нужен экзамен. Если среди белого дня на стадо овец нападает волк, нельзя же не сказать о том, что видишь; каждое дело требует надлежащей оценки. Если я сам буду признан незнающим, как же допустить мое творение в обращение для примера? Давайте делать дела сообща, нет пользы в бесцельном споре. Что от тебя не зависит, туда не суйся и не гордись тем, что указывают на тебя как знающего; в случае надобности, не воспользовавшись советом, не спохватывайся после.

XV. Дайте повесть к поднятию духа молодежи и могущую послужить добрым примером народу.

Пиши о недостатках народа и составь себе тем имя, и обращением своим уменьши врагов и умножь приятелей, которые сообща бы скрывали твои недостатки. Поставь себя среди сверстников за главу, некоторые поневоле бы к тебе обратились, и, таким образом, враги твои не имели бы повода над тобой издеваться. Многие, уходя от тебя, в душе будут ругать, хотя в глаза готовы кланяться. Многие печальны, ибо не могут достигнуть цели, а многие смельчаки, бросавшиеся, подобно льву, на луну, потерпели поражение, не имея возможности воздержаться, и многие влачат жалкое существование за попытку свою разогнать врагов. Смелость и отвага

не приносят пользы, сравните пылкость с ловкостью. Не все сказанное оцениваете, потому что не вдумываетесь, как будто сам себе — враг.

XVI. Эфенди, какое различие между правдой и ложью? И подумай, каков в наше время народ. Многие передовые подались назад, не имея сочувствующих. Зло разве можно сравнить со справедливостью, подумай, какая пропасть их разделяет. Один силен на свете, другой бессилён; далеко не одинаковы нищета и богатство. Удержит ли волк доверенное ему стадо овец, не изменивши свой взгляд и переменивши поведение? Теперь и дурной и добрый смешались; нельзя различить людей. Пока жив, старайся достичь чего ты не знаешь и вкуси плод науки, а когда нужно употребить в дело свое знание, не останавливайся. В молодости все будет сходиться, а в старости сам будешь избегать лишнего, ибо тебе надоест.

XVII. Происхожу из Тургайской области, родом аргынец-мадьяр; самого зовут Мир-Якуб, по отцу Дулатов. Повесть эта написана мною, чтобы принести пользу народу. Сверстников прошу раздавать ее для обращения в народе. Я жажду образования, получивший немного такового. Отец мой покойный отдал меня в школу, предвидя, что время будет тяжелое. Он заботился о том, чтобы я, выучившись по-русски, не гнул голову пред кем-нибудь, — дай Бог отцу место в раю, и премного я ему благодарен и молюсь об упокоении его души. Думаю свое небольшое образование употребить на пользу народу, считаю себя в том обязанным; бесполезное образование — все равно что негодная к питью горькая вода. Уподобись же горной пресной речке, чтобы напивались жаждущие; помогай нуждающимся и завоей симпатию народа и чтобы близкие и друзья ценили тебя и тосковали по тебе.

Издатель газеты «Таржиман», известный Исмагил Гаспринский, в своей газете (№ 46) в 1909 г., жалея

киргизов, пишет (непонятные для киргиза места я перевел по-своему): «От Уральска до Акмолы и далее, от Ташкента на Верный, Семипалатинск, по землям, занимаемым киргизами туркестанскими и сибирскими, строится железная дорога. Горожане, купцы и чиновники находят железную дорогу полезною, и потому в 5—10 лет вся Киргизская степь будет находиться под сетью железных дорог. Тогда в Степи будет много торговцев, покупающих у них скот, жировые продукты, и цена на все поднимется в несколько раз, и те, которые не позаботятся о будущем, много примут горя, потому что киргизы до сего времени ведут кочующий образ жизни и не имеют сел. Переселенцы-хохлы займут у киргизов лучшие земли, и киргизы останутся в безводных степях. С сокращением пастбищных площадей будет сокращаться число скота у киргизов и настанет для них беда. Да сохранит их Бог! Сознавая все это, нельзя быть равнодушным. Киргизы должны содержать в исправности отцовские зимовья, пашни и пусть, подобно татарам, сартам, обрабатывают оставшиеся им земли, потому что благосостояние в данное время не в скоте, а в хлебопашестве. Киргизы, живущие последние 40—50 лет, поймут меня и примут мой совет.

В прежние времена наши крымские татары, так же, как и киргизы, кочевали, а когда среди них появились русские и немцы и начали строить села, сеять хлеб, то татары в 50 лет совсем сгнули — не будет ложью, если так скажем. Нынешние Ставропольская, Екатеринославская, Херсонская и Бессарабская губернии всецело принадлежали туркам, а теперь там нет и следов существования аулов. На них не пришел мор, а они разорялись, не имея пастбищ для скота. Вероятнее всего то, что это мое обращение никто из киргизов не прочитает. Не остались бы они в этом жалком состоянии! Пишу эти строки для киргизов торгующих, мулл,

учащейся молодежи, может быть, они прочитают. Если бы теперь по воле Божьей встал из могилы Ходжа Ахмед Ясави, то он первым долгом не стал бы киргизов учить вере, а пронесся бы от Урала до Алатау, от Омска до Аму-Дарьи и призвал бы киргизский народ строить села, города, заняться хлебопашеством. Всякий здравомыслящий должен дать киргизам этот совет и должен будить их. Имамы киргизов как проповедовали совершать молитвы, так должны проповедовать оседлость. Выше я обращался к муллам, торговцам, а теперь обращаюсь к киргизским социал-демократам: «Полезно то, что вы проливаете слезы за европейских пролетариев, но приносите пользу и проявляйте заботу о своем народе. За темным русским народом следят и его воспитывают, а шестимиллионный киргизский народ без поддержки может испортиться и рассеяться». Издатель.

Все это описано мною не для того, чтобы покрасоваться, а чтобы показать народу его бедственное положение. Несмотря на это, он спит непробудно. Я сам киргиз и разве было бы хорошо с моей стороны не предупредить вас о расставленном капкане? Много писателей было у разных народов, которые указывали на тяжелое положение, заботясь о своем народе. У русских есть А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, И. С. Тургенев, живет старец Лев Толстой, имеют они последователей своих идей. И у киргизов нашлись бы писатели; если подумать, так, например, в Семипалатинске — Абай Кунанбаев, Ахмет Байтурсынов, Абубакир мулла — на Урале, а в Омске — Кипчакбай, в Тургае — Нуржан Шоре, Орумбай и Машхур Жусуп».

Переводчик Акмолинского областного правления М. Айтпенев.

С подлинным верно: чиновник особых поручений при Акмолинском губернаторе А. Юрьев.

№ 42. 3 февраля 1912 г. Рапорт семипалатинского полицмейстера семипалатинскому губернатору об освобождении М. Дулатова.

Вследствие Вашего личного приказания докладываю Вашему превосходительству, что освобожденный мною из семипалатинской тюрьмы, по распоряжению г-на прокурора Семипалатинского окружного суда, 19 января под залог в 2000 рублей киргиз Мир-Якуб Дулатов, забрав оставшиеся после его ареста на квартире в доме Короткова вещи, выехал в Заречную слободку, откуда, как сообщает семипалатинский уездный начальник, скрылся, по слухам — будто бы выехал в г. Петропавловск.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 18.

№ 43. 12 февраля 1912 г. Рапорт семипалатинского полицмейстера семипалатинскому губернатору о задержании М. Дулатова в городе Петропавловске.

Петропавловский полицмейстер телеграммой от 12 февраля уведомил меня, что скрывшийся из г. Семипалатинска Мир-Якуб Дулатов задержан в г. Петропавловске и высылается сюда этапным порядком.

О вышеизложенном докладываю Вашему превосходительству в дополнение рапорта моего от 3 февраля с. г. за № 413.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 19.

№ 44. 13 февраля 1912 г. Прошение помощника начальника жандармского управления семипалатинскому губернатору.

Ввиду возбуждения дознания по делу М. Бекметева и Мукаша Атажанова имею честь просить распоряжения Вашего превосходительства не отказать

препроводить мне копию донесения каркаралинского уездного начальника о распространении названными Бекметевым и Атажановым брошюры Дулатова «Пробуждайся, киргиз!», как и саму брошюру, если таковая была представлена Вам каркаралинским уездным начальником.

Негласным путем установлено, что брошюра «Пробуждайся, киргиз!» покупалась нарасхват и распродано ее было в г. Семипалатинске большое количество. Написанная стихами, хорошим языком, брошюра «Пробуждайся, киргиз!» даже в переводе производит известное впечатление и по содержанию своему направлена к возбуждению недовольства современной в отношении киргизов политикой русского правительства, заключает в себе грубое издевательство над священной особой Государя Императора, являясь в то же время проводником идей панисламизма.

Ротмистр Леваневский.

ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 408. Л. 20.

№ 45. 13 февраля 1912 г. Сведения о привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых купеческом сыне Мугине Халиулловиче Бекметеве и казахе Мухамеджане Атажановиче Атажанове.

Послана за № 103.

Атажанов Мухамеджан Атажанович. Время рождения — 1870 г., место рождения — г. Каркаралы, вероисповедания магометанского, происхождения — киргиз Акмолинской области Петропавловского уезда Полудинской волости. Место постоянного жительства — г. Каркаралы. Место прописки — г. Каркаралы, занятие — приказчик, средства к жизни — получаемое за службу приказчика жалованье. Семейное положение — женат; жена Рахима Махмуд Хожи,

40 лет, занимается домашним хозяйством в г. Каркаралы, сыновья — Абдул 16 лет и Мухаммед-Ферит 3 лет. Абдул торгует в лавке у брата Атажанова в г. Каркаралы.

О родственных связях Департамент полиции собрал следующие сведения: родители умерли, братья — Юлда Пай Атажанов 71 года в г. Каркаралы имеет торговлю; Абдул Карим Атажанов 60 лет в г. Каркаралы имеет лавку и Алимбай Атажанов служит приказчиком в г. Аулие-Ата; сестра — Шамси Джаган 38 лет замужем за Галимжаном Бекметевым в г. Каркаралы, занимается домашним хозяйством.

Мугин Бекметев учился в казахской школе в г. Каркаралы, куда поступил в 1869 г., окончил в 1872 г. Воспитывался на собственные средства. Раньше к дознаниям не привлекался. Возраст — 41 год.

Основания привлечения к настоящему дознанию: продажа киргизам преступной по содержанию брошюры «Оян, казак!» в переводе «Пробуждайся, киргиз!». Время привлечения к дознанию: 13 марта 1912 г. Место производства дознания: Семипалатинск и Каркаралы.

Обыск ничего не дал. Время первого допроса: 13 марта 1912 г. Отдан на поруки Абдул Кариму Атажанову с денежной ответственностью в 500 рублей.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 7. 1912 г. Д. 355. Л. 4—5 и об.

№ 46. 1 марта 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати в С.-Петербургский комитет по делам печати по поводу нового рассмотрения книги М. Дулатова «Оян, казак!».

Главное управление по делам печати предлагает С.-Петербургскому комитету ускорить сообщение сведений, затребованных предложением от 23 января с. г. за № 998.

Начальник Главного управления по делам печати (подпись).

Исп. об. правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 52.

№ 47. 6 марта 1912 г. Отношение С.-Петербургского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о заключении цензора Смирнова по работе М. Дулатова «Оян, қазақ!».

С.-Петербургский комитет по делам печати, обсудив прилагаемый при сем в подлиннике доклад рассматривающего издания на восточных языках действительного статского советника Смирнова о книге на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» соч. Мир-Якуба Дулатова и вполне разделяя мнение докладчика о том, что в содержании стихотворения «Загадка» имеются признаки преступления, караемого ст. 128 уголовного уложения, усмотрел, сверх того, в стихотворениях «Киргизские земли» (разд. 6) и «Несколько стихотворений-од насчет нашего стесненного положения» (разд. 10, № I и III) возбуждение в местном населении ненависти к русским переселенцам, каковое преступление предусмотрено п. 6 ст. 129 уголовного уложения.

Представляя вышеизложенное на усмотрение Главного управления по делам печати, во исполнение предложения от 23 января с. г. за № 998, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь добавить, что так как книга Дулатова напечатана в г. Уфе, то, ввиду предложения Главного управления от 1 июня прошлого года за № 6334, комитет затрудняется ныне же наложить арест на это издание и возбудить судебное преследование против лиц, виновных в его напечатании.

Председательствующий (подпись).

За секретаря (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249.
Л. 53—55 и об.

ПЕРЕВОД В. СМИРНОВА

№ 48. Не позднее 6 марта 1912 г. Перевод текста книги М. Дулатова «Проснись, казах!» цензора В. Смирнова для С.-Петербургского комитета по делам печати.

Вновь рассмотревши, по предложению Главного управления по делам печати, брошюру на киргизском языке, под заглавием «Оян, казах!» — «Просыпайся, киргиз!» соч. Мир-Якуба Дулатова (Уфа, 1910 г. Типография «Восточная печать» т-ва «Каримов, Хусайнов и К^о», 100 с.), имею честь представить следующее заключение о ней.

Чтобы дать более или менее ясное представление о содержании этого сборника стихотворений киргизского сочинителя, я вкратце перескажу сюжет каждой статьи с приведением дословных выдержек в русском переводе, характерных в каком-либо отношении с цензурной точки зрения.

На заглавном листе, ниже слов «Оян, казах!» — такое четверостишие:

«Открой свои глаза, киргиз, подними свою голову,
Чтобы не проводить в темноте напрасно годы.
Земля ушла, вера ослабла, положение
расстроилось.

Киргиз мой, дольше лежать не годится».

Далее идет предисловие, в котором автор говорит о необразованности, а вследствие нее и отсталости киргизов в культуре, вставляя такие выражения: «Если мы и далее будем предаваться ничегонеделанию и лежать в беспечности, то что с нами станет в ближайшем будущем?» (с. 3, строки 2—4 снизу); «С Божьей помощью будем учиться наукам помусульмански, знать веру... Во-вторых, приобретемте нужные для жизни права для сбережения своей земли и скота, чтобы не терпеть обид от других; будемте учиться по-русски, станемте искусны. Что незнание

русского языка приносит вред и что знание его необходимо, как заповедь Божья, увидите из следующего: в Российском государстве более 140 миллионов человек, говорящих на 109 языках, среди них высший (господствующий) — русский язык; во всех правительственных учреждениях дела ведутся на русском языке, на нем же и законы издаются» (с. 4, строки 1 — 15 сверху).

Статья «Прежнее и нынешнее положение киргизского народа» (с. 5—10) трактует о былом привольном житье киргизов на обширных степных землях, которое сменилось засильем разбойников, именующихся батырами, и взаимными раздорами и обидами, так что дело кончилось принятием подданства России. По этому поводу написаны такие строки:

«Падшах Царь сказал: «Буду править тобою
по справедливости,
Не трону ни твоей веры, ни твоей земли.
После того как ты покорился, не стреляя
и не обнажая меча,
Как же я не оценю твоего достоинства?!»
Он (царь) дал обещание не брать из нас солдат,
Обложив взиманием налога по кибиткам.
«Киргизы, — он рек, — сыны России,

Я удовлетворю всякую, какую ни на есть нужду» (с. 9, строки 1—8 снизу).

«Многие, прельстившись тем, что впереди краснелось, пошли и, получая чины, стали достигать степеней.

Они, думая о собственной пользе, продавали народ, Ни во что не ставили киргизов» (с. 10, строки 5—8 сверху).

Статья заканчивается пожеланием, чтобы «киргизские интеллигенты, объединившись, подумали о народе своем и о том, как «осуществить на практике» то, что называется культурой, — цивилизованные народы ушли вперед, и им, киргизам, «не следует спать

без просыпа, надо будить и киргиза» (с. 10, строки 1—8 снизу).

Статья «Прежнее житье киргизского народа» (с. 10—16) есть идиллия прежнего раздолья и веселья у киргизов, сменившихся теснением и горем. В ней есть такое жалобное лирическое отступление:

«В России 20 миллионов мусульман;
Земли у них не прибавляется.
Наши киргизы, например, в настоящее время
Без своего духовного управления.
Просьба не принимается во внимание;
Мы все время терпим притеснение.
О, киргиз мой, впереди то, чего ты не видел.
Приводи теперь в движение свои ноги и руки,

А то когда-нибудь не сможешь и пошевелиться» (с. 13, строки 1—10 сверху).

Вслед за этим идет панегирик новейшим успехам науки и изобретениям — железным дорогам, телеграфу, автомобилям, телефону, авиации, электричеству, телескопу, машинам фабричным, земледельческим и т. д.

В статье «О выборах» (с. 16—20) говорится о том, как сильные и богатые разными недобросовестными средствами располагают выборами в своих выгодах, добиваясь занятия видных мест по выборам, побуждаемые честолюбием и соперничая в этом друг с другом.

Статья «Киргизские земли» (с. 20—23) содержит в себе воздыхания автора о сокращении земельных владений киргизов, которые все более и более переходят к мужикам, т. е. русским переселенцам, строящим на местах их отцовских могил свои поселения. Эта тема трактуется автором в таких тавтологических стихотворных вариациях:

«С каждым годом становятся теснее земля и вода у нас:

Все пошло под мужицкие поселения» (с. 21, строки 3—4 сверху).

«Могилы славных наших предков
Очутились уже посреди улицы:
Ты, мужик, забираешь камни с могил на баню,
А могильное дерево сжигаешь в огне»

(с. 21, строки 11—14 сверху).

«Когда подумаю обо всем этом, воображу себе,
От горя нутро мое горит, как огонь»

(с. 21, строки 1—2 снизу).

«Мы вначале вошли в подданство с землею,
Чтобы жить под сенью справедливости.
Если расстанешься с теперешней землею, —
То будешь, киргиз, пасти скот свой на сухой
земле.

Простой народ сбился с толку,
И только вы, образованные, разве найдете
хитрость (выход)»

(с. 22, строки 1—6 сверху).

«Теперь всех вас выгнали вон;
На нашем месте построили селения припшлые
хохлы.
Они вызвали для измерения земли землемеров,
И для их селений отошли от нас лучшие земли»

(с. 21, строки 9—12 сверху).

«Вот пришел мужик, подобно кочующей туче,
И не оставит киргизам земли дочиста.
А как пришел, стал сеять и богатеть.
Разве он, Господи, ленив, подобно нашему
народу?

Ты увидел, как теперь стало тесно.
Как бы ты ни умолял о милосердии,
Каково будет твое положение, киргиз,
Если тебе дадут земли
По пятнадцати десятин на душу?..»

(с. 23, строки 3—10 сверху).

В статье «Относительно мечети и медресе» (с. 23—26) автор корит киргизов за ослабление у них веры и благочестия, за скупость на пожертвования для дел религии и учения, а мулл — за их неверие и небрежность в обучении детей.

Статья «Религиозное наставление народу» (с. 26—30) трактует о более правильном устройстве положения мулл — в отношении надлежащего их обеспечения и исполнения ими своих обязанностей как по части обрядностей, так и обучения детей, а также нападает на невежество и необразованность мулл.

В статье «Нашим образованным, посвятившим себя на пользу народа» (с. 30—32), автор делает патетическое обращение к передовым киргизам, воодушевляя их к самостоятельной работе на благо своего народа, иногда в несурзных фигуральных выражениях, вроде следующих:

«Под сенью дара слова своего и проницательности
Неустанно несущий службу, умница мой,
Да не промахнется стрела, брошенная простертой
рукою,

Да падет к подножию твоему враг твой» (с. 30, строки 7—10 снизу).

«Если умрешь, будешь мученик, а будешь жить,
Судья Милосердный воздаст тебе по заслуге и при-
даст мощи» (с. 31, строки 3—4 снизу).

«Ставь свою голову на приз,
Отдавай ее за горе народа.
Если раздастся клич «Алаш!»,
Кто не поспешит за кровь свою?..
Я думаю, поймете,
Хватит у вас разума.
В это время мы дошли
До такой стесненной поры,
Что если не будешь спешить,
То не прозеваешь ли еще и последнего»

(с. 32, строки 10—14 сверху).

Под заглавием «Несколько стихотворений-од насчет нашего стесненного положения» (с. 32—34) в брошюре находится восемь элегий на означенную в общем заглавии тему, частные мотивы которых обнаруживаются из немногих в них выражений, в массе

монотонных тавтологий, вроде сказки про белого бычка. Вот немногие места в порядке номеров этих восьми стихотворений.

I

«Кто виноват, как не мы сами,
Что повадили садиться нам на голову,
Сосать, подобно пиявке, кровь киргизскую,
Проглотить нас припеваючи?...
Проснемся, хоть бы поздно, взывая к Богу»

(с. 33, строки 7—11 сверху).

II

«Киргиз лежит да спит, не открывая глаз,
Я сам киргиз родом
И понимаю причину этого:
Вижу ловко настороженный врагом капкан,
Так разве не следует открыть вам тайну?»

(с. 97, строки 5—12 сверху).

Таким образом, основными мотивами целого сборника «Оян, қазақ!» служат воспоминания автора о прежнем раздолье киргизов, кочевавших на обширных степных пространствах, и lamentации его по утрате ими этого раздолья вследствие того, что русское правительство стало водворять русских переселенцев в тех землях Киргизской степи, которые считались государственными. Последнее обстоятельство и изображается автором как несправедливое хищничество, ограбление киргизского народа. Он приписывает его только темноте и невежеству этого народа, среди которого не нашлось умных и образованных людей, которые могли бы отстоять права своего народа и защитить от врагов, какими у него являются и переселенцы, именуемые в книге хохлами, и даже, пожалуй, само русское правительство, поступающее, по его мнению, с киргизами несправедливо. На будущее же автор призывает киргизскую молодежь вооружаться

всемерно научными знаниями, в том числе и знанием русского языка, чтобы просвещать потом свой народ и помогать ему в беде, угрожающей ему чуть ли не самим существованием.

Кроме того, самые темы стихотворений почти непрерывно трактуются и в периодической печати, и в Государственной думе. Сам автор приводит в своем сборнике целую статью из татарской газеты «Переводчик» Гаспринского (с. 92—96), которая вдохновила его сочинять свои стихи на темы, поднятые в означенной статье татарским публицистом.

Ввиду всего вышесказанного я бы затруднился в отмеченных местах сборника, касающихся стесненного земельного положения киргизов и желания помочь им в этом деле путем распространения среди них образования, усмотреть возбуждение этого народа к неповиновению правительству и к какой-либо вражде против переселенцев, т. е. такое злоупотребление печатным словом, которое карается законом по п. 6 ст. 129 уголовного уложения.

Но одна статья под заглавием «Джумбак» («Загадка») останавливает на себе внимание именно своим заглавием и намеком самого автора на то, что изложенную им в довольно аляповатых стихах и несуразных образах загадку каждый должен понимать, как Бог на душу положит. Если так, то, приобщив тон других статей, трактующих об угнетенном будто бы положении мелких народностей в Русском государстве, невольно обнаруживаешь, что и в иносказательной притче своей автор тоже хотел представить политическое положение России в последнее время и, в частности, отношение русской власти — в лице льва — к прочим населяющим ее народностям. Это отношение представлено тут жестоким и несправедливым. И возмездием за это автор считает, по всей видимости, неудачную японскую войну.

Став на точку зрения возможности такого параллелизма, далее же нетрудно усмотреть в троекратном собрании зверей на пир, по приглашению льва, троекратный созыв Государственной думы, причем не обходится дело без неподобающего касательства верховной власти, которой приписывается тут и тирания, и какое-то вероломство.

Если считать такой параллелизм признанным и не подлежащим сомнению, то одной этой статьи «Джумбак» достаточно, чтобы по родству ее с духом прочих стихотворений признать весь сборник недоброкачественным и долженствующим быть изъятым из обращения с возбуждением уголовного преследования против автора по ст. 128 уголовного уложения.

НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 203. Л. 3—9 и об.

ПЕРЕВОД ПОРУЧИКА ФЕДОРОВА

№ 49. Начало марта 1912 г. Тезисы перевода книги М. Дулатова, сделанные поручиком Федоровым в канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

В предисловии автор вспоминает то время, когда киргизы занимались только скотоводством, имели много земель и жили в удовольствии. В настоящем же подобные занятия считаются неподходящими для государства и неугодными Богу. Многие киргизы начали изучать русский язык, предполагая извлечь из этого пользу, однако на деле выходит, что они, напрашиваясь на европейскую культуру, отдаляются от истины по мусульманской вере. При 140 миллионах населения России существует до 109 различных наречий, из которых русский язык считается необходимым, так как во всех учреждениях дела ведут на русском языке.

В целях принесения пользы, в смысле просвещения киргизов, я (говорит автор) и написал эту брошюру.

Глава I. В ней автор говорит, что киргизы, имея большие земли и массу скота, с приходом русских стали терять свои лучшие земли, отбираемые русскими, и постепенно беднеют от уменьшения скота. Все это произошло будто бы от того, что киргизы занимались раньше только разбоями, набегами. В конце концов пришли русские и подчинили киргизов. В то время они обошлись с народом хорошо и дали обещание, что земель их не тронут, в солдаты брать не будут, а также обязали оказывать впоследствии пользу тому, кто пожелал бы поступить на службу. Однако теперь они обещания не исполнили.

Глава II. Повторение того, что раньше киргизы имели хорошие земли, с приходом русских они теряют их, а потому скотоводство сходит на нет и народ беднеет.

Если теперь кто открывает школу, его сейчас же очерняют в глазах русских и закрывают школу, предлагая посылать детей учиться в русские школы. Однако приходится сказать, что дети ничему там не выучиваются и по прошествии 3—4 лет не умеют ни читать, ни писать, мало что понимают.

Глава VII. В этой главе автор дает совет народу, чтобы он вспомнил обычаи отцов и дедов и во всех своих делах обращался бы к старшинам и муллам. Далее автор сожалеет, что ныне и муллы назначаются не за свои заслуги и знания, а за деньги. Раньше, как он говорит, не было, чтобы в наших мечетях были мусульманские учителя и русские. По шариату это не положено.

Глава VIII. О новейших изобретениях.

Глава IX. Молитвы о ниспослании киргизам всякого благополучия.

Глава X. Шутливые советы учителям.

Глава XI. О жигитах.

Глава XII. Загадка (басня). В этой главе автор рассказывает басню про льва и других животных, над которыми лев издевался. Очевидно, намекая на Рос-

сию, которая якобы несправедливо относится к завоеванным инородцам, в том числе и к киргизам.

В заключение этой басни автор обращается к читателям и говорит, что он пишет это в назидание своему народу. Думаю, говорит, что из этого можно извлечь пользу.

Глава XIII. В этой главе даются общежитейские советы, которые сводятся к тому, что необходимо учиться.

Здесь же автор противоречит самому себе. Перечисляя предметы, необходимые для изучения, он советует также изучать и русский язык, про который в предисловии высказывался в отрицательном смысле.

Глава XIV. В этой главе приводится письмо некого Гаспринского, в котором говорится, что русские построили телеграф и железную дорогу через киргизские земли. Вследствие этого понаехало много русских, которые стали забирать киргизские земли. Автор пишет: «Теперь мы возносим свои молитвы, чтобы восстал из могилы Ходжа Ахмед Ясави и, поднявшись на вершины гор Алатау, бросил клич, чтобы от Эмбы до Аму-Дарьи не осталось никого, кроме киргизов».

После этого автор говорит, что русские — очень плохой народ. В заключение он удивляется, что киргизы, которых около 6 миллионов, не имеют своего государства, а под властью другого народа постепенно беднеют и в конце концов угаснут.

Глава XV. В заключение автор говорит, что книгой он намерен принести посильную помощь своему дорожному народу. Текст переводил поручик Федоров.

ЦГА РУ. Ф. 461. Туркестанское районное охранное отделение. Оп. 1. Д. 1172. Л. 183 и об.

№ 50. 15 марта 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати в Казанский временный комитет по делам печати о рассмотрении текста книги «Проснись, казах!».

С.-Петербургским комитетом по делам печати ныне обсуждался доклад рассматривающего издания на восточных языках действительного статского советника Смирнова о брошюре на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» соч. Мир-Якуба Дулатова (Уфа, 1910 г. Типография «Восточная печать» т-ва «Каримов, Хусайнов и К^о», 100 с.), в содержании коей комитетом усмотрены признаки преступлений, караемых ст. 128 (стихотворение «Загадка») и п. 6 ст. 129 уголовного уложения (стихотворения «Киргизские земли» и «Несколько стихотворений-од насчет нашего стесненного положения»).

Принимая во внимание, что названная брошюра, как напечатанная в г. Уфе, подлежит ведению Казанского временного комитета по делам печати, Главное управление предлагает Казанскому временному комитету рассмотреть со своей стороны препровождаемую при сем брошюру Дулатова по существу ее содержания и, поступив в дальнейшем согласно требованию закона, о последующем донести управлению с возвращением приложений.

Копия доклада действительного статского советника Смирнова при сем прилагается.

Начальник Главного управления по делам печати (подпись).

Исп. об. правителя дел (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 61 и об.

ПЕРЕВОД Б. ИЛЬКИНА

№ 51. Март 1912 г. Перевод книги М. Дулатова, выполненный переводчиком туркестанского генерал-губернатора, коллежским ассессором Бахтигани Илькиным.

В былое время киргизами правили ханы; был предводителем Ага Султан, но в данное время, оставив

позади старину, подчинили все закону. Многие погнались за властью, иные, получив ее, воображали, что достигли наивысшего, но простой народ не искал личных выгод. Таким образом народ попал в густой туман: сзади — яр, спереди — пропасть; вывести заблудившийся народ желающих очень мало; что с этим народом будет, если он останется в этом положении? Дабы избавиться от болезни, нужно искать лекарство, но я не думаю, что они избавятся от недуга, если не получат знания со стороны. Твои сладкие фрукты стали горькими, поводья же выпали у тебя из рук, несмотря на это, ты болеешь и не встряхнешься, а тебе на раны сыплют перцу.

Образ жизни киргизов в былое время. Киргизское довольство было в их кочевках. Молодежь рисовалась один перед другим на хороших скакунах. На джайляу выставлялись белые юрты по берегу озера, пили и ели вволю. Женщины и девушки свободно веселились, устраивали пирушки, бега. В данное время каждый занят своим делом, все уже привыкли к малому и не мечтают о большем. Зная наше унижение, можешь ли ты считаться человеком, равным другим? В России есть 20 000 000 мусульман, но единодушия между ними нет; например, наши киргизы в данное время в ряд с иными народами встать не могут; что мы желаем — не получаем и скорбим; все же выдавшие нас видят наше угнетение, но это, господа, не все — посмотрите, что потом с вами будет. Если будете соглашаться со всеми, то будет вам еще хуже, шевелитесь, пока руки и ноги у вас не связаны, ведь будет время, что вы не сможете и шевельнуться.

О том, кто отдаст свои знания на пользу ближнего. Мой лев с сердцем тигра, с глазами орла, борющийся, не щадя своих сил, за благо народа. Как беговой скакун, бежишь ты только для того, чтобы киргизы не отстали от других народностей. Ты ни пулей, ни ру-

кой не промахнешься, хотя враги твои идут по твоему следу. Ты не убоялся бороться с драконом, имеющим рот в шесть четвертей, и для народа жертвовал своей жизнью. Не устыдятся за тебя киргизы; открыто тебя никто не победит, разве только хитростью. Ты тащил киргизов вверх и поставил их на недостижимую высоту.

Развитые молодые люди, обратите внимание на окружающее вас — смысл движения, прогресс; не думайте о своей выгоде, поработайте ради народной пользы, не заставляйте плакать бедняков и не продавайтесь богачам. Если ты имеешь силу воли, покажи ее — время настало. Ты пущен в бег, как хороший скакун, не окажись плохой клячей, помни: если придешь первый, то о цене твоей спорить никто не будет. Помни, что когда тебе закричат «Алаш!» (родоначальник киргизов), то ты должен идти на этот клич (вид победного призывного клича киргизов). Подумай, если имеешь голову на плечах, о сказанном. Не забывай, что тяжелые времена настали для тебя. Если не будешь торопиться, то рамки твои еще уже будут; беги от темноты к свету; если ты послушаешь меня, то взойдешь на гору.

О тесноте киргизов. Из глаз вместо слез течет кровь, обычаев наших предков лишились, распоряжаться не во власти шариата, так как мы не имеем своих ханов. Киргиз, ты остался под ногами, души в тебе нет, есть только твой образ, руководители твои охромели; никто в этом не виноват, мы сами сбились с пути. Кто же будет сохнуть, как не ты, ибо из тебя сосут кровь? Когда нужно было, ты не защищался, что же можешь предпринять в данное время?

Спит киргиз, не открывая глаз, не думая, что пожар палит его; все народы идут вперед, наш же киргиз пятится назад. Мы кричали о просторе степи и отстали, не мешаясь с умными народами. Все народы уподобились золоту и серебру, только наши киргизы

похожи на булыжник. Все скупятся на то, что имеют, богач — на деньги, предприимчивый (изобретатель) — на свои знания. Если кто пожелает повести жаждущего киргиза к роднику, имеющему до 40 отверстий, то и тогда из сотни киргизов пойдет один, 99 же разбегутся. Наши богачи — знатоки, начальство нам приносит столько же пользы, сколько дает фруктов сухое дерево.

Если подумаю я обо всем этом, то горит у меня внутри: кто же будет исправлять наш народ?! Наши киргизы когда-то кочевали, пасли свой скот, не думая о том, что тратят свое богатство без пользы. Не понимали того, что ждет впереди, а там была уготована ловушка. Может быть, выйдет кто из молодежи, кто мог бы предусмотреть ловушки, может быть, кто из числа этих последних поймет свое положение, поедет учиться в Европу и станет походить на европейца. От одной этой мысли душа моя радуется. Если он по своему уму приобретет знания и будет сеять эти знания в народ, то выведет киргизов, заблудившихся в тумане и сумерках. Не слышит этого призыва киргиз глухой. Киргиз и доволен тем, что тянет свое жалкое существование. Не тебя ли заставили плакать кровью? Кто же из вас, киргизы, остался цел?

Свою вину валим на других, обеляя себя; говорим, что мы ничего не видим. Подумайте, не правда ли это?

Мы не единоклубны, почему мы и отстали от других; знания мы попираем своею ленью и пресытились глупостью. Помните, что вы видели этого мало, но многого вы еще не видели. Далее — желаешь-не желаешь, а подчиняться должен; друзья ваши вместо меда кормят вас ядом, таким образом твои друзья стали врагами, если им будешь верить, то увидишь, что с тобою станет; ты, как слепец, идешь за ними, как за поводырем, и если будешь со всем соглашаться, то тобою будет принесена польза окружающим и тогда кто же не будет тебе за это

благодарен. Если ты в состоянии различать людей, то помни, что на удочку обманщиков ты не попадешь, ты достаточно понес ущерба от своего незнания; где ты должен был платить мало — платил много; свой скот ты не можешь назвать своим: в тот день, когда тебя поугали, ты его отдал даром.

Значение моих слов поймут люди разумные — глупцам же говорить все равно, что бросать слова на ветер. Не думаю, чтобы все люди были одинаковы, но кто поймет мои слова, тот извлечет из этого пользу.

В нашем народе много неразрешенных дел, поэтому остался ли кто в народе не плакавший? Щука глотает чебаков, но сама не сознает своей вины. Если проглотит и верблюда с вьюком, то и тогда греха за собою не увидит. Мы думаем, что все это от Бога; прекрасных на вид людей он сделал таковыми. Всякому дана Богом свобода действий, но каждый отвечает за свои проступки. Если из тысячи выйдет один знающий и пойдет работать на пользу киргизов, то и тогда с ним никто из киргизов не пойдет рука об руку; имеющим незначительное развитие никогда не осознать того, что он работает в их пользу. Наши киргизы — как несущееся стадо баранов, если не будет при них пастуха, то понятно, они будут перерезаны волками. Если они не поймут опасность, то что же они могут предпринять, кроме того, как скорбеть о своем положении? Ты уподобляешься бездушному трупу. Вид наружный твой хорош, но внутри лишь теплится огонь. Ты, неразумный киргиз, не слушал сказанного тебе, но теперь твоя вина падает на тебя же.

Вы, молодежь, не учились и знания не приобрели, а слонялись по аулам и болтали глупости. Если бы вы приобретали знания, мог ли я тогда хулить вас? Если твой отец богат, ты хвалился его богатством, говорил глупости, раскрашивал свою наружность, завивал свои усы, но когда я посмотрел на вашу внутренность,

то ничего там не нашел, там было пусто. Как же народ вас назовет, как не глупцами? Сейчас, хотя ты и не поймешь значения моих слов, но будет время, ты поймешь, что я говорил ради твоей пользы. У бедняков есть своя отговорка, показывающая их глупость: я бедный не по своей вине — это воля Бога. Между тем рано ложится, поздно встает, толстеет. Слышат ли ваши уши мною сказанное, поняли ли вы, что это вам наставление? Если мои слова пойдут на ветер, то вы, господа, вините себя.

Где же эти молодцы, которые, не щадя своих сил, приобрели знания и народное расположение? Силой воли своей на сорокааршинной глубине ты нашел воду и напоил народ, и знания свои не будешь продавать за деньги и не будешь хвалиться ими. Пусть дети ваши приобретают знания и не проводят золотых дней в играх; ты видишь, что творится вокруг тебя, — помни, что под лежащий камень вода не течет, дитя не плачет — мать не разумеет; если ты не будешь трудиться, то скот и богатство сами не придут. Если ты, лежа под деревом, будешь приказывать яблокам падать в рот, то, прости, друг, этого никогда не случится.

Наша великая просьба к государю — чтобы просимое нами давал бы всем равномерно, с высоты своей наблюдая за нами. Если с высоты своей не будет наблюдать, то мы, уподобясь голодающему скоту, погибнем. Настанет ли время избавиться нам от насилия, будет ли дано нам начальством равноправие? Настанет ли то время, когда жаворонки станут вить свои гнезда на спинах баранов, и забудется ли виданное насилие?

Письмо к эфенди. Я пишу эфенди письмо, потому что не мог видеть Вас лично, не мог излить Вам накопившееся в душе и просить Вашего совета. Вы — один из руководителей верующих, лучше ничего нет, как у одного лица будет и богатство и благотворительность. Мы находимся в темном сарае, кто же нам откроет двери, думаю, что этот ключ находится у Вас в руках.

Я также от себя прошу Вас, если Вы скажете свое слово, то будет хорошо, и киргизов удалось бы нам избавить от темноты, дети наши будут благодарить нас. Если мы не принесем им никакой пользы, то не будут ли они порицать нас тогда? Если так, то, эфенди, не будем спать, наш сон стыдит нас. Будьте благополучны. Писал Мир-Якуб Дулатов.

Вдовьи иски. У киргизов много скандалов, но этому есть причина, все это давно уже вошло им в привычку, этот их обычай никак не вяжется ни с шариадом, ни с законом, и все эти скандалы держатся ради скандалов же. Хотя издавна живем как люди по внешнему виду, но издавна же скандалы и раздоры у нас не прекращаются. У нас от предков еще осталась привычка не совершать ни одной свадьбы без скандала, посмотрите — и в данное время хотя бы одна свадьба обошлась без этого? Всему этому есть причина — в люльке лежат только что родившиеся мальчик и девочка; отец и мать уже спешат сосватать их; но прежде чем эти дети вырастут, пройдет довольно много времени и из них тогда могут получиться немые, слепые, глухие, паршивые и сумасшедшие. В случае таких недостатков как же могут здоровые быть равными с одержимыми перечисленными недостатками? Понятно, что при таких условиях один другого любить не могут. Как же их соединить на всю жизнь? Бывает, что сватают за 6-летнего мальчика взрослую девушку, но если есть ум у родителей, то не должны ли они подумать о том, будут ли эти двое парой, может ли взрослая девица равняться 5-летнему мальчику? Если у 50—60-летнего старика умирает жена, то за него выдают 15-летнюю девушку, если только он выплатит значительный калым; несмотря на богатство такого мужа, его молодая жена убегает от него и жалуется начальству; с этого начинаются тяжба, грабежи. Хотя без обоюдного согласия они и будут народом примирены, но впоследствии

опять себя покажут. Такая молодуха будет ли хорошей женой своему мужу, будет ли она расположена к нему при таких условиях? У такой жены много найдется друзей, а после этого можно ли ждать законного потомства? Желая видеть счастье своего семейства, киргиз старается за мальчика сосватать невесту, платит калым, собирает гостей и торжествует. Совершая таким образом свадьбу, о последствиях не думают.

Случается, что муж молодухи умирает, тогда родственники мужа берут ее насильно; таких порядков в шариате нет, но киргизы поводы к этому находят. Бывает, что киргиз берет до пяти жен, держит их неравно, хотя это противно указаниям пророка, но киргизы и этому находят выход. Можно брать и несколько жен, но их нужно держать равно, о чем говорит и пророк. Семейное счастье вы тогда можете видеть, когда возьмете умную и грамотную жену, не будете увлекаться сторонними, а искать расположения своей жены. Нельзя, взяв одну жену, бросить ее и жениться снова; нужно жить с одной женой, ибо сказано, что для одной головы достаточно одних глаз. Старшие идут своей дорогой, вам, молодежь, это мое наставление — не ходите по стопам ваших отцов, и вы избежите от несчастий.

Богатые киргизы берут много жен, говоря, что это воля пророка, равно их не держат и о грехах не думают. Первую жену, назвав байбичей (старшей женой) и заявляя, что ради потомства берет вторую жену; третью берет для работы, она служит как рабыня; берет и четвертую, но эта — вдова умершего родственника и досталась по наследству, но без ее согласия. Разве пророк этого хотел? В шариате этого нет, киргизы же такие правила надумали сами. Если мы, двое, симпатизируем один другому, то непременно кончаем тем, что один высватывает дочь другого. Эти господа ищут только личные выгоды, но не смотрят на то, что ждет их в будущем. Плохая девка никогда хорошей женщи-

ной быть не сможет и остается таковою на всю жизнь; муж такой жены, не считая ее себе равной, игнорирует ее на каждом шагу. Она была взята как равная и как созданная Богом, муж же ее грешит против нее, но и ей нашлась бы своя пара. Бывает, что, стараясь быть поближе к кому-либо, имеющему влияние или должность, также навязываются со сватовством, имея тайное намерение попасть в его партию (выборную). Бывает и так — сосватана девица за старшего сына, он умирает, взрослая девушка эта выдается за младшего брата — мальчика. Случается, что бедняк просватывает дочь, прельстившись богатством, но дочь плачет и не идет, тогда приходится возвращать взятый в калым скот. Бывает, что, прельстившись скотом богача, бедняк предлагает ему дочь, но обеднел богатый — бедняк выдать дочь за него не желает.

Посмотрите на наших братьев по вере — татар, их дела мы видим, но у них нет скандалов, как у нас. Татары невест сватать не торопятся, за детей калыма не дают, до достижения совершеннолетия их дети учатся, почему их девицы и получают развитее киргизских. Муллы, не имея сожаления к молодежи и несмотря на слезы девочек, не считаясь с совестью и гоняясь только за наживой, совершают браки. Хорошо было бы, если бы девушка по достижении 17—18 лет, полюбив кого-либо, предложила бы родителям взять калым с избранника, тогда все брачные дела вершились бы у киргизов без скандалов и все это было бы согласно шариату и закону. Не проливали бы девицы своих слез тогда.

Молодым людям. Если хорошая девушка будет парой молодому человеку, они будут симпатизировать один другому; но плохо будет, если она будет выдана за плохого, поневоле упадет духом. При таких условиях молодость ее пропадет и не будет радовать ее богатство; зато плохой муж удивляется тому, что ему удалось жениться на такой, которую и во сне не видел; достойно

удивления, когда девушка, покоряясь своей участи, идет за такого дурного мужа, он же, считая себя человеком богатым, начинает издеваться над нею. Не находя выхода из такого положения, эта несчастная покоряется своему положению, в то же время, щадя самолюбие родителей и боясь, чтобы не сказали, что дочь такого-то ведет себя дурно, утешает себя слезами, которые уподобляются крови. Такие обычаи киргизов не согласны ни с шариатом, ни с законом; все это мною сказано не для кого-либо, но для всего народа, кого же коснется, пусть он и понимает, если найдется умный рассудительный человек, пусть подумает, что все это касается его лично. Что же могло бы быть дурного, если поженятся равные?

Пусть твой ум и богатство идут тебе на пользу, будь умней, мыслей твоих пусть не знают люди. На этом свете мы гости, не лучше ли нам жить своим умом? Плохой девке, которая не понимает тебя, не дари слов, если же она может понять тебя, не беги от нее; жизнь твоя пройдет счастливо, если возьмешь себе равную; не увлекайся красивой внешностью — она обманчива, нужно понять и ее внутренний мир, чтобы после не пришлось плакаться.

Смех, игры в молодости нам кажутся превыше всего, мы зовем друг друга на веселые забавы. Мы, не щадя ни себя, ни средств, ищем красивую жену себе. Если кто женится на красивой, мы завидуем ему, но всякому свое, человек же не может не ошибаться. Есть ли нам польза от зависти? Но мы не понимаем своих ошибок.

Загадка

В одной долине поселились звери.
Лев избран был царем;
Дракон и тигр были избраны министрами,
На силу и ловкость этих героев весь люд
удивлялся.

Им были друзьями слон и волк.
Эти господа тащили им любимые кушанья.
После того как сильные звери подчинились льву,
Мелкие сами пошли на поклон.
Лев долину эту укрепил за собою
И многим по мелочи, в пылу гнева, пролил кровь.
Сколько бы вины на нем ни было,
Но сказать ему это в лицо никто не мог;
Но мелочь между собой шепталась.
Чего-чего только мелкие звери ни видели
от этого льва,
Он, убивая их, шкуры стлал как постель,
а мясо их ел.
Кто осмеливался громко говорить при нем —
Ему, бедному, кроме смерти ничего не оставалось.
Таким порядком прошло много веков,
И таким образом лев управлял мелкими зверями.
Древние люди говорят,
Что всякого сытого иногда постигает беда,
И нашего героя она постигла.
В стороне были собраны в небольшом
количестве звери,
Но они были благоразумны и имели
хорошие законы,
Хотя они были и малочисленны,
Но имели царя далеко умнее льва.
Они задумали, пользуясь своим знанием
и развитием,
Воспользоваться достоинством сильного,
Показать себя всему миру в силе и славе
И так прославиться на всю землю.
С этой целью они затеяли войну со львом
И выкинули небывалый трюк —
Малые звери побили больших
И отбили у них насиженные земли.
Эти звери, хотя и малочисленны, но сильные,
Они и смелы, сообразительны и развиты.
После этого они стали смеяться над львом,
Пользуясь отнятым у большого.
Видел ли ты позор льва?
Он побежден врагом и скорбит:
«Неужели я что сделал дурное?
Но теперь, клянусь, не принесу никому вреда!»
Однажды лев одумался,
Собрал свой народ, угостил его и поклялся
не грешить.

И приказал, чтобы сильные звери не обижали
слабых,

На этом пиру никто не был обойден,
Были приглашены все подданные —
Лисицы, корсаки (подобие лисы — шакалы),
Куланы, дикие козлы, сурки и зайцы,
Волки, медведи, олени, маралы, барсуки и мыши.
Все трепещущие звери отправились на пир.
Явясь ко льву, просили его
Удалить из их среды волка, —
«Где он бегает, туда мы не пойдем, —
говорили звери.

Добра от этого зверя нам не видать.
Из врагов самые опасные — волки и кабаны,
Злы также дракон и тигр».
На это лев разобиделся, прекратил пир,
Сказав, что оговорили его друзей;
Все же остальные звери заявили,
Что дружить с этими господами они не желают.
Разогнав пирующих, лев сильно гневался,
Многих скандалистов наказал.
Наконец, лев вновь собрал своих подданных,
Но слабых пригласить не пожелал.
Эти несчастные на льва осердились
За то, что он обошел их.
Лев сказал: «Ваше участие мне не нужно!
Мое собрание вы разобьете, все вы мне не нужны».
Эти господа остались со слезами на глазах,
Думая, что и на льва придет проруха (беда).
Об этом лев так думал:
Он думал о своих выгодах,
Хотя раньше и клялся не обижать слабых,
И не нашел нужным дать добрый совет.
Таким образом нарушил свою клятву
И сам испросил себе болезнь на здоровую голову.
Эти звери еще не успокоились
И до сего времени собираются и совещаются.
Хотя я сам их и не видел, но вы,
Читатели, верьте мне в этом —
Как вы поймете мои слова, так и держите про себя.
Прочитав, не смотрите поверхностно, а вникните
в смысл.

Боюсь объяснить вам значение сказанного,
Но простите, я все это видел во сне.

Наставление для всех. Пишу наставление современнику. Я не хваюсь, но пишу от чистой души. Братья с чистой душой, с бойкими речами, умеющие извлекать пользу из труднодоступного. Пока есть время, не оставайтесь ни с чем. Ради учения и знаний не скупитесь на расходы, пусть с каждым днем знания растут; когда пропустишь время, то будешь кусать свои локти. Пользуйся временем! Если господа не послушают меня, настанет время каяться. Если ты не веришь мне, подумай сам, мои слова не напрасны. Помни, что если будешь откладывать дело до вечера, останешься ни с чем. Умные поймут слова мои. Две головы лучше одной и лучше двух — три, пусть будет между вами единение, ничего вы не приобретете, если будете в раздоре, подумайте над этим. Вы сидите на цепи в железной клетке, неужели вы, киргизы, этого не понимаете?! Боязливый, коего много гоняют, делается богатым. Теперь что же нам бояться, мы не купленные рабы, чтобы всякий лез на нас. Киргизы, поразмыслите, какие времена для вас настали.

Сталь получается из камня, а знания — в молодости, если будет воспитание, правильное с детства. Знания походят на родник, у которого засоренное отверстие вскрыто. Тысячи благодарностей тем молодым людям, кои стараются приобретать знания, и эти знания сеют в народ, когда они относятся с состраданием к бедным, открывают глаза и выводят на дорогу заблудившихся. Если кто, не жалея себя, работал для народа, то да будут благословенны его следы! Не были бы угнетены киргизы, если бы их было больше и если бы умные из них приобретали знания. Наше же настоящее положение, если подумать, ничего не стоит. Лучшие люди стараются только ради своей выгоды. Если встретится состоятельный человек, он начинает хвалиться, что он богат, а другой беден. Все наши богатые люди ничего не стоят, от всякой помощи ближнему бегут. Их дело

в споре, кто лучше, кто хуже. Муллы наставлений для пользы народной не делают, а занимаются лишь ничего не стоящими сплетнями. Как ястребы летят на падаль, так спешат бии на разборы скандалов; все хорошее, доброе бросают дома, а не взяв взятки, не пишут постановлений. Клянусь, что все это я видел своими глазами, верьте мне в этом.

Имеющие знания строят лодки на суше, по воздуху летая, приобретают знания. И все это приобретается, если смолоду начать учиться. Раз имеешь силу, должен двигаться, в противном случае ты упадешь. Головой бейся и о горы, и о камни, но не сиди на месте! Если вода будет капать капля по капле, она потечет. Если ты беден, то ученье для тебя — счастье, и тебе тогда легко будет стать состоятельным. Не думай, что твое богатство постоянное, сегодня ты богат, завтра беден. Для имеющего же знания бедности нет, даже если оно идет вечно с ним об руку. Твоя неразвитость — темная ночь, знания же — светлый день. От меня зависит сказать вам, от вас — слушать меня, для знающего — это колодка (начало дела). Ругают дочь с тем, чтобы поняла сноха. Хотя и говорил я для всех, но только разумный поймет меня, разъяснять же мне незачем.

Если ты молодец, то будь как шелк, не будь колючкой. Если ты и будешь иметь многие знания, но они бесполезны, если ты не будешь употреблять их на пользу народа. Есть большая разница между видимым и слышимым. Учись от хороших людей, держась около них, но беги дальше от плохих. Что ты будешь искать, то найдешь; не потрудясь, ты не будешь иметь довольства. Пойми, что не сея — не пожнешь. Если ты хорош, то дай многим возможность иметь пользу от тебя и для всех будь светлым. Не хвастайся большим знанием, не считай чужое малое за многое. Если ты будешь лежать, то не будешь иметь ничего, но двигайся, прилагая свой ум. Господа, ищите лекарство для ваших болезней, болезнь ваша тяжела (заразна).

На свете много искусств — выбирай любое, могущее принести тебе пользу. Не таскай за собой толстой книги, не понимая ее смысла. Один день восхваляя своего учителя, не ругай его на другой день и не слоняйся по улицам попусту. Отец и мать твои ждут от учения твоего многого, рассчитывая, что ты многого достигнешь. Трудясь, получишь довольство, пользу же, братец, получишь впоследствии. Знать русский язык для киргизов положительно необходимо, раз мы живем в России. Знания — целые реки, если ты жаждешь — напейся. Читай газеты и журналы и ищи для себя в них занятия, пусть не будут твои уши и глаза свободны. Не кричи, как глотающий шпаги, и, не стыдясь, расспрашивай знающих. Где те молодцы, которые могли бы утереть слезы плачущих киргизов? Наши киргизы лежат далеко от искусства, вы, молодые, старайтесь к нему приблизиться; не будьте, как дерево, подтачиваемое червями. Что станется с нами, если мы упадем, как это дерево!? Кто не польстится есть нас, лентяев, если мы будем лежать и просить нас есть?!

Кто в народе хорош? Конечно, богатые! Найдите-ка того, кто скажет, что бедняк хорош. Правда, что богатство стоит высоко, если богачи свое состояние расходуют разумно. Если богатство увеличивается, то пусть оно увеличивается у них, если они будут разумно помогать народу. Что хорошего, если ты не извлечешь пользы из богатства ни себе, ни людям, от такого богача нужно бежать. Для того чтобы учиться друг у друга, люди все перемешались. Для того чтобы изучить то, что не понимаешь, беги в гору. Знающие немногие не боятся многих, сила берется с искусством. Знатные беки без искусства остались позади образованных бедняков. Не отличайте, киргизы, сына от дочери, учите всех ваших детей, тогда мы скажем, что вы впереди. Киргиз, заплатив калым за невесту для сына, радуется, что справа у него еще прибавится

кибитка. Но думай, что за польза твоему сыну, этим ты ему наденешь на ноги путы. Надеюсь на богатство отца, не годится быть лентяем. Неповоротливая, толстая, свиная шея — сын богача — отбивает от себя все хорошее.

Я много раз говорил, что нужны знания, думаю, что многие со мною согласятся. Если будешь наблюдать, то поймешь, что правде не верят, но охотно верят неправде, тем не менее я не могу молчать, правда все же победит неправду. Если ты будешь о чем-либо думать, но не говорить, то кто же может знать, что ты думаешь?! Полагаю, что из современной молодежи мало кто может быть достойным. Хорошо было бы, если за одним возвысившимся из тысячи один из сотни последовал, тогда бы и развитие народа пошло бы вперед.

Этого в нас нет, кто же будет считать нас равным другим народам?! Кто же, зная это, будет молчать, если имеет ум — как текущую реку, глаза острые, дух молодецкий?!

Многие знают богатство, другие завидуют им; если обеднеешь — гроша не дадут, не от этого ли рушится народная польза? Почему незнающие не слушают понимающих?

Два брата, рассердившись, один другого видеть не хотят, несмотря на то, что они близкие по плоти и крови. Но родные и близкие никогда не примирят их, а напротив — поссорят. Если на выгодное дело пригласить дурного человека, так он, не понимая своей пользы, не пойдет. Таким образом за свой же скот покупают для себя дурное, но хорошее и даром не возьмут. Если сказать, что там-то идет раздор, киргизы, не щадя себя, бросаются туда, несмотря на то, что от этого не получают пользы. Чистую совесть обращают на дурные дела, как же они могут быть хорошими людьми?! Если у одного есть состояние, то он не обращает внимания на бедняков. Если один другого будет оговаривать, так пусть знает, что русские ему за это чина не дадут.

хорошее от дурного. Дурной, хотя и льстит в глаза, но, уходя, бранит тебя. Многие в народе скорбят, не найдя выхода из затруднительного положения. Не правда ли, что многие — угнетенные, но из них были и такие, которые могли сделать очень многое. Теперь нет тебе пользы от твоего молодечества, посмотри, как покажется далекое и близкое. Русские не разбираются, кто из нас хорош (родовит) и кто дурной. Если ты не будешь вдумываться в мои слова, ты будешь сам себе врагом.

Эфенди, скажи, какова правда и какова неправда; посмотри, каков народ в данное время. Хочешь шагнуть вперед — скользишь назад, не находя выхода, в напрасных трудах устаешь. Подумай, какая разница между светом и тьмою, между небом и землею. Правда и неправда рука об руку не ходят. Есть сильные и слабые, какая разница между достатком и недостатком? Если поставить пастухом волка, то от этого получится более дурного, чем хорошего. Дурные помешались с хорошими, их характер теперь не узнаешь. Сожаленье о пропущенном не принесет пользы, сожалея, что не приобрел знания вовремя. Когда настанет время использовать знания, хотя и мало знаешь, но используй их. Старайся видеть все хорошее, не ошибись и не пойди на обман. Не старайся бежать тогда, когда уже ноги больные, а беги тогда, когда ноги молоды. Раз надумал что делать, берись смело, не бойся ничего. Народ ходит в неведении, не находя выхода.

Место моего рождения — Тургайская область, я из аргынов рода мадьяр, я — писатель этих слов, сын Дулата Мир-Якуб, писал с целью принести пользу народу, я трудился для народа, я писал стихами для возвышения сердец читающих. Слова мои распространяйте в народ. Молодежь, это моя к вам просьба. Я жажду знаний, я немного вкусил искусства и ищу еще большего. Научась языку и грамоте русских, я ни в ком не

нуждаюсь, хотя я знаю и малое, но стараюсь принести пользу моей вере. Я езжу по городам, приглядываюсь к народностям, пока есть силы, я пожелал видеть все народности, чтобы прозреть, если я малым не принесу большой пользы, кто же может быть Афлетуном? Люди, имеющие знания и не делящиеся ими с другими, не принесут пользы и себе. Это равносильно горькой воде. Будьте, как горный сладкий родник, чтобы к вам бежали, как к этой воде во время жара; пусть это будет на пользу друзьям и беднякам, которые, не видя тебя, скучали бы по тебе. Не думай в совершенных летах искать знания, оно приобретается в молодости. Старание приобрести знания похоже на мешок нищего, никогда не наполняющийся. В молодости все кажется радужным, но настанет время, когда от этого приходится отречься.

В газете «Тарджиман» (№ 46) была написана статья Исмаилом Гаспринским в 1909 г., обращенная к киргизам, но многие не поняли ее, я пишу ее на киргизском языке.

Слова Гаспринского. Если будет солома, то будет и пастух. От Уральска до Акмолы, далее — от Ташкента в Верный и до Семипалатинска должна идти на пользу русским и киргизам из Туркестана в Сибирь железная дорога, что особенно желательно и властям, и торговцам; при таких условиях через 5—10 лет побегут паровозы через киргизские земли из края в край. При проходе дороги наедут и покупатели, и продавцы киргизских земель, наедут хохлы — как реки, цены на скот и земли увеличатся вдесятеро. Если спросишь, почему, ответ таков — киргизы, не пася скота, слоняются по улицам. Наедет масса крестьян, которые заберут лучшие киргизские земли, а киргизы останутся в голой степи. Земли будет мало, уменьшится и число скота, и вы сами собой пойдете на нет. Раз вы лишились простора, то, как делают русские, сарты и

татары, используйте ту землю, которая досталась вам в надел. Теперь богатство не в скоте, а в пашне, если братья-киргизы подумают, то поймут это.

Я сказал — если будет солома, то будет и пастух. Значение этого таково: в былое время наши крымские татары кочевали, как киргизы, среди них поселились русские и немцы и начали строить города, тогда для скотоводства земли не осталось, наши скотоводы в 50 лет все исчезли, даже не знают, где их старые могилы.

Это едва ли поймет хотя бы один из тысячи киргизов; для кого же мы это пишем; это я пишу для киргизских мулл, торговцев и учащейся молодежи. Если Ходжа Ахмед Ясави восстал бы из гроба, то он не стал бы спрашивать вас о благосостоянии, а спросил бы о вашей вере. Но если бы он приказал киргизам строить города, покупать и обрабатывать земли, то они и его не послушали бы. Господа, по силе своей пробуждайтесь от спячки, заставляйте строить города, сеять хлеб. Господа муллы киргизские, если от тесноты киргизы вымрут, то какая будет вам польза от могильных камней? Какая киргизу польза от ваших молитв? Пока не поздно, будите киргизов ради обоюдной пользы, учите их, проливая кровавые слезы. Посмотрите на русских — у них простор и довольство. Почему это? Потому, что они имеют и земли, и воду.

Киргизов — шесть миллионов, все они под защитою государя существуют, но что было бы, господа, с вами, если бы вы были самостоятельным государством; вы были бы как пыль стерты под ногами народов.

Заключение. Заканчиваю книгу, даю на общее обсуждение, укажите, если найдете, мои ошибки, я постараюсь их исправить. Я писал не как певец, не считаю дурными всех киргизов и не восхваляю себя, я на их достоинства им же указываю, так как они спят. Я сам сын киргиза, потому их образ жизни мне знаком.

Видя врага, ставящего тебе ловушку, плохо ли я делаю, что предупреждаю тебя? Из всех народов пошли певцы, они также говорили о народных недостатках, эти певцы безостановочно появляются; по своему верованию стоят за свой народ.

У русских певцы: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, И. С. Тургенев, живет в данное время состарившийся Л. Н. Толстой. Думаю, что и у киргизов найдутся похожие на них певцы, возвысившиеся над народной массой. В Семипалатинске появился Абай Кунанбаев, есть ли в его словах ошибки? На Урале появился Абубакир-мулла; в Омске появился певец Кибчак-бай; в Тургайске и Акмолинске живет Нуржан; из рода чежа появился Юсуп; но об остальных певцах я говорить не буду; они торговали своими словами, хвалили дающих и хаяли недающих; я из всех, кого знал, выбрал, не заставляйте меня искать еще. Прошу у Бога совершенства, сказал слово — остановилось перо.

ЦГА РУ. Ф. 1 // Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора. Оп. 31. Д. 859. Л. 22—36 и об.

ПЕРЕВОД Н. Ф. КАТАНОВА

№ 52. Март-апрель 1912 г. Перевод на русский язык и заключение проф. Н. Ф. Катанова по книге М.-Я. Дулатова «Проснись, казах!».

Брошюра на киргизском языке Мир-Якуба Дулатова «Просыпайся, киргиз!». Издание 2-е. Типография газеты «Вакыт» в г. Оренбурге. 1910 г.

В брошюре этой содержится 100 страниц. На задней обложке сказано: «Цена 20 коп. Адрес составителя: город Петропавловск, Акмол. обл. Мир-Якубу Дулатову». Между 2-й и 3-й страницами помещен портрет автора, М.-Я. Дулатова, с обозначением: «Типография газеты «Вакыт» в Оренбурге». На обложке и

титульном листе помещен эпиграф: «Открой свои глаза, просыпайся, киргиз, поднимай голову, чтобы не проводить, как во мраке, напрасно годы. Земля ушла, вера ухудшилась, дело расстроилось. Киргиз мой, не годится теперь лежать».

На страницах 3-й и 4-й предисловие: «Благодаря тому, что у нас нет особ, которые бы, живя вместе с другими, учились, весь вообще наш киргизский народ оказывается не имеющим сведений в вопросах полезных. Причина тому следующая: учившихся у нас мало, как капля в море, народ наш не городской, а кочевой, живущий повсюду вразброд, кроме того, нет газет на нашем языке, по которым бы они знакомились с современными обстоятельствами; газеты, написанные литературным языком наших братьев — татар, неграмотному народу непонятны, вследствие чего киргизы не могут узнать о происходящем в мире, о диковинах и чудесах и уподобляются народу, спящему в темном углу мирового дворца. Если вы сравните современное наше положение с тем, которое было 15 лет тому назад, то заметите, что в короткое время мы очутились в значительной тесноте; если мы и далее будем лежать по-прежнему без движения и беспечно, то что станет с нами в ближайшем будущем?!..

Ладно, так делать не будем; если есть у людей сила опытности (или искусства), то нам, киргизам, надо пользоваться ею при помощи Господа Всевышнего. Будем изучать по-мусульмански науки и знакомиться со своей религией, закроем глаза неучей и раскроем им сердца, и вместе с этим для будущей жизни обретем благо! Во-вторых, приобретем нужные для сей жизни права и ради сбережения своей земли, своего скота и ради избавления себя от презрительного отношения к нам других, будем учиться по-русски и станем в том искусными! Что незнание русского языка приносит вред и что знание его так же нужно,

как и исполнение заповедей, увидите из нижеследующего: в Российском государстве имеется более 140 000 000 человек, говорящих на 109 языках, из которых выше всех стоит русский язык, на котором ведутся дела во всех правительственных учреждениях, а также пишутся все законы.

Каждый, говорят, дарит по мере возможности то, что в руках имеет, так и я, желая поделиться своими малыми знаниями со своим несчастным народом, написал эту брошюру.

Мир-Якуб Дулатов, 1909».

На страницах 6—10 стихотворение «Положение киргизов»:

Один совет пришел мне в мечтательную голову, и я хочу в виде тетради на память оставить его после себя. Я нарочно написал это для молодых людей XX века.

Проживши на свете мало лет, я видел много дел, я изучал народ, все одинаково видны перед глазами, и нельзя сказать, чтобы один был больше, а другой меньше.

Из какого племени произошли киргизы, ты увидишь из родословия; из-за этого здесь я не хочу останавливаться, напишу что-нибудь другое, более подходящее.

Сколько различных людей наполняет мир — всякие-то есть религии и всякие исповедания; многие поселились в городах, наши же киргизы стали кочевать по степям.

В древнее время жили киргизы смешанно, все три орды, они были самостоятельны и никакому царю не подчинялись. Вышел из их числа хан и стал управлять народом, бии же стали давать образцы суда над народом.

Хоть и кочевали, земля тянулась на тысячу верст, всюду текли ключи и зеленели травы; овцы ягнились, кобылы жеребились, и никто не горевал от тесноты.

В ту пору наши киргизы жили каждый своим умом, были у них на стороне и враги; сильные стали нападать на слабых, и наступили беды, которых раньше не бывало.

Когда кто-то нападал и убивал людей, тогда того называли богатырем, эти богатыри жили за счет бедных; могли ли бы мы в такое время жить, если бы хотели принести народу пользу умом?

Открылись пути для раздоров, и один стал одолевать другого; каждый стал жить врозь и глядеть со стороны, чтобы не обидели другие.

От препирательств исчезло всякое родство, стали грабить и воровать, угоняя чужой скот, грабежи не стали уже вмещаться в сем мире, и стало тесно.

Ушло спокойствие — одинаково изнутри и снаружи, и позор, которого мало видали отцы, пошел кочевать вне стойбищ; киргизы проявили таким образом смысл пословицы «Если подерутся два кречета, то ворону будет корм».

Если в настоящее время создавать против неприятеля какую-либо крепость, так это — отрешиться от невежества и обратиться к науке; тогда, отбросив свою храбрость в сторону, неприятель смягчится и не станет своему брату чинить насилие.

Если человек крепко держится за узы миролюбия, то может ли он лишиться так всего? Вот как мы теперь живем, что идем ко врагу, а над другом смеемся.

Не ходил, а широко разливался тогда киргизский народ, не нравилось стоять на месте и хану; покорился народ русскому царству во времена хана Абулхаира.

Царь сказал: «Буду управлять тобою по справедливости, не трогая ни твоей религии, ни твоей земли. После того как ты покорился, не стреляя из ружья и не обнажая меча, я не могу никак обидеть тебя!».

Он (царь) дал обещание не брать из нас солдат, а вместо того положил налог по кибиткам «И киргизы —

сыны России, — сказал царь, — я удовлетворю всякую нужду, какая есть».

Киргизами прежде управляли ханы, правители да султаны; оставивши всех их, очутились мы в настоящем положении.

Прельстившись тем, что впереди манило, многие пошли и, получая чины, стали достигать степеней службы; продавая народ, стали думать о собственной пользе и ни во что не ставить соотечественников.

В густой туман вошли наши киргизы: сзади — крутой берег, а впереди — тупик. Что это такое? Людей, которые бы, став во главе заблудившихся братьев, показывали дорогу, мало.

Что будет, если так пойдут киргизы, если не найдется лекарства для излечения болезни? Я не думаю, что от этого они избавятся, если не станут учиться, ведь искусства и науки со стороны сами не придут.

Корень ума бывает горек. Беда, когда из рук уходят поводья; народ не встряхивается, не поднимает голову и ничего не осознает, хотя бы на раны ему сыпали перец.

На странице 13-й стихотворение **«Жизнь киргизов»**:

В России есть 20 000 000 мусульман, между тем как земли им не прибавляется; к примеру сказать, и наши киргизы в настоящее время не имеют своего духовного управления.

Не принимается во внимание просьба, и мы все время терпим притеснения. О народ мой киргизский! Впереди то, чего ты не испытывал, поверь, получишь.

Приводи теперь в движение руки и ноги; придет такой день, что тебе и пошевелиться нельзя будет.

На страницах 16—20 стихотворение **«О выборах»**:

Прошло 40 лет, как установлены волостные выборы; если взглянете на эти самые выборы, они дошли до края. И те, кто богачи, и те, кто называется мирзою,

истратили вконец деньги: стремясь в волостные управители, они рассеяли деньги.

Один, бредя как во сне, выступает, говоря: «Я хочу быть бием!», а другой заявляет: «У меня будет квартира для остановки бия»; также не будет расходоваться и третий, говоря: «Зачем же буду от них отставать?».

«Что они вводят нас в расход? И ты ступай! Торжествуй, раз у тебя есть деньги!», — говорят четвертому. Посмотри-ка, что станешь делать с таким соперничеством? Бедняги кружатся, точно сумасшедшие.

Одни говорят: «Такого-то возьмем мы в аульные старшины. Что бы там ни было, свое сделаем»; подтаскивают они какого-нибудь несчастного, точно отставшую в бегах лошадь, и говорят: «Сдержим все крепко клятву!».

Иной выступает, заявляя: «Я от одного (с ним) отца, и я вместе с вами прошу того же!». Найдя путь, они весело стремятся к итогу, если же не удастся дело, сердца повергаются в печаль.

Начало выборов приносит начальнику (чиновнику) тысячи рублей, а разве нет при нем и других русских? Берут подарки стражники и писари, нельзя не давать также переводчику.

Волостным правителем становится тот, кто, не считая расходует деньги. Так напряженно проходят выборы. Сделавши порядочно расходов, избранный целый год собирает их с народа.

Это изводит также бедных, несчастных и убогих, которым нет никакой пользы идти домой и там лежать; «С таким-то я ел из одного блюда!» — говорят они, придя к себе домой и хвастаясь перед женами.

Так проходит в разбрасывании денег дело, что сильный человек ослабевает, а человек незначительный и вовсе гибнет; думая выдать ложь за правду, люди попусту божатся, убиваясь.

Незаслуженно один подвергает другого беде, устраивая если не воровство, то барымту; во время драки, скандала и ссоры наш народ становится азартен.

Чиновники чванятся, переводчики фуфырятся еще хуже того; как бы много ни видали вреда наши киргизы, они не говорят, что не будут отвращаться от таких дел.

Разбрасывая деньги, они тягаются до смерти и считают, говоря: «Нас много, а вас — мало»; когда же, дойдя до обморока и бесчувствия, станут волостными правителями, станут уже тогда мириться с народом.

Едут затем верхом со всем добром домой и едят с другими в знак мировой пищу; подобно маковке дятла, спустя год они изнашиваются вконец.

Пошел раб и вместо хана сел на трон, а народ стал считать его чужим, исполненным зла; когда начальники позволяют себе запрещенное, то как же не будут разъезжать туда-сюда воры?

Боже мой, какая же от этого дела может быть польза? С каждым днем умножаются беды: видят глаза, иногда слышат и уши, что одни умирают, а другие попадают под суд и идут в ссылку.

Старшие братья расходятся с младшими, отцы — с сыновьями, подешевели друзья, а деньги вздорожали; милая совесть пошла за гроши, разве это не признак невежества?

Сами по себе люди сердца не открывают, бросая лишь деньги, чтобы стать волостным правителем; какие бы хорошие люди вышли, если бы стали мягки; куда же девалась народная польза?

Люди посматривают на мед, не даст ли кто его, тогда как деньги — что пепел, и приходят в азарт, который ничуть не унимается; люди шатаются, точно пьяные, о Боже мой, до чего дошел так народ!

О народ мой киргизский, бросим эту привычку! Поведем народ по прямому пути! Должности волостного правителя, бия, аульного и выборного — неужели все

это такие вещи, которых не может упорядочить государство?

На страницах 21—23 стихотворение «**Киргизские земли**»:

В 1731 г. мы вошли под покровительство России. Увидавши, что мы свободны и никакого искусства не знаем, кто же пожалеет киргизских детей?

В 1868 г. объявили всю землю казенною; с каждым годом становится меньше земли и воды, и мужики пошли все в города.

С древних времен народом управляли старшины. Не обратишь ли внимание на это дело? Не куя железо, пока оно горячо, можешь ли спокойно глядеть на слезы своего племени?

Стирая русскому белье и помогая при родах, можешь ли довольствоваться этим и говорить: «Прощай, будь здоров!». Вы же, могилы славных наших дедов, очутились уже посреди улицы!

Стал ты, мужик, таскать в баню камни с могил, а деревья сжигаешь; пойдешь и, не найдя следов могил, станешь проливать ручьи слез!

Озеро Челкар, текущие ручьи, просторные кочевья, леса и роци — все это ушло вместе с деревьями; если обдумаю все это, огнем горит от скорби мое сердце! Мы входили вместе со своей землей, становясь под сень справедливости.

Если расстанешься ты с теперешней землею, то придется пасти тебе скот на сухой земле! Лишился простой народ ума, и ты сам ищи, как знаешь, выхода.

О народ мой киргизский! Где же твоя земля, место обитания предков, которое занимали последовательно одни киргизы за другими? Теперь всех вас выгнали вон, и для вас переселенцы-хохлы построили города.

Они вызвали для отрезывания земли землемеров, и под города ушли у нас лучшие земли; сочные травы и пресные воды — все оказалось там; где же найдут герои против этого хитрый выход?

Голубые горы, текущие ручьи, Челкарские озера и высокие косогоры с сочной травой — все ушло; после того как земля, за уходом к известным нам русским, сократилась, смущенные люди совсем обратились в голытьбу!

Остались нам горькая вода и пустынные степи и не осталось хорошей земли — занята для посевов; как же можно пасти скот в горах да на камнях? Овцы со дворами и лошади с палатками имеются только у богатей.

Вот прибыли сюда целыми тучами мужики и решили не оставлять киргизской земли без того, чтобы не высушить; пришли они, завели пашни и стали богатеть. Разве они, Боже мой, так же ленивы, как и наши кочевники?

Ты видел ведь, как стало теперь тесно, как бы ты ни умолял, во внимание не примут; если по 15 десятин на голову дадут, что же станешь делать ты, о киргизский народ?

На страницах 23—26 стихотворение «О мечетях и медресе»:

Киргизы живут под флагом мусульманства, кочуя по равнинам степей; ни днем, ни ночью они не отдыхают, чтобы получить пользу, они не знают меры и в молитве.

Произнесением слов «Я — мусульманин» дело не сделается, в настоящие дни большинство не соблюдает веры; если наденешь киргизскую одежду и заговоришь по-киргизски, то этим самым не сложишь с себя обязанности ислама.

Было бы лучше, если бы построил ты мечеть вместо того, чтобы читать молитвы; если бы выбирал ты имамов из превосходных ученых и если бы богачи делали пожертвования.

Ради тяжбы стремглав летит киргиз, когда же дело дойдет до религии, киргиз пятится назад; если это слово неверно, о киргиз, плюнь мне в лицо и скажи: «Это у тебя ложь».

У киргизов во многих местах нет мечетей, причиной чему служат миссионеры да попы; во-вторых, без искренности сам народ как же может открыть исламу ход?

Если кто-нибудь потихоньку откроет мектеб, то другой намеренно доносит на него начальству; у большинства всегда намерения и дела были плохие, но, кстати сказать, Бог хранил народ.

Настал теперь день, чтобы открыть глаза, чтобы богачи оказывали помощь бедным; чтобы бежать тебе от крючков невежества для путешествования по миру с целью изучения наук.

Не удастся тебе исправить так свой нрав, посмотри же, разве понапрасну я даю свой совет; пришло тебе время уйти от напора толпы.

Нет у киргизов порядочных медресе, только попусту мучают ребят, ставят их на колени и обижают, и только после заката дают им свободу.

Если какой-нибудь мальчик во время несения наказания улыбнется, то сейчас же по-китайски бьют его линейкой; выйдет он из школы, проучившись 3—4 года, и не умеет разобрать писанного.

Некоторые муллы не знают своих обязанностей, бредя лишь тем, чтобы другие попусту звали их господами; спрашивают они только о том, кто умирает да кто жертвует. Посмотрите — большинство их теперь таково.

У них нет дела до сочинений «Такдим», «Тафхим» и «Тахрис», они принуждают только к азбуке да цифрам; какому же порядку они могут научить народ, когда нрав самих их противоречит шариату?

Нет того порядка, чтобы делить мектеб на отделения, где же постичь нашему народу какое-либо искусство? Все описанные здесь пороки свойственны муллам, убедится в истинности этого всякий исследователь.

Киргизы говорят: «Я нанял учителя в год за столько-то рублей, чтобы учить детей день и ночь». Как только сядет, освободившись, несчастный мулла, так хозяин отправляет его выполнять разные поручения.

Не оказывают почета науке, учению, ибо все в невежестве; нечисто и то место, где учат детей, ибо слушают уроки также паршивые телята да козы с козлятами.

Разве придет искать нас сама собою наука, когда мы не протягиваем рук к ней? Берите пример с образованных народов, бросим теперь привычку невежества!

На страницах 26—30 стихотворение «Религиозное наставление киргизскому народу»:

Относительно религии вот что нужно киргизам, что может быть образцом: духовное собрание, благодаря ему наша религия могла бы получить много силы.

В каждой волости должен быть указный мулла, кроме того, должны быть кандидат и муэдзин; эти лица должны быть избираемы народом и по выдержании экзамена должны получить права от муфтия.

Знание русского языка для них не может не быть условием, и дело они должны делать согласно шариату; указный мулла должен совершать брак и развод, ведать наследственными делами и читать по умершим, а также давать детям имя.

Если времени у указного муллы не будет, то он должен поставить доверенного; но спорные дела брака, развода и наследства должен вершить сам.

Затруднительные дела указного муллы должен рассматривать, конечно, уездный ахун; если сделает ошибку уездный ахун, то пусть рассматривает его областной ахун.

Если дело областным ахуном не кончится, то оно должно направиться в духовное собрание, которое должно быть предельной инстанцией справедливости, где должны заканчиваться все мусульманские дела.

Как бы то ни было, во всякой волости должна быть одна мечеть, расходы на которую общество должно взять на себя; кроме того, для обучения детей должно быть медресе, расходы на которое берет на себя земство.

В медресе должны быть выбраны два муллы, один из которых должен учить по-мусульмански, а другой — по-русски; если бы стали обучать так, как требует педагогика, то наши киргизы пошли бы тогда вперед.

На содержание указанных двух учителей деньги должно давать всегда земство; указный мулла, также кандидат, муэдзин и два учителя должны быть избираемы раз в 5 лет.

Если кто пожелает пожертвовать капитал на пользу мечети и медресе, то надо ему давать разрешение, указный же мулла должен оформлять и метрики.

Если какой-нибудь человек или народ будут стараться и расходовать деньги на мечеть и медресе, то никто не должен мешать им, как было прежде, и правительство должно давать им разрешение.

Если придут в исполнение все эти желания и если все это утвердится как законное, то будет доволен киргизский народ, руководствуясь тем, что велит шариат.

Пусть будет занесено на страницы истории и там останется имя того, кто станет идти по пути этого дела; тот, кто терпит невзгоды из-за религии и из-за народа, нигде не будет презираем.

Если покажется, что сам народ злоумышляет, то крепко держись ногами в своих действиях на шариате; например, если кто-нибудь любит, с одной стороны, шариат, а с другой — шариат постановляет вредное для него решение, и он отступает от шариата.

Судя по времени, муллы невежественнее, чем следует, большинство их хуже простых киргизов; став муллою, люди кое-как разбирают грамоту, и большинство их любят браниться, прибегая к неуместным речам.

Некоторые бедняги совсем не знают своего дела и не берут на себя определенно ничего, говоря: «Этого я не знаю»; есть пословица «Полуграмотный мулла портит веру», — да сохранит от этого сам Бог!

На страницах 33-й и 34-й такие строки:

Лежит, спя, киргиз и не открывает глаз, между тем как, не убегая прочь от пожара, совсем ведь попал в огонь; когда всякий народ пошел уже вперед, наш народ, не желая шагать, пятится назад.

Говоря «степь», «степь», мы остались в невежестве, не примыкая к просвещенным народам; другие народы подобны золоту и серебру, наш же простой киргизский народ подобен черному камню.

Каждый стал скупым, богачи же считают только скот, не сея знаний; мой киргизский народ заговорит 40 ртами, если кто-нибудь выступит во главе полезного дела.

Если один из ста заговорит о единении, то 99 станут в тупик, точно камень; «свобода», «гуманность» и «право» — такие слова, которых крепко не держатся.

Наши богачи, мирзы и начальники народные подобны высохшим бесплодным деревьям.

На страницах 36—37 стихотворение без заглавия:

Нет у киргизов на своем языке произведений печати, зато много невежества и лени, и нет рвения; где же найдется у врача средство против недуга, когда с каждым днем жизнь становится тяжелее?

О народ мой киргизский, где же нам найти средство для улучшения жизни? Пусть знающие взглянут на трудности дела. После того, как наши киргизские дети оказались мягкими для зубов и не имеющими костей, всякий стал их есть.

Нас немало: всего нашего народа — 6 000 000, который весь погряз у нас в невежестве; нет у нас более ничего, чем бы похвастаться, — мы дикарями состоим в Степи.

Хоть бы с зернышко было славы за нашим народом, чтобы в отношении искусства он мог состязаться с другими; другие нации, обладая науками, ушли так далеко вперед, что нам не достичь и взорами.

Опьянели мы от напитка невежества и стали друзьями вреду и врагами своей пользе; старшие у нас записаны в сторонники старого метода, мы же, состоящие в партии так называемых новометодистов, еще молоды.

Если подумаем, что и это у нас не так, то, верно, не будет пользы нашему народу, если мы будем ему вредить; пусть бы мы сами враждовали друг с другом, только бы не служили пищею другим.

Когда говорят какие-нибудь речи, киргизы не хотят внимательно слушать, зачем же тогда и пускают знающие люди в дорогу свои слова? Если один заикнется про пользу для народа, то, как ни божись, возражая, не поверят.

Мы сваливаем вину на народ и ищем с него того, чего у него никогда не видали, даже с зернышко нет у нас единогогласия, устремите умственные взоры и увидите!..

На странице 60—64 стихотворение «Загадка»:

Проводили лето всякой масти звери, льва они избирали ханом и сделали начальником. Визири его были из драконов и тигров, храбрости богатыря удивлялась всякая душа.

Пошел туда слон, бывший другом, да волк с ним, пошли они со всякого рода угощением. После того как подчинился ему всякий сильный зверь, в пасть льву стали комками падать другие звери.

Этот самый лев сделал резиденцию там, где остановился, и у скольких-скольких зверей он, выйдя из себя, пролил кровь! Он не мог сказать, какая у кого вина, и мелкие звери, сердечно удрученные, обходили его стороной.

Чего только ни видали ото льва мелкие звери! Из шкур их он делал постель, а мясо съедал. Когда он,

А. Веселовск

Алексей Николаевич Веселовский

ВОСТОЧНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧАСТЬ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО

1914.

Әрбір басылым атау
көрсеткішімен шығарылды. Бұл
кітаптың түптемесінде алтын
әріптермен "Мир-Якуб Дулатов"
деп жазылған.

ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ.

Выпускъ XLIII.

الشرقيات

ВОСТОЧНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ

Д. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

МОСКВА.

Типографія М. О. Антоа и № Маросейка, Космополюскаго пер., д. № 5.

1914

Почетному члену

Азаровскаго Института восточных языков,

почетному академику

Александру Николаевичу Веселовскому

посвящается этот общий труд,

данъ глубокаго уваженія.

Москва, 10-го ноября 1914 г.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Еще въ прошломъ году, когда А. Н. Веселовскому исполнилось 70 лѣтъ со дня рожденія *), Совѣтъ Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ рѣшилъ ознаменовать эту дату въ жизни старѣйшаго своего сочлена — изданіемъ юбилейнаго сборника. Между преподавателями и питомцами Спеціальныхъ Классовъ мысль эта встрѣтила сочувственный откликъ. Такъ, образовался сборникъ, въ который вошли труды изъ области восточныхъ литературъ: въ сборникѣ представлены, кромѣ языковъ, изучаемыхъ въ Спеціальныхъ Классахъ, еще другіе языки, какъ-то: казакъ-киргизскій, казанско-турецкій, мадярскій и древне-еврейскій. Обзоръ трудовъ А. Н. Веселовскаго, выясненіе значенія его въ исторіи русской науки—здѣсь обходится молчаніемъ: эту задачу беретъ на себя другой юбилейный сборникъ.

Редакція сборника была поручена Вл. А. Гордлевскому; но тяжесть корректуръ первыхъ 12-ти листовъ легла всецѣло на А. Е. Крымскаго, который немало помогалъ своими цѣнными указаніями и совѣтами. Въ чтеніи корректуръ помогалъ также студентъ Х. К. Барановъ.

Поднесеніе сборника приурочено къ 10-му ноября, — дню избранія А. Н. Веселовскаго (въ 1881 г.) на кафедру русской словесности въ Спеціальныхъ Классахъ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«НА ПЕРЕПУТЬИ»:

АБАЙ КУНАНБАЕВЪ (1845-1904).

И

МЭРЪ ЯКУПЪ ДУЛАТОВЪ (род. въ 1885 г.).

АБАЙ КУНАНБАЕВЪ.

(1845-1904).

Биографія ¹⁾.

Происходившій изъ рода Тобыкты, поэтъ Абай (Ибрагимъ) Кунанбаевъ родился въ горахъ Чингизъ (Семипалат. уѣзда). Въ немъ ярко олицетворяется переломная пора въ духовной жизни киргизскаго народа. Онъ впиталъ въ себя ароматы киргизскихъ степей. Пѣвецъ привольнаго кочевья, онъ былъ ходячій сборникъ устной народной словесности; но онъ видѣлъ, что разлагаются уже устои народнаго быта, и образно выразилъ щемливую тоску въ словахъ: «ахыны» (народные пѣнцы) золотое слово пѣсни превратили въ мѣдъ. Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ судьбѣ народа, потому что рано былъ захваченъ русскимъ влияниемъ.

Первый изъ киргизовъ испыталъ онъ на себѣ силу русской школы, а знакомство съ политическими ссыльными въ 80-хъ годахъ расширило его умственный горизонтъ, — онъ горячо полюбилъ русскую литературу ²⁾. Онъ перевелъ «Евгенія Онегина» Пушкина, и письмо Татьяны, переложенное на музыку, давно уже раздается въ степяхъ. Обличительный духъ былъ ближе ему; онъ переводилъ басни Крылова, а въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, ополчаясь противъ должностныхъ переводчиковъ-киргизовъ, безсовѣстно обирающихъ народъ, онъ говоритъ: «Видно, они никогда и не слыхали ни о Л. Толстомъ, ни о Салтыковѣ».

Еще въ молодыхъ годахъ Абай Кунанбаевъ, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и красотой, становится во главѣ своихъ сор-

¹⁾ Источникъ для биографіи Кунанбаева — статьи А. Букейханова въ Запискахъ Семипалатинскаго подѣлѣла западно-сибирскаго отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Вып. III. Семипалатинскъ. 1907, стр. 1-8 (съ портретомъ).

²⁾ В. Герасимовъ, Е. П. Михалышъ. Записки Семипалатинскаго подѣлѣла...., выпускъ VII, стр. 1—2.

дичей, Тобоктинцевъ. Никто лучше не зналъ старинныхъ судебныхъ обычаевъ, никто не умѣлъ, какъ онъ, рѣшать легко трудные судебные вопросы, часто возникающіе между киргизами. Сородичи избрали его волостнымъ управителемъ; но, когда онъ въ борьбѣ съ неvěжествомъ народа, началъ безпощадно наказывать пороки,—противъ него образовалась партія. Разочаровавшись въ народѣ, онъ добровольно отказался отъ должности.

Въ одномъ стихотвореніи онъ такъ говоритъ:

«Несчастной судьбой мнѣ предопредѣлено быть мученикомъ неvěжественнаго народа. Дома я изнываю въ одиночествѣ. Теперь я знаю, какъ подчиняются судьбѣ! Я удостоенъ званія «человѣкъ», а мой народъ хочетъ стереть это достоинство. Ложь и скупость,—вотъ девизъ моего народа. Я разочарованъ. Не ходи на ихъ сборища, сиди дома, пока они не обратятся къ тебѣ. О, Боже! Могу ли я сносить это и одиноко сидѣть дома?» *)

Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ изображаетъ отрицательныя стороны жизни киргизскаго народа, задѣваетъ самолюбіе соплеменниковъ, чтобы, такимъ образомъ, искоренить въ нихъ дурныя привычки.

Стихотворенія Кунанбаева путемъ устной передачи или перепечатыванія распространяются среди киргизовъ, жившихъ за предѣлами его волости. Только не производятъ они никакого впечатлѣнія на его сородичей, Тобоктинцевъ. Абай горько жалуется:

«О, Великій Боже, молю Тебя, укажи мнѣ прямой путь! Когда враги хватаютъ меня за горло, я не вижу ни единой сочувствующей души. О, бѣдныя мои слова, которыми восхищаются Аргынъ, Найманъ и Средняя Орда! Вы не имѣете никакой цѣны въ глазахъ неvěжественной толпы Тобоктинцевъ!» ...

Въ послѣдніе годы Кунанбаевъ охотно входилъ въ общеніе съ молодежью. Собиравъ вокругъ себя слушателей, онъ вѣлъ съ ними бесѣды на темы: какъ жить, какіе были на свѣтѣ великіе ученые, чему учили, и т. д. Обо всемъ говорилъ онъ съ жаромъ и увлеченіемъ. Совѣты его не оставались безъ вліянія на молодое поколѣніе. Онъ называлъ время, проведенное съ молодежью въ бесѣдахъ, лучшими моментами своей жизни.

*) Объ этомъ вспоминалъ поэтъ въ предсмертномъ стихотвореніи «Покажите мнѣ!»: обращаясь къ молодежи, онъ какъ бы предчувствуетъ упреки, которые будутъ сыпаться на него.

Какъ же распространялись въ степи стихотворенія Кунабаева?

Въ степяхъ среди киргизовъ были профессиональные пѣвцы-поэты. Они разлѣзали по ауламъ и подѣ аккомпанементъ домбры пѣли панегирики въ честь мѣстныхъ богачей. Богачи щедро дарили ихъ. Тѣхъ, кто скупился на подарки, пѣвцы остроумно высмѣивали, а долго на скупца сыпались насмѣшки. Большею частью поэты были неграмотны; поэтому ихъ стихи забывались, если только кто-нибудь не записывалъ или не запоминалъ ихъ. Пѣли экспромптомъ, вдохновлялись только домброй. Хотя киргизы охотно слушали стихи, тайно однако презирали поэтовъ, называя ихъ нищими; и вообще была о нихъ невысокаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе когда въ аулѣ появлялся пѣвецъ, пѣсть объ этомъ быстро распространялась въ окрестныхъ аулахъ.

Вечеромъ киргизы вереницами шли къ тому аулу, гдѣ гостилъ пѣвецъ. Хозяинъ дома, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, закалывалъ ради пѣвца барана; онъ гордился, что у него остановился пѣвецъ. Юрта наполнялась слушателями. Хозяинъ вѣжливо намекалъ, что собравшіеся гости просить сыграть что-нибудь. Пѣвецъ беретъ домбру, молча и долго настраиваетъ ее, потомъ начинается пѣть.

Сначала онъ поетъ любовныя пѣсни, потомъ «кысса» или произведенія какого-нибудь поэта. (Раньше киргизы увлекались «кыссой», особенно изъ исторій завоеваній арабовъ). Послѣ отъѣзда «ахына», пѣсни распѣвались памятной молодежи.

Такъ распространяли пѣвцы и произведенія Абая.

Стихи Абая особенно привлекали слушателей. По содержанію, они все взяты изъ жизни народа и художественны по формѣ.

Когда пѣвецъ начинаетъ пѣть насмѣшливыя стихи Абая, слушатели оживаются; они находятъ у себя или у другаго тѣ или другіе недостатки, остроумно подмѣченные Абаемъ.

Постепенно веселый смѣхъ умолкаетъ; слушатели задумываются. Наоборотъ, настроеніе слушателей поднимается, когда пѣвецъ приступаетъ къ такимъ произведеніямъ Абая, какъ напримѣръ: «Охота съ орломъ на лисицу», «Красота женщины», стихи, посвященные природѣ, любви и т. п.

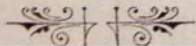
Въ стихахъ Абая нѣтъ лишнихъ словъ, какъ у другихъ киргизскихъ поэтовъ, которые въ погоню за рѣмой загромождаютъ тему стихотворенія вставочными эпизодами и мотивами. (Такіе стихи Абай называетъ стихами въ заплатахъ). У Абая слова на своемъ мѣстѣ; каждое слово имѣетъ свой глубокій смыслъ. Киргизы прекрасно понимаютъ

достоинства его произведеній, поэтому слушаютъ съ интересомъ, хотя Абайъ безошадно высмѣиваетъ и порицаетъ ихъ, иногда даже прокли-
наетъ за безпечный образъ жизни.

Многіе стихи Абая затерялись. Онъ имѣлъ обыкновеніе писать на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, когда осыяло его вдохновеніе, и отдавалъ написанное тому, кто попроситъ, или какому-нибудь пѣвцу.

Послѣ его смерти, изъ собранныхъ листовъ составилаея неболь-
шая книжка стихотвореній. Возможно, однако, что многіе листы пропали.

Н. Рамазановъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ КИНАНБАЕВА.

Переводъ съ казакъ-киргизскаго.

I.

А ъ т о ¹⁾.

Изъ цикла «Четыре времени года».

Когда наступаетъ лѣтомъ время «чилдэ» ²⁾; когда зеленая трава, осока, тюльпаны — въ полномъ цвѣтѣ; когда у бурливой рѣчки расползается кочевой аулъ; — табуны ржущихъ лошадей весь утопаютъ въ зелени, лишь шерсть ихъ мелькаетъ изъ-за зеленой травы; кони — жеребцы и кобылы, — набившись досыта сочной травы, стоятъ въ рѣкѣ, отмахиваясь отъ назойливыхъ мухъ и ударяя хвостами по водѣ, а волки ихъ шаловливо скачутъ жеребята; взадъ и впередъ летаютъ птицы и гуси.

Засучивъ рукава до бѣлыхъ локтей, дѣвцы и молодухи раскидываютъ кибитки, расхаживая плавной кокетливой походкой и перекидываясь между собой шутивыми словами. Изъ табуна быстро возвращается въ аулъ довольный хозяинъ, по знаку котораго наливаютъ изъ «сабы» ³⁾ въ миску кумысъ и ставятъ у семейнаго очага одноузелье. Старшіе сидятъ отдѣльно, бесѣдуя между собой, иногда пересмѣливаясь громко и звонко. Обиженные прислугой, ребяташки вертятся врозь матери и капризно просятъ мяса.

Вотъ подъ раскинутымъ шатромъ, укрывшись отъ знойнаго солнца, передъ шумящимъ самоваромъ важно сидитъ на разостланномъ коврѣ хозяинъ. Иногда, кто-либо, умудренный житейскимъ опытомъ, рассказываетъ что-нибудь, слушатели киваютъ головой, выражая свое одобреніе.

А на другомъ концѣ аула въ бѣлой рубашкѣ выходитъ, опираясь на палку, сѣдой старикъ и кричитъ пастухамъ, чтобы угнали подальше отъ его аула скотъ; онъ нарочно кричать, какъ бы заискивая, чтобы хозяинъ пожалѣлъ его, бѣдняка, и угостилъ кумысомъ.

²⁾ Тема эта верѣдко разрабатывается въ народной киргизской литературѣ; ср. Н. Лауевъ: Матеріалы по казакъ-киргизскому языку (=Труды по востоковѣдѣнію, вып. 2). Москва, 1900, стр. 6. слѣд.

¹⁾ Время отъ 30-го іюня по 1-е августа; собственно значить: «въ теченіе сорока дней» (перс. слово چهل — окончаніе мѣснаго падежа).

³⁾ Кожаный мѣшокъ для приготоуленія кумыса.

Утромъ въ аулъ возвращаются табунышки, гарнунъ на восточной-
ныхъ неужахъ; они покачиваются въ сѣдлѣ, а халаты у нихъ спущены
съ плечъ до пояса.

По берегу рѣчки скачутъ молодые охотники съ ружьями и ястре-
бами. Одинъ изъ нихъ уже пустилъ своего ястреба на стадо гусей.
Гусь не успѣлъ подняться, какъ ястребъ схватилъ его. Бѣдный старикъ,
глядя на охотниковъ, громко смѣется, выражая одобреніе...

Перевелъ С. Сабатаевъ.

II.

А у л ь н о ч ь ю

Тихая, свѣтлая ночь. Отраженіе мѣсяца дрожитъ на водѣ. Около
аула глубокой оврагъ, куда, шумя, низвергается разлившаяся рѣка.
Листья густаго лѣса шепчутся между собою. Трава затонула поверх-
ность земли и скрыла песокъ. Гора отвѣчаетъ эхомъ на лай собакъ и
на голоса ночныхъ сторожей. Ты пришла, когда тебѣ освободили
путь. Напрасно боишься ты быть замѣченной; то въ холодъ, то въ жаръ
бросаетъ тебя, и чуть дынешь ты отъ волненія. Бѣшеніе сердца не даетъ
тебѣ говорить. Ты могла стоять, только опираясь на мою руку, и по-
ложила свою голову мнѣ на грудь.

III.

П о э т ь.

Когда у поэта стихаетъ тревога сердца, когда божественный та-
лантъ выплываетъ изъ-за тучи, когда божій день, ликующъ, просыпается
отъ сна, когда все—въ гармоніи подобно текучей прозрачной водѣ род-
ника, когда очерствѣвшее сердце очищается отъ житейской грязи, когда
слова, переплетаясь въ гирлянду, готовы вылиться изъ устъ, — тогда
поэтъ, опоясавшись, уходитъ весь въ созерцаніе.

Далеко устремивъ свой взоръ, подобно вдохновенному орлу, и
освободивъ себя отъ земныхъ заботъ, онъ заговоритъ о томъ, что его
печалитъ и радуетъ. Встрепенувшись, онъ яростно бросается на обид-
чиковъ и неждидъ. То, что онъ видитъ и чувствуетъ, онъ отдаетъ на судъ
здравого разсудка и справедливости. И все, что они подсказываютъ, —
раздраженное сердце, гнѣвная рука, ядовитыя чернила, острый языкъ —
выльются въ образы. Не понравится вамъ, — какъ хотите...

IV.

Пожалѣйте меня!

Когда я умру, сырая земля покроетъ меня. Языкъ мой превратится въ стыдливую дѣрицу. Бѣдное сердце, пылавшее правдой и любовью, охладѣетъ какъ ледъ. Вы будете осуждать меня за недостойныя движенія излечивающаго сердца. Тогда я, бѣдникъ, не буду въ состояніи вамъ отпѣтить и всецѣло буду въ вашей власти. Но будьте осторожны! Развѣ справедливо сжигать вторично душу мою? Вѣдь, и такъ уже разъ душа моя была смертельно ранена.

Вдумайся глубже, отнесись ко мнѣ сердечно, вѣдь я былъ непонятъ. Выросъ я въ дикой пустынѣ, гдѣ не было ни единой тропинки, — одна буераки. Я боролся одинъ противъ тысячъ. Не вини меня за то, что въ молодости, находясь подъ вліяніемъ окружающаго, я былъ далекъ отъ истины, горѣлъ гнѣвомъ... Когда я проснулся, мнѣ не дали воли.

Не повтори моихъ ошибокъ! Мой народъ, не внявъ мнѣ и не давъ мнѣ воли, осудилъ меня, но пожалѣй хоть ты, прошу, и дай покой, когда я уйду въ вѣчность, навѣрно, ничего не сдѣлавъ, но съ гордымъ видомъ и съ сердцемъ, исполненнымъ огня и яда.

Но довольно мнѣ обнаруживать свои тайныя муки: стихи передадутъ ихъ сплетникамъ народнымъ.

Перевелъ Н. Рамазановъ.

Мэръ Якутъ Дулатовъ.

Автобіографія ¹⁾.

«Я родился 25-го ноября 1885 г. въ степи Тургайскаго уѣзда. Происхожу изъ Средней Орды, рода Аргынъ; 2-хъ лѣтъ отъ роду лишился матери, а 12-ти — отца. Когда мнѣ исполнилось 8 лѣтъ, отецъ отдалъ меня на обученіе аульному муллѣ-татарину, человѣку крайне негнѣстивному. Не помню, сколько времени учился я у него, знаю только, что, кромѣ заучиванія арабскихъ молитвъ по «афтіяку» ²⁾, — ничему не научился.

Въ 1895 г. отдали меня въ аульную школу. Учитель (М. Токтабаевъ) параллельно съ русской грамотой обучалъ насъ и киргизской, хотя это въ его обязанности и не входило, и вознагражденія за это онъ ни отъ кого не получалъ. Къ несчастью, этотъ добрый учитель скоро былъ переведенъ отъ насъ, и къ намъ пріѣхалъ другой учитель, — крещеный башкиръ. Онъ мало интересовался судьбою учащихся; былъ это какой-то странный человѣкъ; предоставивъ учениковъ самимъ себѣ, онъ постоянно запирался у себя въ комнатѣ. Послѣ уже обнаружилось, что «педагогъ» занимался фабрикаціей фальшивой монеты, за что и скорѣй былъ сосланъ въ каторгу.

Въ 1897 г. я поступилъ въ 2-хъ классное русско-киргизское училище (въ Тургаѣ); окончивъ училище, я получалъ званіе аульнаго (сельскаго) учителя. Такъ закончилось мое школьное образованіе.

Съ 1902 г. служа учителемъ въ киргизскомъ аулѣ, я посвящалъ свободное время самообразованію. Въ школѣ съ русской литературой знакомился я поверхностно и безъ системы.

Иногда пописывалъ я и стихи, но не придавалъ этому никакого значенія.

Первое стихотвореніе мое напечатано въ 1906 г. въ первомъ номерѣ первой киргизской газеты *Серке*, изд. въ Петербургѣ. До этого времени періодической печати у киргизовъ не было; газета *Серке* прекратила впрочемъ свое существованіе уже на второмъ номерѣ.

Въ 1909 году выпустилъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ

¹⁾ Изъ письма Вл. А. Гордлевскому.

²⁾ Седьмая часть Корана.

Ойна, казакъ! («Проснись, киргизы!»). Этотъ сборникъ быстро распространился среди киргизовъ, выдержавъ въ короткое время два изданія. Въ 1911 г. сборникъ былъ конфискованъ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати.

Въ 1910 г. написалъ первый романъ изъ киргизской жизни *Кытсызъ Джамалъ* («Несчастная Джамаль»), въ которомъ изобразилъ униженное положеніе женщины.

Въ 1913 г. изданъ въ Оренбургѣ второй сборникъ моихъ стихотвореній *Азаматъ* («Юноша»); здѣсь помѣщено нѣсколько переводовъ изъ русскихъ поэтовъ: «Роза» (Пушкина), «Спортъ» (Лермонтова).

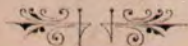
Занимаюсь я и публицистическою дѣятельностью.

Въ 1911 г. сотрудничалъ въ киргизскомъ журналѣ *Ай-канъ*, изд. въ Троицкѣ, гдѣ печатались мои стихотворенія и рассказы; послѣднее время состою постояннымъ сотрудникомъ киргизской газеты *Калыкъ*, изд. въ Оренбургѣ.

Сынъ степей, М. Я. Дулатовъ мечтаетъ иногда о былой свободѣ киргизовъ. Однако это — строитель жизни, обращающійся къ своему народу съ мощнымъ призывомъ «Проснись, казакъ!» На киргизскія земли двгаются полчища переселенцевъ изъ Россіи, и для отпора необходимо просвѣщеніе: безъ просвѣщенія киргизы обречены на вымирание. Переходъ на осѣдлый образъ жизни, измѣненіе въ положеніи женщины, — вотъ основныя темы, волнующія его музу; это — поэтъ гражданскій.

Труднѣе удастся ему романъ; въ канву разсказа влетаетъ ошъ, правда, живыя картины изъ быта народа, но дѣйствующія лица набросаны эскизно, слабо обоснована финальная часть (смерть Алія).

Н. Р.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ М. Я. ДУЛАТОВА

Переводъ съ казакъ-киргизскаго.

I.

Прежняя жизнь киргизскаго народа.

Какъ прекрасна была прежняя кочевая жизнь киргизскаго народа! Веселая молодежь старалась перешеголять другъ друга ¹⁾. Кочевые начальники ѣхали впереди: въ этомъ было молодечество. Джигиты на быстроногихъ коняхъ, украшенныхъ перьями, устраивали «байгу» ²⁾.

Вотъ рядами расположились аулы по берегамъ озера. Какъ очаровательны были эти бѣлыя юрты! Привязанные ³⁾ жеребята богатыхъ людей лежать на зеленомъ коврѣ. Люди и животныя наслаждались какъ въ раю земномъ. Вотъ шумить отъ выпитаго кумысу толпа молодежи. Всѣ сыты и довольны. Молодые женщины и дѣвушки отправляются за малиной и брусникой. Богачи отличаются щедростью и помогаютъ бѣднымъ. Родается ли ребенокъ, выдаютъ ли замужъ или женятся джигиты,—устраиваются «той» и «байга». Какія удивительныя поминки справляются по покойникамъ, извѣстнымъ въ народѣ своими достоинствами! Когда заколютъ барана, жеребенка и пьютъ кумысъ, тогда только между собравшимися гостями завязываются веселые разговоры.

Развѣ осталось теперь что-нибудь отъ этой вольной жизни киргизовъ? Люди, въ памяти которыхъ еще живо былое счастье, скорбятъ теперь. Вся надежда на молодое поколѣніе, стремящееся къ знанію! Благодаря образованію молодежь добьется свѣтлыхъ дней.

II.

Киргизскія земли.

Въ 1731 году мы приняли покровительство Россіи. Видя нашу нехвѣлѣтность и слабость, кто не воспользовался бы нами? Въ 1868 го-

¹⁾ Парни и дѣвушки ѣхали верхами, нахоро одѣтые, на красивыхъ коняхъ.

²⁾ Скачки.

³⁾ Во время дойки кобылъ.

ду объявили, что всё земли будут принадлежать казѣ. Съ каждым годомъ уменьшались, наши земли всё достались переселенцамъ.

Люди почетные, вліятельные, обратите на это вниманіе! Говорятъ: «Куй желѣзо, пока горячо»; не слѣдуя этой пословицѣ, вы берете на себя отвѣтственность за слезы будущихъ поколѣній. О, родины, дороги земли, вы всё ушли къ переселенцамъ! Священные могилы предковъ нашихъ теперь среди улицъ деревни. Каменные памятники надъ ними будутъ употреблены мужиками для бань, деревянные загородки пойдутъ на топку. Не находя, вполнѣдствіи, никакихъ признаковъ старыхъ могилъ, мы будемъ ручьемъ проливать слезы. Большія озера, текучіе «булаки» ¹⁾, удобныя лѣтовки и лѣса — все отчуждено. Когда подумавъ обо всемъ этомъ, я схожу съ ума, горю (какъ въ огнѣ) отъ горя. Видя, мы приняли подданство, не отдавая своей земли, надѣялись жить подъ сѣнью справедливости. Если отдать теперь послѣднюю землю, придется пасти скотъ на пескѣ. Простой народъ ошеломленъ.

Люди просвѣщенные, вся надежда на васъ! Киргизы, гдѣ теперь ваши земли, на которыхъ вы жили съ тѣхъ поръ, какъ образовалось племя «казакъ»? Прогнали васъ и отдали землю подъ хохлацкія селенія. Землемѣры нарѣзаютъ для переселенцевъ лучшіе участки: дуга, мѣстности съ прѣсной водой, высокія горы, текучіе ключи, большіе озера и холмы. Гдѣ мужи, которые остановили бы ихъ? Теперь намъ негдѣ кочевать со своими стадами. Мы круглый годъ топчемся на одномъ мѣстѣ. Оставлены намъ соленыя озера, безводная степь, неудобная для земледѣлія. Развѣ можно заниматься скотоводствомъ на песчаной каменной мѣстности? Куда дѣлать теперь люди богатые свой табунъ? Вотъ двигаются къ намъ переселенцы какъ тучи; они проглотятъ всё земли киргизовъ. Пришли, занялись хлѣбопашествомъ, разбогатѣли. Развѣ они такъ лѣнивы, какъ нашъ народъ?

Видишь, киргизъ, жизнь становится все труднѣе и труднѣе! На твою мольбу не обратятъ вниманія. Каково будетъ твое положеніе «казакъ», когда по новому проекту каждому дадутъ по 15 десятинъ земли?..

Перевелъ Н. Рамазановъ.

III.

Т о с и а ъ.

О сердце, скажи правду, куда ты идешь? Что пользы находишь ты въ скитаніи? Развѣ не пришла пора остановиться? Безъ отдыха

¹⁾ Родники.

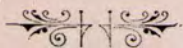
²⁾ Напечатано въ газетѣ «Казакъ», 1913, № 35.

свѣчаешь ты день и ночь, шаловливо наступаешь на огонь и не стоишь на мѣстѣ. Напрасно не даешь ты покою моей головкѣ! Развѣ не знаешь: твой недругъ будетъ злорадствовать, что ты за легкомысліе получаешь воздаяніе? Остепеннись же, сердце, не будь посмѣшникомъ! Не бреди ранъ моихъ!

Тогда опечаленное сердце сказала мнѣ: «Тоскую я по степямъ Сары-арка. ¹⁾ Дай мнѣ вдоволь поспитаться по долинамъ Исиль ²⁾, Нуры, Идилы ³⁾, Джаика ⁴⁾. Дай, отведу душу и пострастиую по горамъ Урала, Алтая, Тянь-шаня; погляжу, въ какомъ положеніи находятся возросшія на свободѣ дѣти славныхъ «казаковъ», есть ли у нихъ еще бывшая свобода. Пусть своими глазами увидить твое избалованное сердце. Или, быть-можетъ, овладѣли ими чужіе? — пусть все поразвѣдаетъ несчастный твой другъ; есть ли ханъ и «бай» ⁵⁾, «бій» ⁶⁾ и «батыръ» ⁷⁾, бывшее широкое разгулье, «асъ» ⁸⁾ и «той» ⁹⁾; сохранился ли шумный обычай «баранты», когда рѣшались тяжбы о вирѣ двумя словами и быстро различалась правда отъ лжи?»

При этихъ словахъ зарыдало мое сердце: «Тебѣ дороги города русскихъ и татаръ». Размягчился и я, не вытерпѣвъ и вымолвить: «Голубчикъ, воля твоя, если хочешь, — можешь идти!»

Перевелъ С. Сабатаевъ.

¹⁾ Или: «Сары-арканыи даласы» — степь, которая тянется черезъ Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области.

²⁾ Ишимъ. ³⁾ Волга. ⁴⁾ Уралъ (Яикъ).

⁵⁾ Богачъ, хозяинъ, герой. ⁶⁾ Князь, судья. ⁷⁾ Герой, богатырь.

⁸⁾ Поминки. ⁹⁾ Пиръ (свадебный).

Бахытсызъ Джемаль.

(Краткое содержаніе).

Сарсенбай, не имѣя дѣтей отъ своей жены Калампыръ, долгое время не рѣшается однако жениться на другой, потому что опасается протестовъ со стороны Калампыръ. Конѣцъ его колебаніямъ положить случай, происшедшій съ нимъ въ гостяхъ.

Одинъ пріятель за чашкой кумыса, какъ бы шутя, обозвалъ его «кубасомъ» (голый черепъ). Такъ ругаютъ бездѣтныхъ,—слово очень оскорбительное.

Обиженный и опечаленный, Сарсенбай возвращается вечеромъ въ свой аулъ и не отвѣчаетъ на вопросы своей жены, которая хотѣла-было осведомиться о причинѣ его недовольства.

Утромъ онъ созываетъ близкихъ родственниковъ и старинныхъ сосѣдей и сообщаетъ о своемъ намѣреніи жениться.

На совѣтъ присутствуетъ и Калампыръ. Всѣ одобряютъ его намѣреніе: «Видъ шаріатъ даже обязываетъ правовернаго жениться снова, если онъ не имѣетъ дѣтей. Мусульманинъ всегда долженъ разсчитывать на милость Божію; единственное существо, которому разъ навсегда отказано въ милости Божіей,—это шайтанъ, врагъ Божій. Да и самъ Пророкъ, не имѣя мужскаго потомства, бралъ нѣсколько женъ».

Калампыръ, видя бесполезность сопротивленія, тоже даетъ свое согласіе на бракъ.

43-лѣтній Сарсенбай рѣшается взять въ жены дочь умершаго мурлы, которая жила у своего опекуна-родственника. Опекунъ, прельстившись богатствомъ Сарсенбая, выдаетъ за него 14-лѣтнюю Чулпанъ.

Калампыръ первое время относится къ Чулпанъ непріязненно, но когда у Чулпанъ рождается дочь, вражда прекращается; Калампыръ даже полюбила новорожденную.

Обрадованный рожденіемъ дочери, Сарсенбай устроилъ большой «той», на который пригласилъ нѣсколько ауловъ. Новорожденной даютъ имя «Джемаль».

До 9-лѣтняго возраста Сарсенбай одѣваетъ Джемаль въ мужское платье (Такъ утѣшаютъ себя люди, у которыхъ нѣтъ сыновей. Этотъ обычай среди киргизовъ встрѣчается теперь очень рѣдко).

Однимъ изъ какой-то мурлы старикъ похвѣлялъ, въ гостяхъ у Сарсенбая, узнать, что подъ платьемъ мальчика скрывается дѣвочка, прочиталъ Сарсенбай рядъ наставленій. «Нужно одѣвать ее какъ дѣвочку, — сказалъ мурла, — а то ты выражаешь какъ-будто протестъ противъ милости Бога за то, что Онъ даровалъ тебѣ дѣвочку, а не сына. Это — большой грѣхъ! Мы при всякихъ обстоятельствахъ должны быть благодарны Всевышнему. Если хочешь обучать ее, обучай непременно у мурлы старинныхъ. Нынѣшніе, молодые, мурлы со своимъ новымъ методомъ испортятъ дѣвочку, а главное, они на религіозное воспитаніе совсѣмъ не обращаютъ вниманія; все у нихъ передѣлано по-русски».

Сарсенбай — человекъ темный; онъ слѣпо вѣритъ всему, что говорятъ мурлы; поэтому онъ обѣщалъ мурлѣ исполнить все въ точности.

Панимая для Джемаль учителя, Сарсенбай предупреждаетъ, что онъ долженъ учить ее непременно по старинному. Тотъ притворился мурлой стараго закала, не знающимъ «новаго метода».

Вѣсто говорара Сарсенбай предлагаетъ ему свой «закятъ» (который онъ и безъ того долженъ раздавать ежегодно бѣднякамъ). «А, если, — прибавляетъ онъ, — умереть на твоё счастье какой-нибудь старикъ или старуха, тебѣ будетъ лишній доходъ». Бѣдный «шакирдъ», искавшій работы на лѣто, соглашается на всѣ условія.

У Джемаль обнаруживаются прекрасныя способности, и «шакирдъ» жалѣетъ, что хозяинъ не соглашается учить ее по новому методу.

Онъ обращается къ матери Джемаль, которая предлагаетъ ему учить дѣвочку такъ, какъ для нея лучше. Старикъ объ этомъ ничего и не знаетъ.

Къ осени ученіе Джемаль прекращается: учитель уѣзжаетъ въ Уфу въ медресу. Но дѣвочка успѣла уже научиться грамотѣ.

Съ тѣхъ поръ она съ увлеченіемъ принимается читать различныя народныя произведенія.

У нея въ маленькихъ сундукахъ можно было видѣть «кыссы» о героическихъ подвигахъ Заркумъ, Салсалъ,¹⁾ и т. п.

Когда у Сарсенбая бывали гости, старикъ говаривалъ: «Душечка Джемаль, прочитай-ка гостямъ свою кыссу». Она читала вслухъ. Гости оставались довольны. Всѣ въ околodкѣ похваливали Джемаль.

Въ волости, гдѣ проживалъ отецъ Джемаль, должны были про-

¹⁾ Эти казанскія изданія (на киргизскомъ языкѣ) очень распространены и между татарами.

исходить выборы волостнаго управителя, народныхъ судей и т. д. Знакомые утѣшаютъ Сарсенбая выставить свою кандидатуру на должность народнаго судьи.

Сарсенбай на выборахъ проваливается; пропадаютъ деньги, которые онъ употребилъ на подарки голосовавшимъ за него.

Причиной неудачи былъ вліятельный, богатый киргизъ волости, Байжанъ, ни за что не желавшій видѣть Сарсенбая судьей; онъ-то и повлиялъ на выборщиковъ.

У Байжана есть 17-лѣтній сынъ дурачекъ, по имени Джуманъ. Байжанъ хочетъ женить его на хорошей невѣстѣ. Узнавъ, что у Сарсенбая есть дочь, онъ посылаетъ къ нему свата.

Друзья Сарсенбая совѣтуютъ ему изъяснить согласіе на предложеніе Байжана, указывая на выгодность связи съ богатымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Сарсенбай соглашается.

Джемаль узнаетъ, что ея женихъ Джуманъ ей не пара. Она мучается и удивляется, какъ искренно любящій ее отецъ просваталъ ее за дурака; она начинаетъ худѣть съ каждымъ днемъ. Мать беспокоится объ ея здоровьѣ. Случайно, открывъ ея сундукъ, находитъ она стишки, въ которыхъ Джемаль плачетъ на свою несчастную судьбу. Мать сочувствуетъ ей, но она безсилна что-либо сдѣлать.

Однажды она упрекнула мужа въ томъ, что онъ рѣшился изъ-за выгоды выдать любимую дочь за дурака. Сарсенбай сказалъ ей, что дѣло это уже кончено: «Байжанъ сумѣетъ расправиться съ нами, если мы вздумаемъ выдать ее за другаго; онъ вѣдь силенъ и вліятеленъ; теперь поздно; значить, такова была ея судьба». Опечаленная отвѣтомъ мужа, Чулпанъ уже не обращалась больше къ Сарсенбаю съ подобными вопросами.

Случайно на вечеринкѣ Джемаль встрѣчается съ молодымъ человѣкомъ, красавцемъ Аліемъ, который по правилу одной игры долженъ былъ сидѣть около нея.

Молодежь на вечеринкѣ сидѣла парочками и пѣла пѣсни по очереди подъ аккомпанементъ домбры. Спѣлъ и Алій.

«Прекрасная дѣвица, — началъ онъ, — безцѣнна, подобно рѣдкимъ драгоценнымъ камнямъ, когда достигнетъ 17-лѣтняго возраста. Она подобна яблонямъ, растущимъ въ раю: если только достанетъ рука, какой «джититъ» откажется вкусить плодъ».

Дошла очередь и до Джемаль; понявъ комплиментъ Алія, начала она восхвалять свободу джигитовъ и сравнивать съ ней положеніе дѣвушекъ:

«Джигиты вольны какъ птицы, которыя улетаютъ въ теплый край при наступленіи суровой зимы; когда затмевается ихъ счастливая зѣбада, они могутъ еще надѣяться и искать счастья въ другомъ мѣстѣ».

«А бѣдныя дѣвушки подобно соловьямъ, проводятъ жизнь въ клеткѣ. Отдаютъ ихъ тому, кто дастъ больше калымъ, и несчастныя со слезами на глазахъ уходятъ изъ отцовскаго дома. И не милостивы къ нимъ въ этомъ случаѣ родители, сколько бы ни любили ихъ».

Отецъ Алія, Дюйсабекъ, проживалъ въ одной волости съ отцомъ Джемалъ, но Алій показывался въ аулахъ очень рѣдко. Первый разъ видѣть его здѣсь Джемалъ, потому что дѣтство свое онъ провелъ въ городѣ, обучаясь тамъ въ ново-методномъ медресѣ. Бралъ онъ также частныя уроки русскаго языка. По окончаніи курса ученія въ медресѣ онъ занялся торговлей, жилъ все время въ городѣ, изрѣдка навѣщая своихъ родителей.

Онъ и на вечеринкѣ-то былъ случайно, пріѣхавъ только-что изъ города.

Джемалъ и Алій полюбили другъ друга. Они разговорились. У Алія явилась мысль во что бы то ни стало избавить дѣвушку отъ немалаго жениха.

Это было очень рискованно: если бы онъ увезъ ее къ себѣ домой, вліятельный Байжанъ угналъ бы весь отцовскій скотъ и разгромилъ бы его домъ, наконецъ, отобралъ бы съ позоромъ Джемалъ; досталось бы также и отцу Джемалъ.

Онъ находитъ поэтому другой способъ: онъ увезетъ ее въ городъ и будетъ искать поддержки у знакомыхъ татарскихъ купцовъ. Онъ полагаетъ, что по крайней мѣрѣ въ городѣ Байжанъ не осмѣлится отобрать силой Джемалъ.

О своемъ планѣ онъ пишетъ Джемалъ. Джемалъ долго не рѣшается; она боится опозорить своего любимаго отца и открывать тайну своей матери. Чулпанъ, сама не довольная дурачкомъ Джуманомъ, одобряетъ задуманный планъ.

И вотъ, ночью Алій, при помощи двухъ своихъ товарищей и Чулпанъ, увозитъ Джемалъ въ городъ къ купцу Фатхъ-улли. Алій не ошибся; купецъ встрѣчаетъ бѣглецовъ радушно и общается имъ помощь, если Байжанъ осмѣлится пріѣхать за ними въ городъ.

Какъ-только Байжанъ узналъ о случившемся, онъ немедленно

распорядился угнать скотъ родителей бѣглецовъ и созывать съѣздъ народныхъ судей. Взятыми сключаютъ онѣ ихъ на свою сторону.

Съѣздъ народныхъ судей выноситъ резолюцію, что яко бы Алія увезъ законную жену Джумана, сына Байжана. (Байжанъ представлялъ подложное свидѣтельство отъ муллы о бракѣ, заключенномъ будто бы уже года два тому назадъ). Угнанный скотъ долженъ остаться у Байжана; кромѣ того, съѣздъ обязывалъ отца Аліа доставить бѣглецовъ въ аулъ.

Противная сторона, не довольная рѣшеніемъ съѣзда, подаетъ жалобу крестьянскому начальнику и губернатору. Тяжба затягивается года на два.

Тѣмъ временемъ Алій и Джемаль переѣзжаютъ изъ города къ дальнему родственнику Алія, проживающему въ другой волости.

Внезапно Алій заболѣваетъ. Болѣзнь развивается очень быстро, и черезъ двѣ недѣли онъ умираетъ на рукахъ Джемаль. Горе и отчаяніе Джемаль безграничны.

Приѣзжаютъ родители и убитую горемъ Джемаль увозятъ домой. Находятся посредники, которые хотятъ помирить Сарсенбая съ Байжаномъ. Спрашиваютъ Джемаль, пойдетъ ли она теперь за Джумана.

Она заявляетъ, что ея счастье разбито, она любила Алія но его нѣтъ, теперь она никого не можетъ любить, ей все равно: Джуманъ или другой. Пусть дѣлаютъ, какъ удобнѣе будетъ ей родителямъ, передъ которыми она виновата. За Джемаль приѣхала мать Джумана, и увезла къ себѣ. Джуманъ начинаетъ мстить Джемаль; она молча переноситъ побои, насмѣшки.

Черезъ годъ поведеніе Джумана стало еще хуже. Чаша терпѣнія Джемаль переполнилась, и она задумываетъ бѣгство въ городъ, чтобы тамъ при помощи знакомаго купца найти какую-нибудь работу и больше уже не возвращаться ни къ Джуману, ни къ своимъ родителямъ.

Съ этимъ намѣреніемъ однажды вечеромъ (на дворѣ стояла зима) она пускается въ бѣгство верхомъ. По дорогѣ настигаетъ ее сильный буранъ. Она сбивается съ дороги. До полуночи ѣдетъ она безъ остановки, сама не зная куда; но силы оставляютъ ее. Потерявъ сознание, она падаетъ съ лошади въ сугробъ...

Черезъ два дня нашли ее ожочившій трупъ...

Н. Рамазановъ.

КАНЦЕЛЯРИИ
Оренбургского Губернатора

12 МАЯ 1914

В. М. 48/48

14

Его Превосходительству

Господину Оренбургскому Губернатору

Отвѣтственнаго редактора-издателя газеты "Казакъ" Александра Баймур-суповата Баймуреева

Защитникъ

По сиротамъ отъказа на 2 апреля въ
Шушинскій уездъ, гдѣ ищетъ защиты,
имѣю честь, почтительнейше просить
Ваше Превосходительство
получить къ обязанностямъ этого
редактора газ. "Казакъ" въ по-
полнѣ вѣсти, по предмету прогнана-
нн, на время моею отсутствіи, по-
стояннаго проживающаго въ г. Оренбургѣ,
по Аршакской улицѣ, въ доми-
кѣ Душмановой, купца 1-аго Свѣтосла-
вическаго вѣдѣнія, туркменскій уездъ
и вѣдѣнія Миръ Ахунъ Душманова
Душманова, имѣющаго отъ роду 25 лѣтъ
и удостоившагося требованіемъ
ст. 4 Временнаго Правленія о побре-
щеніи газ. изданія отъ 1906 г.

2 Сиротамъ отъказа за с/ 27/41 16/2-141 поименов.: А. Баймуреев

„ҚАЗАҚ“ газетасының басқармасы = М = „Азамат“ - деректері адринбургда.

Редакция газеты „Казак“
и Издательское Товарищество „Азамат“

Оренбург, Августа 6 дня 1914 г.

Г-ну Гордиевскому.

М. Г. !

Согласно вашему письму посылаю Вам фотопортрет и кинтервенцию мою биографию со фотографической карточкой.

Что касается характеристик производства, то можете ссылаться на кинтервенцию у Вас в редакцию сифоформаций. Я, как автор биографии, тем более скажу в отрывке своего произведения, затрудняюсь.

Прошу Вас, если не можете ничего против моего мнения, пожалуйста в своей биографии со ссылкой моей сифоформации от своего (вашего) имени. Главное, я желаю, чтобы сифоформация переведена у Вас. Со совершенным уважением

М. Гордиевский

Я родился 25 ноября 1885 г. в селе Мухоморовском уезда. Происхожу из Средней Азии, рода Аржан. Когда мне было 2 года от роду переехал матерью, а 12 лет - отцом. Когда мне

Меламановъ Дмитръ, отецъ отдавъ на обучение африкану
много - тапанину, членовому крайке невольнического
келу. Не помню, сколько времени учились у него,
но знаю, что крайке заживаніе арабские мо-
литвы по-африкану кивелу не кажутся.

Въ 1885 году отпустили меня в африкану тапанину
Училище Каша (М. токтабашъ) параллельно съ рус-
ской грамотой обучаетъ келу и китовелу, котіе
въ сего обязанности преподаваніе посылаетъ "не
вводило, и я былъ одинъ изъ отъ кого кивалого воз-
награжденіе не кажутся. Къ неслыханно кашу
дѣлать доброй учитель скоро былъ переведенъ на
другое мѣсто, и къ намъ прѣѣхалъ въ училище,
прещенный замѣнѣ. Этотъ учитель мало ин-
тересовался - сурово дѣлающаго; самъ по-себѣ
былъ типъ загадочный; предоставивъ ученика
самому себѣ, онъ постоянно заглядывалъ въ
своей келу. После выхаживаетъ, что
этотъ своеобразный "недагогъ" занимается
развѣдываніемъ франковъ и мочитъ, да кто
каждого былъ связанъ въ каторгу.

Въ 1892 году я поступилъ въ 2-е классное
р.-к. училище (оттуба), по окончаніи ко-
торого, получивъ на недрогонъ курсы
получилъ званіе африканъ (сельская) учитель.
Этимъ закончилось все мое школьное
образованіе.

Съ 1902 года, служилъ учителемъ въ каторгу.

3 "ҚАЗАҚ" газетінің басқармасы = ма = "آزامات" - تیرككگي اورنورغدا.

Редакция газеты „Қазақ“ и Издательское Товарищество „Азамат“

Оренбург, _____ дня 191 ____ г.

Сквозь азбуку, свободное слово посвящая
самообразованию. Куплю слова, что
в школе с русской императорской на-
знакомился смирным повержением и бес-
слесной системой.

Хотел я больше и стремление к подни-
жению деятельности во имя просвещения
города нашего, ко до 20^{ти} летнего возраста
серьезного ничего не создаю. А что собственно
было до того времени было у меня ит-
ского софтверения, но как иранское
жарение было не удавалось, надеясь от
успехов больше не удавалось.

Первое софтверение мое началось
в 1906 году в первом номере первой
книжки газеты „Серге“, изд. в Петербурге.
До этого времени периодической печати
у меня не было, и этот газетный журнал
был для меня единственным как в то время.

В 1908. году вышел в свет сборник
популярных софтверений под названием „Сая-
-Казах“, который за короткое время выдер-

маны два издания. Этот сборник в 1911 году
конфирмован Главным Управлением по эт-
налическим делам.

В 1910 году написан первый роман
на киргизском языке "Бакытсыз Азамат"
2-е издание которого вышло не давно
в продажу.

В 1912 году издан сборник моих стихотворе-
ний "Азамат", первое издание кото-
рого в настоящее время находится в руко-
писи в Бишкеке.

Кроме моих стихотворений,
вышло, изданных.

Написано мной много переводов в 1911 г. со-
трудничая в киргизском издании
"Аз-кат", изд. в Ташкенте, это пере-
лажив мои стихотворения и рассказы.
За последние время посетил
сотрудничая киргизской газете "Казак",
изд. в Оренбурге.

М. Д.

Ф.И. Предоставлено Вам полное право
сохранять, издавать по своему
усмотрению.

М. Д.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА

*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**И. М. БЕСПАЛОВ, П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ,
И. Л. МАЦА, И. М. НУСИНОВ, В. Ф. ПЕРЕВЕРЗЕВ,
Н. А. СКРЫПНИК, В. М. ФРИЧЕ**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

О. М. БЕСКИН

ТОМ ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 0

пешанности, 1910; Mächal Jan, Slovnická Literatura, III, I, Praha, 1922.

ДУДАРЬ Алесь [1904—] — белорусский поэт, б. член лит-ой группы «Поляны». На лит-ое поприще выступил в 1921. Вышли его сборники: «Шанхайский пошук», «Ветка», «Галацкая і сталевая» и ряд др. Мелкобуржуазный характер творчества Д., национал-демократические убеждения и идеологическая вредность автора делу пролетарской революции завершились в 1929 переходом Дударя в лагерь контрреволюции, что выразилось в создании и распространении контрреволюционных произведений. Под псевдонимом Тодар Глыбоцкий Д. известен как литературный критик, на протяжении нескольких лет спекулировавший именем пролетариата; прикрывался марксизмом, он старался разложить пролетарскую лит-ру.

ДУДЫШКИН Степан Семенович [1820—1866] — журналист и критик, сотрудничал в «Отечественных записках» (см.); после смерти Валерияна Майкова заведывал критическим отделом этого журнала, а с 1861 был его фактическим редактором. Д. — автор целого ряда критических и публицистических статей, в которых он выступает сторонником «эстетической критики». Вместе с Анненковым и Дружининым Д. представлял дворянское направление в критике 50-х гг., достаточно умеренное и мало оригинальное.

Библиография: I. Статьи о Фонвине, «Отеч. записки», 1847, №№ 8 и 9; о Кюльтаре, «Современник», 1848, № 11; о Тургене, «Отеч. записки», 1857, №№ 1 и 4. Д. было издано одно из сборников эстетич. Дудышкина о характеристике творчества, СПб., 1880 и 1883 (два изд.).

II. Прогрессив. А. Сочин., т. I и II, СПб., 1876, стр. 535, 568; Писарев Д. И., Сочинения, т. I и IV, СПб., 1894; Писарев Д. И., «Литературные воззрения и «Воспоминания о Белинском», СПб., 1874, т. I, гл. 6; Старицкий А. В., Очерк из забытых литератур, Воспоминания, «Исторический вестник», 1886, № 12; «Очерк по истории русской критики», т. I, М., 1929 (ст. И. Ф. Бельчикова).

III. Вейнберг С. А., Исследования советских историков, т. II, СПБ., 1919.

ДУЛАТОВ Мэр-Жакуб [1885—] — крупный современный казахский поэт, журналист, лидер партии «Алаш». Р. в семье казака-скотовода, образование получил сперва в аульской школе, затем в Тургайском 2-классном русско-киргизском училище; был аульным учителем. Начало лит-ой деятельности Д. относится к 1906. В 1909 он выпустил первый сборник стихов «Оян, казак» (Проснись, казак), через год роман «Бахтсыз Жамал» (Несчастная Жамал), который изображает угнетенную казахскую женщину. В 1913 вышел второй сборник стихов Д. под названием «Азамат» (Юноша), в к-ром, наряду с оригинальными произведениями, напечатаны переводы на казахский язык стихотворений: «Спор» Лермонтова и «Роза» Пушкина.

Д. занимался также публицистикой, сотрудничал в ряде казахских периодических изданий: «Казақ», «Брили-Туп», «Ал-жол», «Айкыш», «Шолпан», «Сава» и др.

Являясь одним из идеологов молодой казахской буржуазии, Д. в своих произведениях воспевают национальное возрождение казахского народа, необходимость перехода

к культурному образу жизни, улучшения положения женщины и т. д. После Октябрьской революции Дулатов является одним из организаторов буржуазно-националистической партии «Алаш», а затем и правительства «Алаш-Орда». Он не отказался от своих взглядов и после советизации Казахстана. Как литератор в данное время Д. находится на правом фланге казахской лит-ры.

Библиография: Опл. пазия, Казань, 1909; Бахтсыз Жамал, Казань, 1910; Азамат, Казань, 1913.

ДУМЫ — украинские исторические песни особой формы (свободные по ритму и лишённые строгости членения), создавшиеся в казацкой среде XVI—XVII веков и записанные в XIX в. от профессиональных певцов (кобзарей); как пережиток прошлого сохранились в СССР до наших дней. Название «думы» подобно великорусской «былине» — позднейшего происхождения, хотя с иным значением встречается у польских писателей в применении к украинским песенному творчеству еще в XVI в. (Сарницкий в своей летописи под 1506 говорит напр. об «элегиях, которые у русских называются думами», но имеет в виду вероятно похоронные песни-причитания). В старейших записках Д. именуются просто «повестями»; в кобзарском обиходе — козачими, лышарскими, молодецкими песнями; впервые в 1827 Максимович назвал (вероятно, под польским влиянием) думами «героические песни» о былинах (т. е. о событиях), относящихся по преимуществу ко временам гетманства до Скоропадского [1709]. Большинство Д. по своему жанру — лиро-эпические песни (т. е. песни, в основе которых лежит эпический мотив, но в лирическом эмоциональном его освещении: тип, представленный в лит-ре старинным испанским «романсом» или сербскими песнями о битве на Косовом поле и под.). Однако от прочих лиро-эпических и в частности исторических песен Д. довольно ясно отличаются способом передачи и формой. Песни поются, Д. исполняются мелодийным речитативом; форма песни более или менее устойчива — Д. (подобно былинам) импровизируется, причем даже при повторном исполнении одной и той же Д. детали текста могут видоизменяться; стих Д. — свободный, причем следующие друг за другом стихи обычно неравносложны; песни делятся на равные по количеству стихов строфы, в Д. такого деления нет, и возможно подметить лишь членение на неравносложные периоды или тирады, замещающие определенный образ или законченную мысль.

Когда и при каких обстоятельствах возникла в украинской лит-ре форма Д. — в настоящее время еще трудно сказать с полной определенностью. Были попытки связать ее с поэтическими формами феодальной Украины — Руси XII в., напр. со «Словом о полку Игореве», где имеются сходные с Д. мотивы и приемы. В нападении украинских исторических песен Антоновича и Драгоманова

Амх

29.11 - 1911.

Здравствуй з. Гордеевич!

Писано тебе много писем в
Оренбург передр отсюда в Амх
(на несколько дней), но я пишу не
много. В действительности свавременно, на
твоем приближении.

Вы спрашиваете, каковы горы под
разумеваетесь под "Сара-арка".

Сара-арка - не горы. Частично поверх-
ности Вулканская гора, почти заки-
нутая Английский, Семипалатин-
ский и Тургайской областями пре-
стольными равнинными и казахме-
-равниной; эту равнину называют
"Сара-арка" и "Ар-
Арканский далай".

Съ помини м. А. Восток

*) Дана - Стейн.

подойдя близко, зацелкает зубами, что же останется бедняжке, как не умереть?!

Сколько так прошло времени? Дядя лев, наконец, пришел в сознание. Пословица говорит: «Всякой вещи, как бы совершенна она ни была, приходит конец», — так пришел конец однажды и богатырю.

Некоторое количество зверей жило в другом месте; у них, говорили, справедливость была в обычае. Хотя и немного было взаимно согласных зверей, но был у них один доблестный хан.

Он задумал одно искусное дело, расскажу-ка я про него: «Достигну-ка крепко главенства над зверями и, называясь известным миру ханом зверей, уйду из сего мира с этим именем», — думал хан.

С этим намерением он вступил в борьбу со львом и выкинул невиданное дело. Малое количество зверей взяло верх над большим и отняло у льва его логовище.

Эти самые звери, по природе хоть и невелики ростом, но по храбрости и хитрости удались. Поглядывая на льва и посмеиваясь над ним, они теперь лежат на острове.

Видишь ли ты, как мой дядя лев пришиблен, как он страдает, будучи побежден своим врагом? Говорит: «Не вышло ли какой грешной гадости из моих дел?» — он поклялся теперь не чинить несправедливости.

Сидел однажды лев и думал, а потом собрал народ, покаялся и устроил пир. «Да не поступит впредь подло сильный со слабым», — сказал он.

Не осталось зверя, на пиру не побывавшего: лисицы лесные и степные, лошаки, сайгаки, сурки, зайцы, волки, медведи, лоси, серны, барсуки и мыши; пошли туда все суетящиеся животные.

Вот просьба, высказанная ими льву: «Убери со своих мест волков, о которых мы сейчас скажем. Мы не хотим ходить по тем местам, где ходят они. Они ни одного решительно дня не дают прожить спокойно».

«У смиренного зверя враги — волк и кабан, а также злодеи — тигр и дракон!» — говорили жалобщики. «Вы, простирая язык, браните моих друзей!» — сказал лев и, разгневавшись, рассеял пир.

Во второй раз собрались давешние звери. «Хоть станешь поносить и убивать, мы не уступим!» — сказали звери в один голос.

Распустив пир, лев опять загредел, и многим за скандал он отомстил. В третий раз он собрал все население, но некоторых негодных зверей он не позвал.

На льва эти бедняжки рассердились и сказали: «Если хочешь, унижай нас и высылай вон!». Лев отвечал: «Вам нет дела! Вы понапрасну расстраиваете собрание!».

Навернулись у них из-за этого на глазах слезы, кто уверен, что не придет ему на голову презрение? У льва же было намерение самостоятельно шагать вперед.

Не исполнил лев того, в чем он клялся, и не положил предела спорам зверей. Поступив против приказания, которое сам же сделал, выпросил он себе кольцо на здоровую голову.

Звери те сказали: «Не будет теперь покоя» и кучами стали собираться ежедневно и совещаться. Хотя я сам и не ходил на них смотреть, поверьте, читатели, я не лгу.

Как придет тебе на ум, пусть так и будет. Только, глядя со стороны, не относись с презрением, а вдумайся в смысл. Я не решаюсь говорить напрямик, но приблизительно такой я видел сон.

НА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 47. Л. 58—59 и об.

№ 53. 22 апреля 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати в Казанский временный комитет по делам печати об ускорении делопроизводства по книге «Проснись, казах!».

Главное управление по делам печати предлагает Казанскому временному комитету ускорить сообщение сведений, затребованных предложением от 15 марта за № 3522.

Подписал: исполняющий дела начальника Главного управления по делам печати граф Татищев.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 62.

№ 54. 5 мая 1912 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о причинах задержки заключения Н. Ф. Катанова.

Вследствие предложения Главного управления по делам печати от 15 марта текущего года за № 3522 Временный комитет по делам печати имеет честь представить копию с отношения своего прокурору Казанской судебной палаты от 28 апреля с. г за № 713 с просьбой об утверждении ареста на присланную Главным управлением брошюру на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, казах!») соч. Мир-Якуба Дулатова с приложением русского перевода некоторых стихотворений из этой брошюры, подготовленного членом комитета проф. Н. Ф. Катановым.

При этом комитет считает своим долгом присовокупить, что замедление в движении этого дела произошло вследствие того, что проф. Н. Ф. Катанов нашел нужным сделать более точный перевод некоторых стихотворений из книги Дулатова, так как в докладе проф. Смирнова излагалось лишь содержание этих стихотворений.

Председательствующий М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 64.

№ 55. 12 мая 1912 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати прокурору Казанской судебной палаты по поводу заключения об аресте брошюры «Проснись, казах!» и привлечении М. Дулатова к суду.

Главное управление по делам печати 15 марта 1912 г. за № 3522 препроводило на рассмотрение Казанского временного комитета по делам печати брошюру на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, киргиз!») соч. Мир-Якуба Дулатова (Уфа, 1910 г. Типография «Восточная печать» т-ва «Каримов, Хусаинов и К°», 100 с.).

Рассмотрев означенную брошюру по докладу члена комитета проф. Н. Ф. Катанова, комитет признал содержание ее преступным и постановил наложить на нее арест.

Вследствие этого, представляя перевод некоторых стихотворений из названной брошюры, в которых возбуждается в киргизах ненависть к русским переселенцам в киргизские степи, и особенно стихотворение под заглавием «Загадка», в котором заключается грубое издевательство над особой Государя Императора, Комитет по делам печати имеет честь просить Ваше превосходительство, во-первых, о представлении на рассмотрение судебной палаты вопроса об утверждении ареста, наложенного комитетом на данную брошюру, во-вторых, — о привлечении к судебной ответственности ее автора, Мир-Якуба Дулатова, по ст. 128 и п. 6 ст. 129 уголовного уложения.

При сем прилагается один экземпляр означенной брошюры Дулатова.

О последующем Казанский временный комитет по делам печати имеет честь просить Ваше превосходительство почтить уведомлением. Подлинное за надлежащей подписью верно: член комитета Фролов.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Брошюра на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, киргиз!») соч. Мир-Якуба Дулатова (Уфа, 1910 г. Типография «Восточная печать» т-ва «Каримов, Хусаинов и К°») была напечатана в количестве 1000 экз., восемь из них были представлены в С.-Петербургский комитет по делам печати, в чем и выдана расписка сего комитета от 13 марта 1910 г. за № 5960. Названная брошюра была послана на рассмотрение действительному статскому советнику Смирнову и комитету не докладывалась.

23 января 1912 г. Главное управление по делам печати ввиду наложения Казанским временным комитетом ареста на 2-е издание брошюры Дулатова, отпечатанной в 1911 г. в типографии газеты «Вақыт» в г. Оренбурге, предложило С.-Петербургскому комитету рассмотреть вновь 1-е издание названной брошюры. Представлением от 6 марта с. г. С.-Петербургский комитет уведомил Главное управление, что им усмотрены в содержании брошюры «Оян, қазақ!» признаки преступлений, караемых ст. 128 и п. 6 ст. 129 уголовного уложения.

15 марта с. г. Главное управление по делам печати, принимая во внимание, что названная брошюра, как напечатанная в г. Уфе, подлежит ведению Казанского временного комитета, предложило названному комитету рассмотреть, со своей стороны, брошюру Дулатова и поступить в дальнейшем согласно требованию закона.

Представлением от 5 мая с. г. Казанский временный комитет по делам печати донес Главному управлению, что 28 апреля с. г. им наложен арест на брошюру Дулатова «Оян, қазақ!» и возбуждено перед прокурором Казанской судебной палаты ходатайство об утверждении означенного ареста и о привлечении к судебной

ответственности ее автора, Мир-Якуба Дулатова, по ст. 128 и п. 6 ст. 129 уголовного уложения.

Верно: за помощника правителя дел Богданович.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 74 и об.

№ 56. 12 мая 1912 г. Отношение Казанского временного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати об утверждении ареста на книгу М. Дулатова «Проснись, казах!».

Прокурор Казанской судебной палаты отношением от 12 мая за № 419 уведомил Казанский временный комитет по делам печати, что определением Казанской судебной палаты от 8 мая утвержден арест на брошюру Мир-Якуба Дулатова на киргизском языке под заглавием «Оян, казах!» и что о производстве по этому делу предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного п. 6 ст. 129 уголовного уложения, прокурором палаты сообщено прокурору Казанского окружного суда.

О сем в дополнение к представлению от 5 мая за № 776 комитет имеет честь сообщить в Главное управление по делам печати.

Председательствующий М. Пинегин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 75.

№ 57. 12 мая 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати судебному следователю Оренбургского суда по важнейшим делам о времени доставки первого издания книги М.-Я. Дулатова «Оян, казах!» в С.-Петербургский комитет по делам печати.

Вследствие отношения от 28 января с. г. за № 60 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше Высокородие, что узаконенное количество 1-го издания брошюры Мир-Якуба Дулатова под заглавием

«Оян, казак!», отпечатанной в 1910 г. в «Восточной типографии» т-ва «Каримов, Хусаинов и К°» в Уфе, было представлено в С.-Петербургский комитет по делам печати 13 марта 1910 г.

28 апреля с. г. Казанским временным комитетом по делам печати наложен арест на 1-е издание названной брошюры Дулатова и возбуждено перед прокурором Казанской судебной палаты ходатайство об утверждении означенного ареста и о привлечении к судебной ответственности ее автора, Мир-Якуба Дулатова, по ст. 128 и п. 6 ст. 129 уголовного уложения. К сему Главное управление присовокупляет, что экземпляров 1-го и 2-го изданий брошюры Дулатова «Оян, казак!» в распоряжении Главного управления нет.

Подписал: исполняющий дела начальника Главного управления по делам печати граф Татищев.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел граф Головин.

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249.
Л. 63 и об.

№ 58. 19 мая 1912 г. Отношение Главного управления по делам печати губернаторам областей Российской империи.

Приговором Одесской судебной палаты от 27 февраля с. г. постановлено уничтожить издание брошюры под заглавием «Что такое еврейский рабочий?» (Перевод с еврейского. Издательство Фрайланда. Одесса, 1906 г. Типография Я. Х. Шермана.)

Приговором Московской судебной палаты от 1 марта 1912 г. постановлено уничтожить издание брошюры под заглавием «Эволюция русской социалистической мысли». (Книгоиздательство «Зарница». Цена 10 коп. Нижний Новгород. Типография И. М. Гець. 1906 г.)

Определением Московской судебной палаты от 7 апреля 1912 г. утвержден арест, наложенный Московским комитетом по делам печати на брошюру под заглавием «Около думы». (Сборник статей. М., 1907 г. Типография Ф. Я. Бурче.)

Определением Вильненской судебной палаты от 25 апреля утвержден арест, наложенный Вильненским временным комитетом по делам печати на брошюру на еврейском языке под заглавием «Ди цайт». (Сборник. Вильна. 1912 г. Типография «Издательская».)

Определением Казанской судебной палаты от 8 мая 1912 г. утвержден арест, наложенный 28 декабря 1912 г. Казанским временным комитетом по делам печати на брошюру на киргизском языке под заглавием «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, киргиз!») соч. Мир-Якуба Дулатова. (Уфа. 1910 г. Типография «Восточная печать» т-ва «Каримов, Хусаинов и К°».)

Определениями С.-Петербургской судебной палаты от 15 мая 1912 г. утверждены аресты, наложенные С.-Петербургским комитетом по делам печати на брошюры:

1. *Артур Арну*. «Народная история Парижской коммуны». Полный перевод с французского В. Александрова. СПб., Издание Н. Глаголева. Цена 80 коп. Типография Монтвила.

2. *Карл Каутский*. «О национальном вопросе в России». (Перевод с немецкого корректурного листа.) Издание А. Арабидзе. СПб., 1905 г. Цена 5 коп. Типография Бузе и Лассмана.

3. *Н. Ленин*. «Услышишь суд глупца». (Из заметок с.-д. публициста). Цена 5 коп. Книгоиздательство «Новая Дума». СПб., 1907 г. Типография т-ва «Дело».

Об изложенном Главное управление по делам печати сообщает Вам, милостивый государь, для сведения и зависящих от вашей стороны распоряжений.

Подписал: за начальника Главного управления по делам печати член совета А. Катенин.

Скрепил: исполняющий обязанности правителя дел
граф Головин.

Верно: за помощника правителя дел (подпись).

РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911 г. Д. 249. Л. 76 и об.

Галиев В. З. Книга, разбудившая народ.
Алматы, 2011. С. 91, 122, 159—160, 426—523.

№ 59. В 1914 г. Лазаревский институт восточных языков, который позднее был реорганизован в Московский институт востоковедения, издал «Восточный сборник» в честь русского историка литературы, выдающегося профессора Петербургского университета, академика Алексея Николаевича Веселовского. В него вошли биографии и литературные труды двух казахских писателей — Абая Кунанбаева и Мыржакыпа Дулатова в переводах Н. Рамазанова и С. Сабатаева (вероятно, это первые художественные переводы их произведений).

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

Биография*

Происходивший из рода тобыкты, поэт Абай (Ибрагим) Кунанбаев родился в горах Чингиз (Семипалатинского уезда). В нем ярко олицетворяется переломная пора в духовной жизни киргизского народа. Он впитал в себя аромат киргизских степей. Певец привольного кочевья, он был ходячий сборник устной народной словесности, но он видел, что разлагаются уже устои народного быта, и образно выразил щемящую тоску

* Источник для биографии Кунанбаева — статья А. Букейханова в Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Вып. III. Семипалатинск. 1907, с. 1—8 (с портретом).

в словах: «акыны» (народные певцы) золотое слово песни превратили в медь». Он ясно отдавал себе отчет в судьбе народа, потому что рано был захвачен русским влиянием.

Первый из киргизов испытал он на себе силу русской школы, а знакомство с политическими ссыльными в 80-х годах расширило его умственный горизонт, — он горячо полюбил русскую литературу*. Он перевел «Евгения Онегина» Пушкина, и письмо Татьяны, переложенное на музыку, давно уже раздается в степях. Обличительный дух был ближе ему; он переводил басни Крылова, а в одном из своих стихотворений, ополчась против должностных переводчиков-киргизов, бессовестно обирающих народ, он говорит: «Видно, они никогда и не слыхали ни о Л. Толстом, ни о Салтыкове».

Еще в молодых годах Абай Кунанбаев, отличавшийся необыкновенным умом и красотой, становится во главе своих сородичей, тобыктинцев. Никто лучше не знал старинных судебных обычаев, никто не умел, как он, решать легко трудные судебные вопросы, часто возникающие между киргизами. Сородичи избрали его волостным управителем; но, когда он в борьбе с невежеством народа, начал беспощадно наказывать пороки, — против него образовалась партия. Разочаровавшись в народе, он добровольно отказался от должности.

В одном стихотворении он так говорит:

«Несчастной судьбой мне предопределено быть мучеником невежественного народа. Дома я изнываю в одиночестве. Теперь я знаю, как подчиняются судьбе! Я удостоен звания «человек», а мой народ хочет стереть это достоинство. Ложь и сплетня — вот девиз моего народа. Я разочарован. Не ходя на их сборища,

* Герасимов Б., Михаэлис Е. П. Записки Семипалатинского подотдела. Вып. VII. С. 1—2.

сидя дома, пока не обратятся к тебе. О Боже! Могут ли я сносить это и одиноко сидеть дома?»*.

В своих стихотворениях он изображает отрицательные стороны жизни киргизского народа, задевает самолюбие соплеменников, чтобы таким образом искоренить в них дурные привычки.

Стихотворения Кунанбаева путем устной передачи или переписывания распространяются среди киргизов, живших за пределами его волости. Только не производят они никакого впечатления на его сородичей, тобыктинцев. Абай горько жалуется:

«О, Великий Боже, молю Тебя, укажи мне прямой путь! Когда враги хватают меня за горло, я не вижу ни единой сочувствующей души. О, бедные мои слова, которыми восхищаются аргын, найман и Средняя орда! Вы не имеете никакой цены в глазах невежественной толпы тобыктинцев!»...

В последние годы Кунанбаев охотно входил в общение с молодежью. Собрав вокруг себя слушателей, он вел с ними беседы на темы: как жить, какие были на свете ученые, чему учили и т. д. Обо всем он говорил с жаром и увлечением. Советы его не оставались без влияния на молодое поколение. Он называл время, проведенное с молодежью в беседах, лучшими моментами своей жизни.

Как же распространялись в степи стихотворения Кунанбаева?

В степях среди киргизов были профессиональные певцы-поэты. Они разъезжали по аулам и под аккомпанемент домбры пели панегирики в честь местных богачей. Богачи щедро одаривали их. Того, кто скупился на подарки, певцы остроумно высмеивали, и долго на скупца сыпались насмешки. Большей частью поэты были неграмотны; поэтому их стихи забывались, если только кто-нибудь не записывал или не запоминал

* Об этом вспоминал поэт в предсмертном стихотворении «Пожалейте меня!»; обращаясь к молодежи, он как бы предчувствует упреки, которые будут сыпаться на него.

их. Пели экспромтом, вдохновляясь только домброй. Хотя киргизы охотно слушали стихи, втайне однако презирали поэтов, называя их нищими, и вообще были о них невысокого мнения. Тем не менее, когда в ауле появлялся певец, весть об этом быстро распространялась в окрестных аулах.

Вечером киргизы вереницами шли к тому аулу, где гостил певец. Хозяин дома, как бы он ни был беден, закалывал ради певца барана, он гордился, что у него остановился певец. Юрта наполнялась слушателями. Хозяин вежливо намекал, что собравшиеся гости просят сыграть что-нибудь. Певец берет домбру, молча и долго настраивает ее, потом начинает петь.

Сначала он поет любовные песни, потом «кысса» или произведения какого-нибудь поэта. (Раньше киргизы увлекались «кыссой» особенно из истории завоеваний арабов.) После отъезда акына песни распевались памятной молодежью.

Так распространяли певцы и произведения Абая.

Стихи Абая особенно привлекали слушателей. По содержанию они все взяты из жизни народа и художественны по форме.

Когда певец начинает петь насмешливые стихи Абая, слушатели оживают: они находят у себя или у другого те или другие недостатки, остроумно подмеченные Абаем.

Постепенно веселый смех умолкает: слушатели задумываются. Наоборот, настроение слушателей поднимается, когда певец приступает к таким произведениям Абая, как, например, «Охота с орлом на лисицу», «Красота женщины», стихи, посвященные природе, любви и т. п.

В стихах Абая нет лишних слов, как у других киргизских поэтов, которые в погоне за рифмой загромождают тем стихотворения вставочными эпизодами и мотивами. (Такие стихи Абай называет стихами в заплатках.) У Абая слова на своем месте, каждое слово имеет свой глубокий смысл. Киргизы прекрасно по-

нимают достоинства его произведений, поэтому слушают с интересом, хотя Абай беспощадно высмеивает и порицает их, иногда даже проклинает за беспечный образ жизни.

Многие стихи Абая затерялись. Он имел обыкновение писать на первом попавшемся клочке бумаги, когда осеняло его вдохновение, и отдавал написанное тому, кто попросит, или какому-нибудь певцу.

После его смерти из собранных листов составилаcя небольшая книжка стихотворений. Возможно, однако, что многие листы пропали.

Н. Рамазанов

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ КУНАНБАЕВА

Перевод с казак-киргизского

I

Лето*

Из цикла «Четыре времени года»

Когда наступает летом время «чилдэ»**, когда зеленая трава, осока, тюльпаны в полном цвету, когда у бурливой речки располагается кочевой аул, табун ржущих лошадей весь утопает в зелени, лишь шерсть их мелькает из-за зеленой травы, кони — жеребцы и кобылы, — наевшись досыта сочной травы, стоят в реке, отмахиваясь от назойливых мух и ударяя хвостами по воде, а возле них шаловливо скачут жеребята, взад и вперед летают утки и гуси.

Засучив рукава до белых локтей, девицы и молодые раскидывают кибитки, расхаживая плавной кокетливой походкой и перекидываясь между собой

* Тема эта нередко разрабатывается в народной киргизской литературе; ср. *Лаптев И.* Материалы по казак-киргизскому языку (труды по востоковедению, вып. 2). М., 1900. С. 6.

** Время от 20 июня по 1 августа: собственно значит «в течение сорока дней» (перс. слово + окончание местного падежа).

шутливыми словами. Из табуна быстро возвращается в аул довольный хозяин, по знаку которого наливают из сабы* в миску кумыс и ставят у семейного очага одноаульцев. Старшие сидят отдельно, беседуя между собой, иногда пересмеиваясь громко и звонко. Обиженные прислугой ребятишки вертятся возле матери и капризно просят мяса.

Вот под раскинутым шатром, укрывшись от знойного солнца, перед шумящим самоваром важно сидит на разостланном ковре хозяин. Иногда кто-либо, умудренный житейским опытом, рассказывает что-нибудь, слушатели кивают головой, выражая свое одобрение.

А в другом конце аула в белой рубашке выходит, опираясь на палку, седой старик и кричит пастухам, чтобы угнали подальше от его аула скот; он нарочно кричит, как бы заискивая, чтобы хозяин пожалел его, бедняка, и угостил кумысом.

Утром в аул возвращаются табунщики, гарцуя на беспокойных конях; они покачиваются в седлах, а халаты у них спущены с плеч до пояса.

По берегу речки скачут молодые охотники с ружьями и ястребами. Один из них уже пустил своего ястреба на стадо гусей. Гусь не успел подняться, как ястреб схватил его. Бедный старик, глядя на охотников, громко смеется, выражая одобрение.

Перевел С. Сабатаев

II

Аул ночью

Тихая светлая ночь. Отражение месяца дрожит на воде. Около аула глубокий овраг, куда, шумя, низвергается разлившаяся река. Листья густого леса шепчутся между собой. Трава затянула поверхность земли и скрыла песок. Гора отвечает эхом на лай собак и на голоса ночных сторожей. Ты пришла, когда тебе

* Кожаный мешок для приготовления кумыса.

освободили путь. Напрасно боишься ты быть замеченной, то в холод, то в жар бросает тебя, и чуть дышишь ты от волнения. Биение сердца не дает тебе говорить. Ты могла стоять, только опираясь на мою руку, и положила свою голову мне на грудь.

III

Поэт

Когда у поэта стихает тревога сердца, когда божественный талант выплывает из-за туч, когда божий день, ликуя, просыпается от сна, когда все в гармонии подобно текучей прозрачной воде родника, когда очерстневшее сердце очищается от житейской грязи, когда слова, переплетаясь в гирлянду, готовы вылиться из уст, — тогда поэт, опоясавшись, уходит весь в созерцание.

Далеко устремив свой взор, подобно вдохновенному орлу, и освободив себя от земных забот, он заговорит о том, что его печалит и радует. Встрепенувшись, он яростно бросается на обидчиков и невежд. То, что он видит и чувствует, он отдает на суд здравого рассудка и справедливости. И все, что они подсказывают — раздраженное сердце, гневная рука, ядовитые чернила, острый язык — выльют в образы. Не понравится вам — как хотите...

IV

Пожалейте меня!

Когда я умру, сырая земля покроет меня. Язык мой превратится в стыдливую девицу. Бедное сердце, пылавшее враждой и любовью, охладет как лед. Вы будете осуждать меня за недостойные движения увлекающегося сердца. Тогда я, бедный, не буду в состоянии вам ответить и всецело буду в вашей власти. Но будьте осторожны. Разве справедливо сжигать вто-

рично душу мою? Ведь и так уже раз душа моя была смертельно ранена. Вдумайся глубже, отнесись ко мне сердечно, ведь я был не понят. Вырос я в дикой пустыне, где не было ни единой тропинки, — одни буераки. Я боролся один против тысяч. Не вини меня за то, что в молодости, находясь под влиянием окружающего, я был далек от истины, горел гневом... Когда я проснулся, мне не дали воли.

Не повтори моих ошибок! Мой народ, не внимая мне и не давая мне воли, осудил меня, но пожалей хоть ты, прошу, и дай покой, когда я уйду в вечность, наверно, ничего не сделав, но с гордым видом и с сердцем, исполненным огня и яда.

Но довольно мне обнаруживать свои тайные муки: стихи передадут их сплетникам народным.

Перевел Н. Рамазанов

МИР-ЯКУБ ДУЛАТОВ

Автобиография*

Я родился 25 ноября 1885 года в степи Тургайского уезда. Происхожу из Средней орды, рода аргын. Двух лет от роду лишился матери, а 12 — отца. Когда мне исполнилось 8 лет, отец отдал меня на обучение аульному мулле-татарину, человеку крайне невежественному. Не помню, сколько времени учился я у него, знаю только, что, кроме заучивания арабских молитв по афтияку**, ничему не научился.

В 1895 г. отдали меня в аульную школу. Учитель (М. Токтабаев) параллельно с русской грамотой обучал нас и киргизской, хотя это в его обязанности и не входило, и вознаграждения за это он ни от кого не получал. К несчастью, этот добрый учитель скоро был переведен

* Из письма Вл. А. Гордлевскому, известному востоковеду-тюркологу, академику АН СССР.

** Седьмая часть Корана.

от нас, и к нам приехал другой учитель — крещеный башкир. Он мало интересовался судьбою учащихся, был это какой-то странный человек; предоставив учеников самим себе, он постоянно запирался у себя в комнате. После уже обнаружилось, что «педагог» занимался фабрикацией фальшивой монеты, за что вскоре был сослан на каторгу.

В 1897 г. я поступил в двухклассное русско-киргизское училище (в Тургае); окончив училище, я получил звание аульного (сельского) учителя. Так закончилось мое школьное образование.

С 1902 г., служа учителем в киргизском ауле, я посвящал свободное время самообразованию. В школе с русской литературой знакомился я поверхностно и без системы.

Иногда пописывал я и стихи, но не придавал этому никакого значения.

Первое стихотворение мое напечатано в 1906 г. В первом номере первой киргизской газеты «Серке», изданной в Петербурге. До этого времени периодической печати у киргизов не было; газета «Серке» прекратила впрочем свое существование уже на втором номере.

В 1909 г. выпустил сборник стихотворений под заглавием «Оян, казак!» («Проснись, казах!»). Он быстро распространился среди киргизов, выдержав в короткое время два издания. В 1911 г. сборник был конфискован Главным управлением по делам печати.

В 1910 г. написал первый роман из киргизской жизни «Бахытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал»), в котором изобразил униженное положение женщины.

В 1913 г. издан в Оренбурге второй сборник моих стихотворений «Азамат» («Юноша»); здесь помещено несколько переводов из русских поэтов: «Роза» Пушкина, «Спор» Лермонтова.

Занимаюсь я и публицистической деятельностью.

В 1911 г. сотрудничал в киргизском журнале «Айкап», издававшемся в Троицке, где печатались мои стихотворения и рассказы; в последнее время состою

постоянным сотрудником киргизской газеты «Қазақ», издававшейся в Оренбурге.

* * *

Сын степей М.-Я. Дулатов мечтает иногда о былой свободе киргизов. Однако это — строитель жизни, обращающийся к своему народу с мощным призывом «Проснись, казах!». На киргизские земли двигаются полчища переселенцев из России, и для отпора необходимо просвещение: без просвещения киргизы обречены на вымирание. Переход на оседлый образ жизни, изменение в положении женщины — вот основные темы, волнующие его музу; это — поэт гражданский.

Труднее удастся ему роман; в канву рассказа вплетает он, правда, живые картины из быта народа, но действующие лица набросаны эскизно, слабо обоснована финальная часть (смерть Али).

Н. Р.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ М.-Я. ДУЛАТОВА

Перевод с казак-киргизского

I

Прежняя жизнь киргизского народа

Как прекрасна была прежняя кочевая жизнь киргизского народа!

Веселая молодежь старалась перещеголять друг друга*. Кочевые начальники ехали впереди: в этом было молодчество. Джигиты на быстроногих конях, украшенных перьями, устраивали байгу**.

Вот рядами расположились аулы по берегам озера. Как очаровательны были эти белые юрты! Привязанные*** жеребята богатых людей лежат на зеленом ковре.

* Парни и девушки ехали верхом, пышно одетые, на красивых конях.

** Скачки.

*** Во время дойки кобыл.

Люди и животные наслаждались как в раю земном. Вот шумит от выпитого кумыса толпа молодежи. Все сыты и довольны. Молодые женщины и девушки отправляются за малиной и брусникой. Богачи отличаются щедростью и помогают бедным. Рождается ли ребенок, выдают ли замуж или женится джигит — устраиваются той и байга. Какие удивительные поминки справляются по покойникам, известным в народе своими достоинствами! Когда заколют барана, жеребенка и пьют кумыс, тогда только между собравшимися гостями завязываются веселые разговоры.

Разве осталось теперь что-нибудь от этой вольной жизни киргизов? Люди, в памяти которых еще живо былое счастье, скорбят теперь. Вся надежда на молодое поколение, стремящееся к знанию. Благодаря образованию молодежь добьется светлых дней.

II

Киргизские земли

В 1731 г. мы приняли покровительство России. Видя нашу некультурность и слабость, кто не воспользовался бы нами? В 1868 г. объявили, что все земли будут принадлежать казне. С каждым годом уменьшаясь, наши земли достались переселенцам.

Люди почетные, влиятельные, обратите на это внимание! Говорят: «Куй железо, пока горячо»; не следуя этой пословице, вы берете на себя ответственность за слезы будущих поколений. О, родные, дорогие земли, вы все ушли к переселенцам! Священные могилы предков наших теперь среди улиц деревни. Каменные памятники над ними будут употреблены мужиками для бань, деревянные загородки пойдут на топку. Не находя впоследствии никаких признаков старых могил, мы будем ручьем проливать слезы. Большие озера, текучие булаки*, удобные летовки и леса — все отчуждено. Когда подумаю обо всем этом, я схожу с

* Родник.

ума, горю, как в огне, от горя. Ведь мы приняли подданство, не отдавая своей земли, надеялись жить под сенью справедливости. Если отдать теперь последнюю землю, придется пасти скот на песке. Простой народ ошеломлен.

Люди просвещенные, вся надежда на вас! Киргизы, где теперь ваши земли, на которых вы жили с тех пор, как образовалось племя «казах»? Прогнали вас и отдали землю под хохлацкие селения. Землемеры нарезают для переселенцев лучшие участки: луга местности с пресной водой, высокие горы, текущие ключи, большие озера и холмы. Где мужи, которые остановили бы их? Теперь нам негде кочевать со своими стадами. Мы круглый год топчемся на одном месте. Оставлены нам соленые озера, безводная степь, неудобная для земледелия. Разве можно заниматься скотоводством на песчаной каменистой местности? Куда денут теперь люди богатые свои табуны? Вот двигаются к нам переселенцы как тучи: они проглотят все земли киргизов. Пришли, занялись хлебопашеством, разбогатели. Разве они так ленивы, как наш народ?

Видишь, киргиз, жизнь становится все труднее и труднее. На твою судьбу не обратят внимания. Каково будет твое положение, казах, когда по новому проекту каждому дадут по 15 десятин земли?..

Перевел Н. Рамазанов

III

Тоска*

О сердце, скажи правду, куда ты идешь? Что пользы ты находишь в скитании? Разве не пришла пора остановиться? Без отдыха скачешь ты день и ночь, шаловливо наступаешь на огонь и не стоишь на месте. Напрасно не даешь ты покою моей головешке. Разве не знаешь: твой недруг будет злорадствовать, что ты

* Напечатано в газете «Казах», 1918, № 35.

за легкомыслие получаешь воздаяние? Остепенись же, сердце, не будь посмешищем! Не береги ран моих!

Тогда опечаленное сердце сказала мне: «Тоскую я по степям Сары-Арки*. Дай мне вдоволь поскитаться по долинам Есиля**, Нуры, Идиля***, Джайка****. Дай отведу душу и постранствую по горам Урала, Алтая, Тянь-Шаня; погляжу, в каком положении находятся выросшие на свободе дети славных казахов, есть ли у них еще бывшая свобода. Пусть своими глазами увидит твое избалованное сердце. Или, может быть, овладели ими чужие? — пусть все поразведает несчастный твой друг; есть ли хан и бай****, бий***** и батыр*****, бы-лое широкое разгулье, ас***** и той*****; сохранился ли шумный обычай барымты, когда решались тяжбы двумя словами и быстро различались правда от лжи?»

При этих словах зарыдало мое сердце: «Тебе дороги города русских и татар». Размягчился и я, не вытерпел и вымолвил: «Голубчик, твоя воля, если хочешь, можешь идти!».

Перевел С. Сабатаев

БАХЫТСЫЗ ЖАМАЛ

Краткое содержание

Сарсенбай, не имея детей от своей жены Калампыр, долгое время не решается, однако женится на другой, потому что опасается протестов со стороны Калампыр.

* Или Сары-Арканың даласы – степь, которая тянется через Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области.

** Ишим.

*** Волга.

**** Урал (Яик).

***** Богач, хозяин, герой.

***** Князь, судья.

***** Герой, богатырь.

***** Поминки.

***** Пир (свадебный).

Конец его колебаниям положил случай, происшедший с ним в гостях.

Один приятель за чашкой кумыса, как бы шутя, обозвал его «кубасом» (голый череп). Так ругают бездетных — слово очень оскорбительное. Обиженный и опечаленный Сарсенбай возвращается вечером в свой аул и не отвечает на вопросы своей жены, которая хотела было осведомиться о причине его недовольства.

Утром он созывает близких родственников и старых соседей и сообщает о своем намерении жениться.

На совете присутствует и Калампыр. Все одобряют его намерение: «Ведь шариат даже обязывает правоверного жениться снова, если он не имеет детей. Мусульманин всегда должен рассчитывать на милость Божью; единственное существо, которому раз и навсегда отказано в милости Божьей, — это шайтан, враг Божий. Да и сам пророк, не имея мужского потомства, брал несколько жен.

Калампыр, видя бесполезность сопротивления, тоже дает свое согласие на брак.

48-летний Сарсенбай решается взять в жены дочь умершего муллы, которая жила у своего опекуна-родственника. Опекун, прельстившись богатством Сарсенбая, выдает за него 14-летнюю Шолпан.

Калампыр первое время относится к Шолпан неприязненно, но когда у Шолпан рождается дочь, вражда прекращается; Калампыр даже полюбила новорожденную.

Обрадованный рождением дочери, Сарсенбай устроил большой той, на который пригласил несколько аулов. Новорожденной дают имя Жамал.

До 9-летнего возраста Сарсенбай одевает Жамал в мужское платье. (Так утешают себя люди, у которых нет сыновей. Этот обычай среди киргизов встречается теперь очень редко.)

Однажды какой-то мулла старых воззрений в гостях у Сарсенбая узнал, что под платьем мальчика скрывается девочка, прочитал Сарсенбаю ряд наставлений. «Нужно одевать ее как девочку, — сказал мулла, — а то ты выражаешь как будто протест против милости Бога за то, что он даровал тебе девочку, а не сына. Это большой грех! Мы при всяких обстоятельствах должны быть благодарны Всевышнему. Если хочешь обучать ее, обучай непременно у мулл старинных. Нынешние молодые муллы со своим новым методом испортят девочку, а главное, они на религиозное воспитание совсем не обращают внимания; все у них переделано по-русски».

Сарсенбай — человек темный; он слепо верит всему, что говорят муллы; поэтому он обещал мулле исполнить все в точности.

Нанимая для Жамал учителя, Сарсенбай предупреждает, что он должен учить ее непременно по старинному. Тот притворяется муллой старого закала, не знающим «нового метода».

Вместо гонорара Сарсенбай предлагает ему свой закат (который он и без того должен раздавать ежегодно бедным). «А если, — прибавляет он, — умрет, на твоё счастье, какой-нибудь старик или старуха, тебе будет лишний доход». Бедный учитель, искавший работы на лето, соглашается на все условия.

У Жамал обнаруживаются прекрасные способности, и учитель жалеет, что хозяин не соглашается учить ее по новому методу.

Он обращается к матери Жамал, которая предлагает ему учить девочку так, как для нее лучше. Старик об этом ничего и не узнает.

К осени учение Жамал прекращается: учитель уезжает в Уфу в медресе. Но девочка успела уже научиться грамоте.

С тех пор она с увлечением принимается читать различные народные произведения.

У нее в маленьких сундуках можно было видеть «кыссы»* огероических подвигах Заркум, Салсал) и т. п.

Когда у Сарсенбая бывали гости, старик говаривал: «Душечка Жамал, прочитай-ка гостям свою кыссу». Она читала вслух. Гости оставались довольны. Все в околоте похваливали Жамал. В волости, где проживал отец Жамал, должны были происходить выборы волостного управителя, народных судей и т. д., знакомые увещевают Сарсенбая выставить свою кандидатуру на должность народного судьи.

Сарсенбай на выборах проваливается, пропадают деньги, которые он израсходовал на подарки голосовавшим за него.

Причиной неудачи был влиятельный богатый киргиз волости Байжан, ни за что не желавший видеть Сарсенбая судьей, он-то и повлиял на выборщиков.

У Байжана есть 17-летний сын-дурачок по имени Жуман. Байжан хочет женить его на хорошей невесте. Узнав, что у Сарсенбая есть дочь, он посылает к нему свата.

Друзья Сарсенбая советуют ему изъявить согласие на предложение Байжана, указывая на выгодность связи с богатым и влиятельным человеком. Сарсенбай соглашается.

Жамал узнает, что жених Жуман ей не пара. Она мучается и удивляется, как искренне любящий ее отец просватал ее за дурачка, она начинает худеть с каждым днем. Мать беспокоится за ее здоровье. Случайно открыв ее сундук, находит она стихи, в которых Жамал оплакивает свою несчастную судьбу. Мать сочувствует ей, но она бессильна что-либо сделать.

* Это казанские издания (на киргизском языке) очень распространены и между татарами.

Однажды она упрекнула мужа в том, что он решил из-за выгоды выдать любимую дочь за дурака. Сарсенбай сказал ей, что дело уже кончено: «Байжан сумеет расправиться с нами, если мы вздумаем выдать ее за другого, он ведь силен и влиятелен, теперь поздно, значит, такова ее судьба». Опечаленная ответом мужа, Шолпан уже не обращается больше к Сарсенбаю с подобными вопросами.

Случайно на вечеринке Жамал встречается с молодым человеком, красавцем Али, который по правилам одной игры должен был сидеть около нее.

Молодежь на вечеринке сидела парочками и пела песни по очереди под аккомпанемент домбры. Спел и Али.

«Прекрасная девица, — начал он, — бесценна, подобна драгоценным камням, когда достигнет 17-летнего возраста. Она подобна яблоням, растущим в раю: если только достигнет рука, какой джигит откажется вкусить плод».

Дошла очередь и до Жамал; поняв комплимент Али, начала она восхвалять свободу жигитов и сравнивать с ней положение девушек:

«Жигиты вольны как птицы, которые улетают в теплые края при наступлении суровой зимы; когда затмевается их счастливая звезда, они могут еще надеяться и искать счастья в другом месте.

А бедные девушки, подобно соловьям, проводят жизнь в клетке. Отдают их тому, кто дает больше калым, и несчастная со слезами на глазах уходит из отцовского дома. И не милостивы к ним в этом случае родители, сколько ни любили их».

Отец Али, Дюйсебек, проживал в одной волости с отцом Жамал, но Али показывался в аулах очень редко. Первый раз его видит здесь Жамал, потому что детство свое он провел в городе, обучаясь там в ново-

методном медресе. Брал он также частные уроки русского языка. По окончании курса в медресе он занялся торговлей, жил все время в городе, изредка навещая своих родителей.

Он и на вечеринке то был случайно, приехал только что из города.

Жамал и Али полюбили друг друга. Они разговаривались. У Али возникла мысль во что бы то ни стало избавить девушку от немилого жениха.

Это было очень рискованно: если бы он увез ее к себе домой, влиятельный Байжан угнал бы весь отцовский скот и разгромил бы его дом, наконец, отобрал бы с позором Жамал; досталось бы также и отцу Жамал.

Он находит поэтому другой способ: он увезет ее в город и будет искать поддержки у знакомых татарских купцов. Он полагает, что по крайней мере в городе Байжан не осмелится отобрать силой Жамал.

О своем плане он пишет Жамал. Девушка долго не решается; она боится опозорить своего любимого отца и открывает тайну своей матери. Шолпан, сама недовольная дурачком Жуманом, одобряет задуманный план.

И вот ночью Али, при помощи двух своих товарищей и Шолпан увозит в город к купцу Фатхулле. Али не ошибся, купец встречает беглецов радушно и обещает им помощь, если Байжан осмелится приехать за ними в город.

Как только Байжан узнал о случившемся, он немедленно распорядился угнать скот родителей беглецов и созывает съезд народных судей. Взятками склоняет их на свою сторону.

Съезд народных судей выносит резолюцию, что якобы Али увез законную жену Жумана, сына Байжана. (Байжан представил подложное свидетельство от муллы о браке, заключенном уже года два тому назад.)

Угнанный скот должен остаться у Байжана; кроме того, съезд обязал отца Али доставить беглецов в аул.

Противная сторона, недовольная решением съезда, подает жалобу крестьянскому начальнику и губернатору. Тяжба затягивается года на два.

Тем временем Али и Жамал переезжают из города к дальнему родственнику юноши, проживающему в другой волости.

Внезапно Али заболевает. Болезнь развивается очень быстро, и через две недели он умирает на руках Жамал. Горе и отчаяние Жамал безграничны.

Приезжают родители и убитую горем Жамал увозят домой. Находятся посредники, которые хотят помирить Сарсенбая с Байжаном. Спрашивают Жамал, пойдет ли она теперь за Жумана.

Она заявляет, что ее счастье разбито, она любила Али, но его нет, теперь она никого не может любить, ей все равно: Жуман или другой. Пусть делают, как удобнее будет ее родителям, перед которыми она виновата. За Жамал приехала мать Жумана и увезла к себе. Жуман начинает мстить Жамал; она молча переносит побои, насмешки.

Через год поведение Жумана стало еще хуже. Чаша терпения Жамал переполнилась, и она задумывает бегство в город, чтобы там при помощи знакомого купца найти какую-нибудь работу и больше уже не возвращаться ни к Жуману, ни к своим родителям.

С этим намерением однажды вечером (на дворе стояла зима) она пускается в бегство верхом. По дороге настигает ее сильный буран. Она сбивается с дороги. До полуночи она едет без остановки, сама не зная куда; но силы оставляют ее. Потеряв сознание, она падает с лошади в сугроб...

Через два дня нашли ее окоченевший труп...

Н. Рамазанов

60. Предисловие к книге «Восточный сборник», написанное Вл. А. Гордлевским.

ОТ РЕДАКТОРА

Еще в прошлом году, когда А. Н. Веселовскому исполнилось 70 лет со дня рождения, Совет Специальных классов Лазаревского института восточных языков решил ознаменовать эту дату в жизни старейшего своего коллеги изданием юбилейного сборника. Между преподавателями и питомцами Специальных классов мысль эта встретила сочувственный отклик. Так, образовался сборник, в который вошли труды из области восточной литературы; в сборнике представлены, кроме языков, изучаемых в Специальных классах, еще и другие языки, как-то: казак-киргизский, казанско-турецкий, мадьярский и древнееврейский. Обзор трудов А. Н. Веселовского, выяснение значения его в истории русской науки здесь обходится молчанием: эту задачу берет на себя другой юбилейный сборник.

Редакция сборника была поручена Вл. А. Гордлевскому; но тяжесть корректур первых 12 листов легла всецело на А. Е. Крымского, который немало помогал своими ценными указаниями и советами. В чтении корректур помогал также студент Х. К. Баранов.

Поднесение сборника приурочено к 10 ноября — дню избрания А. Н. Веселовского (в 1881 г.) на кафедру русской словесности в Специальных классах.

61. Эти материалы были получены совсем недавно из российских архивов. Речь идет о представителях старой казахской интеллигенции — Сатылгане Сабатаеве и Нухе Рамазанове, которые в числе первых начали переводить на русский язык

стихотворения великого Абая и выдающегося казахского поэта и общественного деятеля Мыржакыла Дулатова. Опубликованы их работы были в авторитетном научном издании России — Трудах Московского Лазаревского института восточных языков в 1914 году, в специальном «Восточном сборнике», выпущенном в честь выдающегося ученого-востоковеда, академика А. Веселовского.

Составителем «Восточного сборника» был профессор Лазаревского института В. Гордлевский, а редактором большинства статей — профессор А. Крымский.

В сборнике под переводами произведений Абая и М. Дулатова стоят фамилии: С. Сабатаев и Н. Рамазанов или их инициалы «С. С.» и «Н. Р.».

Сатылган Сабатаев родился в 1874 году в Семиреченской области, Верненском уезде в обычной казахской семье.

Рано потерял родителей и с детства познал нужду, однако благодаря своим природным способностям, старанию и стремлению к знаниям он в 1885 году поступает в Верненскую мужскую гимназию. Во время учебы у него проявились способности иностранных языков, в частности древних. Вот что написано в характеристике, выданной директором гимназии М. Вахрушевым выпускнику С. Сабатаеву.

«Характер Сабатаева за все время его пребывания в гимназии был уживчивый, простодушный, кроткий, незлобивый. Все указанное время Сабатаев был замечательно трудолюбив и дорожил тем образованием, которое получал в русской школе, что, между прочим, доказывается и тем отрадным фактом, что из всех киргиз (казахов), обучающихся в последние годы в старших классах, лишь он изучал греческий язык,

который для него, как для киргиза (казаха), вовсе не обязателен. Сабатаев изъявил желание поступить в Московский Лазаревский институт восточных языков. При доброй и твердой воле, при замечательном трудолюбии из Сабатаева может выработаться способный и добросовестный деятель в избранной им сфере». В аттестате зрелости по греческому языку проставлена оценка «5», а по латинскому, немецкому, французскому — «4», русскому с церковно-славянским и словесности — «4» и по остальным наукам — «4».

Таким образом, С. Сабатаев в 1895 году поступает в специальный класс восточных языков Московского Лазаревского института и оканчивает его в 1899 году. То есть он стал первым казахом, получившим высшее образование в этом престижном высшем учебном заведении России.

Слово «первый» в отношении Сабатаева еще будет звучать неоднократно.

Кстати, на одном курсе вместе с ним учился В. Гордлевский, впоследствии ставший видным ученым-востоковедом, академиком. Лекции читал в то время молодой преподаватель А. Крымский, в будущем крупный ученый-востоковед, академик, украинский советский писатель.

Во время учебы в институте С. Сабатаев активно участвовал в работе этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и часто выступал на его заседаниях с сообщениями. В научном журнале «Этнографическое обозрение» № 3 за 1900 год была опубликована статья «Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда Тургайской области».

После окончания института С. Сабатаев трудовую деятельность начал в своем родном крае — Семиречье.

Работал переводчиком в Пишпекском и Джаркентском уездных управлениях, иногда даже исполнял обязанности городского пристава Джаркента.

В конце XIX — начале XX века в бескрайние казахские степи в массовом порядке переселялись безземельные крестьяне из внутренних губерний Центральной России. Богатые и плодородные казахские пастбища и земельные угодья отбирались в переселенческий фонд. На страницах дореволюционной печати остро ставился вопрос: что надо делать? С. Сабатаев попытался найти ответ и предложить конкретные меры. Чтобы войти в курс дела, он в 1906 году переходит на работу в Семиреченское областное переселенческое управление и в том же году в ноябре переводится в главное управление земледелия и землеустройства Семиреченской области. Через два года с целью получить специальные знания в этой области он поступает и в 1915-м оканчивает Московский сельскохозяйственный институт. Таким образом он стал первым казахским ученым-агрономом, получившим высшее образование. После окончания института он работает в сельскохозяйственных учреждениях Семипалатинской области — Урджаре и Каркаралинске.

Интересный архивный факт приведен в книге известного музыковеда Жаркына Шакаримова. Исполняющий обязанности Семипалатинского районного агронома С. Сабатаев 10 апреля 1917 года принимает в качестве рабочего на мясокомбинат будущего известного певца Амре Кашаубаева.

Другой знаток казахской истории — Сапаргали Бегалин свидетельствует, что С. Сабатаев был тонким ценителем казахской народной песни. Естественно, он имел возможность слушать одаренного певца Амре Кашаубаева.

После падения царской власти С. Сабатаев принимает активное участие в общественно-политической жизни казахского общества: проводил собрания Семипалатинского областного казахского комитета в марте 1917 года, был избран членом правления Семипалатинского казахского комитета.

Во время повсеместных выборов земства наравне с такими выдающимися национальными политическими деятелями, как А. Букейханов, Ж. Акбаев, Л. Ермаков, И. Тарабаев, С. Сабатаев тоже был выдвинут в члены Семипалатинского областного земства.

На Втором общеказахском съезде, который проходил 5—13 декабря 1917 года в Оренбурге, он был избран кандидатом Всеказахского народного совета или членом правительства Алаш-Орды, т.е. министром.

Как уроженец Семиречья, он также принял участие во Втором Семиреченском областном съезде Алаш-Орды, проходившем в январе 1918 года в Верном. Здесь он занимается вопросами автономии и организации милиции. Однако, заподозрив в наступательных действиях белых, казачьих армий и алашского движения угрозу своему существованию, большевики организовали в Верном массовые митинги протеста и совершили красный переворот.

В марте 1918 года были арестованы лидеры Семиреченской Алаш-Орды: О. Альжанов, И. Жайнаков, С. Сабатаев и др. В ответ на незаконный арест лидеров алашского движения в Семиречье из всех уездов области начали поступать письма и телеграммы с требованиями немедленного освобождения их из тюрьмы. Таким образом, 17 апреля 1918 года С. Сабатаев был выпущен на свободу и немедленно выехал в Семипалатинск. С этого времени он всецело поглощен делами земства и Алаша.

Вместе с другими алашскими деятелями он активно принимает участие в организации первого Алашского конного полка в Семипалатинской области.

Правительство и совет Алаш-Орды добиваются от Сибирского правительства назначения С. Сабатаева главным специалистом по сельскому хозяйству.

Поскольку он входил в состав правительства Алаш-Орды, его вполне можно назвать первым министром сельского хозяйства Алаш-Орды.

В первые годы Советской власти он работал в Каркаралинске агрономом. Погиб он нелепо 15 апреля 1921 года в местности Ботакара Каркаралинского уезда от рук красногвардейцев, которые преследовали остатки белых, отступавших в сторону китайской границы.

Но, по свидетельству печати 20-х годов, в тот период в Каркаралинске происходили трагические события, а точнее, жестокая расправа над представителями казахской интеллигенции под предлогом выявления и обезвреживания затаившихся остатков белогвардейцев.

Другой переводчик Абая и М. Дулатова — Нух Рамазанов, согласно метрическому и опросному листу, родился 21 августа 1884 года во втором ауле Баскудыкской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области.

Его дед Жакия был окружным ахуном, а отец и мать занимались скотоводством и от этого имели 400 рублей годового дохода. Было еще два брата. В опросном листе в графе «Состояние здоровья» указано и дважды подчеркнуто: «Очень слабое». В метрическом свидетельстве стоят подписи старшины аула Турсынхана Мусина и волостного управителя Баскудыкской волости М. Джалаледдина.

Н. Рамазанов обучался в Семипалатинской мужской гимназии и получил аттестат зрелости за № 538 от

2 июня 1906 года. В том же году осенью поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета и, проучившись там один семестр, в феврале 1907 года переводится на юридический факультет Томского университета. По семейным обстоятельствам он уволился со второго курса на основании собственного заявления, но прежде заручился поддержкой Московского Лазаревского института восточных языков о принятии его в число студентов.

Поступив в Лазаревский институт в октябре 1909 года, он оканчивает полный курс 7 июня 1913 года с правом на чин 10-го класса и ношения особого золотого или серебряного вызолоченного жетона, а также особого нагрудного знака.

В институте он изучал арабский, персидский, турецкий и татарский языки. По этим дисциплинам он на выпускном экзамене получает оценки «отлично».

К великому сожалению, Нух Рамазанов после окончания института жил недолго и умер в 1914 году после продолжительной болезни. Хотя он рано ушел из жизни (30 лет от роду), но успел ознакомить русских читателей с произведениями великого Абая и глашатая казахской степи Мыржакыпа Дулатова. Тем он дорог нам.

В «Восточном сборнике» в честь А. Веселовского, а также в Трудах по востоковедению, изданных Лазаревским институтом восточных языков, были опубликованы биографии Абая и М. Дулатова за подписями Н. Рамазанова. Источником биографии Абая Кунанбаева была статья А. Букейханова «Абай (Ибрагим) Кунанбаев», опубликованная в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, выпуск III, Семипалатинск, 1907 г.», а биография

М. Дулатова была написана самим поэтом и выслана В. Гордлевскому. Вот что пишет М. Дулатов Гордлевскому: «...Просил бы Вас, если не имеете ничего против моего желания, поместить в сборнике мою биографию с критикой моих стихотворений от своего (Вашего) имени. Главное, я не знаю, какие стихотворения переведены у Вас. С совершенным почтением М. Дулатов».

Н. Рамазанов почти целиком опубликовал биографию писателя в «Восточном сборнике» с незначительными изменениями и дополнениями.

С. Сабатаев перевел стихотворение Абая «Жаз» («Лето»), М. Дулатова «Мұң» («Тоска»); а Н. Рамазанов у Абая перевел «Желсіз түнде жарық ай» («Аул ночью»), «Адамның кей бір кездері» («Поэт»), «Өлсем орным қара жер сыз болмай ма?» («Пожалейте меня»), а также роман М. Дулатова «Бахытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал») и его стихотворения «Қазақ халқының бұрынғы мағишаты» («Прежняя жизнь казахского народа»), «Қазақ жерлері» («Казахские земли»).

Чтобы гениальных поэтов перевести на другой язык, надо самому быть гениальным или близким по уровню к автору оригинала. Поэтому переводчики, чувствуя, что в стихотворном переложении не могут достичь таких высот художественности, как в оригинале, выбрали прозаический вариант своего текста. В сущности, таким путем тоже можно донести до русского читателя национальное своеобразие, этнокультурные особенности и богатство содержания оригинала.

Первые переводчики достигли поставленной цели — познакомили русских читателей с творчеством двух больших казахских поэтов.

На вопрос, откуда мог знать составитель «Восточного сборника», профессор Лазаревского института

В. Гордлевский выдающихся представителей казахской литературы Абая и М. Дулатова, может быть только один ответ: от своего бывшего сокурсника С. Сабатаева и студента Лазаревского института Н. Рамазанова.

Абдешев Марат,
музеевед

62. Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — русский литературовед, профессор Московского университета и бывших Высших женских курсов; брат академика Александра Николаевича Веселовского. В 1901—1904 годы — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете; с 1906 года — почетный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности Академии наук. Специалист по западноевропейской литературе. Широкой популярностью пользовались работы Веселовского о Мольере и байронизме.

По своим методологическим воззрениям А. Н. Веселовский — сторонник историко-культурной школы. «Я считаю себя последователем и учеником Пыпина. В моих работах я обязан ему многими советами, внушениями». Как и Александр Николаевич Пыпин, Веселовский в литературе прежде всего ценил прогрессивность идей. В этом плане написано его «Западное влияние в русской литературе» (выдержавшее пять изданий).

63. Гордлевский Владимир Александрович (1876—1956) — известный востоковед-тюрколог, специалист по турецкому языку, литературе,

фольклору и истории Турции. Член-корреспондент АН СССР с 1929 года, академик АН СССР с 1946 года.

Родился 25 сентября (7 октября) 1876 года в г. Свеаборге (Финляндия) в семье военного чиновника. В 1899 году окончил Лазаревский институт восточных языков, а в 1904 году — историко-филологический факультет МГУ. Стажировался в Стамбуле, изучая турецкий и арабский языки.

С 1907 по 1918 год преподавал турецкий язык и турецкую литературу в Лазаревском институте. Был профессором этого учебного заведения. Одновременно В. А. Гордлевский обрабатывал этнографические материалы, собранные во время путешествий, переводил на турецкий язык произведения русской литературы, в том числе В. М. Гаршина и А. П. Чехова. Во время Первой мировой войны в качестве корреспондента «Русских ведомостей» и военного переводчика В. А. Гордлевский побывал на Кавказском фронте. Ему удалось спасти немало турецких и курдских рукописных материалов; ценнейшие из них по истории сельджуков.

В. А. Гордлевский — автор около 300 работ по турецкому языку, истории, этнографии, фольклору и литературе Турции, которые начал изучать во время неоднократных поездок в Турцию.

Является редактором первого «Турецко-русского» словаря, изданного в 1931 году.

Важнейшая историческая работа Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии», изданная в 1941 году, содержит огромный материал по истории сельджукидов, по экономической и социальной жизни всего Ближнего Востока в 11—13 вв.

Категорически выступал против идеи извечной принципиальной борьбы Руси со степью, которая, по его мнению, всего лишь «...официальное, навешанное церковью представление о народе, живущем не в городах, где утвердилась христианская вера, а в степи». Указал, что по мере взаимного привыкания шло изменение политических взаимоотношений между

половцами и русскими, что в XII в. они становятся все более тесными и дружественными. Он приводит обстоятельный обзор сведений о взаимоотношениях половцев и Руси, принимая мысль В. А. Пархоменко о том, что «идея извечной принципиальной борьбы Руси со степью явно искусственного происхождения»; между Русью и половцами происходило активное «духовное взаимодействие».

№ 64. Из переписки М. Дулатова с Вл. А. Гордлевским в период подготовки к изданию «Восточного сборника».

Редакция газеты «Казах»
Издательское Товарищество «Азамат»

Оренбург. Апреля 6 дня 1914 г.
Г-ну Гордлевскому

Согласно нашему письму посылаю Вам краткую и неинтересную свою биографию с фотографической карточкой.

Что касается характеристики произведений, то можете судить по имеющимся у Вас в переводе стихотворениям. Я как автор что-либо сказать в оценку своих произведений затрудняюсь.

Просил бы Вас, если не имеете ничего против моего желания, поместить в сборник мою биографию с критикой моих стихотворений от своего (Вашего) имени. Главное, я не знаю, какие стихотворения переведены у Вас.

С совершенным почтением
М. Дулатов

Я родился 25 ноября 1885 года в степи Тургайского уезда. Происхожу из Средней Орды, рода аргын. Двух лет от роду лишился матери, а в 12 — отца. Когда мне исполнилось 8 лет, отец отдал меня на обучение ауль-

ному мулле-татарину, человеку крайне невежественному. Не помню, сколько времени учился я у него, знаю только, что, кроме заучивания арабских молитв по афтияку, ничему не научился.

В 1895 г. отдали меня в аульную школу. Учитель (М. Токтабаев) параллельно с русской грамотой обучал нас и киргизской, хотя это в его обязанности и не входило, и вознаграждения за это он ни от кого не получал. К несчастью, этот добрый учитель скоро был переведен от нас, и к нам приехал другой учитель — крещеный башкир. Он мало интересовался судьбою учащихся, был это какой-то странный человек; предоставив учеников самим себе, он постоянно запирался у себя в комнате. После уже обнаружилось, что «педагог» занимался фабрикацией фальшивой монеты, за что вскоре был сослан на каторгу.

В 1897 г. я поступил в двухклассное русско-киргизское училище (в Тургае); окончив училище, я получил звание аульного (сельского) учителя. Так закончилось мое школьное образование.

С 1902 г., служа учителем в киргизском ауле, я посвящал свободное время самообразованию. В школе с русской литературой знакомился я поверхностно и без системы.

Хотя любовь и стремление к поэтической деятельности во мне проявились гораздо раньше, но до 20-летнего возраста серьезного ничего не создал. Действительно, до того времени было у меня столько стихотворений, но никакого значения сам не придавал, поэтому они у меня не хранились.

Первое стихотворение мое напечатано в 1906 г. в первом номере первой киргизской газеты «Серке», изданной в Петербурге. До этого времени периодической печати у киргизов не было; газета «Серке» прекратила впрочем свое существование уже на втором номере.

В 1909 г. вышел в свет сборник моих стихотворений под названием «Оян, қазақ!», который за короткое время выдержал два издания. Этот сборник в 1911 г. конфискован Главным управлением по делам печати.

В 1910 г. написал первый роман из киргизской жизни «Бахытсыз Жамал», 2-е издание которого вышло недавно в продажу.

В 1913 г. издан сборник моих стихотворений «Азамат», первое издание которого в солидном количестве разошлось за 3 месяца.

Характер моих стихотворений вообще лирический.

Помимо этих трудов в 1911 г. сотрудничал в киргизском журнале «Айқап», издававшемся в Троицке, где печатались мои стихотворения и рассказы. В последнее время состою постоянным сотрудником киргизской газеты «Қазақ», издававшейся в Оренбурге.

М. Дулатов

Р. С. Предоставляю Вам полное право сокращать, исправлять по своему усмотрению.

М. Д.

* * *

Омск
29.04.14

Уважаемый г. Гордлевский!

Письмо Ваше мною получено в Оренбурге перед отъездом в Омск (на несколько дней), поэтому не мог ответить своевременно, за что извиняюсь.

Вы спрашиваете, какие горы подразумеваются под Сары-Аркай.

Сары-Арка — не горы. Часть поверхности Киргизского края, ныне занимаемая Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областями, представляет однообразного характера равнину, эту равнину и называют *Сары-Арка* или *Сары-Арқаның даласы* (дала — степь).

С почтением М. Дулатов

№ 65. Заявление Ахмета Байтурсынова Его Превосходительству Оренбургскому губернатору с просьбой допустить к выполнению обязанностей редактора газеты «Қазақ» Мир-Якуба Дулатова по случаю его отъезда на два месяца в Тургайский уезд.

Его Превосходительству
господину Оренбургскому губернатору

Ответственного редактора-издателя газеты «Қазақ»
Ахмета Байтурсыновича Байтурсынова
заявление.

По случаю отъезда на 2 месяца в Тургайский уезд, для лечения болезни, имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство допустить к обязанностям второго редактора газеты «Қазақ» в полном объеме, по прежней программе, на время моей отлучки, постоянно проживающего в г. Оренбурге, по Гришковской улице, в доме Дмитриевой, киргиза аула № 1 Сарыаркинской волости Тургайского уезда и области Мир-Якуба Дулатовича Дулатова, от роду 28 лет и удовлетворяющего требованиям ст. 4 Временного Правила о повременных изданиях 1906 г.

Свидетельство за № 2731 16/V-94 получил М. Дулатов.

№ 66. 7 августа 1916 г. Протокол частного совещания казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей об ущербе, причиненном сельскому хозяйству мобилизацией мужчин на тыловые работы.

Совещание было открыто речью генерал-губернатора, который присутствующим разъяснил смысл высочайшего повеления 25 июня 1916 года и просил содействия спокойному осуществлению призыва киргиз* на работы.

* Этническое название казахов в дореволюционной России, сохранявшееся некоторое время и после революции.

Предложив затем собранию избрать председателя, губернатор оставил зал.

После ухода г. губернатора под председательством выбранного присутствующими А. Н. Букейханова при секретарях О. Алмасове и М.-Я. Дулатове совещание приступило к обсуждению вопроса о призыве киргиз на тыловые работы.

Высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано.

Это поразило население, как гром среди ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами грубости и злоупотреблении в действиях властей кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений.

Киргизский народ воинской повинности никогда не отбывал. Молодежь его массами да еще в принудительном порядке не призывалась никогда. Единовременная и спешная мобилизация 25 возрастов (19—43) поразила население. Мобилизация частично даже у народов, привычных к воинской повинности, часто проходит с большими трениями. В той обстановке, в которой происходит приведение в исполнение высочайшего повеления 25.VI, и новизне дела мобилизации 25 возрастов киргизского народа нет ничего удивительного в том, что случилось. При наличии 1) надлежащей подготовки населения, 2) частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного времени по мере необходимости, 3) при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства и 4) при участии уполномоченных от населения — мобилизация рабочих от киргизского населения прошла бы гладко и мирно.

Если мы не увидим худшего — открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием.

В Актюбинском у., в 3-м участке, местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы

этого участка разбросаны на пространстве в 400—200 верст в длину и ширину.

В Кустанайском у. местная власть назначила прием в Аракарагайской вол. через 9 дней, в Соройской вол. — через 15 дней. В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200—300—400 верст.

Всем известно, что в посемейных списках записанные возрасты киргиз не соответствуют действительности. Возрасты киргиз в списки заносятся аульными произвольно. Никто правильностью этой записи до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильными: богатые киргизы, подготавливая требуемый при выборах на общественные должности возрастной ценз, умышленно записывали лета своих сыновей старше. Поэтому в степи не редкость 20-летний бий или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35 и 25 лет.

До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить неправильные списки и составить новый верный список.

Между тем местная власть спешно требовала старые неправильные списки; объявив их неприкосновенными, пожелала мобилизовать по ним единовременно 18% всего мужского населения. Просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая у волостных управителей списки. Это было в областях Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19—31, другие стали торговать списками, предлагали за деньги изменить возраст призываемых. Волостные управители Карабалыкской вол. Кустанайского у. Саим Кадыров и Чингирлауской волости Уральского у. Ахмед Сары-

балин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям киргизских властей нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков. В Чингирлауской вол. по аулам расквартированы 75 казаков, содержание коих обходится киргизам в сутки 25 баранов и 25 пуд. овса. В Кустанайском у. в пределах Аракарагайской вол. расквартировано 125 казаков и в пределах Киньяральской и Миндыгаринской — 125 казаков.

Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района. Киргизы, до того мирно ожидавшие приема призываемых рабочих, заволновались: местами, оставив все свое имущество, взяв на семью две решетки и кусок кошмы, откочевали на юг. Молодежь оставила аулы, выехала в степь, и неизвестно, куда она направилась. Повсюду киргизы оставили поспевающий хлеб, скошенное сено остается в копнах, гниет и развевается ветром по степи. Хозяйству нанесен непоправимый ущерб, ибо со времени объявления о призыве никто хозяйственными делами не занимается. В Уржарской вол. Лепсинского у. Семиреченской обл. киргизы, уходя неизвестно куда, потравили скотом весь хлеб и покосы.

Отряды казаков вызваны также в некоторые уезды Акмолинской обл. Везде результаты одни и те же: обострение волнения народа, которого, быть может, ожидает еще большее несчастье и горе.

Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайной спешностью приведения в исполнение высочайшего повеления. Необходимо немедленное принятие мер успокоения населения отозванием из степи казачьих отрядов, созывом на местах съездов уполномоченных от населения. Местные власти, особенно волостные управители, сами создавали своими

спешными действиями, грубостью и злоупотреблениями народное волнение, возмутили самый мирный, покорный высочайшему повелению народ, которого объявили непокорным властям и закону. Все это неверно — киргизы исполняют повеление.

Необходимо принять в соображение целостность хозяйства, поставляющего на нужды войны и населения в тылу скот, мясо и хлеб. В северных уездах степных областей, где киргизы живут вперемежку с поселенцами, киргизское хозяйство напоминает крестьянское и требует столько рабочих сил, сколько потребно для крестьянского хозяйства. Киргизы в этом районе часто хлеб сеют исполу с крестьянами. Отсутствие работника-киргиза одинаково поражает хозяйство крестьянина, который, может быть, находится на войне. В уездах Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Акмолинском, Атбасарском, Семипалатинском, Барнаульском, Усть-Каменогорском, Зайсанском после ухода крестьян на войну киргизы составляют единственную рабочую силу для уборки сена и хлеба. В Омском, Семипалатинском, Павлодарском уездах киргизы, арендующие землю в пределах одноверстной полосы по реке Иртыш, уборкой сена занимаются до первого снега. Здесь же киргизы по условию с Сибирским казачьим войском до 1 октября не могут подходить к своим зимовкам и ремонтировать ежегодно размываемые весною свои постройки. В северных уездах киргизской степи на каждое хозяйство приходится 10 дес. посева и 2 тыс. пудов потребляемого сена. Объявление мобилизации рабочих застало киргиз в самый разгар сенокоса и накануне уборки хлебов. Вот уже месяц, как волнуется вся степь, бросили свое хозяйство, сено не успели скосить, а хлеб не убирают. Все это нужно приводить в порядок, нужно наверстать упущенное время. Теперь это потребует лишних работников в хозяйстве.

Хозяйство южных киргиз зимою занимает все мужское население, кочующее на зиму со скотом.

Например, киргизские и атбасарские киргизы зимою со скотом уходят в Сыр-Дарьинскую обл., гурьевские и иргизские киргизы — в Закаспийскую обл. Ныне киргизы разбежались по всей степи, собрать их в более или менее короткое время нет никакой физической возможности.

Природные условия — теплые дни, наличие подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей — много способствуют образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов, с исчезновением всех этих благоприятных условий, шайка распадется, и киргизы вернутся в аулы.

1. Ввиду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 г., а для южных уездов — до 15 марта 1917 г.

2. Призвать в первую очередь одну треть 19—31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желанию производится или по месту жительства, или приписки.

4. Оставить в семье одного работника призываемого возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет).

5. Принятых по возможности оставлять на работах по обороне государства на местах.

6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом.

7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле.

8. Оставить мугалима (учителя) на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, причем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет «Шаадат-нама» (свидетельство) от медресе.

9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медресе в городах.

10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, нужно их возвратить; избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комите-

ту составление нового списка в присутствии аульного схода.

11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации.

12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости.

13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть мулла и один переводчик.

14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений Городского и Земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция.

16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости.

17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы-рабочие пользовались бы отпуском.

18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством.

Председатель
Секретарь

А. Букейханов
О. Алмасов
М. Дулатов

*Алаш-Орда: Сборник документов.
Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: Малое издательство
«Айқап», 1992. С. 5—10.*

№ 67. 12 августа 1916 г. Справка Оренбургского губернского жандармского управления в Департамент полиции по поводу деятельности А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова.

Совершенно секретно.

Разработкой изложенных в копии телеграммы губернатора Уральской области сведений о противоправительственной деятельности редактора газеты «Қазақ» А. Байтурсынова и сотрудников А. Букейханова и М. Дулатова установлено следующее:

Байтурсынов Ахмет Байтурсынович, 42 лет, бывший учитель аула № 5 Турсунской волости Тургайской области, состоит редактором газеты «Қазақ».

В 1909 г. Байтурсынов был арестован в г. Каркаралы Семипалатинской области и привлечен по обвинению в противоправительственной пропаганде среди киргизов.

Распоряжением г-на министра внутренних дел Байтурсынову было воспрещено проживание в Степном крае, в Семиреченской и Тургайской обл. на два года, считая срок с 10 марта 1910 г. Распоряжение это последовало ввиду установленной дознанием противоправительственной деятельности, выразившейся в разное время начиная с 1905 г., так как он неоднократно — как у себя на квартире, так и при разъездах по аульным школам — призывал, чтобы не платили подати и чтобы киргизы ни в каком случае не переходили на крестьянское положение; распространял среди киргизов воззвания преступного содержания, внушал волостным управителям не собирать недоимки, говорил, что в России за крестьянами числятся целые миллионы и что им за это ничего не сделают.

Из указанной телеграммы усматривается, что фамилия Байтурсынова упоминается в разговоре киргизов, так как Байтурсыновым многие направлялись на совещание в Уральской области.

Как установлено, Байтурсынов с 23 мая с. г. находился в Тургайском уезде, куда он командирован Тургайско-Уральским переселенческим управлением

для переписи скота, и возвратился лишь в первых числах августа, причем принимал участие в разрешенном совещании киргизов 7 августа в здании Тургайского областного правления.

О деятельности названного Байтурсынова в Тургайской области никаких неблагоприятных сведений получено не было.

Дулатов Мир-Якуб, киргиз Сарыкопинской волости Тургайского уезда, 31 года, постоянный сотрудник и секретарь редакции газеты «Қазақ», состоял на время отсутствия Байтурсынова временным редактором названной газеты.

О прошлой деятельности Дулатова имеются следующие сведения: в июне 1911 г. Дулатов был арестован в г. Семипалатинске, куда он, будучи письмоводителем мирового судьи 2-го участка Петропавловского уезда, приехал с целью распространения своей брошюры «Оян, қазақ!» («Пробуждайся, казах!») и привлечен к дознанию обвиняемым по п. 6 ст. 129 уголовного уложения. Приговором Семипалатинского окружного суда 23 декабря 1911 г. осужден к заключению в крепость на один год без зачета семи месяцев предварительного заключения. Брошюра его «Пробуждайся, казах!» Казанским комитетом по делам печати признана преступной и постановлено наложить на нее арест.

В силу полученных в указанной телеграмме сведений за квартирой Дулатова было установлено наблюдение в течение нескольких дней, которое, однако, не отметило ни одного посещения его киргизами.

Принимая, однако, во внимание, что Дулатов действительно мог принимать какое-либо участие в агитации киргизов по поводу отказа от выполнения высочайшего повеления о призыве на работы в тылу армии, у Дулатова на квартире, а также и в его редакторском столе был произведен 30 июля обыск.

В числе бумаг, взятых для просмотра, имелись запросы от отдельных лиц по разъяснению положений, связанных с призывом инородцев. Причем имелись пометки разъяснительного характера в духе правительственных распоряжений о призыве, но никаких данных, указывающих на антиправительственную пропаганду, не оказалось.

Принимая также во внимание, что со времени состоявшегося высочайшего повеления о призыве инородцев для работ в тылу армии направление газеты «Қазақ» в части, касающейся этого призыва, было самое корректное, я не нашел возможным возбудить дела против Дулатова и Байтурсынова, не имея более конкретных данных, так как, по сведениям уральского губернатора, указывается лишь на упоминание в разговоре киргизов фамилий Байтурсынова и Дулатова, коими направлялись киргизы на совещание.

Букейханов Алихан Нурмухадов, бывший член 1-й Государственной думы, ученый-лесовед, состоит сотрудником той же газеты «Қазақ» и проживает в г. Самаре.

По имеющимся сведениям, Букейханов состоит членом Самарского комитета кадетской партии; в 1912 и 1913 гг. некоторое время наблюдался по поводу сношений с самарскими членами партии социалистов-революционеров.

Изложенные в телеграмме уральского губернатора в части, касающейся Букейханова, сведения были сообщены мною начальнику Самарского губернского жандармского управления для разработки. Ныне названный начальник уведомил, что за Букейхановым ведется наблюдение. Полковник (подпись неразборчива).

Оренбургский областной государственный архив.

Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 331—332 и об.

Галиев В. З. Книга, разбудившая народ. С. 523.

№ 68. 2—8 апреля 1917 г. Протокол Тургайского областного киргизского съезда в г. Оренбурге*

* Тургайский областной киргизский съезд состоялся в г. Оренбурге 2—8 апреля 1917 г., на съезде участвовало более 300 человек. Съезд происходил с участием представителей областей:

Характерно отметить то обстоятельство, что уже этот съезд представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции был под идеологическим воздействием будущих лидеров Алаш-Орды, как, например, Байтурсынова, являвшегося в то же время редактором газеты «Қазақ». Организационно это было закреплено конструированием президиума из таких лиц, как Кадырбаев, явившийся впоследствии тургайским областным уполномоченным главой Алаш-Орды, Омаров, явившийся также впоследствии комиссаром Алаш-Орды по Кустанайскому уезду, и др. После Февральской революции мы замечаем еще некоторую оппозиционность к старым представителям царской власти, что выразилось в протесте съезда против попытки приветствия со стороны тургайского губернатора Эверсмана. Постановление съезда служит канвой основных принципов будущей программы Алаш-Орды, это относится как к оренбургским съездам, так и к уральским и другим. В общем, киргизские съезды в 1917 г. необходимо рассматривать как этапы нарастания алаш-ординского движения. Тургайский, Уральский и другие съезды, проходившие до декабрьского оренбургского съезда, вызваны были волной буржуазно-демократической революции в России. Съезды эти в своих решениях исходят полностью из провозглашенной программы временным буржуазным пр-вом. Это видно из вопросов «организации гражданских комитетов общественной безопасности», где организация их мыслится, как организация «содействия Временному правительству в укреплении нового строя, сохранения спокойствия и порядка». Областной комитет, согласно решению съезда, является уполномоченным и исполнительным органом Временного пр-ва, и все разногласия обл. к-та с комиссаром разрешаются окончательно Временным пр-вом.

Этот съезд высказался за «демократическую, парламентскую и децентралистическую республику». Высказался фактически съезд за буржуазную республику с президентом и учредителкой и продолжением войны до победного конца. В том же духе высказались и уральский, и декабрьский съезды. Освещение деятельности и программы Алаш-Орды дано в брошюре т. Бочагова «Алаш-Орда», в статьях т. Исаева в «Советской Степи» и т. Мартыненко в статьях «Февраль в центре и на окраинах» (в феврале 1927 г.), «Алаш-Орда» (в апреле 1927 г.) и «Октябрь и националистическая контрреволюция» (в октябре 1927 г.), помещенных в газете «Советская Степь» Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Букеевской орды.

На съезде участвовало более 300 человек, в том числе и представители от казанского мусульманского комитета Наджиб Хальфин, уфимского комитета Абдрахман Фахретдинов, оренбургского мусульманского бюро Соловьев и А. Г. Хусаинов, актюбинских мусульман Имам Абдулбаниев и С. Алюков и актюбинского гражданского комитета Г. Николаев.

Съезд был открыт речью редактора киргизской газеты «Қазақ» Ахмета Байтурсынова, который приветствовал собрание и указал на необходимость объединения в настоящий момент для поддержания нового правительства и сохранения порядка и спокойствия на местах, в целях упрочения нового строя и завоеванных свобод.

За сим Байтурсыновым было предложено собранию избрать президиум. В президиум избраны: председателем — Ахмет Байтурсынов; товарищами председателя — член 1-й Госуд. думы Алпысбай Кальменев и помощник присяжного поверенного Валид-Хан Танашев; секретарями — Сейдазым Кадирбаев, Омар Алмасов и Шафкат Бекмухамедов.

Явившийся на съезд редактор газеты «Вақыт» Ф. Каримов приветствовал от имени оренбургских татар собрание.

К открытию заседания тургайский губернатор Эверсман обратился к председателю съезда с просьбой разрешить ему сказать приветственное слово съезду, но ввиду бурных протестов со стороны участников съезда, основанных на недоверии к Эверсману как представителю свергнутой власти, Эверсман принужден был покинуть зал заседаний.

Прежде чем приступить к очередным делам, сотрудник газеты «Қазақ» Мир-Якуб Дулатов с разрешения съезда охарактеризовал прошлую деятельность вероучителя средних учебных заведений г. Оренбурга Абдрахмана Мачиева и переводчика

Тургайского областного правления Мухамед-Яра Тунганчина, состоявших на службе в качестве агентов местного жандармского управления. О Тунганчине, кроме того, было доложено, что он по должности переводчика областного правления брал крупные взятки.

После прослушивания заявления Дулатова съезд постановил Мачиева и Тунганчина, как лиц, вредных обществу, исключить из собрания.

После этого председателем была оглашена программа съезда.

В программу съезда были поставлены следующие вопросы:

1) Организация гражданских комитетов общественной безопасности на местах.

2) Съезды общекиргизский и общемусульманский.

3) Форма государственного управления и Учредительное собрание.

4) Духовное правление.

5) Народное образование.

6) Аграрный вопрос.

7) Суд.

8) Земство.

9) Печать.

10) Почта.

11) Общественные суммы.

12) Институт крестьянских начальников и вредные чиновники.

13) Отношение к войне.

14) События, вызванные в Тургайской области призывом киргиз на тыловые работы.

Для разработки перечисленных вопросов было образовано пять секций.

По итогам детального обсуждения поставленных вопросов и при заслушивании секционных докладов по

отдельным вопросам и прений съезд вынес следующие резолюции:

1. Гражданские комитеты

В целях содействия Временному правительству в укреплении нового строя, сохранении спокойствия и порядка, в разрешении вопроса об обеспечении населения и армии продовольствием и подготовки населения к сознательному участию в выборах в Учредительное собрание организовать на местах гражданские комитеты общественной безопасности: аульные, волостные, уездные и областные на нижеследующих основаниях.

1) Аульные гражданские комитеты

Аульные гражданские комитеты состоят из:

а) из лиц, избираемых общим собранием всех проживающих в данном ауле лиц обоего пола, достигших полного гражданского совершеннолетия (21 г.), независимо от того, имеют ли они в месте своего проживания какое-либо имущество, по одному от каждых 10 избирателей;

б) из представителей потребительских и кредитных кооперативов и иных общественных организаций, правления коих находятся в данном ауле, избираемых правлениями или общими собраниями, по одному от каждого.

Аульные гражданские комитеты избирают из своей среды исполнительный комитет в следующем составе: председателя, товарища его, его помощника и казначея и двух кандидатов к ним.

С образованием аульных комитетов все права и обязанности существующих аульных старшин переходят в исполнительные комитеты.

В случае надобности аульные комитеты могут образовывать милицию. Вопросы, касающиеся всего аульного общества, подлежат обсуждению и разрешению всего общего собрания членов аульных комитетов. Общее со-

брание считается состоявшимся при наличии не менее 2/3 всех членов комитета.

2) Волостные гражданские комитеты

Волостные гражданские комитеты состояются:

а) из уполномоченных от аульных гражданских комитетов, избранных этими последними, в числе не более одного от 10 членов;

б) из представителей потребительских и кредитных кооперативов или иных общественных организаций, действующих в данной волости, избираемых общими собраниями этих последних, в числе не более одного от каждого.

Волостные гражданские комитеты избирают из своей среды исполнительные комитеты в следующем составе: председателя, товарища его, секретаря и его помощника, казначея, двух членов и двух кандидатов к ним.

При образовании волостных комитетов все права и обязанности существующих волостных управителей переходят к исполнительным комитетам.

В случае надобности волостные комитеты могут образовать милицию. Вопросы, касающиеся всех аульных обществ, подлежат обсуждению и разрешению общего собрания членов волостных комитетов. Общее собрание считается состоявшимся при наличии не менее 2/3 всех членов комитета.

3) Уездные гражданские комитеты

Уездные гражданские комитеты состояются:

а) из уполномоченных от волостных гражданских комитетов, избираемых этими последними из своей среды, по одному от 10 членов;

б) из представителей от потребительских или кредитных кооперативов, а равно и иных общественных организаций, действующих на территории всего уезда, в числе не более одного от каждой;

в) из представителей уездных советов солдатских и рабочих депутатов в числе не более одного от каждого;

г) из представителей ведомств по одному от каждого;

д) из уполномоченных городского гражданского комитета, избираемых последними из своей среды по расчету не более одного из каждых 1000 лиц, имеющих право участвовать в выборах в городской гражданский комитет.

Уездные гражданские комитеты избирают из своей среды исполнительные комитеты в следующем составе: председателя, двух товарищей, секретаря и двух помощников, казначея и четырех членов.

В уездах со смешанным населением уездные комитеты должны быть общие.

4) Областные гражданские комитеты

Областные гражданские комитеты состоят из:

а) из уполномоченных от уездных комитетов, в числе не более одного от 10 членов уездных гражданских комитетов;

б) из представителей городских гражданских комитетов;

в) из представителей ведомств, по одному от каждого.

Примечание 1-е. Уездный комитет имеет право уполномочивать на участие в областном комитете не только членов уездного комитета, но и иных лиц, проживающих вне пределов уезда.

Примечание 2-е. Уполномоченные поселковых, аульных, волостных, гражданских комитетов, а также общественных организаций и правительственных учреждений могут принимать участие в заседаниях областного комитета с правом совещательного голоса.

Областной гражданский комитет объединяет деятельность всех поселковых, аульных, волостных, городских и уездных комитетов как по осуществлению поставленных Временным правительством задач, так и по надзору за деятельностью должностных лиц, слу-

жащих в области, непосредственно же контролирует деятельность областных учреждений, имеющих свое пребывание в г. Оренбурге.

Областной комитет является уполномоченным лицом и исполнительным органом Временного правительства. Все разногласия между областным комитетом и комиссаром разрешаются окончательно Временным правительством.

Примечание. Все выборы, как в аульные, так и в волостные и уездные комитеты, должны производиться на основе пропорционального представительства (без различия пола) с гарантией прав меньшинства.

Инициатива организации комитетов предоставляется самому населению. В целях наблюдения за правильностью выборов и организаций комитетов образовать в каждом уезде комиссию в составе по три лица от каждого участка крестьянских начальников. В местности, где население не может правильно организоваться, комиссия командирует своих членов. В этих командировках не может участвовать член комиссии, избранный из тех местностей.

В состав комиссии по уездам избраны следующие лица:

По Актюбинскому уезду

1) Иржан Утемисов.	6) Вахит-Гирей Кейкин.
2) Аталык Кенесарин.	7) Альмухамед Лекеров.
3) Мурзагул Журумов.	8) Нурум Ирмухамедов.
4) Акдаулет Кулчуков.	9) Жакуб Кенжебаев.
5) Сагындык Доцанов.	

По Киргизскому уезду

1) Абдулкадир Алматов.	6) Хайрулла Толебаев.
2) Шайхул Хасанов.	7) Утегул Чманов.
3) Турмухамед Кийсыков.	8) Ризабай Байдосов.
4) Мухамед Таскарин.	9) Кожаберген Тштыбаев.
5) Жумакан Чотин.	

По Кустанайскому уезду

1) Салмухамед Дандыбаев.	7) Жангаска Утеббергенов.
2) Сейдахмед Кошанов.	8) Сеильхман Карманов.
3) Мухамеджан Ордабаев.	9) Ахмед Зильгарин.
4) Ильджан Уразов.	10) Бржеке Мурзабеков.
5) Файзулла Темирбаев.	11) Сафар Джанобеков.
6) Абубакир Имамбаев.	12) Илеусиз Бектуров.

По Тургайскому уезду

1) Жукуб Дауренбеков.	4) Миргалий Козанов.
2) Дощан Токтабаев.	5) Айткуль Бекмуратов.
3) Аскар Дулатов.	6) Тоймухамед Котибаров.

2. Съезды: общекиргизский и общемусульманский

1) В целях объединения всего киргизского народа, выяснения и обсуждения его нужд, находя созыв общекиргизского съезда необходимым, образовать особое организационное бюро, которому поручить выработать программу и определить место и время созыва съезда.

В состав бюро избраны:

1) Алихан Букейханов.	5) Омар Исенгулов.
2) Ахмет Байтурсинов.	6) Имам Алимбеков.
3) Мир-Якуб Дулатов.	7) Исен Турмухамедов.
4) Сейдазым Кадирбаев.	8) Керей Турумов.

2) Для участия в разрешении общемусульманских вопросов командировать от Тургайской области на общемусульманский съезд, имеющий быть 1—8 мая в Москве, четырех делегатов: Ураза Татиева, Сейдазыма Кадирбаева, Ак-Кагаз Дощанова и Султан-Гази Исхакова. Расходы по поездке делегатов на съезд принимают на себя посылаемые.

3. Учредительное собрание

1) В Учредительном собрании должны быть депутаты от киргизского народа, так как по местным и

бытовым условиям в Киргизской степи производство выборов не представляет никаких особенных трудностей.

2) Обсудив вопрос о форме правления в Российском государстве, съезд высказался за демократическую, парламентскую и децентралистическую республику.

3) Депутаты в Учредительное собрание должны быть избраны на основе прямого, тайного, равного и всеобщего (без различия пола) голосования с гарантией прав меньшинства (национальное пропорциональное представительство).

4. Духовно-религиозные вопросы

Церковь должна быть отделена от государства.

Киргизы Тургайской области временно должны присоединиться к оренбургскому муфтиату.

При выборах муфтия и казиев в духовное собрание должно быть пропорциональное представительство от татар и киргиз.

Новое положение оренбургского духовного правления вырабатывается при участии представителей киргизского народа.

1) Киргизские имамы и муэдзины избираются прямым голосованием всех прихожан. Имамы же выбирают ахунов, а казиев выбирают ахуны. Имамы, муэдзины и ахуны должны иметь соответствующий образовательный ценз.

2) Число мечетей определяется желанием населения.

5. Начальное образование

1) Признавая введение всеобщего обязательного обучения необходимым, пока увеличить количество начальных школ, мектебов, с тем расчетом, чтобы на 100 семей приходилось не менее одного мектеба.

Языком преподавания в первые три года должен быть материнский. Мальчики и девочки должны обучаться в мектебах совместно.

2) Мектебы должны содержаться на земские и государственные средства.

6. Аграрный вопрос

1) Киргизы считают справедливым изъятие земель из их владения на государственные надобности после землеустройства их самих, на основаниях, которые установит Учредительное собрание.

2) Незаселенные участки, отрубы, оброчные статьи, скотоводческие и монастырские, а также незаконно отчужденные под курорты участки должны быть немедленно возвращены их прежним владельцам впредь до разрешения аграрного вопроса в Учредительном собрании, а также оставленные за негодностью старожилами-переселенцами участки переходят прежним владельцам. Незаконно сданные в долгосрочную аренду скотоводческие участки должны быть возвращены владельцам. Должна быть приостановлена запись переселенцев на принятые временной ком., но не заселенные участки.

3) Должны быть приостановлены землеустроительные работы в степных областях и в Туркестане. Должно быть приостановлено выселение киргиз, усадебные места которых сейчас находятся на незаселенных участках. В дачах единственного владения казны, куда были размежеваны киргизские усадебные места, покосы, пашни и пастбища, должно быть новое размежевание с возвращением киргизам незаконно размежеванных киргизских усадеб и угодий. В этих дачах должно быть допущено бесплатное сенокошение и пастьба скота зимою. Выращенные киргизами лесные насаждения должны быть возвращены старым владельцам. Бедным киргизам, живущим вблизи лесных дач, должен быть отпущен лес, на домообзаводство.

7. Суд

1) Существующие киргизские народные суды остаются и действуют пока на прежних основаниях, впредь до коренной реформы их, но народные судьи, как избранные таким же способом, как волостные управители, которые теперь упраздняются, должны быть переизбраны вновь, если они не пользуются доверием населения. Народные судьи избираются аульным гражданским комитетом. Для этого члены аульных гражданских комитетов одновременно с образованием исполнительных комитетов намечают двух кандидатов, один из которых по жребию должен быть народным судьей, а другой — кандидатом. В случае возникновения споров один из кандидатов должен быть из той партии, число членов которой превышает $1/4$ общего количества всех членов аульных комитетов. Все делопроизводство единоличных народных судей должны вести бесплатно секретари аульных комитетов на киргизском языке. Калям-хачные деньги взиматься не должны.

Делопроизводство же волостных съездов, народных судей должны также вести бесплатно, не взимая калям-хачных денег (производить сборы), секретари волостных гражданских комитетов. Что же касается чрезвычайных съездов народных судей, то они пока до полной организации комитетов на местах не должны быть созываемы. В дальнейшем созыв чрезвычайных съездов должен быть предоставлен уездным комиссарам, к которым должны перейти права и обязанности крестьянских начальников. Делопроизводство на чрезвычайных съездах должны вести особо командированные для сего уездным комиссаром лица, причем калям-хачные деньги также не должны взиматься.

2) В степных областях следственные дела должны быть изъяты из компетенции мировых судей и переданы особо для того назначенным лицам — судебным следователям.

3) Что же касается общих судебных установлений, то на Тургайскую область необходимо распространить действие суда с участием присяжных заседаний.

8. Земство

Необходимо в Тургайской области ввести земское управление на общих основаниях.

9. Печать

1) Ввиду важного значения периодической печати в настоящее переходное время необходимо почаще выпускать издающуюся в Оренбурге газету «Қазақ», а равно издавать популярные брошюры для населения.

2) В целях своевременного получения на местах газет, брошюр и других корреспонденций волостные и аульные комитеты должны принять всевозможные меры к тому, чтобы получать и отправлять почту не менее двух раз в неделю.

10. Киргизские общественные суммы

1) Имея в виду, что с киргизского населения в разное время были собраны большие суммы денег, где и в каком положении эти суммы находятся, — съезду неизвестно, что подробные сведения об этих суммах имеются в Тургайском областном правлении и у крестьянских начальников, просить комиссара Тургайской области выяснить эти суммы и все неизрасходованные до сего времени по назначению суммы в дальнейшем не расходовать без особого постановления со стороны населения.

2) При обсуждении вопроса об общественных суммах участники съезда единогласно высказались за необходимость внести лепту в пользу борцов за свободу и все пожертвования в этом отношении направлять в редакцию газеты «Қазақ».

11. Институт крестьянских начальников и вредные чиновники

Имея в виду, что указом Временного правительства институт земских начальников повсеместно упразднен, что между тем институт крестьянских начальников в степных областях до сих пор функционирует, возобновить ходатайство перед Временным правительством о немедленном упразднении этого института как отжившего свой век и совершенно бесполезного и вредного для киргиз, с передачей их обязанностей уездным комиссарам, которые при приеме дел от крестьянских начальников предварительно должны обревизировать денежную часть.

Переходя за сим к чиновникам, съезд остановился на следующих лицах: старшем советнике Тургайского областного управления П. П. Агапове, крестьянских н-ках Шубине, Витмане, Куфтине, Прыткове, кустанайском уездном н-ке Кочегарине, помощниках уездных начальников Ткаченко и Лекторском, приставах Прокопове, Данковцеве, тургайском уездном воинском н-ке Загайнове, тургайском ветеринарном враче Штанге и подрайонном н-ке Батманове.

Об Агапове

Съезд получил сведения о деятельности Агапова по приему киргиз на тыловые работы в двух волостях Кустанайского уезда и в одной волости Иргизского уезда.

По Сарайской волости Агапов, по окончании первого приема по аксакальским спискам, произвел вторичный прием по старым спискам, причем в этот раз отдал распоряжение созвать киргиз в возрасте от 19 до 31 года. Вследствие такого распоряжения Агапова оказались принятыми 70 лишних человек в возрасте моложе 17 лет и старше 31 года.

Посетив Дамбарскую волость с отрядом казаков в 136 человек, он распорядился, чтобы для надобности

отряда население предоставило ему 625 рублей за 25 телег, 1000 рублей за 500 пудов овса, 125 рублей за 50 фунтов чая, 200 рублей за 5 пудов сахара, 900 рублей за хлеб за 6 дней, 2250 рублей за мясо, считая 99 баранов за 6 дней, и 500 рублей за наем подвод, итого 5600 рублей.

Оштрафовал аксакалов и аульных старшин на 1500 рублей под тем предлогом, что они являлись без лиц, подлежащих призыву, тогда как сам он предписал явиться одним аксакалам и аульным старшинам. Сверх 1500 рублей еще были штрафы непосредственно Агапову уплаченные, но съезд не мог установить суммы; с киргиза Абиляхя Жумабаева, 37 лет, под угрозой набора его потребовал 100 рублей, каковые тот отдал ввиду наведенного Агаповым ужаса на население, и этим избавился от незаконного приема.

Следуя далее в Бистюбинскую волость, Агапов с отрядом заехал в пределы Иргизского уезда, окружив встретившихся ему 98 человек киргиз, он арестовал их и привел в один киргизский аул. Здесь между киргизами и казаками произошло недоразумение и было убито 7 человек, из числа арестованных 98 человек и 4 человека из аула. Остальных 91 чел. Агапов увел в Кустанай и заключил в тюрьму, откуда они вышли после амнистии. Причем ни в чем не повинный аул был предан разграблению. Один седельный прибор, стоивший 800 рублей владельцу, по слухам, взял себе. 7 марта 1917 года Агапов говорил Аманкарагайскому киргизу Мукашу Тойгужину, что царь снова водворится, и тогда начальство перевернет все по-старому.

Изложенные сведения сообщены киргизами Кустанайского уезда, Сарагайской волости Алтынпаем Актановым, Карабалыкской волости Саддыком Туякбаевым, Аятской волости Курбангалием Кенембаевым и Карабалыкской волости Бекмухамедом Сандыбаевым и др.

Оценив изложенное, съезд признает, что Агапов, командированный в степь для производства набора рабочих киргиз, допустил явное нарушение порядков, установленных для набора рабочих; он не имел права требовать явки лиц, не достигших 19-летнего возраста и перешедших 31 год, между тем из лиц непризывного возраста он набрал по одной волости 70 человек. Начав с беззакония, он продолжал в том же духе, и этим вызвал смуту в умах киргиз, без того напуганных присылкой войска. Он придал своей поездке характер карательной экспедиции, чем извратил смысл своей миссии, и характерная деятельность его ударила как раз по мирному населению, без того покорному, он не поймал ни одного вожака непокорных киргиз, да и не задавался такой целью, ограничившись наведением террора на мирное население. Подобная деятельность Агапова является лишь местью населению, проводимой им сознательно и последовательно. Венцом деятельности Агапова является арест 98 киргиз Иргизского уезда, которых он бросил в темницу в Кустанае и которые, просидев 4 месяца, вышли оттуда лишь по амнистии, и разграбление имущества того аула, куда он первоначально привел этих киргиз. Описанная деятельность Агапова может быть названа лишь развратом власти и провокацией.

Явно провокационную деятельность Агапов продолжал и после переворота, когда 7 марта 1917 года пугал киргиз реставрацией и сметением нового строя.

По сим соображениям Агапов должен быть арестован немедленно с назначением расследования его деятельности по Кустанайскому уезду, в целях предания его суду и с увольнением его со службы.

О Прокопове

Пристав 3 стана Кустанайского уезда Прокопов совершил ряд вопиющих беззаконий. Выехав в Аккаргинскую волость, он потребовал для отряда неслыхан-

ное количество провизии, уезжая из волости, изрезал на мелкие части шкуры зарезанных для войска баранов и принадлежности 10—15 кибиток, а постель этих кибиток — одеяла и ковры увез с собой на 3 подводах. Издевательство его над киргизами дошло до того, что некоторых бедных киргиз за неостановку лошадей погнал с собой за 40 верст от этих аулов. Уже после переворота, 10-го марта с. г., Прокопов потребовал для Агапова 10 кобыл у киргиза № 8 аула Джетыгаринской волости Кустанайского уезда Байтака Суюнтаева. За 8 кобыл уплатил по 100 рублей, а две увел без денег. Описанная деятельность Прокопова есть провокация, и он должен быть арестован и уволен со службы.

О крестьянских начальниках

Крестьянские начальники: 3-го участка Иргизского уезда Шубин, 3-го участка Актюбинского уезда Витман, Кустанайского уезда Куфтин и Прытков, Кустанайский уездный начальник Кочергин, помощник тургайского уездного н-ка Ткаченко, пристав Кустанайского уезда Данговцев и подрайонный н-к Кустанайского уезда Батманов, как не пользующиеся доверием населения и причинившие населению по прошлой деятельности много злоупотреблений, немедленно должны быть удалены от занимаемых ими должностей.

О Штанге и Лекторском

Тургайский ветеринарный врач Штанге и помощник Актюбинского уездного начальника Лекторский, ныне находящиеся в командировке в Иргизе, как враждебно настроенные против киргизского населения, должны быть удалены из пределов Тургайской области.

О Загайнове

О Тургайском уездном воинском начальнике Загайнове представителями Тургайского уезда Омаром Алмасовым, Каримом Токтабаевым, Альмухамедом

Касымовым, Таймухамедом Каттубаровым были сообщены следующие сведения:

1) 22 октября 1916 года Загайнов сделал распоряжение, чтобы все киргизы, не проживающие в городе, в течение 2 часов выехали из города (приехавшие на прием) и с того же дня киргизы не могли иметь никакого сношения с городом.

2) Приезжавшие в город немедленно задерживались патрулями казаков и без всякой причины заключались в военную гауптвахту, в том числе должностные лица и аксакалы (по приказу Загайнова).

3) 24 октября, объявив своей властью город «на военном положении», Загайнов вместе с помощником тургайского уездного начальника Ткаченко стал производить обыск среди киргиз учащихся и аресты мирных жителей города без всякого допроса.

4) 6—7 октября, после нападения киргиз на город, Загайнов сделал распоряжение о поголовном аресте киргизского населения города, не исключая учеников, учителей, чиновников, жен и детей.

5) Оставшееся без надзора имущество арестованных, как движимое, так и недвижимое, было передано в распоряжение казаков, солдат и жителей города.

6) Притеснения, жестокости и насилия по отношению к заключенным ужасны и неопишуты. Арестованные беременные киргизки разрешались в тюрьме. Арестованные киргизы покупали ведро воды по 7 рублей, для удовлетворения естественной надобности ходили в собственные сапоги, что могут подтвердить все заключенные лица, списки которых находятся в арестной книге (голод, невозможная духота, угрозы и ругательства), из заключенных в гауптвахте умерло трое: Абдильда Сыпсынбаев, Жансары Танбаев и Касубаев.

7) Арестованными киргизами Загайнов распоряжался очень жестоко. Несмотря на их болезнь и отсутствие одежды, велел гнать на всевозможные работы,

даже жителям стал продавать рабочую силу по 50 коп. в сутки в свою пользу.

8) Бесчеловечное отношение Загайнова к киргизскому населению высказалось в день освобождения аксакалов, некоторых должностных лиц, женщин и детей. Несмотря на то, что некоторые лица были почти голые, не были допущены в город и насильно под конвоем были выброшены из города в степь. Когда прапорщик Павпертов из арестного дома выделял освобожденных, пришел фельдшер Кузнецов и передал ему слова Загайнова: «Чтобы в 5 минут киргизского духа не было на улицах и чтобы они не показывались на мои глаза».

9) При освобождении арестованных им не были возвращены деньги, которые были взяты в день ареста и переданы Загайнову.

10) При дальнейшем освобождении арестованных Загайнов брал взятки, например, от Хабия Давренбаева одну сивую лошадь, от Ахмета Утетлеова 2 кобылы, 30 баранов, 1000 возов куги-топлива, за которые деньги не уплатил, и пр.

11) Во время доставки киргизам для гарнизона топлива-куги, сена Загайнов отбирал насильно, под угрозой ареста, расстрела, требовал расписки в получении денег за доставленное, причем денег не платил.

12) Когда некоторые лица заявляли ему лично о незаконности таких действий, он применял самые крутые меры, наносил побои, грозил арестом и расстрелом. Учителю Касымову нанес собственноручно побои и оскорбления в присутствии многих лиц, в числе их были: киргиз № 3 аула Майкоринской волости Абдрахман Иманкулов, № 4 аула той же волости Илькей Бекмурзин и Бегалы Шакшабаев и № 5 аула Балдик Байтугаев и учителя Ахмед-Сафа Юсупов и Сабир Сарбасов и др.

Обсудив сообщенные сведения, съезд постановил о незаконных действиях тургайского уездного воинского начальника Загайнова в связи с призывом

киргиз на тыловые работы, сообщить командующему войсками Казанского военного округа на предмет предания его суду.

Кроме того, просить командующего войсками немедленно арестовать Загайнова, так как он может скрыться и скрыть следы своих преступлений, а на имущество его наложить арест.

12. Отношение к войне

1) Помочь делу обороны родины всеми возможными средствами и тем содействовать доведению войны до победного конца; увеличить посевную площадь, оказывать всякое содействие продовольственным комитетам, регулярно доставлять скот на нужды армии и приложить все силы к поддержанию мирной жизни в тылу.

2) Ознакомившись с положением реквизируемых рабочих киргиз, находящихся на фронте — в тылу, городах, железных дорогах, на заводах, на частных-владельческих экономиях, в пути следования, съезд единогласно вынес пожелание просить надлежащую власть:

1) немедленно эвакуировать больных;

2) назначить медицинскую комиссию;

3) разрешить отпуск 10% рабочих;

4) возвратить единственных работников в семьи для весенних работ и всех рабочих, находящихся в экономиях;

5) урегулировать выдачу заработной платы и дать казенное пособие бедным семьям, лишенным единственных работников;

6) дать пропуск представителям инородческого отдела земсоюза для ознакомления с положением рабочих северного и юго-западного фронта, а также и тыла;

7) передать всех киргиз рабочих в ведение земсоюза.

13. События в Тургайской области, вызванные реквизицией киргиз на тыловые работы

Для расследования незаконных действий всех должностных лиц как по приему киргиз на тыловые работы, так и по усмирению восставших киргиз Тургайской области, просить Временное правительство назначить особую след. комиссию (сенаторская ревизия).

В Тургайском военно-промышленном комитете избрать членами Ахмедгирея Косвакова, Сейдазыма Кадирбаева, Мурзакула Куайдарова, Сырлыбая Бекбаева и ревизионную комиссию при комитете: Мир-Якуба Дулатова, Сагындыка Доцанова, Галия Ибрагимова и Исена Турмухамедова.

В заключение съезд постановил отправить приветственные телеграммы Временному правительству и киргизским интеллигентам, служащим в инородческом отделе земсоюза и самим рабочим.

Затем съезд был закрыт.

Председатель съезда	А. Байтурсынов
Секретари:	С. К. Кадирбаев
	О. А. Алмасов
	Ш. Б. Бекмухамедов

Алаш-Орда: Сборник документов. С. 21—36.

№ 69. 21—28 июля 1917 г. Постановление Всекиргизского съезда в Оренбурге*.

Всекиргизский съезд открылся 21 июля в г. Оренбурге и завершил свою работу 28 июля 1917 г.

На съезд прибыли делегаты Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской, Ферганской областей и из Букеевских киргиз.

* Постановления всекиргизского съезда взяты из газеты «Қазақ» от 31 июля 1917 г., издававшейся в г. Оренбурге под редакцией А. Байтурсынова.

Председатель съезда: Халиль Досмухамедов, товарищи председателя: Ахмет Байтурсынов, Аль-Мухамед Кутебаров, секретариат: Дулатов Мир-Якуб, Сеитов Асылбек.

Программа съезда

- 1) Форма государственного управления.
- 2) Автономия в киргизских областях.
- 3) Земельный вопрос.
- 4) Народная милиция.
- 5) Земство.
- 6) Вопрос просвещения.
- 7) Суд.
- 8) Религия.
- 9) Женский вопрос.
- 10) Подготовка [к выборам — *ред.*] в Учредительное собрание и депутаты из киргизских областей.
- 11) Всероссийский мусульманский съезд (Шураи-Ислам).
- 12) Киргизская политическая партия.
- 13) О положении в Семиреченской области.
- 14) О посылке делегатов из киргиз на съезд федератистов всей России, а также в учебную комиссию в Петрограде.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1. О государственном управлении.

В России должна быть демократическая федеративная парламентская республика.

2. Об автономии Киробластей.

Киргизские области должны получить областную автономию, смотря по национальным различиям и бытовым условиям.

3. О земельном вопросе.

1) До полного переселения киргиз в своих участках киргизские участки не должны быть населены никем. 2) Ввиду отсутствия в киргизских степях

годных земель все следующие участки, отобранные у киргиз, должны быть немедленно возвращены последним: участки дворянские, скотоводческие, торгово-промышленные, курортные, монастырские, от пересельчан, отрубы, оброчные статьи, участки, выданные частным лицам, показательные поля, но в действительности отданные гарнизонам и другим, и в настоящее время, ввиду ухода или же малочисленности, свободные от их населения. 3) Прекратить запись в свободные участки. 4) Те участки, где есть переселенцы, но свободны от их пользования, должны быть немедленно возвращены киргизам. 5) Зимовки киргиз, если владелец не ушел, должны быть возвращены, а переселенцам крестьянам дать землю из других участков. 6) Все имущество киргиз, находящееся в казенных местах, должно быть возвращено владельцам, а также дано разрешение киргизам пасти скот в казенных лесах. 7) Отдельные казенные леса передать в управление земства. 8) Относительно земель киргизы должны выработать свою инструкцию. 9) Соглашение о земельном вопросе с другими политическими партиями в Учредительном собрании передать киргизским депутатам. 10) При выдаче земель киргизам для пастбища и хлебопашества отменить ширинную норму, смотря по участкам. 11) Букеевские киргизы должны получить по норме выдач киргизам соседних областей наделы из своих земель. 12) Киргизам Туркестана, кроме земли, выдать достаточную ссуду. 13) Киргизы должны создать земельное общество (волостные, аульные и т. д.) коллективным образом (приехавшие из Ферганы два делегата были против, мотивируя земельную собственность каждого лица). 14) Земельные общины, коммунальные земли по возможности должны занимать небольшую территорию. Выработку норм передать на рассмотрение местных землеустроительных учреждений.

4. Народная милиция.

Постоянное войско заменить народной милицией.

5. Земство.

По постановлению Временного правительства в степных округах волостные земства должны быть созданы в оседлых населенных пунктах. Создание земств среди кочующих населений должно разрешаться в будущем в областном земском собрании. Съезд признает кочующими волостями только те, которые кочуют из одного уезда в другой.

1) Съезд постановляет, чтобы немедленно создать земство как среди кочующих, так и среди оседлого населения.

2) Выборы волостных и уездных гласных должны произойти одновременно.

3) В волостных земских управах должно быть не свыше 5 членов.

4) На русские и киргизские съезды должны быть посланы уездными областными комитетами специальные инструкторы.

6. Вопросы просвещения.

1) Всеобщее обязательное учение грамоте особенно необходимо.

2) В первых двух годах учения должно быть учение на родном языке.

3) Учебные книги, а также и другие пособия должны быть написаны киргизским правописанием.

7. О судах.

1) Современный киргизский народный суд упразднить.

2) Взамен прежнего суда создать новый суд, согласуясь с бытовыми условиями киргизов.

3) Создать комиссию из следующих лиц в каждой области для выработки инструкций нового суда. Выработанные инструкции областной судебной комиссии должны быть переданы на утверждение все-

киргизской судебной комиссии. На всекиргизскую судебную комиссию должны войти в качестве членов один член областной судебной комиссии. Работу свою всекиргизская судебная комиссия должна закончить к 1 февраля 1918 года. Инструкцию киргизского суда всекиргизская судебная комиссия должна рассмотреть вместе с киргизскими депутатами, а затем уже передать в законодательное учреждение.

4) До выработки инструкции нового суда современные народные судьи должны сохранить положение, принятое областным съездом киргиз.

5) Дело киргиз двух уездов или областей, носящее уголовный характер, должно быть рассмотрено теми народными судьями, в районе которых совершено преступление. Гражданские дела рассматриваются в том районе, где живет обвиняемый.

8. Религия.

1) Акмолинские, Семипалатинские, Семиреченские, Тургайские, Уральские и Закаспийские (Мангышлакский уезд) киргизы временно должны подчиняться оренбургскому отделению муфтия (архимандрит).

2) Дела, требующие решения духовного собрания, должны решаться всекиргизской судебной комиссией (см. 7 глава).

3) До выработки законов (инструкции) суда религиозное дело киргиз решается оренбургским духовным учреждением должно быть так же, как и у татар.

4) При духовном учреждении открыть киргизский отдел и дела киргиз решать совместно с муфтием, а смешанные дела решать совместно с татарскими судьями и муфтием.

5) В каждой области (кроме Мангышлакского уезда) выбрать по одному духовному судье.

6) Делопроизводство киргизского отдела вести на киргизском языке.

7) Оклады служащим киргизского отдела «Шак-каман Шаргай» (духовное учреждение) должны быть в следующей форме: пяти судьям (казы) в год по 4800 рублей, 1 секретарю 4800 рублей, канцелярские расходы 10 000 рублей.

8) Каждая область должна платить судье (казы) 4800 рублей, секретарю 1000 рублей, на канцелярские расходы 2000 рублей, всего 7800 руб.

9) Секретаря должны наметить сами киргизские судьи (казы).

10) Расходы духовных лиц, кроме судей (казы), — от самого народа.

11) От Уральской области съезд выбрал в духовные судьи (казы) Ахмеджанова Хаирши и от Букеевской — Карашева Гумара. Остальных судей каждая область должна наметить сама.

12) Районы должны быть построены по постановлению областного съезда.

13) Приведение во исполнение постановления съезда по этим вопросам поручено областным комитетам.

9. Женский вопрос.

1) Политические права женщин должны быть равны с мужчинами.

2) Право выхода замуж зависит от самих женщин.

3) Отменить калым.

4) Воспретить свататься не достигшим шестнадцатилетнего возраста девиц.

5) Воспрещается муллам читать венчальный обряд не достигшим 16 лет девочкам и 18 лет юношам.

6) При венчании муллы должны заручаться согласием обеих сторон: как невесты, так и жениха.

7) Вдова должна выйти замуж по своей воле, но отнюдь не по родственной связи (аменгер).

8) Двоеженство разрешается с согласия первой жены. Если она на то не согласится и захочет уйти, то муж должен взять ее на свое попечение до выхода за

другого мужа. Киргизам, не прошедшим 7-ю линию родственной связи, вступать в брак воспрещается.

10. Подготовка в Учредительное собрание и депутаты киргизских областей.

1. Съезд наметил депутатов и кандидатов к ним от каждой области. Список депутатов и кандидатов к ним от каждой области:

От Акмолинской области

1) Турлибаев Айдархан, 2) Сеитов Асылбек, 3) Итпаев С., 4) Жанайдаров Себилбек, 5) Тлепин Куменгали, 6) Дужетбаев Ракилежан, 7) Жумабаев Магжан, 8) Албаев Султанмухамед, 9) Меченбаев Сыдык, 10) Кусемысов Салмахбай, 11) Булганбаев Ханрид.

От Семипалатинской области

1) Потанин Григорий Николаевич, 2) Букейханов Алихан, 3) Ермеков Алимхан, 4) Габбасов Халиль, 5) Боштаев Мукуш, 6) Акпаев Якуб, 7) Сарсенов Биакмед, 8) Козбагаров Ахмеджан.

От Тургайской области

1) Байтурсынов Ахмет, 2) Дулатов Мир-Якуб, 3) Беремжанов Ахмед, 4) Турмухамедов Есенгалий, 5) Уразов Ельжан, 6) Жаманмурунов Тель, 7) Кадирбаев Сейдазым.

От Уральской области

1) Досмухамедов Халиль, 2) Досмухамедов Джанша, 3) Имангамбетов Нургалий, 4) Каратлеуов Салим Гарей, 5) Алибеков Габдулла, 6) Берднев Габдулла, 7) Есенгулов Гумар.

От Семиреченской области

1) Тынышпаев Мухамеджан, 2) Жайнаков Ибрагим, 3) Сыддыков Габдулкарим, 4) Алжанов Отким, 5) Маметов Базарбай, 6) Тулебаев Мирзахан, 7) Есенгулов Тусек, 8) Аманжолов Садык, 9) Саурамбаев, 10) Жатарашев Старкул, 11) Келгелбаев Сулеймен.

От Сыр-Дарьинской области

1) Чокаев Мустафа, 2) Асфандьяров Саншар, 3) Кенесарин Касымхан, 4) Утегенов Садык, 5) Кутебаров Алмухамед, 6) Ибрагимов Хасен, 7) Сейдалин Зулкарн, 8) Касымов Ибрагим, 9) Булатханов Пашабек, 10) Анронов Сегисбай, 11) Табибаев Исмберген, 12) Хожанов Султанбек, 13) Хожаев Абдулла, 14) Джажалинев Гумар.

От Ферганской области

1) Хажакон Конирахужа, 2) Уразаев Абдрахман, 3) Карбеков Жамшид, 4) Агаев Ерулай, 5) Акаев Серыкпай, 6) Талилехан Уре, 7) Нарбутабеков Нашбулатбек, 8) Чабкин Вадим, 9) Турхаулов Назир, 10) Камсманов Шеймурурдам, 11) Мирза-Казынов Зайрдин, 12) Динеев Шакир, 13) Кимчбаев Урезбай, 14) Колбаев Кулназир, 15) Сагинбаев Жанбек.

От Самаркандской области

От Аму-Дарьинского отдела

1) Чокаев Мустафа, 2) Мамбеев Габдрасул, 3) Кашкибаев Гайзи.

От Букеевской орды

1) Кульманов Бактыгерей, 2) Танашев Валитхан, 3) Батыр Хаир Ниязов.

2. Кроме Внутренней орды (Букеевской) и Аму-Дарьинского отдела, в других киргизских областях выборы зависят от количества населения, т. е. от больших — больше, от меньших — меньше депутатов. Поэтому съезд постановляет: все киргизы без различия пола, имеющие право голоса (шара) на выборах, должны принимать участие. Для того, чтобы от киргиз было больше депутатов, съезд постановил еще следующее: в каждой области не должно быть более одного списка. Список тот, который указан всекиргизским съездом.

3. Право переговоров, соглашение с другими политическими партиями перед выбором представителя каждой области.

11. Шураи-Ислам.

На всероссийском съезде мусульман необходимо присутствие киргизских представителей.

Члены Шураи-Ислама должны быть, смотря по количеству, той или иной (нации) группы мусульман.

Количество представителей киргизского населения, посылаемых временно в Шураи-Ислам, определяется съездом мусульман.

Увеличение количества представителей киргиз скоро будет решено Шураи-Исламом.

1. Выбранные съездом на Шураи-Ислам лица следующие:

- 1) От Акмолинской — Турлыбаев Айдархан;
- 2) Семипалатинской — Сатпаев Абиkey;
- 3) Тургайской — Байгуриh Альжан;
- 4) Уральск — Досмухамедов Джанша;
- 5) Букеевск — Танашев Валидхан;
- 6) Семиреченск — Маметов Назарбай;
- 7) Сыр-Дарьинск — Чокаев Мустафа;
- 8) Ферганск — Уразаев Габдрахман.

К перечисленным лицам кандидаты будут разосланы областным комитетом.

2. Расходы избранным на Шураи-Ислам будут выполняться киргизскими организациями-комитетами. Кроме этого киргизские организации должны оказать помощь (деньгами и т. д.) исполнительному комитету Шураи-Ислама.

3. Делегаты каждой области должны выехать сейчас в Петроград и начать работу Шураи-Ислама.

4. Собрание делегатов киргиз намечает членов от киргиз в исполнительный комитет Шураи-Ислама.

5. Временно до прибытия делегатов других областей съезд намечает в исполнительный комитет Шураи-Ислама Досмухамедова Джанша и Танашева Валидхана.

12. Найдя необходимость в отдельной киргизской политической партии, съезд выработку инструкции программы поручил киргизским делегатам, избранным на Шурай-Исламе.

Партия должна основываться на демократической федеративно-парламентской республике.

После выработки программы партии делегаты посылают ее в киргизский областной комитет на рассмотрение. После этого будет рассмотрена и утверждена киргизскими депутатами, съехавшимися в Учредительное собрание*.

До выработки программы киргизской политической партии постановления настоящего съезда будут служить наказом киргизским депутатам, избранным в Учредительное собрание.

13. Семиреченское положение.

1) Съезд подал телеграмму военному министру внутренних дел, прося предоставить спокойствие народу, обезоружив солдат и крестьян, возвращающихся с фронта, которые расстреливают и грабят киргизское население Семиречья, также упомянув, что киргизы не согласны дать своих земель русским.

2) Погибающим от голода киргизам Семиречья съезд просит сыновей Алаша оказать помощь.

* Оренбургский июльский съезд необходимо рассматривать, как и все остальные киргизские съезды, в качестве организационно-идейных предпосылок декабрьского алаш-ординского правительства. Что важно иметь в виду из постановлений этого съезда, так это пункт 12-й, где речь идет о киргизской политической партии. Вопрос этот о необходимости самостоятельной киргизской партии здесь был поставлен уже конкретно, и киргизским депутатам было поручено выработать инструкции и программы этой партии.

Программа была поручена киргизским делегатам, избранным на Шурай-Ислам. До выработки такой программы решения съезда должны были служить наказом киргизским депутатам в Учредительное собрание.

14. Выборы делегатов на съезд федератистов и в учредительную комиссию.

1) На съезд федератистов в Киеве, в августе месяце, съезд постановил избрать Букейханова Алихана, Досмухамедова Джанша, Танашева Валидхана, если же из 3 лиц кто-либо не сможет ехать, то на место его будет послан один из членов Шурай-Ислама.

2) В учебную комиссию в Петрограде съезд постановил послать Кенжина Аспендиара.

Подписей нет

Алаш-Орда: Сборник документов. С. 46—53.

№ 70. 5—13 декабря 1917 г. Протокол заседания общекиргизского съезда в Оренбурге*.

На съезде участвовали:

От Букеевской орды:

Габдулла Мукашев, Мауби Жумалиев, Ижан Кушеков, Ибрагим Малкашев и Сеид-Хан Ажигиреев.

* Протокол заседания общекиргизского съезда в Оренбурге был отпечатан в типографии на 31/2 печат. листах. Нами он раздобыт в Краевом Истпарте — г. Кызыл-Орда. Это один из самых важных съездов, где оформилось алаш-ординское правительство. На съезде участвовали представители почти всех губерний. Инициаторами съезда были приглашены на съезд видные баи, муллы, манапы. По специальному составу большинство съезда — буржуазные слои, буржуазная интеллигенция, что видно особенно из списка кандидатов, выдвинутых в Учредительное собрание. Заседание съезда происходило с 5 по 13 декабря 1917 г. в г. Оренбурге. Программа съезда включала следующие вопросы: 1) отношение к автономии Сибири, Туркестана, юго-восточному союзу, 2) автономия киргизских областей, 3) милиция, 4) национальный совет, 5) образование, 6) национальный фонд, 7) муфтиат, 8) народный суд, 9) аульные управления, 10) продовольственный вопрос. На этом съезде было постановлено образовать национально-территориальную автономию и присвоить ей название «Алаш». Здесь был организован «народный совет» Алаш-Орды из 25 человек. Была организована милиция, называемая «народная», но по существу своему это было войско, организованное для борьбы с Красной армией и Советской властью, что видно особенно хорошо из последующих документов.

От Уральской области:

Давлетша Кусябгалиев, Нургалий Ипмагамбетов, Хасен Нурмухамедов, Тагберген Жамашев, Кирей Исенгулов, Габдулла Доцанов, Аспендияр Кенжин, Нурмухамед Кальменев, Губайдулла Алибеков и Даулетияр Айсарин.

От Тургайской области:

Сейдазым Кадирбаев, Омар Алмасов, Намазбай Шауменев, Сагнай Ильшин, Султангазы Исхаков, Карим Батишев, Хусейн Бекентаев и Абубакир Алдияров.

От Акмолинской области:

Жаналы Мурзалин, Жанибек Гайсин, Иса Молдыбаев, Балга Курлеутов, Магжан Жумабаев, Сейджан Жаканов, Исет Жанбаев, Камалетдин Габдуллин и Кул Бауенев.

От Семипалатинской области:

Жумеке Уразалин, Турагул Ибраев, Алимхан Еркеков, Халиль Габбасов, Ахмед Чигиров, Кабыш Бердалин и Ахмедулла Барлыбаев.

От Семиреченской области:

Умралы Айдабосынов, Жарылгасын Отарбаев, Манке Измаилов, Иса Тергеусизов, Сытылган Сабатаев, Нажиб Хамидов и Носуфбек Джакуббаев.

От Сыр-Дарьинской области:

Газыхман Кенесарин, Имамбек Сарымсаков, Имамберды Иржигитов, Серкул Алдабергенов и Маулемкул Байзаков.

От Самаркандской области:

Исет Акжолов.

От Алтайской губернии:

Сагадат Шагимарданов.

Организаторы съезда:

Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Ильдес Омаров, Сагындык Дошанов и Мир-Якуб Дулатов.

От различных киргизских организаций:

Муртаза Нурсейтов, Габдрахман Муртазин, Габдулгазиз Улькешев, Бирниаз Кулеев, Габдулхамид Жундубаев, Габдулгазиз Мусин, Хошмухамед Кеменгеров и Хайретдин Болганбаев.

По особому приглашению:

Бахит-Кирей Кулманов, Джанша Досмухамедов, Омар-Казий Карашев, Губайдулла-Казий Ишмухамедов, Магдий-Казий Макулов, Хаирша-Казий Ахметжанов, Халиль Досмухамедов, Ишангалий Арабаев, Ахмедгирей Косваков, Валидхан Танашев, Жангожа Мергенов, Салих Карпыков, Отарбай-Хажии Кондыбаев, Мустафа Чокаев и Ильяс Жанкарин.

По проверке мандатов в президиум съезда избраны:

Председателем Бахит-Кирей Кулманов.

Товарищи: Алихан Букейханов,
Халил Досмухамедов,
Газымхан Кенесарин,
Омар Карашев.

Секретарями: Давлетша Кусябгалиев,
Мир-Якуб Дулатов,
Сейдазым Кадирбаев.

По избрании президиума по предложению Букейханова собрание по магометанскому обряду почтило память недавно скончавшегося популярного аксакала, участника многих съездов Ураза Татиева, приглашенного в качестве делегата и на этот съезд.

По открытии съезда делегатами были сделаны сообщения с мест и оглашены поступления на имя съезда: телеграммы и приветственное письмо оренбургского муфтия Бурудий, из этих сообщений выяснилось следующее: киргизы с большим интере-

сом относятся к выборам в земство и Учредительное собрание. Киргизы Сыр-Дарьинской области по выборам в Учредительное собрание не могли прийти к соглашению: разбились на партии, заявлено несколько кандидатских списков, благодаря чему от киргиз этой области в Учредительное собрание может пройти лишь один депутат. Киргизы Семиреченской области, восставшие против старого правительства по поводу призыва на тыловые работы и разоренные в 1916 году карательной экспедицией, находятся в крайне бедственном положении, умирают с голода, продают женщин и детей. Охвачены голодом и киргизы Аулие-Атинского и Пишпекского уездов (пуд муки стоит 125 руб.), хлеб они получают из ближайших уездов Акмолинской области, но доставка закупленного хлеба на места, за недостаточностью подвод, сопряжена с большими трудностями. Киргизы, кочующие в пределах Хивинского ханства, разоренные и ограбленные туркменами, тоже голодающие, переселились в Темирский и Актюбинский уезды и нуждаются в помощи. В Джизакском уезде идут беспорядки: киргизы нападают друг на друга, отбирают скот. Местные власти не в силах водворить порядок. Киргизы Джизакского уезда из рода Аргын имеют сильное желание выделиться из автономного Туркестана и присоединиться к Казак-Киргизской автономии, если таковая будет объявлена.

Представитель башкир Ахмед-Заки Валиди, председатель местной мусульманской военной Шуры — прапорщик Баширов, редактор газеты «Янги-Вакт» Фатих Каримов, делегаты оренбургского войскового круга Т. И. Седельников, Абрауф Богданов и другие приветствовали съезд, призывая киргизский народ к единению.

Обсудив сообщения с мест, съезд вынес следующие резолюции:

1

Обратиться к населению с особым воззванием, призывая народ к прекращению партийной борьбы и к единению. Составление воззвания поручить Мир-Якубу Дулатову и Ахмету Байтурсынову.

2

Предложить киргизам всех областей произвести в пользу разоренного населения Семиречья и киргиз, разоренных туркменами, самообложение, по расчету 1 руб. с души, со справедливым распределением этой суммы по благосостоянию и просить местные управы собрать эти деньги.

3

Предложить киргизам Каркаралинского, Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского и Петропавловского уездов дать киргизам Пишпекского и Аулие-Атинского уездов верблюдов за плату по соглашению для вывоза продовольственного хлеба, закупленного в Акмолинской области.

4

Просить правительство автономного Туркестана немедленно принять меры для прекращения анархии в Джизакском уезде.

5

Просить телеграфно население Сыр-Дарьинской области голосовать за один областной список на выборах в Учредительное собрание.

6

Одобрить желание родов Аргын войти в единую Казак-Киргизскую автономию и поручить казак-киргизскому совету войти по этому поводу в соответственное сношение с властью Туркестанской автономии.

Приветствовать автономию Туркестана и послать телеграмму оренбургскому муфтию в ответ на его приветствие съезда.

В программу съезда включены следующие вопросы:

1) отношение к автономии Сибири, Туркестана и юго-восточному союзу; 2) автономия киргизских областей; 3) милиция; 4) национальный совет; 5) образование; 6) национальный фонд; 7) муфтиат; 8) народный суд; 9) аульное управление; 10) продовольственный вопрос.

Алихан Букейханов сделал доклад об автономии Сибири, Туркестана и юго-восточном союзе.

Обсудив доклад и выслушав прения выступавших ораторов, съезд постановил: доклад Букейханова и вопрос о киргизской автономии, об организации милиции и национального совета передать на рассмотрение в особую комиссию из 7 лиц с правом кооптации сведущих лиц и перейти к рассмотрению вопроса о народном образовании.

С докладом по этому вопросу выступил М. Дулатов, который, отметив отсутствие у киргиз медресе и мектебов, мугалимов и учебников на киргизском языке, указал на необходимость создания национальных школ.

Обсудив по пунктам доклад Дулатова и принимая во внимание, что необходимость создания национальных школ никем не оспаривается, что для создания национальных школ прежде всего нужны учебники на киргизском языке, поэтому является необходимым составление учебников для начальных и средних школ на киргизском языке, съезд, по выслушивании мнений выступавших ораторов, постановил: образовать из 5 лиц комиссию по составлению для киргизских начальных и средних школ учебников на киргизском языке, предоставив комиссии право кооптации све-

дущих лиц. Комиссия же должна находиться в месте пребывания центрального национального совета. Помимо учебников, комиссия должна составлять: а) программы для национальных школ, б) руководства для мугалимов, в) книги о воспитании детей, г) правила о постановке дела народного образования во всех казак-киргизских школах, д) выработать правописание киргизского языка, с) переводить на киргизский язык полезные книги и брошюры. Комиссия должна приступить к делу с начала 1918 года и в первую очередь опубликовать в газетах программу своей деятельности через печать. Составленные комиссией книги должны быть немедленно издаваемы. Количество экземпляров, подлежащих изданию книг, а равно и сумм, потребных для издания книг, предоставляется определить комиссии. Определенная комиссией сумма денег должна быть немедленно предоставлена в комиссию областными земствами или эта сумма должна быть отпускаема из национального фонда. Учебники, составленные посторонними лицами, не входящими в состав комиссии, должны быть допущены в школах с одобрения комиссии, причем одобренные комиссией учебники должны быть приобретены комиссией в собственность народа по соглашению с авторами. В случае неодобрения учебников посторонних лиц комиссия свои соображения должна печатать в газетах. При рассмотрении комиссией учебников посторонними лицами последние должны участвовать в заседаниях комиссии с правом решающего голоса. Книги, составленные комиссией, в течение первых трех лет должны быть народным достоянием, а по истечении 3-х лет — собственностью авторов. Комиссия по окончании своей работы, указанной в программе, обязана дать отчет, а находящиеся на руках книги и деньги сдать подлежащему учреждению по указанию высшего органа по управлению делами казак-киргизов. Утвердить

расходную смету комиссии на 1918 год в следующем размере: на вознаграждение пяти членов комиссии, по 800 руб. в месяц каждому — 48 000 руб. в год; на наем помещения для занятий комиссии — 1800 руб. в год, на приобретение материалов — 6000 руб. в год, на канцелярские расходы — 2400 руб. в год. Итого 58 200 рублей. Эту сумму распределить по областям по количеству населения следующим образом:

Сыр-Дарьинская область — 13 050 руб.

Семиреченская область — 8700 руб.

Семипалатинская область — 8700 руб.

Уральская область — 7250 руб.

Акмолинская область — 5800 руб.

Тургайская область — 5800 руб.

Ферганская область — 4350 руб.

Букеевская орда — 3100 руб.

Самаркандская область — 1450 руб.

Половину из указанных выше 58 200 рублей областные земства должны предоставить Алаш-Орде в январе.

Член правительства автономного Туркестана Чокаев сделал доклад о Туркестанской автономии, причем выяснилось, что киргизское население Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей к Туркестанской автономии пока не присоединилось.

Делегаты Туркестанского края в своих речах отметили необходимость объединения киргиз в настоящий момент и высказали желание присоединиться к Казак-Киргизской автономии, если таковая будет объявлена.

Делегат 3 округа оренбургского казачьего войска Меньшенин приветствовал съезд и предложил присоединиться к юго-восточному союзу, чтобы спастись от анархии.

От лица комиссии Халиль Габбасов сделал доклад об автономии, о создании милиции и народного совета.

Обсудив доклад Габбасова об автономии и имея в виду, что в конце октября пало Временное правительство, Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, что анархия волна за волной замечает большие города и деревни по всему государству, она растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа, что единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казак-киргизских областей, съезд единогласно постановил:

I. Образовать территориально-национальную автономию областей Букеевской орды, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, киргизских уездов Ферганской, Самаркандской, Аму-Дарьинского отдела, Закаспийской области, смежных киргизских волостей Алтайской губернии, представляющих сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизского единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка.

II. Автономии казак-киргизских областей присвоить название «Алаш».

III. Территория автономных областей Алаш со всеми богатствами, находящимися на поверхности земли, водами, их богатствами, а также недрами земли составляет собственность Алаш.

IV. Конституция автономии Алаш утверждается Всероссийским учредительным собранием.

V. Всем, кто живет среди казак-киргиз, гарантируются права меньшинства. Во всех учреждениях автономии Алаш представители всех наций должны быть представлены пропорционально. Предоставляется

также экстерриториальная и культурная автономия тем, кто без территории окажется в пределах автономии Алаш.

VI. В целях спасения области Алаш от общего разгула анархии организовать временный народный совет «Алаш-Орда», состоящий из 25 членов, 10 мест из которых предоставить русским и другим народам, живущим среди казак-киргиз. Местом пребывания Алаш-Орды временно избрать Семипалатинск. Алаш-Орда должна немедленно взять в свои руки всю исполнительную власть над казак-киргизским населением.

VII. Алаш-Орда обязуется принять энергичные меры к созданию народной милиции.

VIII. Алаш-Орда обязана в ближайшее время созвать Учредительное собрание автономии Алаш на началах, выработанных им применительно к существующим правилам о производстве выборов в общее российское Учредительное собрание.

IX. Алаш-Орда уполномочивается съездом: 1) заключать займы; 2) вести переговоры в блоках с другими автономными соседями, причем само заключение договора предоставляется Учредительному собранию Алаш.

X. К Учредительному собранию Алаш народный совет обязан предоставить выработанный им проект конституции автономии Алаш.

По вопросу о времени объявления автономии съезд разделился на два течения. Представители Уральской, отчасти Сыр-Дарьинской области и Букеевской орды доказывали необходимость объявления автономии. Делегаты других областей полагали объявление предоставить центральному народному совету, после организации милиции и по окончании переговоров с киргизским населением Туркестанского края и с другими народностями, живущими в киргизских областях. Вопрос этот был поставлен на поименное

голосование, причем за немедленное объявление автономии голосовали следующие делегаты:

1. Габдул-Газиз Мусин,
2. Габдул-Хамит Жундубаев,
3. Габдул-Газиз Улкешев,
4. Габдрахман Муртазин,
5. Сеит-Хан Ажигиреев,
6. Ибрагим Молкашев,
7. Ижан Кошеков,
8. Мауби Жумалиев,
9. Габдулла Мукашев,
10. Мауленкул Баюзаков,
11. Серкул Алдабергенов,
12. Имамберды Иржигитов,
13. Даулетияр Айсарин,
14. Нурмухамед Кальменев,
15. Аспендияр Кейкин,
16. Абдулла Дощанов,
17. Кирей Исенгулов,
18. Тагберген Жамашев,
19. Хасен Нурмухамедов,
20. Нургалий Ипмагамбетов,
21. Давлетша Кусябгалиев,
22. Сагнай Ильшин,
23. Намазбай Шауменев,
24. Жангожа Мергенев,
25. Валид-Хан Танашев,
26. Ахмедгирей Косваков,
27. Халиль Досмухамедов,
28. Губайдулла Алибеков,
29. Омар Карашев,
30. Губайдулла Ишмухамедов,
31. Джанша Досмухамедов,
32. Бахитгирей Кулманов,
33. Сагындык Дощанов.

Против немедленного объявления автономии голосовали нижепоименованные делегаты, которые стояли за объявление автономии по выяснении отношения некиргизского населения степных областей к Киргиз-Казакской автономии и по создании народной милиции:

1. Носуфбек Джакуббаев,
2. Хайретдин Болгамбаев,
3. Хошмухамед Кеменгеров,
4. Муртаза Нурсаитов,
5. Ахмедулла Барлыбаев,
6. Кабыш Бердалин,
7. Халил Габбасов,
8. Алимхан Ермеков,
9. Турагул Ибраев,
10. Жумеке Уразалин,
11. Сагадат Шаймарданов,
12. Исет Акжолов,
13. Нажиб Хамидов,
14. Сатылган Сабатаев,
15. Иса Тергеусизов,
16. Манке Исмаилов,
17. Жарылгасын Утарбаев,
18. Умралы Айдабосынов,
19. Кул Бауенев,
20. Камалетдин Габдуллин,
21. Исет Жанбаев,
22. Сейджан Жаканов,
23. Магжан Жумабаев,
24. Балга Курлеутов,
25. Иса Малдыбаев,
26. Жанибек Гайсин,
27. Жаналы Мурзалин,
28. Абубакир Алдияров,
29. Хусейн Бекентаев,
30. Карим Батишев,
31. Султан-Газы Исхаков,
32. Омар Алмасов,
33. Сей-

дазым Кадирбаев, 34. Ильяс Жанкарин, 35. Утарбай Кондубаев, 36. Салих Карпыков, 37. Ишангалий Арабаев, 38. Магдий Макулов, 39. Мир-Якуб Дулатов, 40. Ильдес Омаров, 41. Ахмет Байтурсынов, 42. Алихан Букейханов.

Мустафа Чокаев, Азимхан Кенесарин и Ахмед Чегиров воздержались от голосования.

Делегаты, оставшиеся в меньшинстве, не подчиняясь решению большинства, потребовали немедленного объявления автономии, заявив, что в противном случае они намерены присоединиться к Туркестанской автономии. Ввиду этого съезд, признавая объединение всех киргиз в настоящий момент необходимым, а отделение некоторых киргизских областей и присоединение их к Туркестанской автономии недопустимым, вынес следующую резолюцию, которая была единогласно принята всеми участниками съезда:

I. Общекиргизский народный совет Алаш-Орды обязуется в месячный срок со дня своего формирования выяснить возможность присоединения всех казак-киргиз Туркестанского края к автономии Алаш.

II. Если в месячный срок туркестанские казак-киргизы не присоединятся к автономии Алаш, народный совет Алаш-Орда обязуется официально объявить автономию от имени всех остальных киргизских областей.

III. В случае неприсоединения туркестанских казак-киргиз к автономии Алаш в месячный срок и необъявления Алаш-Ордой автономии населению каждой области предоставляется действовать по своему усмотрению.

IV. В случае присоединения туркестанских казак-киргиз в течение месяца к автономии Алаш народному совету Алаш-Орда предоставляется право объявить автономию Алаш при первой возможности.

Выслушав доклад о милиции и приняв во внимание, что государство переживает исключительно трудное время: повсюду идут убийства и грабежи как прояв-

ления всеобщего развала и анархии, что от анархии не гарантированы и казак-киргизские области, что в переживаемое исключительное время казак-киргизы не могут оставаться равнодушными к окружающей анархии, которая в случае проявления в степных областях может уничтожить казак-киргизский народ, как совершенно беззащитный, и что поэтому во имя спасения казак-киргизского народа от надвигающейся анархии представляется необходимым организовать народную милицию, съезд постановил: немедленно приступить к организации народной милиции, согласно нижеследующим правилам:

I. В милиционеры принимаются лица мужского пола в возрасте от 30 до 35 лет, годные для несения службы.

II. В милицию принимаются лица по вольному найму, а там, где не представляется возможным набрать определенный комплект по найму, применяется жребий.

III. Всем милиционерам, принятым на службу как по вольному найму, так и по жребию, выдается жалование из национального фонда, причем определение размера жалованья сообразно с местными условиями предоставляется местным организациям, заведывающим делом организации милиции.

IV. Распределение определенного для каждой области количества милиционеров по уездам предоставляется в каждой области областным организациям, а распределение по волостям и аулам — уездным организациям.

V. Организация милиции в количестве, указанном областной организацией для каждого уезда, лежит на обязанности уездных организаций.

VI. Принятый в милиционеры по жребию может вместо себя нанять другого в возрасте 20—35 лет.

VII. В случае падения жребия на нескольких лиц в одном семействе принимается на службу лишь один

член семейства. Предоставление льгот по семейным и другим обстоятельствам лежит на обязанности местных организаций.

VIII. На первых порах каждое аульное общество обязано снабдить своих милиционеров лошадьми, седельным прибором и одеждой.

IX. Необходимые для милиционеров ружья, патроны и шашки приобретаются на средства национального фонда Алаш-Орды, который и рассылает их на места.

X. Для обучения милиционеров приглашаются офицеры и инструкторы, по расчету 1 офицер на 100 милиционеров и 1 инструктор на 50 милиционеров.

XI. Для создания кадра офицерства теперь же поместить в оренбургское казачье юнкерское училище лиц, изъявивших на то желание.

XII. Общее количество милиционеров в областях Букеевской, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской должны быть 13 500, а по областям: Букеевской — 1000, Уральской — 2000, Тургайской — 3000, Акмолинской — 4000, Семипалатинской — 1500, Семиреченской — 2000.

XIII. Расходы по организации милиции составляют следующим образом:

На приобретение ружей, патронов и шашек — 16 300 000 р. Жалование в год: офицерам 810 000 р., инструктор. — 810 000 р.

На наем помещения для милиционеров — 1 620 000 р. На содержание органов, заведывающих милицией, — 720 000 р.

На обучение юнкеров в три приема по 24 чел. — 100 000 р.

Итого: 68 960 000 р.*

* Распределение расходов по видам не совпадает с итогом расходов на организацию милиции, очевидно, при перепечатывании в типографии вкрались ошибки, а возможно и пропуски видов расхода на организацию милиции.

Эта сумма должна быть собрана с киргизского населения указанных выше шести областей. Эта сумма по областям распределяется пропорционально количеству населения следующим образом:

Букеевская орда — 5 600 000 р.

Уральская область — 11 900 000 р.

Тургайская область — 9 750 000 р.

Акмолинская область — 9 750 000 р.

Семипалатинская область — 15 980 000 р.

Семиреченская область — 15 980 000 р.

Указанные суммы должны быть разложены на уезды пропорционально населению областными организациями, а на волости также пропорционально населению — уездными организациями, а на местах эти суммы должны быть разложены на население по благосостоянию.

Обращаясь далее к определению вознаграждения членам Всекиргизского народного совета Алаш-Орда, съезд находит целесообразным назначить по 800 рублей каждому в месяц.

Составление подробной сметы расходов Алаш-Орды, как-то: по найму (помещения для занятий, по содержанию канцелярии и проч.), лежит на обязанности народного совета Алаш-Орда.

В члены Всекиргизского народного совета Алаш-Орда съездом избраны:

1. От Букеевской орды: Валид-Хан Танашев,
2. От Уральской области: Халиль Досмухамедов,
3. От Акмолинской области: Айдархан Турлубаев,
4. От Тургайской области: Ахмед Беремжанов,
5. От Семипалатинской области: Халиль Габбасов,
6. От Семиреченской области: Садык Аманжолов,
7. От Сыр-Дарьинской области: Мустафа Чокаев,
8. Независимо от областей: Алихан Букейханов,
9. Джанша Досмухамедов, 10. Алимхан Ирмеков,

11. Мухамеджан Тынышпаев, 12. Бахитгирей Кулманов, 13. Жакуб Акпаев, 14. Базарбай Маметов, 15. Отынши Альжанов

Кандидатами к ним избраны: 1. Иса Кашкынбаев, 2. Носуфбек Якуббаев, 3. Ережеп Итпаев, 4. Сатылган Сабатаев, 5. Исенгалий Касабулатов, 6. Батырхаир Ниязов, 7. Мукуш Баштаев, 8. Сейльбек Жанайдаров, 9. Салим-Гирей Нуралиханов, 10. Омар Алмасов, 11. Сейдазым Кадирбаев, 12. Аспендияр Кенжин, 13. Штабс-капитан Бекимов, 14. Исен Турмухамедов, 15. Жанек Салтанаев.

В представители народного совета Алаш-Орда баллотировались Алихан Букейханов, Бахитгирей Кулманов и Айдархан Турлубаев, причем Букейханов получил 40 избирательных и 18 неизбирательных голосов, Кулманов — 19 избирательных и 39 неизбирательных голосов и Турлубаев — 20 избирательных и 38 неизбирательных голосов, таким образом, избранным председателем Всекиргизского народного совета Алаш-Орда оказался Алихан Букейханов.

В комиссию по составлению учебников избраны: 1. Ахмет Байтурсинов, 2. Магжан Жумабаев, 3. Ильдес Омаров, 4. Биахмет Сарсенов и 5. Тельжан Шонанов.

Рассмотрев вопрос о создании национального фонда, съезд признал, что национальный фонд пока должен состоять из сумм, которые будут собраны с населения на организацию милиции, на содержание комиссии по составлению учебников и Всекиргизского народного совета Алаш-Орды. Подробная разработка этого вопроса в дальнейшем лежит на обязанности Алаш-Орды.

Переходя затем к продовольственному вопросу и обсудив сообщения делегатов по этому вопросу, съезд постановил: 1) продовольственное дело на местах земства должны немедленно взять в свои руки; 2) вы-

яснение количества имеющегося в каждой области хлеба и равномерное распределение находящихся в киргиз-казакских областях хлебных запасов по областям, получающим хлеб извне, лежит на обязанности народного совета Алаш-Орды; 3) Алаш-Орда обязывается принять меры, чтобы хлеб, закупленный для голодающих киргиз-казак, не был конфискован продовольственными комитетами.

Ввиду предстоящего объявления автономии Алаш съезд постановил: вопросы о муфтиате, народном суде и аульном управлении снять с очереди, причем духовное управление киргиз-казак должно оставаться без всякого изменения впредь до объявления автономии и созыва Учредительного собрания Алаш, куда состоящие при оренбургском магометанском духовном правлении казии киргиз-казакских областей обязаны представить проект реформы киргиз-казакского духовного правления.

Так как существующие народные суды совершенно не действуют и никаким авторитетом не пользуются, а между тем конокрадство в киргиз-казакских областях усиливается с каждым днем, то всекиргизский народный совет обязывается немедленно разработать и составить временное положение об организации суда по борьбе с конокрадством.

Заседание съезда закрыто 13 декабря 1917 года.

Председатель съезда

Товарищи его:

Секретари:

Кулманов.

Букейханов,

Карашев,

Досмухамедов,

Кенесарин,

Дулатов.

Кадырбаев,

Кусябгалиев.

№ 71. Программа партии «Алаш»* (Копия с копии).

§ 1

Россия должна стать демократической федеративной республикой (демократия — народная власть, федерация — союз мелких государств). Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется самостоятельно на одинаковых правах и интересах. Во главе правительства стоит Учредительное собрание, в промежутках — президент, избираемый Учредительным собранием и Государственной думой на известный срок. Президент управляет через Совет министров, ответственен перед учредительным собранием и Государственной думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только Государственной думы, которой принадлежит право контроля над правительством. Правом выборов пользуются все без различия происхождения, вероисповедания, пола. Выборы депутатов производятся прямым равным и тайным голосованием.

§ 2

Автономия киргиз складывается из областей и входит в Российскую Федерацию наравне с другими народностями. Все существующие земства сохраняются в прежнем виде. Партия Алаш стремится, чтобы все лица, работающие в волостных и аульных судах, были честные и полезные народу. Вопросы о работающих в земских управах и милиции разрешаются народом. Партия стремится создать для народа благо и культуру. Бедных партия называет и считает товарищами; мироедов — врагами.

* Программа партии Алаш была напечатана в киргизской газете «Қазақ» от 21 ноября 1917 г. № 251.

§ 3

В Российской Федерации существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов. Служащие никуда не могут отлучиться без разрешения хозяина. Суд без обвинения и допроса не может арестовать и осудить; все дела на местах должны рассматривать в течение 24 часов. В тех случаях, когда суда на месте совершения преступления нет, последнему дается право выносить свои решения над обвиняемым в одну неделю. Все лица, вскрывающие и читающие чужие письма, подвергаются наказанию, причем первые штрафуются.

§ 4

Религия должна быть отделена от государства. Все должны быть свободны и равны. У киргиз отдельный муфтий. Записи браков, рождения, смертности и разводов остаются у киргизских мулл.

§ 5

Судимость и суд каждого народа должны быть сообразны обычаю: судьи должны знать местный язык. В местностях со смешанным составом населения допросы и решения суда должны происходить на языках тех, кто составляет в данной местности большинство. Все народы перед судом равноправны. Ввиду того, что после Бога самыми сильными являются судьи и заседатели, а потому решению их должны подчиняться все без исключения.

Решения суда должны приводиться в исполнение немедленно. Суд рассматривающий должен быть обязательно с участием присяжных заседателей, причем если рассмотрение дела происходит в местностях с киргизским составом населения, то он должен быть на киргизском языке, и все заседатели должны быть киргизы. Суд же в Степи должен происходить по всем обычаям и нравам народа.

§ 6

Для защиты народа должно быть войско, организованное на других началах, нежели теперь. Обучение и служба военнообязанных должна происходить на местах. Разделение войска на части должно производиться по родственному принципу; киргизы отбывают службу в виде конной милиции.

§ 7

Взимание налогов должно происходить по степени богатства и имущественного состояния вообще: богатый платит больше, бедный — меньше.

§ 8

Рабочее законодательство должно быть в пользу рабочих. Ввиду того, что в Киргизии мало фабрик и заводов, таким образом, — и рабочих, партия Алаш поддерживает в этом вопросе программу социал-демократов меньшевиков.

§ 9

Народное образование должно быть достоянием всех. Обучение во всех учебных заведениях бесплатное. В начальных школах преподавание должно вестись на родном языке. Киргизы должны иметь свои средние и высшие учебные заведения, включая университеты. Школа должна быть автономна; правительство не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь школы. Все учителя (мугалимы) и профессора избираются. Просвещение на местах должно происходить в избах-читальнях.

§ 10

При выработке земельного закона в Учредительном собрании в основу должно ложиться наделение землею в первую очередь туземцев. Надел переселенцев крестьян, до окончания полного надела туземцев, не

должен производиться. Все ранее отобранные у киргиз переселенцами земли должны быть возвращены обратно. Киргизы должны получать земли с более плодотворной почвой через местные комитеты. Личные земельные участки должны принадлежать только земству, причем при росте населения они отрезываются для прибывших, т. е. надел происходит из этих земель. В Туркестане, кроме наделов земель, должны быть также наделы водой. Пользование землей вообще должно происходить так, чтобы районные и аульные пользовались землей родами, а не отдельными семьями. Продажа земли категорически воспрещается. Все богатства земли — большие леса, реки принадлежат государству и управляются земством.

Программу составили:

Букейханов Алихан, Байтурсынов Ахмет, Дулатов Мир-Якуб, Гумаров Ильдес, Турмухамед Жаждибаев, Абдулахмет Бирмеканов.

Алаш-Орда: Сборник документов. С. 88—91.

Кеңес кезіндегі құжаттар

ТҮРМЕ ӘФСАНАСЫНЫҢ ТАРИХЫ

Қазақ ақыл-ойының тамырын отап, тектік ұйытқысын ірітіп, ұлттық тағдырының ұясын бұзған, қатігез жазалау науқанының алғашқы тергеу ісі 1927 жылы желтоқсан айында басталып, үкім алпыс жылдан кейін күшін жойды. Түрме — құпия мекеме, ал түрмеге түскендердің тергеу хаттамасы мен жаза үкімі сақталған құжаттар құпияның құпиясы болып табылады. Саяси қылмыскерлерге қатысты, оның ішінде КСРО-ның Мемлекеттік Қауіпсіздік комитеті жүргізген тергеулердің құжаттарына екінің бірінің қолы жете бермейтіні анық. Тіпті тәуелсіздік тұсында да ол деректер жалпыға жария етілмеді. Бұл кез келген мемлекеттегі Қауіпсіздік мекемесіне тән заңдылық.

Тергеу ісімен танысудың қысқаша тарихы мынадай: 1987 жылы 13 қаңтар күні Қазақстан Жазушылар Одағының сол кездегі бірінші хатшысы Олжас Сүлейменов: 1) Желтоқсан оқиғасына байланысты ұсталған және қысым көріп жатқан студенттер мен жастарды қорғау мақсатында; 2) репрессияға ұшыраған жазушылардың мұраларын ақтау бағытында; 3) басылымға тыйым салынған шығармаларды қайта жариялаудың мүмкіндігін қарастыру барысында маған Праволық комиссия құруды тапсырды. Ақпан айында Мемлекеттік Қауіпсіздік комитетінің сол кездегі орынбасары генерал-майор С.К.Әбдірахманов бастаған 7 полковник Жазушылар Одағына келіп, осы үш мәселе төңірегінде мағлұматтар берді.

Сөйтіп, аса бір қауырт та қыспақты жұмыстар басталып кетті. Саяси қудалау кезіндегі, яғни отыз жеті-отыз сегізінші, қырық алты-елу үшінші жылдардағы жарияланымға тыйым салынған шығармалар мен жекелеген авторлық құқықтар қалпына келтіріліп, «тәжірибе» жинақталған соң, ұлт көсемдерін ақтауға ұмтылыс басталды.

1988 жылы қаңтарда Қазақстан Жазушылар Одағының бірінші хатшысы Олжас Сүлейменовтің сұрау салуы бойынша, Қазақ ССР-інің Бас прокуроры Ғ.Б.Елемесов Алашорда қайраткерлерінің үстінен жүргізілген тергеудің заңсыздығына наразылық білдіріп, Қазақ ССР Жоғарғы Сотына ұсыныс жасады. 1988 жылы 4 қарашада Жоғарғы Соттың қылмысты істер жөніндегі алқасының мәжілісінде «Кеңес өкіметін қарулы көтеріліс арқылы құлату мақсатында ұйымдасқан Алашорда қайраткерлерінің контрреволюциялық, террористік астыртын құпия ұйымын әшкерелеу ісіне» қатысты сот үкімі қайта қаралды. Оған Қазақ КСР Жоғарғы Сотының төрағасы Т.К.Аймұхамбетов, Жоғарғы Соттың мүшелері К.Т.Кенжебаев, Е.Л.Грабарник және Қазақ КСР Бас прокуроры Ғ.Б.Елемесов қатысты. Жиыны 14 томдық тергеу ісінің егжей-тегжейін зерделей тексеріп, барлық куәлардың шағымдарымен танысып, тергеу тарапынан өрескел бұрмалаушылық пен заңсыздықтарға жол берілгенін анықтады. Сол кездегі Құқықтық комиссияның төрағасы, «Жұлдыз» журналы сын бөлімінің меңгерушісі, жазушы Т.Жұртбайдың (осы жолдардың авторы) Жоғарғы Соттың мүшесі К.Кенжебаевқа берген әдеби сараптамалық қорытындысы бойынша, Алашорда қайраткерлерінің шығармалары мен ғылыми еңбектерінде кеңес өкіметіне қарсы үгіт-насихат жүргізілмегені расталды. Соның нәтижесінде Қазақ

КСР-інің Қылмыстық және праволық Кодексінің 375-бабын басшылыққа ала отырып Жоғарғы Сот:

«СССР Халық Комиссарлар Советінің жанындағы ОГПУ-дің (Біріккен Мемлекеттік Саяси басқарманың — Т.Ж.) IV коллегиясының 1930 жылғы 4 сәуірдегі және 1931 жылғы 13 қаңтардағы Байтұрсынов Ахмет, Дулатов Міржақып, Аймауытов Жүсіпбек, Есполов Мирза-Ғазы, Ғаббасов Халел, Әділев Дінмұхамед, Бірімжанов Ғазымбек, Юсупов Ахмед-Сафа, Жұмабаев Мағжан, Омаров Елдес, Битілеуов Дамолла, Болғанбаев Хайретдин, Байтасов Абдолла, Жәленов Кәрім және т.б жөніндегі қаулысының күші жойылсын, олардың іс-қимылдарынан қылмыстық әрекеттер табылмағандықтан да тергеу барысы тоқтатылсын.

Қазақ ССР прокурорының наразылығы қанағаттандырылсын. Қазақ ССР-інің Жоғарғы Соты — Т.К.Аймұхамбетов. Коллегия мүшелері — Е.Л.Грбарник, Қ.Т.Кенжебаев», — деген шешім шығарды.

Осы шешімнің негізінде Жоғарғы Соттың мүшесі Қазықан Кенжебаев Қазақстан КП Орталық комитетінің бірінші хатшысы Г.Колбиннің атына Олжас Сүлейменовтің қолымен Алаш қайраткерлерін ақтау туралы қорытынды ұсыныстың мәтінін даярлады. Қазақстан Орталық Комитетінің идеология жөніндегі хатшысы Ө.Жәнібековтің араласуымен Ғылым академиясында арнайы комиссия құрылды, сол комиссияның шешімі бойынша Алаш қайраткерлерін саяси және шығармашылық тұрғыдан ақтау туралы арнайы қаулы шықты. 1989 жылы сәуір айында осы жолдардың авторына Мемлекеттік Қауіпсіздік комитетінің мұрағатына ресми рұқсат берілді. Бұл ретте сол кездегі Мемлекеттік Қауіпсіздік комитетінің идеология саласын басқарған генерал С.К.Әбдірахмановқа, біздің мүддемізге түсіністікпен қараған Қараби Мұқамедқалиев пен Шыңғыс Салықбаевқа жазушылық ілтипат білдіреміз.

1991—1992 және 1997 жылдары құпия мұрағаттағы тергеу ісімен қайтадан тиянақты түрде танысуға мүмкіндік алдық. Алайда өмірі мен қайраткерлігі беймәлім арыстардың түрмедегі жауаптары мен хаттамаларындағы кейбір «көрсетінділер мен айыптаулар» ел арасындағы қатардағы оқырмандарға түсінбестік тудырмас үшін 20 жылдан бері жабық сақтауға мәжбүрлік етті. Қазір олардың өмірі мен қызметтері, жазған еңбектері туралы зерттеулер жарияланып, жалпы қауымның тарихи және өмірлік шындықты, жалған айыптаулар мен жаланы ажырата алатындай мүмкіндігі туған сәтте бұл деректерді оқырман назарына ұсынуды жөн көрдік.

Бұл құжаттарда тағдыр мен тарихтың талқысы тоғысқан, қым-қуыт қайшылықтар мен қарама-қарсы көзқарастар шарпысқан, ақыл мен арандату араласқан, тұлғаны қорлаудың, азапқа салудың неше түрлі амалдары қарастырылған, зорлап қойылған қолдардың табы бар, ең ақырында олардың көзін жойып жіберген үкімдер сақталған. Қаншама зиялы, батыл, қайсар адам еді дегенмен де: тұлғаның — тұл, қайраткерлердің — жасыған, елеусіздің — ер, қорқақтың батыл болған тұстары байқалып қалды. «Ұлы құрбандықтың бата оқыры» да шиыршықтала беріп, шырма-шату, түйіні шешілмейтін шырғалаңға айналды. Олардың арасында ұлт зиялыларымен қоса Бетпақдаланың шөлінде, Торғай ойпатында, Қызылқұмның қуысында жатқан шаруа баққан қарапайым қазақтар да бар еді. Жаза тартқандардың қатарына «жарғақ құлақты тыңшылар» да қосылыпты.

Әрине, түрменің аты — түрме. Оның өз заңы, өз дәстүрі, өз әдіс-тәсілі бар. Үш жылға созылған тергеу барысында олар талқының сан қыспағына түсті. Сол заңға бойсұна отырып, олар сыртқы өмірдегі күресті түрме ішінде одан әрі жалғастырды. Саяси, ұлттық, рухани көзқарастарын тағы да талқыға салды. Бірі — азаматтық көзқарасынан бас тартты, екіншісі кеңес-

тік саясатты ашық сынға алды, үшіншісінің үндемей қалу мүмкіндігі болды. Қандай шешім қабылдаса да бәрібір, оларды тек ату жазасы күтіп тұрды.

Олардың соңдарында тергеушілердің айбақ-сайбақ шимайы мен тұлғалардың соңғы демі сіңген жауаптары қалды. Бұл мәліметтер — адамның, жекетұлғаның қилы-қилы жағдайдағы жан дүниесін, ақыл-амалын, мінезін ашып беретін «ант мезгіліндегі» деректер.

Сондықтан әртүрлі жағдайда хатқа түсірілген жауаптардың арасынан ақиқатты аршып алу өте қиынға түсті. Әрі жаныңды арыңа садаға ете отырып, белгілі бір дәрежеде тәуекелге баратын шығымды шешімді талап етті. Өкініштісі сол, түпкі нысанасы мен астары ашылмаған, шындығы мен жалғандығы тексерілмеген, себеп-салдары дәлелденбеген жауаптар асығыс-үсігіс көшіріліп, аптыға жариялау да қылаң беріп қалды. Бұл — ең қауіпті әрі сол адамға да, олардың ұрпақтарына да қиянат әкелетін әрекет. Екі жарым жыл Ұлттық Қауіпсіздік комитетінің мұрағатында отырып, бұрын да дайындығымыздың барына қарамастан, тағы он бес жыл бойы зерттегенде де, көп күдіктің беті толық ашылмады. Соған қарағанда жыл сайын кейінге ысырылып келген бұл тергеу ісі әлі де жалғастыруды және арнайы зерттеуді қажет етеді. Сондықтан біз тек желісі анық, басы ашық деректерді ғана назарға ілдік.

Тұрсын Жұртбай, жазушы-ғалым

№ 72. 24 маусым. 1921 ж. М. Дулатовтың тілшесі.

Ғ-ман! Мынау Ахмет жолдасты қудалап жүргендер бар көрінеді. Жұмысының мәнін өзі түсіндіріп айтар. Саяси сенімді адам екендігіне қолына қағаз берсең, бұзақылар орынсыз қоқандауын қояр еді. Осыны саған әдейі тапсырамын.

Мадияр.

№ 73. 16 мамыр, 1925 ж.*

Бауырым Ахмет!

Әлімхан келіп содан естідім, сен ауырып оңалып-сың. Енді ауырма. «Жоқтауым»** 21 болды. Мен қазақ секциясына бердім. Сеид-Ахмет жоқтауымды алып қалды. Өлеңі жақсы болғанымен, қайталамасы көп екен. Соны оңдап барып, сонан соң баспасаң, қайталама жақсы өлеңді бұзып кететін. Сабындай бұзылған Ж. «таптай»*** ойнаған біздің ЦИ**** — сұлу әдебиет сөзін басатын көрінеді. Сеид-Ахметтің өлеңін өңде. Күзде басылып та қалар. ЦИ бірінші октябрьге дейін оқу құралын ғана баспақ. Баспа күшінің бәрін осыған салмақ. Орынбор баса алмай отырған мектеп кітаптары болса, Мәскеуге жіберіп қараңдар. Басқанына ақы аласыңдар, жылдам басып береді.

Біздің Нәзір*****: Шәңгерей, Шоқан, Ыбырайды (Алтынсары) кітап қылып шығарайық, — дейді Мен «жарайды» дедім. Мен Шәңгерейді жазбақ болдым. Ыбырайды саған бермек болдық. Шоқанды Мадиярға берейін деп едім, латын «ойынына» түсіп кетті,

* Әлихан Бөкейхановтың хаттарының түпнұсқасының фото-көшірмелері 201, 202, 203, 204-беттерге тіркелген — *Т.Ж.*

** «Жоқтау» Мәскеуде шыққан жинақ. Бұл арада өзі жинаған «Жоқтаулардың» санын көрсетіп отыр — *Т.Ж.*

*** Бұл арада «тап», «тапшыл» деген сөзді «таптап, басып» деген мағынада ойната қолданған — *Т.Ж.*

**** ЦИ — Орталық баспа — *Т.Ж.*

***** Нәзір — баспаның директоры Н.Төреқұлов — *Т.Ж.*

тосырқап қалды. Мен: сен тапсыр баспаға, өзің жаз дедім. Мен майды бітіріп елге келем. Шәңгерейді ауылдан жібермек болдым. Бәрібір күзге шейін басылмайды. Сен де күзге жазып берем деп Ыбырайды ал. Шоқанды тағы да көрерміз. Абайды жазатын кім? Білесің бе? Тұрашқа жаздырсам, сыңаржақ болып, жүгі бір жаққа ауып кетеді ме деп қорғанып тұрмын.

Біздің ЦИ (Центриздат.) мектепке деп дәптер шығармақ. Ол дәптердің оң бұрышында Абай, Шоқан, Ыбырай (Алтынсары), ақын Ахмет, Шәңгерейдің суреті болмақ. Маған сен суретінді жібер. Мен оны ЦИ-ге беріп кетейін.

Жоқтауға әлі ақы алғаным жоқ. Алғанда саған жіберем.

Мадияр жолдасқа айтшы, мен «Еңбекші қазақтың» егіз санын алам. Маған біреуі де болады. Екіншісін Қарқаралыда Бәжікейге жібер деп. 3-4 рет хат жаздым. Мадияр дәл Еркесары, баспалап істейді, дәнеме айтпайды. Газетін қосақтап Мәскеуге жібереді де отырады. Тағы да Мадияр газетті былай қылып елге тарат дегенде дым-ақ шешен. Өзінің газеті Мәскеуге 8 күнде келеді де, соңғы шыққаны озып жүреді. 31 майдан кейін маған Мәскеуге газетін жібермесін, мен елге кетем.

Сейд-Азымға* беретін істер әлі де түзеліп біткен жоқ. Мен жүргенше бітпесе, секцияға тапсырып кетем. О да күзге дейін басылмайтын жазбалар болады ғой.

«Елдесім»** жолдастың физикасына сын жазайын десем, газетке үлкен, журналым жоқ болып, делдал болып тұрмын. Елдесім жақсы жігіт. Бұрын да жақсы еді. Енді онан да сүйікті болып кетті.

Бір күні Шәңгерей маған: «Мен сені жақсы көрем, білесің бе?» — деді. Мен: «Жоқ», — дедім. Шәңгерей:

* Сейд-Азым Қадырбаев — Т.Ж.

** Елдес Омаров — Т.Ж.

«Сен шын қазақсың ба? Сені қазақ деп жақсы көрем», — деді.

Физиканы оқып қарасам, Елдесім де қазақ екен.
Бәріңді құшақтадым, сүйдім.

*Ғалихан.
224 бет.*

**№ 74. 16 мая 1925 г. Письмо А. Байтұрсынова
А. Бүкейханову.**

Уважаемый Али!*

На многие твои письма своевременно я не мог ответа дать по поводу окончательного разрешения вопроса о переводе в Кызыл-Орду. Теперь, видя, что учащиеся, несмотря даже на то, что не переводится Киринститут, — решили поехать, я тоже решил перекочевать в Кызыл-Орду, поэтому для осмотра и подыскания квартиры послал туда свою жену. В нынешнем году благодаря переводу центра даже могу поехать на родину. Теперь думаю после перекочевки, в августе или сентябре месяце. Если твой профессор выедет в Тургайский и Иргизский уезды, то возможно выехать и мне с ним. Собираение им песен, фотографирование — мною тоже давно задуманные вещи. Если бы мне научиться у профессора, то для меня было бы очень полезно.

Согласно заключенного мною договора с Киргосиздатом я должен по новому правописанию пересоставить три грамматики и киргизскую азбуку сроком одну — к 15 июня, другую — к 1 июля, третью — к 1 августа и четвертую — к 20 августа. Вот до этого времени не могу оглянуться на другие работы, и затем, если начнутся занятия Киринститута, опять будет мало свободного времени. Почему могу сказать определенно,

* А. Байтұрсыновтың Әлихан Бөкейхановқа 1925 жылы 16 мамыр күні жазған хатына жауабы. Түпнұсқасы біздің көзімізге түспеді. Тек орысша аудармасын ұсынып отырмыз — Т.Ж.

что до 20 августа никак не могу написать биографии Ибрагима (Абая). После 20 августа будет ли время, не могу сказать. Вышлю вам свою фотографическую карточку, но смотри за своими тетрадами, где будет помещена моя карточка, кабы не примялась. Наши коммунисты не такие половинчатые коммунисты, как московские, а настоящей 96 пробы.

Фотографический снимок сына Алтынсары можете найти в книге — сборнике № 6, 7, 8 журнала «Шолпан». Кроме этой у меня нет его карточки. Мир-Якуб поехал в Кустанайский уезд. Вчера получена телеграмма следующего содержания: «Гая разрешилась, родила сына». Я вернулся со съезда киргизских мугалимов, состоявшемся в г. Пишпеке. Вопросы, стоявшие на повестке дня, следующие: язык, буква, правописание, научная терминология, сборы старинных слов и характер мектебов.

По поводу латинских транскрипций у них до этого одно собрание было, где была вынесена резолюция. Съезд одобрил ее. Резолюция эта следующая: латинскую транскрипцию для будущности киргизов считать полезною, однако отмечается нецелесообразность введения ее сразу, до этого необходимо ввести некоторые изменения арабской транскрипции. Они говорят, что латинская транскрипция Назира хуже арабской. Не должно быть у нас больших и малых букв, а также не должно быть разницы между печатными и письменными буквами. Географию по-русски ак[академический — *ред.*] центр не может издавать.

Вношу ее на обсуждение общества изучения Кир-края и затем сообщу. Надеюсь, что последнее издаст ее, потому что им киргизская география очень нужна.

Обнимаю, целую.

Ахмет.

2/VI—1925 г.

Перевел уполн. 2-го отд. Джакупов.

Т. VII, с. 198.

**№ 75. 23 июня 1925 г. Письмо А. Букейханова
А. Байтурсынову.**

Родной мой, Ахмет! Письмо твое, написанное 2/VI, получил, профессор уехал обратно в г. Берлин.

VII том, 20 стр.
Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов
над алашевцами. Авторские издания
Т. К. Журтбая. Алматы: Ел-шежіре, 2011.
Т. 2. С. 250—255.

№ 76. 30 қыркүйек, 1925 ж.

Дінше! Бабайды* қырын қаратып қойып, күлдіріп, сөйтіп қабан сияқты болғанын көруге кездесе алмай жүрмін. Ол былай тұра тұрсын.

Осы жолдаспен сен сеніп сөйлесші. Әңгімесін өзі айтар, үйкүшік болма. Мұнымен сөйлескеннен кейін ақылыңды айтарсың. Не істеу керек? Қалай істеу керек?

Мадияр.
13.IX.1925 жыл.
VIII том, 79-бет.

**№ 77. 13 июня 1926 г. Перевод с киргизского в двух
фотоснимках.**

(Совершенно секретно)

Меморандум № 10.

Адресат: Кзыл-Орда, кв. 15. А. Букейханову.

Отправитель: Москва, Воздвиженка, С. Кисловский
пер., 4.

10. 4. 26 года.

* М. Дулатовтың Д. Әділевке жолдаған тілшесі. Әсілі М. Дулатов Д. Әділевке бір адамды театрға орналастыруға жіберген екен, «Бабайы» — «Айтуаров» па, «Аймауытов» па? Нақты ажырата алмадық — Т. Ж.

М. Дулатұлына отбасының жіберген соңғы суреті
(Оңнан солға қарай: жұбайы — Ғайнижамал, қызы — Гүлнар,
ұлы — Әлібек). 1929 ж.

М. Дулатұлының (оң жақта) лагердегі соңғы суреті

Қызылорда түрмесінде отырған Міржақыптың
өтінішімен түскен суретіміз. Шешем Ғай-
нижамалдың қасірет-қайғыдан жүдеген түрі,
балалары мен түскен еді. Әлібен келе жатып
жығылып маңдайын ісіріп алған болатын.
Түреге тұрған Әзен екеуміз.

Қызылорда 1929 жыл. июнь.

Фотоның сыртындағы Гүлнар Дулатованың түсіндірмесі

Мағжан Жұмабаев

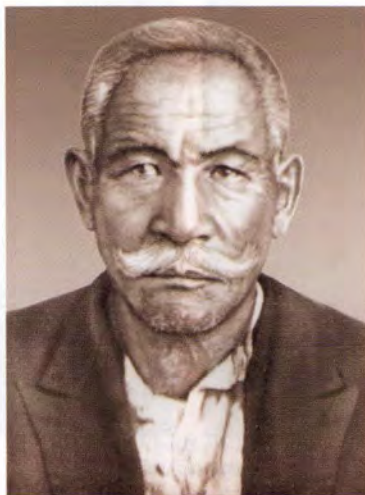

Иса Тергеусізов

Айдархан Тұрлыбаев

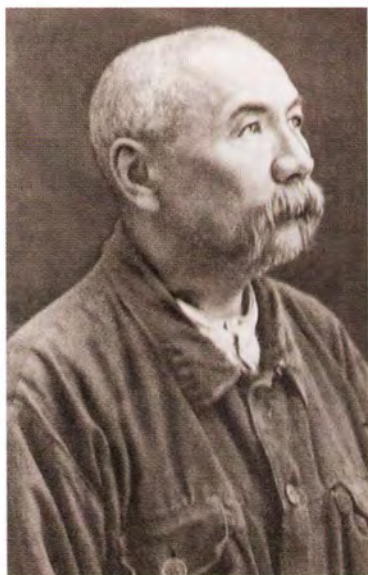
НКВД ҚҰЖАТТАРЫНАН АЛЫНҒАН ФОТОЛАР

Әлихан Бөкейханов

Ахмет Байтұрсынұлы

Жақып Ақбаев

Жаһанша Досмұхамедов

Мұхамеджан Тынышбаев

Санжар Асфендияров

Халел Досмұхамедов

Сейдәзім Қадірбаев

Жұмағали Тілеулин

Əлимхан Ермеков

Жұмахан Күдерин

Қошмұхамед Кемеңгеров

Кәрім Тоқтабаев

Мұхтар Әуезов

Мұхтар Мурзин

Біләл Сүлеев

Алдаберген Үмбетбаев

Əşim Омаров

Уәлихан Омаров

Нəшір Қожамқұлов

Абдулхамит Ақбаев

Даниял Искаков

Әбдірахман Мұңайтпасов

Мұстафа Бұралқыұлы

Әлеке!*

«Жаңа мектептен» получены Ваши 27 статей, которые находились у Мадияра. На самом деле вышло 33. «Жарасын алдырған апа» помещена в 5-м номере. В № 6 пойдет «Семеннің әкесі». Вышли также «Ақылсыз қасқыр». («Подарок детям» — бесплатное приложение к № 6 «Жаңа мектеп»). Остальные также выйдут постепенно. Одна-две возвращаются Мадияру. Видно, что вы не читали «Жарасын алдырған апа», потому что вы не выписываете «Новую школу». Высчитав следуемую сумму из вам принадлежащего орамала (гонорара), мы вам пошлем «Новую школу». Для того чтобы Вам можно было посылать следующие гонорары за вышедшие статьи, посылайте «бумагу», за какие именно статьи, это вставляется здесь.

В «Новой школе» открывается отдел «Сырлы әдебиет». Посылайте еще статьи. Можете посылать прямо в «Баскармы».

Теперь поговорим относительно того, какие статьи нужны в «Новой школе». В каждом номере «Н.Ш.» помещается моя или кого-то другого статья о краеведении. Она помещается редакцией без добавления мнения редакции. Поэтому можно полагать, что редакция присоединяется к нашему мнению. Надеемся, что «Н.Ш.» удовлетворяет слой учительства. Одним словом, усиливается наше убеждение в том, что «Н.Ш.» постепенно превращается во врача массы школ и учительства, что доказывается распространением «Новой школы» и письмами, получаемыми из различных мест. Учителя, не имевшие достаточно денег, не привыкшие читать газеты или журналы, не подготовленные к специальным журналам, в настоящее время вереницей посылают деньги. В то время как из обыкновенных подписчиков записа-

* Әлеке — Әлихан Бөкейханов. «Жаңа мектеп» — журнал. Желкен — Молдағали Жолдыбайұлы — Т. Ж.

лось только 50 человек, 800 учителей выписывают «Новую школу». Специальных агентов не имеем, но, несмотря на это, в течение двух с половиной месяцев (считая с 3 номера) подписчиков насчитывается около 1000. НКПрос в своих отчетах первым делом указывает на «Новую школу». На основании всего этого мы полагаем, что «Новая школа» появилась очень кстати. Поэтому невозможно присоединиться к некоторым мнениям. Можно согласиться добавить отдел литературы по желанию читателей (учителей) и по требованию опыта.

Неполный наш отдел «Критики» просил бы вашего участия в организации этого. Хотя вы не соглашаетесь, но все же я прошу (конечно, это мое личное мнение): пишите в отдел «Краеведение», пишите. Пишите о земле, климате, почве, воде, песке, растениях, жизни, геологии, хозяйстве и истории Казахстана — и в этом, я думаю, есть наука. Хотя никто им не советует и хотя многие не печатаются, местные учителя об этом пишут. В крайнем случае, посылайте ваши статьи помещенные в сибирских журналах в 1908 году, о земле казахов в переводе на казахский язык.

Желкен. 13.05.—26 г.

7 том, 189 стр.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.*

Т. 2. С. 270—272.

№ 78. 23 қыркүйек, 1927 ж. ВКП(б)-ның өлкелік комитетіне ВКП(б) мүшесі М. Төлеповтен партиялық билет №... .

ВКП(б)-ның өлкелік комитетіне

ВКП(б) мүшесі М.Төлеповтен

Партиялық билет №

ҚССР-дегі біздің партиямыздың алдында шешілмей күтіп тұрған аса күрделі бірқатар мәселелер бар.

Соның ішіндегі саяси және шаруашылық маңызы ерекше зор, шиеленіскен және ең қиын мәселенің бірі — жер мәселесі. Бұл туралы әртүрлі көңіл күй қалыптасып, қилы-қилы «теориялар» мен «позициялар», «көзқарастар» орын алып отыр. Әсіресе дәл қазіргі кезде бұл мәселе тіпті ушығып барады, оған кедейлер мен еңбекші орташалар ғана емес, тегі біздің партиямызға жаулықпен қарайтын бай-кулактар мен эсершіл-алашордашылардың өкілдері де белсенділік танытуда. Соған қарамастан, біздің кейбір жауапты қызметтен жолдастарымыз тек қана партияның ішкі жұмысы болып табылатын мұндай күрделі мәселені Әлихан Бөкейханов сияқты контрреволюциялық элементтермен бірігіп талқылауға дейін барып отыр, сөйтіп партия қатарындағыларға бұл адамның ықпалының күшеюіне, біздің еліміздегі шешуші мәселенің бірі — ҚССР-дегі ұлтаралық қарым-қатынасты шиеленістіріп, қиындатып жіберуге қолайлы жағдай жасалып отыр.

Өз еркімнен тыс төмендегі партияға қарсы әрекетке куә болғандықтан да, бұл туралы Крайкомға хабарлауды партиялық борышым деп есептеймін.

Осы жылдың шілде айында Жер жөніндегі халық комиссары Сұлтанбеков Қырымға кетіп бара жатып жолай Мәскеуде аялдады. Сол күні қонақүйге киім-кешегін тастай салысымен Сұлтанбеков Әлихан Бөкейхановтың пәтеріне тура жүгірді, өзінің ол үйге баратындығы туралы Жер жөніндегі комиссариаттың қазақ өкілдігінде тіркелген қызметкері арқылы алдын ала хабарлатып қойыпты, ол Әлихан Бөкейхановтың үйінде түн ортасына шейін болды. Әлихан Бөкейхановпен арадағы әңгімеден кейін ол Төреғожин мен Төлепов жолдастарға: «Әлихан Швецовпен сөйлесейін деп уәде берді, істі өзіміз ойлағандай етіп

шешетін болды», — деп хабарлады. Өңгіме федералдық мекемелермен арадағы талас тудырып отырған Қазақстандағы жер кесімі мен бөлісі туралы еді. Менің ойымша, партияның ішкі ісі болып табылатын мұндай күрделі мәселені «Алашорданың» көсемімен бірігіп талдау — төзуге болмайтын жай. Мұндай жағдайда, большевиктер партиясына мүлдем жат идеологияның партия мүшелеріне ықпал етуі мүмкін, сондай-ақ Жер жөніндегі комиссариат сияқты аса жауапты мекеменің қызметкерлері тұтастай не жарым-жартылай аса реакцияшыл, жат пиғылдағы «Алашорда» идеологиясының шырмауында кетпесіне кім кепілдік береді, бұл біздің жұмысымызға тек кедергі жасайды.

Менің ойымша, бұл мәселені Бөкейхановпен және оның компаниясымен емес, тек қана жетекші партия ұйымдарымен, тек қана партияның өз ішіндегі талқылау арқылы ғана шешуге болады және солай ету керек.

М. Төлепов.

VII том. 241 бет.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.*

Т. 2. С. 48—49.

№ 79. 1 января 1929 г. Протокол допроса Дулатова Мир-Якуба*.

Я родился в 1885 году в ауле № 1 Сарыкопинской волости Тургайского уезда и области (ныне Наурузумский район Кустанайского округа). Родители занимались скотоводством, имели состояние ниже среднего. Матери лишился я еще грудным ребенком, а отца — в 12 лет. Проучившись в аульной школе 2 года, в 1897 году поступил в двухклассное Р.К. училище

* Миржақып 1928 жылы 29 желтоқсан күні ұсталып, үйі тінтілген. Бұл жауап 3 қаңтар күні алынып отыр. Сонда деректі 5 күннің ішінде қайдан таба қалды? Демек, алдын-ала дайындық жүргізген.

в г. Тургае, окончил в 1901 году; затем в 1902 году окончил годичные педагогические курсы в Кустанае. С 1902 по 1904 год был (с небольшим перерывом) учителем аульной школы в Тургайском уезде. В 1904 году переведен в одну из аульных школ Зайсанского уезда Семипалатинской области почти у самой границы Китая, где прослужил до 1907 года.

<97—107-беттер машинкамен басылган. Қайталанған жауаптар қысқартылды — Т. Ж>.

(104 стр.) Однажды до нас дошли сведения, что Иманов собирается нас арестовать, что у него на квартире находится разведчик идущего поблизости какого-то отряда со стороны Кустанаея. Получив эти сведения, в тот же день арестовали Иманова и находящегося в его квартире неизвестного человека, сами же с частью отряда выехали навстречу якобы идущему в Тургай отряду: слухи оправдались, это оказался партизанский отряд Тарана, а незнакомый человек, находившийся у Иманова, — сам Таран. С отрядом мы встретились в 30 верстах от Тургая без всякого столкновения, и мы узнали, что его преследует казачий полк. Мы, алаш-ординцы, обсуждали вопрос о том, как поступить с этим отрядом: если пропустить его в Тургай, боялись Иманова, отряд этот скорее поверит ему, чем нам, и Иманов исполнит свои замыслы, это одно, а с другой стороны, если пропустить его в сторону Чалкара невредимым и без боя, то преследовавший его казачий полк непременно разорит местное население и в первую очередь отомстит нам. Принимая все это во внимание, мы решили обезоружить отряд, а людей отпустить, так и сделали. И это вынужденное свое действие тогда же объяснили отряду. Когда вернулись на другой день вечером в Тургай, оказалось, что оставшаяся в Тургае часть отряда в суматохе казнила Иманова и Тарана. После этого мы тревожно ожидали казачий полк, у нас сил было мало — всего около 400 человек — и

то не обученные как следует. В одно утро внезапно был окружен Тургай неизвестным отрядом, обстреливавшим город. Мы защищались до вечера и вечером, не удержав натиска, вынуждены были бежать из Тургай. Это был отряд Жилыева. Пробыл он в Тургае всего одни сутки, направился дальше в Иргиз. После этого через три дня в Тургай вошел казачий полк под командой капитана Могилева. Деваться нам было некуда, прибыли в Тургай. Могилевский полк всю нашу силу и средства забрал в свои руки: после этого наша роль сводилась к нулю, никакой самостоятельности у нас не осталось, лишь оставались посредниками между казачьим полком и населением. В течение одного или полутора месяцев казачий полк занял Иргиз и Чалкар. Но вскоре началось наступление Красной армии, разбитая Южная армия обратилась в бегство. Группа алаш-ординцев (Испулов, Сейдаллин, Беремжанов, Тохтабаев, Кадырбаев, Шонанов и др.), прожив в Тургайском и Атбасарском уездах некоторое время, в январе приехала в Семипалатинский уезд — зиму провели там. К тому времени стало мне известно, что алаш-ординцы амнистированы ВЦКом, хотя они боролись против Советской власти. Я в начале сентября 1920 года приехал в Омск и явился в Губисполком. С этого времени начинается моя непрерывная работа на платформе Советской власти. Прежде чем перечислить занимаемые мною до сих пор должности и сделанные работы, скажу следующее: я написал за своей подписью статью, которая помещена в газете «Кедей», издававшейся тогда в Омске (от 7 ноября 1920 г.), где изложил свой взгляд на Советскую власть и указал ошибки в прошлой нашей деятельности. Это выступление было сделано по своей собственной инициативе, не за страх, а за свою совесть, без всякого принуждения с чьей-либо стороны. Искренность своих слов в дальнейшем я решил подтвердить и до-

казать на деле. В Омске я прослужил недолго, всего два месяца — инструктором Акмолинского ГуОНО и СибирОНО. В ноябре переехал в Ташкент, где поступил в секретари казахской газеты «Ақ жол». В «Ақ жол» работал до мая 1921 года и вполне оправдал оказанное мне доверие, иногда писал передовицы, сейчас не могу перечислить, но хорошо помню, что передовица о конокрадских событиях написана мною. О газете «Ақ жол» вообще и в частности о политической невыдержанности ее содержания много было разговоров и дискуссий на страницах печати, но это не относится к тому периоду, когда я там работал.

В мае 1921 года поехал за семейством и по семейным обстоятельствам вынужден был остаться в Семипалатинском уезде, осенью того же года губернским съездом работников юстиции был избран в заместители председателя Семипалатинского Губсовнарсуда. На этой должности прослужил до мая 1922 года. Не будет преувеличением, если скажу, что за короткое время благодаря моей энергичной и честной работе поднялся авторитет судебных учреждений губернии в казахской ее части (я заведовал казахским отделом), это известно всем товарищам, кто работал в то время в Семипалатинске.

В 1921 году голодало население Тургайского, Иргизского, Кустанайского уездов и часть Уральской губернии. Я первым выступил со статьей на страницах Семипалатинской газеты «Қазақ тілі» с предложением, что государственная помощь не может охватить степные районы, находящиеся от линии железных дорог в 400—500 верстах ввиду разбросанности населения, поэтому будет более целесообразным мобилизовать всех казахских работников губернии для сбора скота в виде добровольного пожертвования, и собранный скот доставить степью в голодающие районы. Это мое предложение нашло много сторонников,

и устроенное специально по этому вопросу совещание одобрило мой план, с которым впоследствии согласились Губкомгол и Центрпогол, дав разрешение приступить к работе. В результате этой работы за 2—3 месяца собрано было около 15 тысяч голов крупного скота, которые были доставлены и розданы голодающему населению. В качестве одного из руководителей и агитаторов я за лето объездил три уезда Семипалатинской губернии.

По возвращении из степи в Семипалатинске был арестован и выслан в Оренбург в распоряжении ПП ОГПУ по Казахстану и вскоре был выпущен. В Оренбурге поступил в Казгосиздат, заведовал казахским его отделом, 2 года был преподавателем Казахского института народного образования. Читал лекции на курсах ГПУ и на учительских курсах. 4 года работал сотрудником краевой газеты «Еңбекші қазақ», считался одним из работников, начиная с 1922 года я перевел на казахский язык около 20 книг и брошюр.

За все время своей работы против советского строя у меня ничего не было. Единственный вопрос, вызывающий сомнение, по которому открыто выступал, — это вопрос о латинизации казахского алфавита. Это выступление свое я не считаю антисоветским. Поскольку вопрос не был еще разрешен, я высказывал свое мнение, искренне думал, что переход на латинский алфавит еще преждевременен, потребуется слишком много средств, лучше эти средства употребить на более необходимые нужды.

№ 80. 3 января 1929 г. Стенограмма. Протокол допроса Дулатова Мир-Якуба*.

На заданный мне вопрос, знаю ли я о содержании нижеследующих документов:

* Бұл түске дейінгі тергеушіге берген жауабы болса керек — Т. Ж.

Из доклада Тургайского отдела Алаш-Орды Председателю Совета министров (Колчаку).

«Тургайский областной отдел приступил к работе в ноябре 1918 года и с ведома и согласия Оренбургского военного округа к формированию 2-го Всекиргизского конного полка, а 1-й Всекиргизский полк сформирован летом 1918 года в Кустанайском уезде. 1-й полк находился в распоряжении командира Отдельного Уральского корпуса и получил все от казны, 2-й находился в распоряжении Тургайского областного отдела Алаш-Орды. Тургайский и Киргизский уезды обращались за помощью к Временному Сибирскому правительству, командиру Отдельного Уральского корпуса, чехословакам, но ниоткуда никакой помощи не получили. В апреле отдел Алаш-Орды взял г. Тургай, арестовал военного комиссара, который впоследствии был расстрелян. Таким образом Советская власть в Тургайском уезде свергнута, восстановлено городское и местное самоуправление и объявлена здесь власть Временного правительства, возглавляемого адмиралом Колчаком. 22 апреля был разоружен весь отряд Тарана, где насчитывались 387 человек, причем в отряде арестованы все главари его с Тараном во главе, человек 30 и все расстреляны. По разоружению отряд Тарана погнали в Атбасар. Остатки отряда Тарана по пути в Атбасар были уничтожены нами. Для сообщения о событии по разоружению и уничтожению отряда Тарана был командирован наш представитель Кенжегали Габдуллин, он явился в штаб армии».

11 мая 1919 г. Из доклада Тургайского отдела Алаш-Орды председателю Совета министров (Сибири) 29-го МВД-7—6 а. Подлинный за надлежащими подписями 24 июня 1919 года, г. Омск. (108 стр.).

**Временное Киргизское правительство Алаш-Орды,
Тургайский областной военный совет,
июль 1919 года, № 441, г. Тургай,
Волостному управителю Губановской волости**

При отступлении отряда Алаш-Орды после боя с бандой Жилыева, происходившего в окрестностях г. Тургая, <...> по степи разошлось много лошадей, седла, винтовки с патронами, пашки, а равно и обмундирование. Все вооружение, обмундирование и лошади с отдельными приборами должны быть временно доставлены в город и сданы отряду Алаш-Орды. В неисполнении сего будут привлекаться к ответственности и будут наказаны по всей строгости военного времени. Сообщая об этом, Тургайский областной Военный совет Алаш-Орды предлагает объяснить о содержании сего циркуляра по волости и со своей стороны принять меры к доставке в город указанного имущества и вооружения. Список лиц, у которых находится вооружение, лошади, вещи представить в помещение Военному совету Алаш-Орды (108 стр.).

Члены Военного совета — Сейдалин, Кадырбаев.

Я отвечаю следующее:

Руководитель Алаш-Орды Восточного отдела Букейханов и др. летом 1919 года находились в Омске. Туда мы послали Кенжина, но с каким поручением — точно не помню. Когда мне предъявили этот документ, то я припоминаю, что мы его написали по тактическим соображениям, так как мы порвали всякую связь с колчаковским представительством и Войсковым правительством Оренбурга, перешли в Тургай и встали на сторону Советской власти, командировали Байтурсынова в Москву. Но из-за сложившихся обстоятельств, некоторые я указывал в своих показаниях, уже не могли перейти на сторону Советской власти и таким образом, очутились в безвыходном положении. Деваться нам было некуда, тем более, что на Тургай, или через Тургай на Чалкар, шли казачьи отряды. Написано это было неискренне, просто для отвода глаз,

чтобы не усилить репрессии со стороны колчаковского правительства. Главная наша цель была сохранить и защитить казахское население. Мы знали, что силы у нас были небольшие, и мы не намеревались воевать с кем-либо. Только по этим соображения мы могли написать этот документ.

Мне скрывать нечего о прошлой моей деятельности. Я не скрываю, что действовал против Советской власти и с оружием в руках поддерживал Временное правительство. Все же это было в 1919 году, и в памяти у меня не могло все сохраниться. От моральной ответственности за гибель Иманова, Тарана я, конечно, не могу уйти. Наш отряд разделился на две части. С одной частью я ушел из Тургая, и когда мы вернулись, то их уже не было. Часть же нашего отряда оставалась в Тургае, во главе этого отряда стоял Касымов. Нам сообщили, что этим делом руководил Макатов*.

Я не отрицаю возможности посылки такого документа на имя председателя Совета министров Сибири, но в то время никакой почтовой связи не было между Тургаем и Омском, поэтому этот документ мог доставить Кенжин, посланный из Тургая в Омск для доклада от правительства. Желая успокоить членов колчаковского правительства, мы <...> сгущали краски и указали Колчаку на противодействия, якобы расстрелы <...> (109 стр.).

<...> Мы собрались все вместе, но никаких программных вопросов в отношении борьбы с Советской властью и антисоветской подпольной деятельности мы себе не ставили (111 стр.).

Болгамбаева Хайретдина я знаю по Оренбургу, когда он учился в медресе Хусаинова. Я помню, что Болганбаев в 1931 году приезжал в Ташкент из Орен-

* В художественном произведении Г. Мусрепова в соавторстве с Б. Майлиным представлен образ М. Дулатова (прототип его Мадьяр), якобы совершивший убийство Амангельды Иманова. Однако, как видно из этого документа и «Обвинительного заключения», обвинение в убийстве ему не вменялось.

бурга к Ходжанову с целью устроиться на службу. Кажется, Болганбаев приехал с Адиловым Мукашем, который первый вступил в коммунистическую партию, потом он добровольцем поехал на Дальний Восток, зачислившись в Красный партизанский отряд. В алаш-ординской организации он не был, в Оренбурге работал в 1920 году в Наркомвнуделе. Сюда он приехал из Ташкента, затем опять поехал в Ташкент; где работал там, не помню. Беремжанов в это время был также в Ташкенте, Адилов в Ташкенте, как будто бы ничем не занимался, собирал в институте студентов, говорил им речи. В это время часть молодежи выражало недовольство школой. После этого он куда-то уехал, но куда — не знаю.

Адилов 2—3 года тому назад уехал, и где он сейчас — не знаю. Больше об Адилове показать ничего не могу. Когда приезжал в Ташкент через Оренбург, в это время там были видные деятели Алаш-Орды: Букейханов Алихан, Байтурсынов, Ауэзов Мухтар, Сарсенов Биахмет. Между Ташкентом и Оренбургом по почте была письменная связь, специальных курьеров не было. Болгамбаев привез мне товарищеское письмо от Букейханова не делового характера, содержание было личного свойства, в нем сообщалось о здоровье, и мне его лично привез Болгамбаев, если не ошибаюсь.

С Адиловым я встречался, но разговоров делового характера между нами не было. Я встречался с Адиловым в Ташкенте в Казахском университете и большей частью случайно. Он заходил к нам в редакцию. Я был с ним у памятника Кауфмана, но по какому вопросу с ним беседовал — не помню. Встречался ли я с Адиловым в общежитии ТуркЦИКа, не помню, может быть, встречался. Я встречался с Адиловым на собрании, устроенном по случаю желания издавать журнал «Шолпан», неофициальных совещаний не было. <...>

В Ташкенте вместе с Адиловым у Рыскулова я не был. Я также не помню, чтобы он со мной беседовал

о судьбе своего брата Байсеита, во время его ареста. Нурлана я никакого не знаю, также не знаю о бинокле и компасе.

Валидов являлся главой башкирского правительства. Я знаю, что в последнее время он пошел против Советской власти, раньше он был в партии, затем отошел. Сейчас как будто бы находится за границей.

Первый раз с Валидовым еще до революции я встречался в Оренбурге, зачем он приезжал, не знаю. Он заходил тогда к нам в редакцию «Қазақ», где в это время был Байтурсинов. Провел он там с нами час или полтора. Дело это было не то в 1915 году, не то в 1916 году. Разговор у него шел о литературе и истории тюркской и об объединении тюркских наречий (112 стр.).

Вторая встреча была в Оренбурге в 1918 году осенью. Башкирское правительство в это время работало в Караван-Сарае в Оренбурге. В это время он возглавлял это правительство, был против Советской власти, и я с ним поддерживал связь. На квартире у него в Караван-Сарае я был раза два и беседовал с ним на злободневные темы. В это время я работал в газете «Қазақ» и никакой роли не играл. Валидов тогда был ярым противником Советской власти. У него вообще было желание объединить силы казахов и башкир и работать совместно против Советской власти. Вот вокруг этого вопроса у нас и происходили разговоры. Я его мнение разделял. В это время «Алаш-Орда» связь с Валидовым поддерживала. Для связи с башкирским правительством от правительства «Алаш-Орды» ездил Беремжанов, — не помню, это было в конце 1919 года или в начале 1920 года. Когда отправляли Беремжанова к Валидову, я был в командировке. Беремжанов ездил к Валидову для информации и дальнейшей связи. Его посылал Облотдел, возглавляемый Испуловым, Кадырбаевым и Байтурсиновым. Результатов от этой поездки не было никаких. Валидов сообщил, какая

у него сила. Между правительствами Алаш-Орды и башкирским была тесная связь. Для связи с нами из Башкирии к нам приезжал один татарин, фамилию которого не знаю. Больше с Валидовым я нигде никогда не встречался.

Слышал, что он скрывается, что подал заявление в ТурЦИК об амнистировании, о том, что он был в Бухаре, но о том, что к нему кто-то ездил, я не знаю. С Беремжановым в г. Ташкенте я встречался, он в то время работал в газете «Ақ жол». Насколько мне помнится, Беремжанов из Ташкента никуда не выезжал, и мне ничего об этом не известно, последний же был знаком с Валидовым. Газета «Ақ жол» закрывалась потому, что центр переехал в г. Кзыл-Орду, и там решили оставить газету «Еңбекші қазақ». Когда я работал в газете «Ақ жол», то при мне никогда нарушений идеологической линии, по-моему, не было (113 стр.).

№ 81. 3 января 1929 г. Протокол допроса Дулатова Мир-Якуба*.

Вопрос: Вы пишете, что, не согласившись с предложениями правительства Колчака, расформировать Алаш-Орду, Вы отправились в Тургай и там продолжали деятельность этого правительства. Меня интересует вопрос такой: «Как называлась эта организация, которая находилась в Тургае?».

Ответ: Она называлась Тургайским отделом. В Семипалатинске был Восточный отдел, Западный отдел в Уральске, а этот — Тургайский отдел Алаш-Орды.

Вопрос: Кто входил персонально в Тургайский отдел Алаш-Орды?

Ответ: Я, Испулов, Кадырбаев и Байтурсинов.

Вопрос: Как были распределены между вами обязанности?

* Түстен кейінгі жауап болса керек. Тергеу сұрақ-жауапқа құрылған — Т. Ж.

Ответ: У нас работа была коллективная и разделения функций не было, так как мы вели кочевой образ жизни.

Вопрос: Но все-таки какие-то отделы у Вас были?

Ответ: Был Военный отдел, во главе которого стоял генерал Дашкин. Второй отдел назывался Военным советом.

Вопрос: Кто ведал гражданскими функциями?

Ответ: Военный совет.

Вопрос: Какие воинские части стояли в Тургае, подчиненные Вам?

Ответ: После того как ушел от нас генерал Дашкин, во главе нашего отряда встал Касымов, который был убит. Подчинен нам был наш отряд.

Вопрос: Как он назывался и кто командовал?

Ответ: Назывался он отрядом Алаш-Орды и командовал им Касымов. Других воинских частей не было. Был полк Могилева, состоящий из казаков (русские).

Вопрос: Значит, других воинских частей не было, т. е. частей, состоящих специально из казахов?

Ответ: Нет. Не было других казахских частей, кроме отрядов Алаш-Орды.

Вопрос: Из Ваших показаний следует, что Вы, не желая подчиниться Колчаку, решили уйти в степь Тургая. Стало быть, Вы никаких отношений с правительством Колчака не имели?

Ответ: Мы не имели даже связи с Восточными и Западными отделами. С правительством же Колчака ни я, никто другой из нас связи не имел. Первое время, поскольку Алаш-Орда работала в контакте с Комитетом Учредительного собрания и колчаковским правительством, связь была, но когда я перешел в Тургай, то никаких отношений, донесений и вообще все то, что принято понимать под взаимоотношениями с действующим отрядом, — этого не было.

Вопрос: Значит, Вы никаких сношений, ни устных, ни письменных от правительства Алаш-Орды, находившегося в Тургае, с правительством Колчака не имели?

Ответ: Нет. Когда мы присоединились к Совету, мы дали своего представителя.

Вопрос: Занимался ли Тургайский отдел Алаш-Орды судебными вопросами?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы сами или отдельные члены правительства Алаш-Орды принимали какое-либо участие в расстрелах отдельных лиц из того Красноармейского отряда, который был в Тургае?

Ответ: Нет, никаких расстрелов по отношению к представителям Советской власти мы лично не производили. Расстрел производил без нашей санкции Могилевский полк.

Вопрос: И Вы не протестовали?

Ответ: Мы не в силах были, так как когда приехал Могилевский полк, то он забрал все в свои руки.

Вопрос: Расстрелам предшествовали переговоры с Вами?

Ответ: Нет.

Вопрос: Не помните ли Вы, к какому времени относится Ваше пребывание в Тургае?

Ответ: К началу апреля или концу марта 1919 года, примерно в июле или августе я оттуда уехал.

Вопрос: Из Ваших показаний видно, что непрерывная работа Ваша при Советской власти начинается с 20 сентября 1920 года, т. е. с момента, когда Вы приехали в Омск и явились в Губисполком. С этих пор вы активно работаете на пользу Советской власти. Занимались ли Вы какой-либо антисоветской деятельностью за время с 1920 года по 1929 год?

Ответ: Я за все время своей работы при Советской власти антисоветской деятельностью не занимался и подпольной работы не вел.

Дополнение* к моему показанию: за время создания и работы Тургайской организации один раз был у нас от Восточного отдела Алаш-Орды представитель, это было зимой в конце 1918 года или 1919 года, приезжал Сарсенов Далиль, а затем от нас ездил Кенжин — летом 1919 года, когда мы находились в Тургае.

М. Дулатов

(подпись)

№ 82. 3 января 1929 г. Протокол допроса Д. Битлеуова.

(117—119 стр.) <...> ** В 1918 году в наш аул для мобилизации жигитов для Алаш-Орды приехали Кенжин и Каратлеуов, с ними был Абдуллин из Актюбинска. Мне в то время было 18 лет, я нигде не учился, по-русски не знал, читал газету «Қазақ», и они меня уговорили перейти в Алаш-Орду. Когда я перешел в Алаш-Орду, работал у них месяцев шесть простым милиционером. Когда Колчак объявил, что он не признает автономии, наша актюбинская молодежь уехала обратно к себе. Из Тургая мы уехали к себе в мае, Алаш-Орда осталась там. В Оренбурге зимой я работал в Кирревкомате, а весной поехал к себе домой и занимался там сельским хозяйством. Осенью отправился в Ташкент. После меня приехал Испулов, Дулатов, Беримжанов, а до меня там были Досмухамедов Жаханша и Халел, которых я не знал. Жаленов Карим, Иса Кашкинбаев, которых я тоже не знал; Дулатова, Испулова и Беримжанова я знал еще раньше, когда служил в Алаш-Орде. Поехал я в Ташкент учиться в Казахский институт, но прием в это время закончился, и меня назначили мугалимом в опытно-показательную школу при Казахском институте. Я увидел, что между

* Бұл жолдар өз қолымен жазылған — Т. Ж.

** Тергеу еш дайындықсыз бірден М. Дулатовқа қарсы бағытталған — Т. Ж.

нами есть что-то. Адилова и Болгамбаева в это время не было.

В один прекрасный день мне Дулатов говорит, чтобы я приходил сегодня в редакцию, что там должны собраться все приехавшие в Ташкент работники из Тургая, Актюбинска и прочие для того, чтобы кое о чем поговорить. Я очень удивился его приглашению, вероятно, он предполагал, что я служил в Алаш-Орде.

Когда я пришел туда, увидел Испулова и Досмухамедова Халела. Но в эту ночь ничего не было, так как никто не собрался. Дня через 2—3 опять назначили, собрались в квартире Досмухамедова Халела. Они хотели что-то организовать, как будто бы принять какой-то устав, прием членов и т. д. Они поручили, не помню, Дулатову или Испулову, выработать план и одновременно получить из Оренбурга указания. Досмухамедов Халел и Дулатов играли там большую роль, они собственно вдвоем и работали. После этого приехали Болгамбаев и Адилов Дильмухамед. Раньше я его не знал, а Болгамбаева несколько раз видел еще до революции в Оренбурге. Он приехал в эту же ночь, и у них, не знаю точно, в квартире Дулатова или Досмухамедова Халела, было собрание вместе с Адиловым и Болгамбаевым, меня там не было. В то время Дулатов жил в общежитии ТурЦИКа. Дня через 3 опять собрались и говорили, что Адилов и Болгамбаев приехали из Оренбурга; что якобы один из них должен остаться, а Болгамбаев куда-то должен ехать за границу, на Восток. Многого я не понял. Хотели Болгамбаева отправить в Семиречье, но почему-то не отправили. В это время Валидов был в Бухаре, поэтому они решили послать представителя к Валидову в Бухару. Решили отправить Болгамбаева и Адилова. В это время у меня занятия кончились, мне хотелось посмотреть Бухару, и я им сказал, что поеду вместе с ними, на что они согласились, но почему-то они не успели, и я уехал один,

сказав им, где встретиться. Приехал я ночью в Коканд, а затем оттуда поехал на квартиру Арифова, военного назира. На следующий день туда приехали Адилев и Болгамбаев. Оказывается, Арифов знал Валидова. Прожив дня 2—3, мы поехали к Валидову на узбекской арбе. Поехали я, Адилев и Болгамбаев. Валидов жил за городом, не меньше 15 верст. Оказывается, Валидов знал Болгамбаева, нас же двоих не знал. Пришли мы к нему, в это время он был дома в белом узбекском халате, в коротких штанах, маленьких башмаках, на голове чалма и сломанные очки. Мы у него пили чай, Валидов сначала сказал, что он будет говорить с Болгамбаевым и зачем вообще мы вместе приехали. Затем они вышли в сад и там говорили. Когда мы ехали обратно, мы от Болгамбаева узнали, что говорил ему Валидов, что мы должны иметь связь с басмачеством, на которое можно надеяться, сейчас пусть Ташкентская организация дает ему одного толкового человека, чтобы он был их представителем и помогал ему.

От Валидова мы поехали обратно к Арифову, где прожили дней 15, жили мы вместе, втроем. После этого Болгамбаев с Арифовым, кажется, ездили еще раз. Затем я поехал в Ташкент, а Адилев, кажется, остался там. Это было в начале мая или июня. Приехав в Ташкент, я взял отпуск. В это время незадолго до меня Дулатов уехал в Семипалатинск за семьей. Поехал он в отдельном вагоне. Меня ни о чем не расспрашивали, тем более, что Досмухамедовы народ очень грубый, а Дулатов — очень хитрый. Они со мной сейчас почти не разговаривают. Дома я занялся сельским хозяйством. В это время был последний период (118 стр.).

<Бұдан кейін: Ақтөбеге күзде қайтып келіп, облыстық драма театрын ұйымдастырады. Бұл 1921—1922 жж. арасы. Ақтөбеге Алматыдан мал айдауға 2-3 адам шақыртады. Одан Ташкентке келеді. Онда шетелде оқығысы келетіндердің ары-

зын қабылдап жатыр екен. Бұл да жазылады. Өзі Алматыға барып, ұсақ малын іріге айырбастайды. Сол арада Ташкентке шақырылып, Германияға оқуға кетеді. Ол Германияда Валидовты көреді. Онда оқуға түсе алмай 3 заводта қара жұмыс істеп, 1924 жылы қайтып келеді. 1926 жылы Нижний Новгородтың тері техникумына түсе алмай, жұмыс істейді. Кейін Қызыл-Ордаға келеді. Театрдың администраторы қызметін атқарады, «Ауыл тіліне» терітерсек туралы мақала жазады. Упсырзақта қойма меңгерушісінің орынбасары, 1927 жылы ақпаннан Қармақшы ауданында қабылдаушы (приемщик), сұрыптаушы (сортотчик) болады – Т.Ж.>.

После возвращения из Германии я встречался с Дулатовым. Здесь уже знали, что Валидов в Германии, так как Мунайтпасов приехал раньше меня. Меня спросили, как живет Валидов, на что я им ответил, живет он ничего, но со мной ничего не передавал.

<Бұдан кейін қарындашпен былай деп жазған> :

Некоторые моменты, возможно, я упустил, но я о них даю слово сообщить в моем более подробном показании.

Дамулла Битлеуов

(подпись)

№ 83. В дополнение к своему показанию*.

В дополнение к своему показанию от 3 января 1929 года добавляю следующее:

В 1915 году в наш аул переехал для обучения детей по новому методу проживающий в одной с нами волости Абдуллин Кенжегали. <...> По приезду Абдуллина я перешел из старого медресе в мектеб Абдуллина... Он считал Ахмета Байтурсынова и Мир-Якуба Дулатова выше всех. Общаясь с ним, я пошел по тому же течению и стал заражаться национализмом (121 стр.).

* 1929 жылғы 5 қаңтар күнгі жауабында алдыңғы көрсетінділерін қосымша арқылы толықтырған, өңдеген, шетіне «Аударма» деп қол қойған — Т. Ж.

<...> Дальше на вопрос о том, что я знал о Тургайском отделении Алаш-Орды. Мне известно следующее: это отделение, собрав жигитов из окрестных аулов г. Орска, направилось в г. Тургай, куда оно приехало к весне. В то время Тургай был в руках красных, приехав туда, отряд Алаш-Орды вначале присоединился к красным, но спустя несколько дней алаш-ординский отряд обезоружил красных и арестовал военного комиссара Амангельды. После чего власть в Тургае перешла в руки Алаш-Ординского Военного совета. Среди командиров красных были три турка, которых еще до обезоружения красных Алаш-Ординский Военный совет сумел перетянуть на свою сторону. Об этом, как-то в свое время беседуя с жигитами, рассказывал Дулатов, восхваляя этих турков. По его словам, можно было установить, что он сам лично занимался обработкой этих командиров (турков) с целью перехода их на сторону алаш-ординцев — (122 стр.).

Затем еще до нас дошли слухи о том, что из Кустаная вновь вышел против нас отряд красных, что навстречу к ним со стороны Алаш-Орды выехали А. Темиров и Алмасов. Услышав об этом, все взволновались и стали перевозить все свое имущество на ту сторону реки Тургая. На другой день в бою с красными Алаш-Орда была разбита, остатки вынуждены были бежать за Тургай. Ночью перед этой схваткой с красными, видимо, был расстрелян Алаш-Ординским Военным советом военком Амангельды. Об этом нам рассказывал принимавший участие в этом расстреле из Бургинской волости некто Керей (ф.н.). Слышал от Керей, что в этом расстреле принимали участие 3 человека: двое из них Акжолов и Макатов из Кустаная, а третий — сам Керей. Во время пребывания Алаш-Орды в Тургае всем руководил только Военный совет. В составе этого совета самым энергичным был Дулатов (123 стр.).

Однажды Дулатов мне сказал, чтобы я пришел в редакцию. Пришел туда, как мне помнится, там сидели

Испулов, Досмухамедов Халел и Дулатов, последний рекомендовал меня перед ними как своего человека. Я, безумец, благодаря их увещаниям последовал за ними. В этот раз в связи с тем, что некоторые из них не явились в назначенное место, они перенесли собрание в квартиру Досмухамедова Х. и разошлись. В этот условленный день все собрались в квартире Досмухамедова Халела, где обсуждался вопрос о выработке для организации устава и программы. Насколько мне известно, выработка устава и программы была поручена Дулатову и Досмухамедову Халелу. Всего сказанного, конечно, я не помню, но припоминаю, что все выступления сводились к одному: «Советской власти осталось существовать недолго». Мотивировалось это тем, что в одном месте происходят такие-то события, в другом — другие и т. п. В результате этого сочли необходимым установленную связь с членами Оренбургской организации улучшить. Помнится мне, как они говорили: «Если приедет Заки (Валидов), то необходимо будет пригласить его в Ташкент». После этого был рассмотрен устав и программа, где указывалось, кого и как принимать в организацию и каким путем изыскать для этой организации средства. Многого я теперь не помню. Возглавляли Ташкентскую организацию Досмухамедов Халел и Дулатов (124 стр.).

Следователь Петров.

№ 84. 8 января 1929 г. Протокол допроса очной ставки Битлеуова и Дулатова.

Вопрос: С какого времени Вы знаете Дулатова? (обращаясь к Битлеуову)

Ответ: С 1914 года, я узнал его по газете. Потом в 1918 году весной в Оренбурге был съезд, на котором я его видел и познакомился с ним только осенью 1918 года, когда попал в Алаш-Орду. В 1920 году

осенью я поехал в Ташкент, где встретился опять с Дулатовым.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы с ним виделись?

Ответ: Я работал в институте, где мы с ним виделись.

Вопрос: Где в то время работал Дулатов?

Ответ: В редакции газеты «Ақ жол».

Вопрос: В это время у него кто-нибудь бывал?

Ответ: Он жил в то время вместе с Беремжановым и Юсуповым в общежитии ТурЦИКа, и я там бывал.

Вопрос: Бывал ли у Вас Битлеуов? (обращаясь к Дулатову)

Ответ: Возможно, бывал.

Вопрос: Может быть, Вы точно скажете, бывал или нет?

Ответ: Да, бывал.

Вопрос: Была ли у Вас речь с Дулатовым о какой-нибудь подпольной организации и при каких обстоятельствах? (обращаясь к Битлеуову)

Ответ: Я знаю только одно, что в Ташкенте была организация.

Вопрос: От кого узнали?

Ответ: Сначала узнал от Дулатова, который мне сказал, чтобы я приходил вечером в редакцию. Где-то он сказал, не помню, может быть, в институте, а может быть, и на улице.

Вопрос: Помните ли Вы такой случай? (обращаясь к Дулатову)

Ответ: Нет, такого случая не было.

Вопрос: Ну дальше, Вы пришли на это собрание? (обращаясь к Битлеуову)

Ответ: Да, пришел... Дулатов на этом собрании представил меня как своего человека.

Вопрос: Бывал ли такой случай, гражданин Дулатов? (вопрос Дулатову)

Ответ: Чтобы я позвал и в присутствии этих людей рекомендовал его, такого случая не было.

Вопрос: Был ли такой случай, когда вы бывали вместе с Битлеуовым на квартире Досмухамедова?

Ответ: Такого случая не было.

Вопрос: Может быть, Вы детали какие-нибудь напомните Дулатову? (Битлеуову)

Ответ: Я хорошо помню, что Дулатов там был. Стола в этой комнате не было и мы сидели по-казахски. На этом собрании стоял вопрос об организации и выработке программы и устава. Так как несколько человек выработать программу не могли, то поручили это не то Дулатову и Халелу Досмухамедову вместе, не то кому-то из них одному.

Вопрос: Может быть, Вы помните такое обстоятельство? (Дулатову)

Ответ: Такого собрания не было. У меня есть вопрос Битлеуову: о какой организации шла речь?

Ответ Битлеуова: У нас была когда-то Алаш-Орда, и я понял таким образом, что это та же самая организация, программа Алаш-Орды. И я как бывший алашординец, хотя работал у них жигитом, ходил за ними, как за бывшими руководителями.

Дулатов: Я из его слов понял, что мы обсуждали вопрос Алаш-Ординской организации, о выработке программы и устава этой организации. Это совершенно как-то не клеится, потому что у Алаш-Орды в свое время программа была и не было никакой надобности такую выработать.

Битлеуов: Вообще хотели создать подпольную организацию. Если бы не было секретно, то этот вопрос не обсуждался бы на квартире.

Вопрос Дулатову: Значит — Битлеуов говорит неправду?

Ответ: Нет, как будто бы не было.

Вопрос Битлеуову: Вы знаете, что из Оренбурга приезжал Болгамбаев и Адилов?

Ответ: Знаю.

Вопрос: С какой целью они приезжали?

Ответ: Как я помню, их послала такая же организация, которая должна быть в Оренбурге.

Вопрос Дулатову: Известно ли Вам об этом?

Ответ Дулатова: Он предполагает это или знает?

Битлеуов: Я знаю об этом, я знаю что в Оренбурге была организация, которая послала Болгамбаева и Адилова в Ташкент для связи.

Вопрос Дулатову: Знали ли Вы цель их приезда?

Ответ: Нет.

Вопрос: Были ли на собрании?

Ответ: Не бывал, а вообще у Досмухамедова Халела бывал.

Вопрос: Цель приезда Адилова Вам тоже не была известна?

Ответ: Нет.

Вопрос Дулатову: Известна ли Вам цель поездки Болгамбаева и Адилова в Бухару?

Ответ: Мне не только не было известно о цели их поездки, но я и не знал вообще об их поездке. Мне интересно знать: был ли я в то время в Ташкенте?

Битлеуов: Да, Вы были в Ташкенте, когда я уезжал, когда я вернулся, мне сказали, вы уехали домой.

Вопрос: Значит, Вы ездили в Бухару?

Битлеуов: Да, я ездил. Я ехал к Арифову, который был когда-то моим учителем.

Вопрос: А Дулатов с ним знаком?

Ответ: Не могу сказать.

Вопрос Дулатову: Приезжал ли когда-нибудь для связи с Вами в 1921 году от Валидова башкир?

Ответ: Никакой башкир не приезжал.

Вопрос Битлеуову: Известно ли Вам, что приезжал какой-то башкир?

Ответ: Лично я его не видел, но по разговору Дулатова и Испулова я хорошо знал, что этот башкир приезжал.

Вопрос: При каких обстоятельствах был разговор?

Ответ: Я слышал не то в редакции, не то на квартире, как Дулатов разговаривал с Испуловым: «Как это ты его не заметил, он был в большой шапке». Я стал расспрашивать, о чем у них шел разговор, оказывается, что приехал какой-то башкир, конечно, человек Валидова, откуда он приехал, не знаю. Лично я его не видел, но хорошо знаю, что это был башкир.

Вопрос Дулатову: Вы не помните разговора с Испуловым о башкире?

Ответ: Нет.

Дулатов

(подпись)

Битлеуов

(подпись)*

(128—132 стр.)

№ 85. 12 января 1929 г. Стенограмма. Протокол допроса Болғанбаева Хайретдина Абдрахмановича.**

Родился я в 1894 году в бывшей Акмолинской губернии, Акмолинском уезде Нуринской волости, тогдашнего номера аула своего не знаю. Родители мои бедные. С 7 или 8 лет начал учиться в мусульманской школе, в 11 лет умерла моя мать, до 15 лет я жил на иждивении своего отца, который в то время имел 2—3 коровы и

* 1929 жылы 23 қаңтар күні Д. Битілеуовтен қайта жауап алған (184—190-беттер). Мұнда: алдыңғы берген куәлігін толықтырып, өңдеп, саяси астар беріп жазған. Жауаптан Битілеуовтің ашулы, ызалы отырғаны байқалады. «Валидовтың Бұхарада екендігін қайдан білдің? — деген сұраққа: «Бір жиналыстан» деп жауап береді. Содан соң Бұхараға барған сапарын баяндайды — Т. Ж.

** Х.Болғанбаевтың біз және оның қызы Гүлнар Болғанбаева жинақтаған қолжазбалар мен мақалалары «Отырар кітапханасы» ғылыми орталығының қорында сақтаулы. Бұл хаттама кезінде біздің септестігімізбен Қауіпсіздік комитетінің қорынан алынған Г.Болғанбаеваның сол деректерінің негізінде Д.Қамзабекұлы құрастырған Х.Болғанбайдың «Иман күші» атты жинағынан алынды (— А. — 2009. — 132—144 б.). Өкінішке орай, мұрағат құжаттарының беттері белгіленбеген — Т. Ж.

одну лошадь. Нас было два брата и сестра, из которых самый старший был я.

Затем в 1909 году по совету одного муллы я поехал учиться в Петропавловск, где поступил в татарское медресе и проучился две зимы. Там я учился читать по-арабски, по-татарски, а летом работал у баев.

В 1911 году летом вернулся в свой аул и нанялся у одного бая обучать его единственного сына мусульманской грамоте.

Затем в 1912 году поехал в Оренбург, где поступил в медресе Хусаиновых. Средств у меня никаких не было и меня приняли там на вакуфную стипендию. Проучился я там зиму, потом, по окончании учебных занятий, в мае поехал в г. Туркестан, где нанялся обучать детей одного купца. В конце августа я на несколько дней съездил в Ташкент, затем к началу сентября приехал обратно в г. Оренбург и продолжал свое учение в медресе. Весной выехал в аул обучать детей. Аул этот был первый в Буртинской волости Актюбинского уезда Тургайской области, где прожил до осени. Затем осенью приехал обратно в Оренбург и продолжал свое учение.

Весной, по окончании учебного года, я приехал в г. Туркестан, где провел время до осени, ничего не делая и живя у гражданина Утегенова Садыка. Осенью вернулся опять в Оренбург. В этом году учение в медресе прекратилось, потому что помещение его было отобрано правительством под военный лазарет.

До второго года обучения моего в медресе в Оренбурге у меня были панисламистские настроения. Затем наступил известный перелом, которому способствовали татарская литература и воспитание в медресе.

Когда закрылось медресе, я поехал в Акмолинскую губернию в Атбасарский уезд. В то время в газете «Қазақ» появилось объявление, что требуется учитель, и жалование назначено за 5 месяцев 200 рублей. И вот

по этому объявлению я выехал из Оренбурга, приехал в Атбасарский уезд, где у одного волостного управителя Матенова прожил 5 месяцев, до мая 1916 года, занимаясь с детьми. Таким образом, зиму 1915 и 1916 года я пробыл в Атбасарском уезде в Кентубекской волости в 200 верстах от г. Атбасара. В мае опять приехал в г. Оренбург, откуда выехал на ст. Чиили и остановился у казаха Конратбаева Халджана в качестве домашнего учителя, обучая его братьев и детей его аула. Там жил до осени. Знаменитый приказ царского правительства о реквизиции инородческого населения на тыловую работу застал меня в пути.

Затем, кажется, в октябре 1916 года я приехал опять в Оренбург. Видел я по дороге, как перепугались казахи от реквизиции, проезжал я через Перовск и встречался с делегатами, ехавшими в Петербург с жалобами. Оставаться мне нельзя было, так как мой возраст подходил к реквизиции.

На родину вернуться тоже нельзя было, поэтому я выехал в г. Москву, посоветовавшись с Байтурсыновым и Дулатовым, тогдашними работниками в г. Оренбурге. Они мне советовали поехать в Москву и поступить в Земгор, так как тогда стало известно, что реквизируемые казахи будут находиться в ведении этой организации.

С Дулатовым и Байтурсыновым я познакомился в 1913 году, во время моего пребывания в медресе в г. Оренбурге, когда они занимались выпуском газеты «Қазақ». До 1916 года каждый год, когда я приезжал в Оренбург, я с ними встречался, так как считал их вождями казахского народа. Газета «Қазақ» была чисто национальной казахской газетой. В Москву я приехал с чужим паспортом, так как своего у меня не было. Одно время у меня был годичный паспорт, который я просрочил, несколько раз писал домой, чтобы мне выхлопотали его, но мне так и не прислали его.

По рекомендации редакции газеты «Қазақ» я поступил в Земгор: со мной поступили еще несколько человек из казахской интеллигентной молодежи. Эту рекомендацию, кажется, подписывали или Байтурсынов, или Дулатов. До этого в Москву и Петербург ездил Букейханов для переговоров с руководителями Земгора насчет вербовки казахских работников, и у них было условие: принимать работников только по рекомендации этой газеты.

Западный комитет Земгора послал меня в одну из рабочих партий, находящуюся на ст. Ганцевич. Здесь казахи занимались рубкой леса, постройкой блиндажей, проволочных заграждений и т. д. Там была 9-я Инженерно-строительная дружина, в ведении которой было несколько тысяч казахов. Я находился там недолго, так как ввиду ревизии в учреждениях Земгора от меня потребовали паспорт и, узнав, что я беспаспортный, велели ехать в Москву в распоряжение Московского комитета Земгора. Таким образом, я опять вернулся в Москву. Это было в декабре 1916 года. В Москве мне удалось достать паспорт, и мне посоветовали ехать к себе на родину. Я выехал из Москвы в Омск, где прожил около 20 дней и достал себе годичный паспорт, с которым я опять приехал в Москву. Московский комитет снова послал меня на старое место, и, таким образом, я опять стал работать в 9-й Инженерно-строительной дружине. В это время произошла Февральская революция. Если я не ошибаюсь, я подался в Минск в мае, где организовался в это время при западном комитете Земгора инородческий отдел, заведующим которого был Кенжин. До моего приезда заведующим был Букейханов, но его в то время не было, он выезжал в Петроград. Инородческий отдел командировал меня в казахские рабочие партии для отправки на родину. Здесь я впервые познакомился с Кенжиным. Временное правительство издало

приказ об освобождении инородцев, мобилизованных на тыловые работы. Помню, мне было дано поручение собрать сведения об этих партиях. Точно такое же поручение, кроме меня, давалось Тюрякулову, Галимджанову Файзулле, Омарову Ильдесу, Испулову Мурзагазы и др.

В мае я сопровождал казахских рабочих, возвращающихся на родину, и проводил их до г. Уральска, где пробыл дня два, а затем вернулся опять в Минск. Инородческий отдел был ликвидирован, и нас, казахских работников, освободили. Мы решили с Галимджановым съездить в Петроград с целью посмотреть город. Пробыли там около недели, а затем через Москву вернулись в Оренбург. Перед моим приездом в Оренбург состоялся Всеказахский съезд, на котором я не был. Впоследствии я узнал, что организатором этого съезда был Букейханов, областной комиссар Тургайской области. Кроме него, организатором также была редакция газеты «Қазақ». Все это было в 1917 году в июне или июле. Пробыв несколько дней, я выехал в Ташкент, где поступил в редакцию газеты «Бірлік туы». Эта газета издавалась после Февральской революции на собранные пожертвования от отдельных казахов. Редактором был Ходжанов, со стороны же принимали участие Токтабаев Иса, Кумышали Б依риев и еще некоторые ученики. Газета эта была национально-демократической, в то время партии «Алаш» еще не было.

Когда организовалась алашская партия, то газета относилась к ней сочувственно и была близка к этой партии. До организации партии «Алаш» мы имели связь вообще с редакцией газеты «Қазақ», в частности с Байтурсыновым. Наша газета просуществовала до лета или весны 1918 года, в точности не помню, мне кажется, что в мае эта газета прекратила свое существование. В Ташкенте проживал Мустафа Чокаев, бывший комиссар Временного правительства. В ноя-

бре 1917 года в Коканде открылся Всетуркестанский съезд, на который ездили я и Ходжанов, хотя и не были приглашены. Организаторами этого съезда были Губайдулла Ходжаев, Мустафа Чокаев и другие мусульманские деятели, бывшие в то время в организации «Шурай-Исламия», в переводе — *мусульманский совет*. Туда приехали из казахской интеллигенции Тынышпаев, Акаев, Мустафа Чокаев и др. Они хотели провозгласить автономную Туркестанскую республику с включением туда казахского населения Семиреченской и Сырдарьинской областей. Я в то время был против присоединения этих областей к Туркестанской автономии, я хотел, чтоб все казахское население объединилось вместе и организовало свою самостоятельную республику. Мне же доказывали обратное, что все равно Казахской республики не может быть. Это мне говорили Мустафа Чокаев, Тынышпаев и Уразаев.

На этом съезде Председателем Совета министров был выбран Тынышпаев, министром иностранных дел — Чокаев, каким-то министром был выбран Уразаев. Это было в конце 1917 года.

Затем, после этого съезда, я приехал в Ташкент, и узнав о созыве Всеказахского съезда в Оренбурге, я поехал туда. Съезд был этот национально-казахский. Приехал я в Оренбург в одном поезде с Чокаевым, который ехал из Коканда. Мы приехали на 3-й или 4-й день съезда. Чокаев делал доклад о прошедшем в Коканде съезде, об образовании правительства. Я выступал на этом съезде и говорил, что председателей казахского населения на кокандском съезде не было. «А почему не было?» — спрашивал Чокаев. «Потому что нас никто не избирал, если ты и поехал, то ты поехал от организации «Шурай-Исламия», — говорил я ему. Меня поддерживал Букейханов. С этих пор я с Чокаевым был в плохих отношениях. На этом съезде

среди казахской интеллигенции произошел раскол, одна часть стояла за немедленное объявление Казахской автономной республики, а вторая — на другой точке зрения. За первую точку зрения стоял, главным образом, Досмухамедов.

Вторая часть — Семипалатинская и Акмолинская группы возглавлялись Букейхановым, Ермаковым, Габбасовым, Байтурсиновым, Дулатовым. Габбасов на этом съезде был. Они хотели подождать Учредительного собрания, а не провозглашать автономной Казахской Республики. Я в то время примыкал к группе Букейханова.

После этого съезда я поехал в г. Туркестан на Сырдарьинский областной съезд. Это было в декабре 1917 года. Кто создавал этот съезд, сейчас не помню. Там обсуждался вопрос, главным образом, о том, к какой автономной единице присоединить Сырдарьинскую область. От Кокандского правительства на этот съезд приехал Ходжиков и еще один какой-то узбек. Ходжиков выступал за присоединение Сырдарьинской области к Туркесреспублике.

Из Оренбурга от алашского правительства приехали Дулатов, Кулманов и сын Абая, они выступали за присоединение этой области к Казахской Республике.

Да, я забыл, на 2-м съезде победила Уральская группа, семипалатинцы согласились на немедленное объявление Казахской автономной республики, и было избрано Алаш-Ординское правительство. Это было единое правительство для всего Казахстана. Дулатов и Кулманов были представителями Алаш-Ординского правительства на Туркестанском съезде. Из туркестанцев, помню, Ходжанов был за присоединение к Алаш-Орде. Чокаев на Сырдарьинском съезде не был, Тынышпаев также не был. На этом съезде я вообще не выступал. Фактически было вынесено постановление о присоединении Сырдарьинской области к Казахской

автономной республике. Ходжиков, Чокаев, Акаев и Тынышпаев не любили меня и считали за алашинца, сами же они стояли за Туркестанскую республику.

После окончания съезда я вернулся в Ташкент и находился в редакции газеты «Бірлік туы» до ее закрытия. После съезда в Ташкент также приезжали Кулманов и сын Абая. Пробыв там некоторое время и осмотрев город, они оттуда уехали. Я в то время, по своему убеждению, был близок к Алаш-Орде, и меня считали алашинцем. Ходжанов тоже стоял за присоединение Сырдарьинской и Семиреченской областей к Казахской Республике. Он в то время был беспартийный.

Вернувшись в Ташкент, я снова работал в газете, в это время связи с алашординцами не было, так как Оренбург был занят Красной армией, и Байтурсинов с Омаровым и Букейхановым уехали оттуда. Впоследствии я узнал, что они уехали в Семипалатинскую губернию, и таким образом связь с алашинцами у нас прекратилась. Когда шел спор между Кокандским и Алашинским правительствами, наша газета выступала за Алаш-Орду, поэтому многие туркестанцы были недовольны нашей газетой. Насколько я помню, газета просуществовала до мая 1918 года.

До осени 1918 года я был безработным, хотел ехать на родину, дорога в это время закрылась, так как был фронт, никакой связи с Алаш-Ордой мы не имели, так как там было колчаковское правительство, поэтому когда осенью в г. Ташкенте открылись педагогические казахские курсы, я поступил на них в качестве преподавателя. Таким же преподавателем поступил и Ходжанов. Пробыл я на этих курсах зиму 1918—1919 года, и когда весной открылись еще курсы, то я опять на них поступил преподавателем.

Летом 1919 года в Ташкент приехал Адилев, с которым я был знаком еще в бытность мою в Омске, где он

учился в гимназии. Это было еще в 1916 году. Адилев остановился у меня. Он приехал из Сибири, бежав от Колчака. Насколько я понимал, он в то время по убеждению был националистом. Ходжанов жил отдельно.

В декабре того же 1919 года из Ташкента я поехал в Актюбинск, где была созвана Всеказахская конференция по инициативе Кирревкома. Приехали я, Ходжанов и другие представители от Туркестана. На эту конференцию мы были командированы от какой-то Туркестанской организации. На этой конференции председателем был Пестковский, присутствовали Айтиев, Мурзагалиев.

Затем я поехал опять в Оренбург и поступил на службу в редакцию газеты «Ұшқын». Мендешев в это время был в Наркомпросе. Из Ташкента я уехал с намерением отправиться на родину, но остался до весны в Оренбурге. Весной, в марте, я заболел тифом и пролежал в больнице 3 месяца. По выздоровлении, в июне, поехал в Акмолинскую губернию с комиссией Кирревкома по присоединению Семипалатинской и Акмолинской областей к Киргизскому краю. Во главе этой комиссии были Джангельдин, Авдеев, Сарсенов. Я с этой комиссией доехал до Омска, а затем уехал в Акмолинск. Комиссия эта разделилась, если память мне не изменяет: Джангельдин поехал в Москву, а Авдеев с Сарсеновым — в Семипалатинск. Таким образом, я попал в Акмолинск. Пробыв в своем ауле один месяц, я обратно поехал в Оренбург, где поступил на службу в качестве преподавателя на открывшихся курсах, в частности на курсах при Политуправлении Военкомата, где в это время служил Кенжин. Это было осенью 1920 года. До моего приезда в Оренбург там состоялся 1-й Всеказахский съезд. Из алашинцев в то время в Оренбурге были: Букейханов, Байтурсинов, Сарсенов Биахмет, Омаров Ильдес, все они служили, но какие занимали должности, не помню. Когда я был в Оренбурге, я был в хороших отношениях с алашинца-

ми. В то время я относился к Советской власти недоброжелательно, и, как я понимал, все алашинцы также относились недоброжелательно. Правда, были среди них разные. На советской ориентации, мне хорошо помнится, был Байтурсынов, он в то время был коммунистом и комиссаром. Я был недоволен Советской властью, потому что не верил в строительство социализма, не верил в долговечность этой власти и смотрел на нее, как на преходящее, временное явление, коммунизма на территории России я себе не представлял. Мне казалось, что не сегодня-завтра должна быть какая-то другая власть. В то время многие так думали. Одни думали, может быть, у власти будут кадеты, может быть, эсеры, даже были опасения, что восстановится монархия, но определенно сказать, что такая-то власть будет, никто не мог. Никто также не мог сказать, что Советская власть обязательно пропадет, вообще у нас было неверие в эту власть. Я лично думал, что население будет недовольно всеми теми мероприятиями, которые в то время проводились (разверстка и т. д.). Я думал, что в совершающихся событиях казахский народ никакого реального политического веса не имеет, и судьбу России решит русский народ. Поэтому я был против подъема казахской массы, против агитации, чтобы казахи были против власти. Недовольство наше выражалось в разговорах. Общих тактических установок у националистов мне не известно. Националисты в то время идеологически выдержанной национальной линии не вели, и их недовольство выражалось только в разговорах.

Эту зиму я прожил в Оренбурге, а весной выехал в Ташкент. В то время недовольство было и у Букейханова. Байтурсынов среди националистов был попутчиком Советской власти. Хотя он и имел партийный билет, я не верил, чтобы он был убежденным коммунистом.

Болганбаев

(подпись)

№ 86. Стенограмма. Протокол допроса Болганбаева Хайретдина Абдрахмановича (продолжение)*.

<...> Из Оренбурга я выехал в Ташкент вне всякой связи с каким-либо поручением политического характера от алашординцев.

С Адилевым в Оренбурге я встретился. Он вообще был в составе КирЦИКа, но членом партии не был.

О личности Валидова я знал давно, еще во время моего пребывания в медресе, так как пользовались его книгами, написанными им по истории тюрко-татар. Затем он много и часто писал в татарских газетах и журналах. Знаком с ним не был, но о личности знал, так же, как я знаю теперь о Бигееве по его сочинениям.

Я читал в газетах, что Валидов организует Башкирскую республику, то переходит на сторону белых, то на тропу красных. Точно сказать, в какое время он переходил на сторону Советской власти и в какое время отошел, сказать не могу, забыл. Я слышал, что Валидов симпатизирует больше казахским работникам, чем казанским. В татарских газетах были такие статьи, что Валидов желает башкирский народ отделить от татарского; татарские же вожди всегда выступали от имени всех мусульман, проживающих в России, и в конкретном случае от имени башкир и татар. Я от многих татарских деятелей слыхал, что Башкирия не представляет из себя отдельной народности, а это — татары, а Валидов, наоборот, говорил, что башкиры — это не татары.

О существовании связи между правительством Алаш-Орды и Башкирией я не знал. Беремжанова я не знал. Нельзя сказать, чтобы мы были приятелями. Когда я жил в Ташкенте, то часто его там видел. В близких отношениях, как например с Адилевым, я с ним

* Жоғарыдағы мен кейінгі хаттаманың арасында үзіліс жасалса керек — Т. Ж.

не был. О том, что Беремжанов был командирован алаштинским правительством для связи с Валидовым, — такого момента не помню. В бытность мою в Оренбурге разговоры о Валидове были. Я почти со всеми националистами говорил о нем, отношение к Валидову было во всяком случае положительное. О том, что Байтурсынов с Валидовым встречался в Москве, разговора такого не помню. Персонально указать не могу, но вообще среди националистов отношение к Валидову было положительное.

О месте пребывания Валидова, когда я был в Оренбурге, я не знал. По приезду в Ташкент я из разговора узнал, что он находится в Средней Азии.

О существовании подпольной организации, о группе одинаково мыслящих и проводящих определенную линию я не знал. Группа единомышленников была, но политической деятельности не проявляла.

В Ташкент я был командирован Наркомпросом для печатания учебников, педагогического журнала на казахском языке в типографиях Ташкента. Документ о моей командировке был подписан Байтурсыновым. Никакого мандата группа единомышленников-алаштинцев мне не давала. Адилев уехал в Ташкент до меня, с каким поручением, я не помню, кем он командирован, тоже не помню, в Ташкенте остановился у своего старого знакомого — Ходжанова. Договорившись относительно печатания учебников, я о результате своих переговоров написал в Оренбург, где решили некоторые издавать в Оренбурге, а журнал «Шолпан» издавать в Ташкенте. Этим закончилась моя командировка от Наркомпроса.

В это время из алаштинских деятелей в Ташкенте были Дулатов, Досмухамедов Халиль (был ли Досмухамедов Джаныша, не помню), Джаленов, Испулов, Кошкинбаев, Тынышпаева не было. Был ли там Ахмет-Сафа Юсупов, я забыл. О Валидове разговоры

у нас бывали, кажется, я говорил с Испуловым и Дулатовым. Содержание разговора не помню, но отношение к Валидову среди националистов было положительное. О том, как узнали националисты о пребывании Валидова в Средней Азии, от кого слышал, я не помню.

По специальному приглашению националисты не собирались. Бывали случаи, когда, зайдя к Досмухамедову, я заставлял там Испулова и других, ну посидим, поговорим, вообще простые обывательские разговоры были. С Ходжановым и Тюрякуловым о Валидове у нас разговоры также были, но их отношение к Валидову было другое. Из националистов меня никто не просил узнать о мнении насчет Валидова у Ходжанова или Тюрякулова. Я слышал, что Валидов скрывается в Средней Азии. То говорили, что он уехал за границу, то в Башкирию, то в Баку. С Битлеуовым в Ташкенте я встречался, но при каких условиях, не помню. О таком случае, когда я был на одном из вечеров, заменил Дулатова и говорил по вопросу о казахской литературе, я не помню.

С Адилевым я несколько раз встречался у Ходжанова, бывал у него на квартире. О том, что он командирован для связи, он мне не говорил.

В Ташкенте я прожил около месяца, затем меня Кирпредставительство командировало в Бухару для ознакомления с постановкой народного просвещения среди проживающего там казахского населения. Из Бухарских работников до этого я знал заочно Файзуллу Ходжаева, Арифова, с последним я встречался в Ташкенте только один раз в 1918 или 1919 году.

В бытность мою в Ташкенте я видел Беремжанова, но уезжал ли он оттуда, я не помню. В момент моего приезда в Ташкент, мне кажется, что Беремжанов там был. О том, отлучался ли Беремжанов куда-нибудь из Ташкента, я не помню.

Со мной в Бухару поехал Адилев, от какой организации он получил командировку, я, конечно, должен был знать, но забыл. Это было в июне, в Бухаре я встретился с учителями, обучавшимися на курсах в 1918—1919 гг. в Ташкенте. Виделся с Наркомпросом Бухарской республики, с военным Назиром Арифовым. Битлеуова как будто в Бухаре не было. Кто первый из знакомых нас встретил в Бухаре, не помню.

Согласно своей командировке я был в Наркомпросе и справлялся о проживающем на их территории казахском населении. Мне рассказывали, что до стоянки этих казахов расстояние порядочное и что дело народного образования поставлено очень плохо. Я думал приехать к ним, но заболел малярией и пролежал несколько суток в больнице.

После этого я узнал от Адилева, что недалеко от Бухары скрывается Валидов. Меня и Адилева повел к Валидову какой-то узбек. Мы ехали с Адилевым вдвоем, насколько мне помнится. Недалеко, под самой Бухарой, жил Валидов. Пришли мы к нему, назвали свои фамилии, пили чай, разговаривали, я расспрашивал о его политической линии, о программе действий. Он мне рассказывал, что написал в ЦК партии — Москву доклад. Я спрашивал, имеет ли он связь с басмачеством, на что он ответил, что имеет. На мой вопрос о том, что он думает предпринимать в дальнейшем, он мне давал сбивчивые ответы. В то время у него не было определенного решения: то он хотел ехать за границу, то в Москву, то думал присоединиться к басмачам и т. д. У меня осталось впечатление, что у него крепкого, ясного плана действий нет. Об Энвер-Паше он мне ничего не говорил. В то время он был на нелегальном положении. Уехав от него, я вернулся на квартиру и на следующий день обратно поехал в Ташкент.

В то время я имел симпатию к общественным деятелям тюркских народностей, находящихся в нашем

государстве! Поэтому я, как националист своего народа, не хотел его выдать, хотя и знал, что он на нелегальном положении. У меня было такое впечатление, что о пребывании Валидова в Бухаре вообще все знают. О его пребывании там я слышал от многих. Знали ли большие работники, я не знал и о нем не расспрашивал. Мне казалось, что вся Бухара об этом знает, но скрывает и не выдает его. Бухарских работников я представлял тогда всех националистами. Часть из них говорила, что определенно не знает, но как будто, как говорят, Валидов скрывается в Бухаре, но где он, не говорили. Зная о том, что Валидов скрывается в Бухаре, я никому об этом не сообщил.

Затем я приехал в Ташкент, дня через два я слег в больницу. В то время Ходжанова там не было, были Тюрякулов, Токтабаев Иса, Бориев, Досмухамедовы, Дулатова там не было (Досмухамедов Джаныша лежал в то время в больнице). Меня посещали в больнице, но кто, не помню.

О встрече с Валидовым в Бухаре я Ходжанову ничего не говорил.

По выздоровлении я поехал отдыхать в Туркестан, где пробыл до середины августа, затем приехал в Ташкент, где состоялся Всетуркестанский съезд, на котором я был избран членом ТурЦИКа из беспартийных. Хотя у меня было намерение ехать на родину, но я должен был оставаться здесь. Мне пришлось ехать через Оренбург в Акмолинскую губернию за своей семьей. До Оренбурга мы ехали вместе с Ходжановым. В это время в Оренбурге был 2-й казахский съезд. Я приехал туда с Ходжановым и Токтабаевым. Пробыв там неделю вместе с акмолинскими делегатами, выехал в Петропавловск. Это было в 1921 году в октябре.

В 1922 году, во время перевыборов в Советы, в нашей волости произошла группировка. Там был известный Макин, он 30 лет подряд был несменяемым

правителем. Во время своего пребывания в ауле я слышал и видел сам, как макинцы обирают народ, господствуют над всей волостью. Во время перевыборов одна сторона выставила кандидата Жангулина Ахмета, а другая — Макина Рафика. Я поддерживал не макинскую сторону, а другую, и эта поддержка выразилась в том, что я написал Председателю УИКа Сайдалину о том, что макинцы угнетают народ и в состав Волисполкома допускать их не нужно. Как только узнали макинцы, что я написал, то они были против меня. Сайдалин принял мою записку, сменил первого уполномоченного, который проводил линию макинцев, послал на его место другого, по-видимому, поддерживающего противную макинцам сторону, и вот в этой казахской группировке мое участие и было. Больше ни в каких группировках я не участвовал.

В Акмолинске я жил безработным до 1924 г., одно время работал в отделе Наробраза по вызову председателя Акмолинского Губисполкома, уехал в 1924 году в Петропавловск, где и служил до сего времени.

Болганбаев (подпись)

Допросил:

Нач. вост. отдела ПП ОГПУ

Петров

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.
Т. 1. С. 323—347.*

№ 87. 23 января 1929 г. Протокол допроса Д. Битлеуова.

О роли Беремжанова в Алаш-Орде я много сказать не могу, так как там я с Беремжановым знаком не был, а познакомился в городе Ташкенте. Мы все время тогда кочевали от Орска до Тургая, но его тогда с нами не было...

Ахмет-Сафу Юсупа я знаю. И, кажется, он в организации состоял. Юсупов и Беремжанов жили вместе в

общежитии ТуркЦИКа в одной комнате. Вместе жили, вместе работали, вместе ходили. А на собраниях его я не видел, меня вообще в руках держал Дулатов.

Вопрос: Припомните подробнее, что из себя представляет устав?

Ответ: Память у меня очень скверная. Я признаю, что я виноват, за что и сижу теперь. По-русски я почти неграмотен. А у них все было на русском языке. Но мне кажется, в уставе говорилось насчет приема в организацию — нужно было получить рекомендацию от авторитетного члена организации. Например, я рекомендовать не мог, а Досмухамедов или Дулатов — могли. Я хорошо помню, что у них была большая строгость. Когда я лично поехал в Бухару, то поехал на свои средства. Болганбаев поехал по командировочному удостоверению от Наркомпроса.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.
Т. 2. С. 350.*

**№ 88. Январь 1929. Уголовное дело по обвинению
Омарова Елдеса и др.***

Архив КГБ при СМ КазССР. Архив № 124 в 7-томах
т. 2.

Дело по обвинению Омарова Елдеса и др.

Начато: январь 1929 г.

13 октября 1927 год пом. нач. ВО ППОГПУ по КССР,
Логачев Омаров в качестве подозр.

Омаров Елдес, 1922 г.р., мест. рож. — Кустанай,
последнее место жительства — г. Ташкент, казах,
среднее сословие, до Февральской революции — учи-
тельствовал, работал в окружном суде в качестве

* Елдес Омаров пен Әлихан Бөкейхановтың үстінен жүргізілген тергеу ісі 1927 жылы 13 қазанда басталған. Бір рет қамалып, босатылған. Іле қайта қамауға алынған. Сол іс кейін Д.Әділеттің тергеу ісіне қосымша ретінде тіркелген. Сондықтан да тігіндідегі ретті сақтауды жөн көрдік — Т. Ж.

переводчика, работал в Алаш-Орде, преподаватель Казпедвуза в Ташкенте, незакон. среднее, холост, бывший член национальной партии Алаш, политическое убеждение — националист, служба в армии — был политическим руководителем Кустанайского партизанского полка при Алаш-Орде.

<Тергеу ісі бірден Ә.Бөкейханов туралы сұрақтан басталған. Мұнда негізінен Ә.Бөкейхановтың Орынбор уезіндегі Бөрті болысына демалысқа барғаны айтылады. Сол сапардан кейін Ә.Бөкейхановты вокзалда қарсы алғандар мен соған қатысы бар адамдар ұсталған. Оның ішінде жай ауылнайлар да бар. Бұл сапар туралы Елдес Омаров былай деп көрсеткен — Т.Ж>

Приблизительно 15 июля 1927 года я, Омаров, выехал в Оренбург по поручению Казнаркомпроса для развития краевого музея. В Оренбурге я встретил Кадырбаева, члена коллегии Казнаркомюстиции, который сообщил мне, что его предложение использовать отпуск в Буртинской волости Оренбургского уезда Букейханов Алихан не принял, о чем уведомили его, Кадырбаева, письмом. Письмо Букейханова на имя Кадырбаева читал я лично. Мне было известно еще в Кзыл-Орде, что въезд Букейханову в пределы Казахстана не разрешен, по-видимому, вследствие неокончания его дела ГПУ в Москве. Из Оренбурга я, Омаров, написал письмо Букейханову с приглашением его на Бузановский хутор Златоустовского округа, бывшего Глябинского уезда. На Бузановском хуторе проживают приблизительно 30 дворов казахов, среди которых я имею знакомых еще с детства. В письме я просил Букейханова, чтобы он в случае согласия поехать на Бузановский хутор отдохнуть, телеграфировал бы мне в Кзыл-Орду. По возвращению из Оренбурга в Кзыл-Орду в Наркомпрос мною, Омаровым, от Букейханова была получена телеграмма о согласии ехать

в указанное мною место. Через два дня я выехал на Бузановский хутор Златоустовского округа, куда прибыл 1 августа. Букейханов туда еще не приехал. На второй день ко мне приехал из Кустанайского округа Нурушев Габбас, находившийся там в отпуске. Нурушеву из Кзыл-Орды посылали телеграмму с предложением, чтобы он приехал в названный хутор. 11 или 12 августа приехал Букейханов Алихан. Вначале мною от последнего была получена телеграмма, что он выезжает 2 августа, вторая телеграмма получена от него, что он задерживается, выедет 8 августа. 9 августа Букейханов телеграфировал, что он выехал из Москвы. Во время нахождения у нас Букейханова и Нурумова первый информировал о положении землеустройства. Он сообщил, что раньше приехать не сможет потому, что его просили остаться в Москве для участия при рассмотрении в рабочей комиссии Наркомзема земельных норм для Казахстана. Кто просил персонально Букейханова задержаться в Москве, в качестве кого он там служил, мне Букейханов не говорил. Вначале рассматривались нормы Наркомземов РСФСР, докладывавал которые один из сослуживцев наркомземов. Нормы эти были отвергнуты вследствие недостаточного их освоения. Выступившие лица в защиту этих норм ссылались на авторитет профессора, кажется, Верецагина, точно не помню. Выступил против этих норм Букейханов, который указал, что профессор, на авторитет которого ссылаются, при царизме работал в переселенческом управлении, заботился об интересах русского дворянства. В 1913 или 1914 году этот профессор сдал с товарищем председателя государственной думы Варун по Декрету участок земли на границе Тургайского и Кустанайского уездов. В своем выступлении профессор Верецагин преподнес положение в такой форме, что крестьяне Тульской губернии страдают от малоземелья и безземелья, тогда как в Казахстане

предостаточно избытков земли. С возражением выступил Букейханов, указав, что этот профессор раньше защищал интересы русских помещиков, отнимал земли у казахов-киргизов, передавая их русским помещикам. Если тульским крестьянам нужна земля, мы, казахи, будем разговаривать с ними непосредственно, а не при помощи таких профессоров. По мнению Букейханова, представленные Наркомземом РСФСР земельные нормы приуменьшены, рассчитаны на выявление больших излишков земли в Казахстане. Эти нормы, говорит Букейханов, в перспективе рассчитаны на открытие колонизации Казахстана. Они направлены против интересов казахского народа. Инициатива в данном случае исходит со стороны русских спецов, сконцентрировавшихся в Наркомземе РСФСР. Если представленные спецами земельные нормы начать проводить в жизнь, это будет означать колонизаторскую политику в отношении Казахстана. Возмущаясь, Букейханов заявил, что политика Наркомзема РСФСР в настоящее время, поскольку в нем доминируют русские спецы, бывшие колонизаторы, направлена снова к введению колонизаторства по отношению к Казахстану. Какие-либо методы борьбы с колонизаторской политикой Букейханов мне и Нурумову не предлагал. Он говорил, что если утвердить те нормы Наркомзема, разработанные профессором Швецовым, это явится реальным противодействием политике русских спецов в Наркомземе РСФСР. По мнению Букейханова, излишеств земли в Казахстане нет совершенно. Мнение это я, Омаров, поддерживаю полностью.

По возвращении в Кустанай я узнал от заведующего Кустанайским окружным земельным управлением Кучербаева, что нормы Казнаркомзема, разработанные Швецовым, в Москве по неизвестным для него причинам не утверждены.

Я, Омаров, заявляю, что классовый принцип землепользования в условиях Казахстана отвергаю. Землей

казахский народ должен пользоваться независимо от социально-классовой принадлежности того или иного кибитковладельца. Согласен в том отношении, чтобы в первую очередь наделялась землей беднота, на новых правах и началах должны быть наделены землей и богатые казахи. Было справедливым принципом наделение землей, я считаю, подушно, а не подворно.

Показания мне прочтены и записаны с моих слов правильно, в чем подписываюсь, Омаров.

Допросил — Л. Лигачев.

№ 89. Дополнительно опрошенный гражданин Омаров Елдес показал.

15 октября 1927 г., г. Кзыл-Орда.

Предъявленное мне письмо за подписью «Эльза», обнаруженное у меня при обыске 12 октября, написано мне, Омарову, гражданкой Верте Эльзой Адамовной, женой сотрудника Наркомфина в Кзыл-Орде Александра Верте. Письмо Верте Эльзы Адамовны вручено мне во второй половине июля 1927 года Казнаркомземом Султанбековым Жагыфаром во время его поездки из Кзыл-Орды в Москву. В Оренбурге Султанбекова я встретил на вокзале. О своем выезде он сообщил мне по телеграфу. Заявляю, что я, Омаров, будучи в Кзыл-Орде договорился ехать с Султанбековым в Москву вместе. В Москву я намеревался ехать с целью развлечения и совершить некоторые покупки. С Верте Эльзой Адамовной Султанбекова познакомил лично я, Омаров, в апреле или марте этого года у меня в квартире. Эльза Адамовна в это время проживала в Ташкенте на одной квартире вместе со мной. С Эльзой Адамовной я знаком с 1921 года...

<...> В Кзыл-Орде я с ним встретился в 1921 году в городском саду, и я, Омаров, ужинал вместе с Султанбековым. Вместе с нами были Алибеков — председатель Жетысуйского губзема, бывший наркомзем,

Ескараев, бывший Наркомвнудел, Тулепов Мираспек, член комиссии Наркомторга, были еще несколько человек, которых сейчас не помню.

Второй раз с Султанбековым встретился в Кызыл-Орде через день или два в том же саду во время ужина. Вначале мы ужинали втроем. Я, Омаров, Дулатов Мир-Якуб, Габбасов Халел, Султанбеков и Акаев Серикпай. В этот раз договорился с Султанбековым ехать в Москву вместе, просил его о дне выезда телеграфировать мне в Оренбург.

Исключительно через меня, Омарова, Эльза Адамовна Верте знакома со следующими моими знакомыми: Дулатовым Мир-Якубом, Нурумовым Габбасом, Жанаевым, Кадырбаевым Сейдазымом, Байтурсыновым Ахметом, Ермаковым Алиханом, Жургуеновым Темирбеком, Жулдыбаевым Мулдагалием, Кадырбаевым Абдрахманом, заведующим учебной частью опытно-показательной школы Казпедвуза в Ташкенте Юсуповым Ахмет-Сафи, с Галимжановым Файзуллой — доцентом Восточного факультета САГУ, с Михаилом Слониным — доцентом, заведующим учебной частью Казпедвуза в Ташкенте.

В конце июня 1927 года я, Омаров, из Ташкента с Эльзой Адамовной прислал письмо на имя Дулатова Мир-Якуба, в котором просил его переговорить с Байтурсыновым Ахметом по вопросу о знаках математических формул. Вручено ли письмо лично Эльзой Адамовной Дулатову — я не знаю *<тергеушілердің шифр деп жургендері осы — Т.Ж.>*, известно, что Дулатов письмо получил, Байтурсынова я встретил на вокзале. С поездом, на котором я приехал, Байтурсынов отъезжал на Кавказ с целью использования отпуска. С Байтурсыновым я говорил только о знаках математических формул. Букейханов Алихан работал в Москве в Центральном издательстве народов Востока, в качестве кого, — точно не знаю. До августа

или сентября 1927 года вместе с ним проживала в Москве его родная дочь, являющаяся женой Садуа-касова Смагула, бывшего Наркомпроса, Елизаветой Алихановной. Последняя в настоящее время по окончании медфака выехала в Ташкент к месту постоянной службы, в связи с чем Букейханов Алихан вынужден претерпевать неудобства в части питания. Я, Омаров, пытался ходатайствовать через своих знакомых в Кызыл-Орде, в частности через Наркомземов Султанбекова, Габбасова Халела, Нурмакова — предсовнаркома и Токтыбаева — наркомпроса, чтобы Букейханову была создана возможность переехать для постоянных работ в Кызыл-Орду по линии Наркомземов, Госпланов или ЦСУ Казахстана. В связи с задержанием переговорить мне ни с кем из обозначенных, кроме наркомпроса Токтыбаева, не удалось. С последним я говорил в пути, моего возвращения из Кустаная в Ташкент в октябре сего года. Токтыбаев дал обещание содействовать переезду Букейханова в Кызыл-Орду. Заявляю, что с Букейхановым, я лично, Омаров, по этому вопросу не говорил, и поэтому мнение его не знаю.

Показания мои мне прочитаны и записаны с моих слов правильно.

Омаров

(подпись)

Логачев

(подпись)

№ 90. Дополнительно опрошенный гражданин Омаров Елдес показал.

16 октября 1927 г. <...> Излишков земли в Казахстане нет совершенно, и поэтому не может быть и речи о каком-либо переселении в Казахстан из губерний европейской части страны. Русские поселенцы, вселившиеся в Казахстан как до революции, так и после, должны землеустраиваться в последнюю очередь в зависимости от наделения землей коренного населения. Если потребуются в целях

удовлетворения коренного казахского населения, то вселившихся русских поселенцев необходимо из пределов Казахстана выселять.

Казахстан должен входить на добровольных началах в СССР, при вхождении в СССР Узбекской и Туркменской Республики стало понятно значение Казахской Республики. Я думаю, что почти все казахские коммунисты в вопросах, касавшихся казахских интересов, мыслят также, как мы, националисты. В частности в вопросе землеустройства в Казахстане казахские коммунисты вполне разделяют наш националистический взгляд. Конкретные указать списки я не могу, говорю это предположительно, исходя из общих соображений. Между прочим, я, Омаров, говорил по вопросу землеустройства с Токтибаевым Каримом — наркомпросом, он сообщил, что земельные нормы, выработанные Швецовым, не утверждены в Москве и что коммунисты Казахстана, в том числе и он, должны добиваться утверждения этих норм.

№ 91. Дополнительно опрошенный гражданин Омаров Елдес показал.

18 октября 1927 г., г. Кызыл-Орда. Сатпаева Каныша я знаю. Он пришел один из Семипалатинской губернии, инженер. Познакомился с ним я в 1923 году, тогда он представил в Академический центр Казнаркомпроса рукопись алгебры на казахском языке. Я, будучи секретарем научной комиссии при Акцентре, принимавшей участие в разработке терминов по алгебре, был докладчиком по рукописи Сатпаева. В 1927 году с Сатпаевым я нигде и ни при каких обстоятельствах не встречался. В последний раз его видел, кажется, осенью 1925 года в Кызыл-Орде на квартире Дулатова М. В качестве преподавателей при Казпедвузе в Ташкенте состояли следующие лица: Я, Омаров, — по казахскому языку, Досмухамедов

Халел являлся заместителем ректора и ведал всей хозяйственной частью, Ермаков Алимхан по математике, он совмещал должность декана естественно-математического факультета.

<Бұдан кейін «Академцентрдің» жұмысы туралы айтылады — Т. Ж.>.

№ 92. Кулмуратов Тажибай — 38 лет.

Кулмуратов Тажибай — 38 лет, казах аула № 1 Теренозекского района Кызылординского округа, женат, б/п, по амнистии освобожден.

<Түрмеде жүріп Байсейітке қашуға көмектесті деген адам. Ол Байсейіттің түрмеден қашып шығуына көмектескені үшін бір құлынды бие алыпты. Соны баяндаған — Т. Ж.>.

С кем виделся в Кызыл-Орде Карибаев Нурлан, не знаю. У Дулатова я был с Карибаевым всего один раз, в 1927 году, когда Нурлан привел ко мне от Байсеита лошадь и жеребенка. Мы пошли вместе, Нурлан сказал, что у него есть какое-то поручение от Байсеита, какое именно — не сказал. Когда мы пришли, у Дулатова были гости, я остался в передней, а Нурлан зашел к нему и вскоре, вернувшись обратно, сказал, что Дулатов велел прийти утром. Испулова я вовсе не знаю. Больше показать ничего не имею, протокол мне прочитали.

(подпись)

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т. 1. С. 362—369.*

№ 93. 3 февраля 1929 г. Стенограмма. Протокол допроса Адилова Динмухамеда.

(240—251 стр.) <...>* Между прочим, на квартире у Испулова говорилось о Голощекине. Там вопрос о

* Тергеудің басында террор туралы бұрынғы айтылған ойларын сөзбе-сөз дерліктей қайталап ұзақ толғайды — Т.Ж.

покушении на жизнь Голощекина конкретно не ставился. Вообще были разговоры на тему о Голощекине. Принципиально все присутствующие приходили к такого рода мнению, что вообще, если бы удалось, не мешало бы на него произвести покушение, но говорили, что это трудно, это во-первых, во-вторых, если таковое покушение состоится, то это повлечет за собой крупные неприятности. Таким образом, мы втроем вели беседу на эту тему, но конкретного решения на этом собрании вынесено не было.

Во второй мой приезд в Кзыл-Орду после ареста моего брата на эту тему разговора не было. Летом в 1928 году я приехал в Чимкент и виделся с Аймауытовым. Между прочим, у нас с ним зашла речь о Голощекине. Еще до этого я его спрашивал, кто председатель в Чимкентском Губисполкоме — я слышал что там был Макин. Аймауытов мне сказал, что там посадили хулигана. Затем спросил, кто председателем Губисполкома в Жетысу — я знал, что там раньше был Алибеков, на это Аймауытов мне ответил, что там тоже хулиган. Я раньше говорил, что с Аймауытовым я советовался относительно поездки в Ташкент. Между прочим — он жаловался, что творится что-то кошмарное, что все пошло вверх дном, кругом шпионы, агенты, нельзя дышать, ни шагу сделать, всюду беспокойно, всюду следят и т. д.

Казахстан довели до кошмарного состояния, и что всему виною Голощекин. После его приезда все пошло наперекосяк. Таким образом, у нас зашла речь о Голощекине, и вот, не помню, я или он, но вообще мы оба в разговоре принимали участие, подняли вопрос, нельзя ли произвести на него покушение. Аймауытов сказал, что он стоит за покушение. Он мне сказал: «Удастся или нет, я не знаю. Ты поезжай обратно в аул, я заеду в Ташкент, а оттуда в Кзыл-Орду. Поговорю с Ходжановым, с Дулатовым, а когда ты прийдешь своего

человека, я на все вопросы дам тебе ответ». И вот когда я осенью 1928 года послал Нурлана в Кызыл-Орду, просил его узнать у Дулатова, где находится Голощекин. Этим самым я надеялся, что он коснется этого вопроса и что-нибудь скажет. В какой форме передал ему Нурлан, я не знаю, но конкретно через Нурлана я не ставил вопроса о покушении на жизнь Голощекина. Я просто просил его в беседе с Дулатовым узнать, где Голощекин.

Возвратившись к себе, Нурлан говорил, что он Дулатова расспрашивал о Голощекине, и Дулатов ему сказал, что Голощекин сейчас находится в Кызыл-Орде. Также Дулатов сказал, что вопрос о покушении на жизнь Голощекина нужно оставить открытым, потому что если уничтожить одного, все равно появится другой. Этим самым актом будет произведен террор, мы здесь все связаны семьями, так что покушение может дать обратный результат, тем более, что мы сейчас связаны по рукам и ногам и т. д. Аймауытов жил в Чимкенте и часто заезжал в Кызыл-Орду. С ним я говорил летом 1928 года, а разговор с Дулатовым и Испуловым был весной (*1928 ж. деп жазылып 1927 жылға түзетілген*) 1927 года. Когда Нурлан спрашивал у Дулатова, где Голощекин, Дулатов мог подумать, что этим я спрашиваю, не пришло ли время убрать Голощекина. Кто должен был убить Голощекина и где, вопрос также ставился. Надеяться исключительно на свои силы я не мог. Вопрос касался только Голощекина, о других не говорили.

Вопрос: Знал ли Нурлан о том, что Вы предполагали совершить террористический акт над Голощекиным?

Ответ: Нурлан вообще знал, что мы враждебно относимся к Голощекину, что все националисты его ненавидят и что, в конечном счете, не мешало бы его убрать.

В своих предыдущих показаниях я не касался этого момента, потому что вопрос этот не затрагивался.

Когда я вкратце рассказывал историю с момента своего преподавания, Вас стали интересовать моменты, касающиеся Оренбургской, Ташкентской и Средне-Азиатской организаций. К последнему периоду близко не подходили, конкретных вопросов не ставили. Я мог о Голощекине упустить, но я говорю еще раз, что я ни-сколько не боюсь и не боялся этого сказать, поскольку я решил до конца быть правдивым.

На нашем собрании присутствовал и Агабек Байдуллаев. В разговоре он участие не принимал, но был свидетелем этих разговоров. В бытность мою в Чимкенте я с ним на эту тему не говорил, в Сарысу тоже не говорил. Агабек об этом разговоре должен знать.

Вопрос: Какой Вам был последний наказ от Дулатова через Нурлана?

Ответ: Через Нурлана он нам дал такой наказ, чтобы мы жили подальше от населения, примерно за день пути расстояния, постоянно посылали людей для разведки. Это явление он рассматривал как временное. Затем он советовал нам двинуться в сторону Китая, двигаться туда постепенно. По его сведениям как будто бы (250 стр.) в Каркаралинском округе находится вооруженная группа лиц числом примерно 80 человек. В этой группе имеются его знакомые, кто — он не говорил, но советовал связаться нам с этой группой и постараться пробраться в пределы Китая. Он говорил, что они сами ждут ареста, и если они узнают и почувствуют, что готовится облава, то они выберутся из Кызыл-Орды, и где бы мы ни были: в степи ли или в пределах Китая в дальнейшем будут вместе с нами. Он говорил, что единственный выход — пробраться в сторону Китая. Затем он также сказал, что в свой приезд из Москвы Смагул Садвакасов в Кызыл-Орде виделся с ним, расспрашивало нас и, узнав о нашей участи, сказал, что недалек тот момент, когда и он также присоединится к нам. Также просил Дулатов передать нам, чтобы мы

держались крепко. Между прочим, такое заявление С. Садвакасова меня лично укрепило, подняло во мне дух и настроение. Это заявляет такой большой авторитетный работник, крупный коммунист, игравший большую роль в истории Казахстана, работавший в Москве. Я думал так, поскольку С. Садвакасов делает такое заявление, положение действительно невозможное. Казахстан превратился в сплошную тюрьму и что нужно где-то спастись.

О существовании подпольного литературного кружка в Казахстане я ничего не слышал. Определенно установившиеся клички вождей националистов мне неизвестны. В бытность мою в Ташкенте мне вспоминается, что как-то раз Байтасов или кто-то другой показывал мне платформу Жумабаева. Поскольку я сам в литературном кружке непосредственного участия не принимал, я точно ничего сказать не могу.

Д. Адилев (подпись)

Допросил: Начальник Восточного Отдела ПП ОГПУ по КССР — Петров (251 стр.).

№ 94. 4 февраля 1929 г. Стенограмма. Протокол допроса Байдуллаева Агабека.

(272 стр.) С Адилевым Динмухамедом я знаком с 1922 года. Все время находился в своем ауле, был безработным, знакомых мало было и вот потому в 1925 году я поехал к Динмухамеду, — он служил в то время в Чимкенте секретарем Губсуда. Я просил его устроить меня на службу, так как знакомых у него было много. Он мне сказал, что скоро поедет в Кызыл-Орду, и предложил мне ехать с ним. В 1925 году в июле я, он, брат его Аскар и его жена приехали в Кызыл-Орду и остановились на квартире у Ходжанова.

Динмухамед дал мне отношение, в котором говорилось об устройстве моего и его брата Аскара в Уголовный розыск. Нас приняли, меня послали в Аулие-Ату,

а брат не пожелал поехать. Я там послужил до 1927 года и при сокращении штата был уволен.

В начале марта месяца к нашему аулу прикочевал Адилов. В местности Джайылма он услышал, что арестован его брат Байсеит, остановился здесь и послал в Чимкент разузнать, кем и за что арестован Байсеит, Уразбека Наубаева, он сейчас милиционер или рассыльный в Таминском районе. Последний возвратился и сказал, что Байсеит направлен в Кызыл-Орду. Затем он также сказал, что видел Аймауытова, который ему сказал, чтобы сам Динмухамед вернулся бы обратно к себе. Динмухамед просил меня вместе с ним поехать в Кызыл-Орду, узнать о положении брата. Так как я ему обязан, был вроде джигита, вынужден был согласиться, но предварительно просил отпустить меня посоветоваться со своей матерью и родственниками.

<Бұдан кейін олар Қызыл-Ордаға барады. Д.Әділевтің өзі далада сексеуілден күрке жасап, сонда қалады. Ағабекті Испулов арқылы С.Сәдуақасовқа жібереді С.Сәдуақасов арқылы С.Сейфуллинге хат жолдайды. Олар Испуловтың үйінде кездеседі — Т.Ж.>

Динмухамед говорил о покушении на Голощекина. Испулов ничего не сказал, а Дулатов ответил: «Что если убрать Голощекина, на его место будет назначен другой, от этого пользы не будет». С ним согласился и Испулов.

<Бұдан әрі Әділевпен бірге қалай ұсталғанын, Дулатовқа тілше әкелгенін айтады. Көрсетінді олардың ұсталуымен бітеді. — Т.Ж. >.

№ 95. Джаленов Карим Жаленович.

(252 стр.). Джаленов Карим Жаленович, Уральская губерния, Байгуждинская волость, Жемпейтинский уезд, аул. № 4. Образование среднее, прослушал курс с/х института. Жена — Жаленова-Сергеева —

33 лет, учительница, г. Гурьев. До 1916 г. учился, по 1.03.1917 г. был на тыловых работах. В 1923—1924 гг. учился на курсах с/х института. Служил в Кирипро-се. С 1924 г. — на плановой работе (имеется фото).

Арестован — 8.01.1929 г.

Уральский окружной отдел ОГПУ, ордер № 49. Допрошен 6 февраля. Обвинение не предъявлено.

№ 96. 6 февраля 1929 г. Протокол допроса Джаленова Карима.

Джаленов Карим, 40 лет, последнее местожительство — г. Гурьев <Жогарыдагы анкеталық жауаптар қайталанасы>.

В 1916 году был на фронте, оттуда меня вызвали в Киргизский организационный комитет в Уральске. Это было во время Временного правительства.

Видимо, не только я, но и вообще вся интеллигенция киргизская тогда не понимала происходящие события, и у нас было единственное желание — добиться автономии. Я в то время был убежденным националистом и тоже стремился добиться автономии. Определенной практической платформы не было, партии не было, эта партия впервые была образована в 1917 году в Семипалатинске — партия «Алаш», но программа до нас не дошла, и мы об этом ничего не знали. Партию эту организовали, кажется, Букейханов, Байтурсынов и Дулатов. В первое время мы думали, что автономия будет осуществлена Учредительным собранием. В декабре после Октябрьского переворота в Оренбурге был созван Киргизский съезд, собственно, это не был настоящий съезд, а были только приглашенные люди. Организаторами этого съезда были Букейханов, Байтурсынов, Дулатов, если не ошибаюсь. На этом съезде было вынесено постановление, которое позднее дошло до нас: об осуществлении автономии путем этого Учредительного собрания.

Относительно двух миров в центре мы ничего не знали и понятия не имели даже. Тогда был брошен лозунг «сохранить киргизский народ от грабежа со стороны казаков», и под этим лозунгом была организована народная милиция, но в процессе организации постепенно, опять в целях сохранения, защиты интересов киргизского народа, как будто бы входили в соглашение с казачеством, с организовавшимся казачьим войсковым правительством. В Уральской области было Западное отделение Алаш-Орды, возглавляемое Досмухамедовым Жаханшой. Я в то время был членом областной Земской управы. Мы хотели защитить казахов от казачьего населения. Соглашение с казачеством заключалось в том, что они обещали нам помочь в виде добровольных пожертвований оружием, а мы им лошадей и т. д. Земство тогда как бы являлось подсобным органом Алаш-орды. В это время и была организована народная милиция. Мы вступили в соглашение с Уральским казачеством. При переговорах с казачеством, конечно, выставлялся лозунг «Борьба с Красной армией», но на деле, как я говорил, существовала политика, которая заключалась в том, чтобы параллельно с соглашением с казачеством организовать отряд для того, чтобы оградить народ от грабежа и насилия. Все это было в 1918 году.

В начале 1919 года город Уральск был захвачен красными войсками, и с 1919 года начались переговоры с представителями Туркфронта Лежавой Мюратом, о которых знал только Досмухамедов Джаханша, который их вел. Досмухамедов с народной милицией объезжал северную часть области, но с какой целью ездил, я не знаю. Тогда на севере красных не было. Были ли столкновения, не помню, но помню, что отряд выезжал. Лежава Мюрат предложил выступить против казаков. Мы об этом ничего не знали, только узнали, когда Уральск был захвачен 3-м татарским полком.

Когда велись переговоры с этой армией, и народная милиция выступила против казачьего полка, дивизия, которая находилась в районе Кызыл Кум, и штаб полка был взят, отряд разоружен — на третий день подоспел и татарский полк. Затем приехал уполномоченный Туркфронта, фамилии сейчас не знаю, и представитель Кирревкома Бегимбетов. Это было в начале января 1920 года. В конце 1919 года мы соединились с татарским полком. Там же в это время организовалась Советская власть. Зимой 1920 года многих работников отправили в Оренбург распоряжением Кирревкома. По приезду в Оренбург 5 человек направили в распоряжение ВЦИК: Досмухамедовых обоих, Ашимбаева, меня и Кашкимбаева. В начале июля нас отправили обратно распоряжением Кирревкома, где я был в качестве секретаря. Это было в г. Оренбурге. Работал я там до середины октября. Затем по приглашению представителя ТурЦИКа поехал в г. Ташкент. В Кирипрос со мной поехали Испулов, затем несколько мугалимов из Семипалатинска. В Ташкенте я был преподавателем в Кирипросе. В это время в Ташкенте были: Досмухамедовы, Кашкимбаев, потом через некоторое время приехал Дулатов; Беремжанов был в редакции «Ак жол». По вопросу размежевания приезжали летом в 1921 году Байтурсинов и Мурзагалиев. Там же был Болгамбаев, Адилов, который служил в Кирипросе. Адилов приехал из Оренбурга. О цели его приезда ничего не знаю. С Болгамбаевым встречался редко, а с Адиловым часто, потому что были в одном Кирипросе. Однажды было устроено совещание по поводу устройства помощи голодающим. Помню, снимались на фото Досмухамедовы, Дулатов, Кашкимбаев, Испулов, Дивелев, кажется. Я не знаю, где он служил, но впоследствии он был Наркомом земледелия в Кир-республике, по национальности казак. Мы снимались, кажется, по случаю отъезда Дулатова. Инициатором

этого были не то Болгамбаев, не то Беремжанов. С Беремжановым часто встречались. Вообще с теми, которых я перечислил, мне приходилось встречаться часто. Собрание по вопросу помощи голодающим происходило в институте. Это было большое собрание. Собрались у Досмухамедова Халела просто в гости.

Валидова видел в 1920 году, когда мы с ним и познакомились. В 1922 году я знал, что он приезжал в г. Ташкент — приезжал он конспиративно, но с целью явиться в ЦК партии. С ним я тогда встречался, его привел ко мне Беремжанов и снова познакомил, так как я его уже забыл, хотя один раз и знакомился. Валидов сказал, что подал заявление в ЦК партии и приехал договариваться относительно того, чтобы сдать. Беремжанов привел его ко мне в институт, где никого кроме меня не было. Я узнал, что он скрывался в Самаркандской области, но он не сдался, причин этого не знаю. После этого я еще его видел в институте, когда опять был один. Он мне говорил, что переговорил с ответработниками, не договорился и уезжает в Персию. С кем вел переговоры, этого он мне не сказал. Он был еще у Беремжанова.

В 1921 году, кажется, Беремжанов ездил в Бухару по сбору пожертвований для голодающих, другой цели его поездки не знаю. В это время, очевидно, не все стояли на советской платформе. Я в то время не верил в строительство социализма, активно не выступал, но убеждения были таковы, что при разрозненном крестьянстве строительство социализма невозможно. Ни в какой политической организации не состоял. Неверие в строительство социализма у меня продолжалось до 1923 года, когда я уехал из Ташкента.

Ни о каких фактах существования антисоветской организации не знал. Разговоров о Валидове не было. Вообще мне было только известно, что Беремжанов ездил в Бухару для сбора пожертвований.

Когда было дело тургайских работников, я находился в Уральске. Об этом процессе ничего не знал, знал только о процессе Байтурсынова. Его и Дулатова судили за присвоение пожертвований голодающим.

У Досмухамедова в Ташкенте в институте бывали разговоры, на которых присутствовал Испулов, — это были частные разговоры: Досмухамедов выдвигал необходимость ускорения землеустройства и затем приостановить дальнейшую колонизацию узбеков в Чимкентском районе, о расширении сети просветительных учреждений среди киргиз. Это было в 1922 году.

Реальных последствий не было, так как Испулов еще раньше состоял членом Коллегии Наркомзема, а в Наркомпросе был Табынбаев.

Когда я был в Уральске, таких совещаний не было (256 стр.).

Джаленов (подпись).

Допросил: Начальник Восточного отдела ПП ОГПУ по КССР Петров.

№ 97. Об аресте гражданина Дулатова Мир-Якуба.

(259 стр.) Гражданина Дулатова Мир-Якуба от занимаемой им должности литературного сотрудника в редакции газеты «Еңбекші қазақ» — отстранить с 3-го января сего года, т.е. с момента привлечения его к ответственности, о чем сообщить по месту службы Дулатова редакции газеты «Еңбекші қазақ».

ПОМОЩНИК начальника Восточного отдела — Саенко.

«Согласен», начальник Восточного отдела — Петров.

«Утверждаю», ПолПРДЕ ОГПУ по КССР — Волленберг. 11/II—29 г.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.
Т. 1. С. 347—354.*

№ 98. 20 июня 1929 г. Дополнительно опрошенный гражданин Омаров Елдес показал*.

<Мұнда: Колчак құлаган соң 40 адамның Атбасарға барғаны, одан Семейге келгені айтылады — Т. Ж.>.

Позднее часть из этих лиц направились в Семипалатинск. Я же вместе с Танашевым Сабиром и Калидханом и с женой Кадырбаева возвратились. Я и Танашев Калидхан поехали к Жангильдину с повинной. Он направил нас в Киреевком в Оренбург. Прежде чем поехать в Оренбург, я приехал к себе в аул и жил там около месяца. Затем поехал в Оренбург, вернее, через Оренбург в Москву, в качестве уполномоченного от казахских волостей, входивших в состав Челябинского уезда, с ходатайством о присоединении их к Казахской Республике. В Оренбурге я задержался около месяца, так как узнал, что в Москву должен ехать Байтурсынов, с которым я и собирался вместе ехать, имея в виду, что самостоятельно мне будет поехать трудно.

В Москве жил около месяца вместе с Байтурсыновым. Также в Москве в это время из казахских работников были Ермаков, Букейханов Абдулла. Вместе с нами приехал Калиджан Танашев. Затем мы узнали, что под Москвой верстах в ста находится Сейдазы Кадырбаев, сломавший во время пути себе ребро. Об этом нам в председательстве сообщил лично Закки Валидов, вместе с которым ехал в Москву Кадырбаев. Каким образом Кадырбаев попал к Валидову, точно припомнить не могу. Очевидно, он заехал к нему по пути в Москву с целью при его содействии добиться амнистии.

Помню, однажды мы устраивали под Москвой пикник, в котором участвовали я, Абдулла Букейханов,

* Осы бетте Елдес Омаровтың суреті бар: шашы қысқа, шоқша сақалды, мұрты басылған, жұқа, қасы-көзі ашық. Арық. Қабағы түйілген. — Т. Ж.

Байтурсынов, Танашев. Кроме того, были несколько человек работников башкирского и татарского председательств, в том числе помню фамилию Сеидгалиева или Султангалиева, но кто из них был на пикнике, точно не помню. Пикник был обычным мещанским обедом — пили водку и т. д. С нами были женщины — жены башкирских и татарских работников.

После этого случая с Валидовым я не встречался. Обсуждали ли мы на этом (4 стр.) пикнике политические вопросы, в частности вопросы, связанные с положением в стране и на окраинах, не помню. Возможно, такие разговоры и были. Байтурсынов в то время уже был членом ВКП(б) и вел агитацию среди б/партийных работников за вступление в партию. В частности Байтурсынов предлагал вступить в партию и мне. Ермеков также целиком поддерживал Байтурсынова, но почему-то в партию не вступил. Была ли общая установка деятелей Алаш-Орды по отношению к ВКП(б), я не помню. Лично я также разделял мнение Байтурсынова, Букейханов Алихан стоял на такой же точке зрения.

Как я сказал выше, после встречи с Валидовым в Москве я его ни разу не видел. Переписки с ним никогда не вел, а также не знаю, кто вел с ним переписку из деятелей Алаш-Орды. Случая, когда Байтурсынов получил от Валидова из Бухары в 1921 году письмо, я не знаю. Болганбаева Хайретдина я знаю с 1917 года. Мы с ним вместе работали во время империалистической войны в городе Минске по обслуживанию реквизированных на тыловые работы казахов. В 1921 году мы вместе с ним работали в Совпартштабе в городе Оренбурге. Затем он уехал в город Ташкент. Почему он уехал, я не знаю, и он мне не говорил. О том, что Болганбаев выехал в Ташкент по поручению подпольной организации после получения письма от Валидова, я не знаю (5 стр.).

(подпись)

№ 99. 23 июня 1929 г. Дополнительные показания гражданина Болгамбаева Хайретдина.

<...> Вопрос: При поездке в Ташкент получали ли вы от Букейханова письмо на имя Дулатова или еще кого-либо?

Ответ: Передавал ли со мной Букейханов письмо в Ташкент на имя Дулатова, я не знаю. Возможно, что передавал, но в моей памяти обстоятельств, связанных с получением от Букейханова письма и передачей его Дулатову, не сохранилось (6 стр.)

№ 100. 24 июня 1929 г. Дополнительный допрос обвиняемого Аймауытова Джусупбека*.

Впервые с платформой «Алқа» я столкнулся в Оренбурге в начале 1925 года при следующих обстоятельствах. Я работал в редакции «Ақ жол» в городе Ташкенте и приезжал в город Оренбург на каникулы. Во время этого приезда я встретился в редакции с Сарсембиным, который сказал, что у него ко мне дело. На этой встрече присутствовал Алдунгаров, и мы условились встретиться на квартире последнего. Сарсембин добавил, что помимо меня еще будут некоторые лица. Оказывается, что Алдунгаров с платформой был знаком.

На следующий день или в тот же день во время обеда мы встретились на квартире Алдунгарова, где были: Сарсембин, Алдунгаров, кажется, был Сегизбаев и другие, фамилии которых я не знаю. Насколько я помню, это были кустанайские студенты, Сарсембин стал читать платформу «Алқа», пояснив, что она составлена московскими студентами с участием Жумабаева. Позднее, путем переписки с Жумабаевым, я выяснил,

* Мұның алдында Жүсіпбек Аймауытов 1929 жылы 16, 21, 23 мамыр күндері жауапқа тартылған. Ж.Аймауытов туралы сұраулар мен анықтамалар жан-жаққа жіберілген болатын — Т.Ж.

что эту платформу писал Жумабаев, так как она была написана его почерком. Участвовали ли в этом деле Букейханов Алихан и Байтурсынов Ахмет, я не знаю, и Сарсембин об этом не говорил. Он сообщил, что читал платформу Байтурсынову, но какое мнение высказал по этому поводу Байтурсынов, я не знаю. Кому еще Сарсембин читал платформу, он не говорил. После чтения платформы я взял на заметку некоторые пункты ее, с которыми не согласен, и заявил, что по этим пунктам я сам напишу Жумабаеву. Точно не помню к чему сводились эти пункты.

Присутствовавшие спрашивались у Сарсембина, существуют ли кружки, подобные «Алқа», и есть ли возможность организации таковых. Сарсембин отвечал, что в Москве среди русских писателей действуют кружки наподобие «Алқа», и возможность организации кружков «Алқа» у нас имеется. В заключение Сарсембин сказал, что если кто-то будет согласен с платформой и участвовать в кружке, пусть сообщает в Москву Жумабаеву или ему, Сарсембину. Вследствие того, что я не был знаком с литературными течениями, я письмом запросил Жумабаева выслать мне какую-нибудь книгу по этому вопросу. Он выслал сборник под названием «От символизма до Октября».

В Оренбурге кружок организован не был. Может быть, без меня и был создан, но я этого не знал, так как вскоре уехал в Ташкент. Там я снова столкнулся с этой платформой, которая была прислана из Москвы на имя Кеменгерова Кошмухамеда. Однажды я, Кеменгеров, и Байтасов и еще два неизвестных мне студента на квартире Кеменгерова обсуждали снова эту платформу в плоскости возможности организации кружка «Алқа» и выявлении лиц, согласных и не согласных с ней (7 стр.).

В принципе, с организацией кружка все присутствовавшие согласились, кто с какими пунктами не

согласен, должен написать в Москву Жумабаеву. Все согласились, что участники кружка должны будут писать произведения на основе платформы, созвать свой съезд и обсудить литературные вопросы, так как казахская литература очень молода и бедна.

В общем, задача кружка должна была сводиться к тому, чтобы содействовать развитию казахской литературы.

Инициативу по созыву съезда, по мнению указанных лиц, должны были взять на себя москвичи — казахские студенты. Позднее я лично вел переписку с Жумабаевым о том, где удобнее созвать съезд: в Москве, или в Оренбурге, или в Ташкенте. Большинство мнений сводилось к тому, чтобы съехаться в городе Ташкенте. Кружок «Алқа» после указанного совещания организован не был, так как потом мы ни разу не собирались. Платформа была возвращена Жумабаеву. Подписывал ли я платформу, не помню, а также не знаю, подписывали ли ее другие (8 стр.).

Были ли выпущены какие-либо произведения на основе этой платформы, я не знаю. Я лично на основе платформы ни одного произведения не писал. Снимали ли для себя копию платформы Кеменгеров и Байтасов, я не знаю. Что же касается меня, то у меня никакой копии не осталось. Позднее я продолжал переписку по поводу платформы с Жумабаевым и Ауэзовым.

Статью о художественной литературе за подписью «Екеу» («Двое») я читал. Авторами ее являются Байтасов Абдулла и Искаков; был ли последний на совещании, где обсуждалась платформа, точно не помню, кажется был. Статью я читал в рукописи, ее мне привозил в г. Чимкент один из студентов какого-то ташкентского вуза или рабфака. До этого я был в Ташкенте, виделся с А. Байтурсыновым и Искаковым, которые мне говорили, что в газету «Еңбекші қазақ» они также хотят написать статью о художественной литературе. Я про-

сил их показать ее мне, когда она будет готова — может быть, я внесу какие-нибудь поправки. В результате этой договоренности статья и была прислана мне упомянутым студентом в г. Чимкент. Это было зимой в первой половине 1927 года. Кажется, я внес в статью кое-какие поправки и возвратил, высказав мнение, что ее можно будет пустить в печать. Когда появилась статья в газете, то я слышал о ней личный отзыв Ауэзова, который одобрил ее целиком. Была ли после моей корректировки статья у кого-нибудь из казахских литераторов, в частности у Дулатова, я точно не знаю. Целиком стоящей на платформе «Алқа» эту статью я не считаю» (9 стр.).

Аймауытов (подпись).

№ 101. 26 июня 1929 г. Дополнительный допрос обвиняемого Байтлеуова Дамуллы.

Сейчас, в связи с заданными мне вопросами, припоминаю, что когда Валидов и Беремжанов написали письмо, адресованное Дулатову, перед моим отъездом из Берлина, я с написанного письма все знаки переписал к себе в записную книжку, а часть их написал в книгу, где я производил запись руководства по кожевенному делу. Не помню, в каком виде я передал письмо Дулатову: переписал ли я его из записной книжки, вырвал ли листок, а заметки из книги по кожевенному делу выписал. Во всяком случае, все это я передал Дулатову. Помню это отлично. Переписывал я в присутствии Беремжанова и Валидова по их указаниям — что и где писать. Поэтому сказать точно, производилась ли запись зашифрованного по хронологии страниц книги в соответствии с последовательным изложением письма, не могу. Как я переписывал зашифрованные заметки из книги для руководства по кожевенному делу — в хронологическом порядке или вперемешку, сейчас не помню (10 стр.).

<Содан кейін: «Аптаж», «Хадрез», «Сашгаф», «Кайлем», «Нути», «Латиф», «Загиди», «Загид», «Л-кадан» деген і сөздерді блокноттан жазып алғанын айтып, оның әр беті мен әр күнін көрсетеді — Т. Ж.>.

№ 102. 26 июня 1929 г. Дополнительный допрос Беремжанова Газымбека.

Будучи заграницей, я корреспондировал в газету «Ақ жол» всего два раза. Первый раз написал о своих дорожных впечатлениях сразу же по приезду в Берлин. Второй раз я перевел обращение узбекского студенчества, находившегося за границей, на казахский язык и послал это обращение в «Ақ жол». Было ли оно помещено в газету, я этого не знаю.

Обращение о материальной помощи узбекского студенчества было связано с тем, что, уезжая учиться за границу, мы взяли денег на один год, но вследствие инфляции, как в СССР, так и в Германии, нам денег не хватило. Вот в связи с этим узбекское студенчество и решило написать обращение (12 стр.).

Он (Валидов) приехал, когда я учился в университете. Он пришел ко мне на квартиру. Как он узнал мой адрес, я не знаю, но твердо помню, что с ним я не переписывался. Мог он узнать мой адрес в Париже, откуда приехал от Чокаева Мустафы, который вскоре после приезда нашего за границу посетил Берлин и был у туркестанцев, но с ним, очевидно, был знаком Мунайтпасов, так как они происходят из одной местности. Мы несколько раз встречались с Чокаевым и бывали у него на квартире. Он у нас также бывал. Жаловался на свое материальное положение.

Со стороны советского представителя было предложено возвратиться из эмиграции с гарантией неприкосновенности, но он, Чокаев, отказался (12 стр.).

В связи с тем, что он писал в газетах против советской власти, основываясь на клеветнических «фак-

тах», я задал ему вопрос: «Почему он так делает?». Он также уклончиво ответил, что по принципиальным вопросам он писать пока не может. Я понял, что этому есть причина, заключающаяся в том, что поскольку он сотрудничает с газетами, возглавляемых белой русской эмиграцией, то не имеет права выдвигать принципиальных, спорных с ней вопросов. О непосредственной организованной своей работе против СССР Чокаев не говорил. Жил он в Берлине неделю, а затем снова уехал в Париж. Когда приехал Валидов, то рассказал, что виделся с Чокаевым, но о результатах этого свидания не рассказал. Валидов сначала остановился у меня, а я уже подыскал ему в тот же день квартиру, где он жил до своего отъезда в Константинополь. Я у Валидова на квартире бывал, а также бывал он у меня. Вел ли он антисоветскую работу — я не знаю, и он мне об этом не говорил. В результате он все время выдвигал идею о независимом Туркестане, но как он думал осуществить это организацию, не говорил. Он был недоволен Чокаевым за то, что тот связан с русской белой эмиграцией. Когда из Берлина уезжал в СССР Битлеуов Дамулла, Валидов был в Берлине, наверное, на квартире у меня он перед отъездом Битлеуова был. Последний перед отъездом жил у меня, я его провожал на вокзал один. Передал ли Валидов с Битлеуовым письмо Дулатову и другим, я не помню. Раз Битлеуов дает такие показания, то, видимо, письмо передал. В составлении шифрованного письма, как показывает Битлеуов, я участие не принимал и не имею никакого представления о шифрах. Предъявленные мне шифрованные заметки написаны в большинстве от руки Битлеуова. Некоторые из них, судя по орфографии, а не по почерку, который определить трудно, принадлежат Валидову. Хотя возможно, что для шифра слова и орфография роли не играет (13 стр.).

(подпись)

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т. 1. С. 372—377.*

№ 103. 26 июня 1929 г. Показание Калабая Бекдуллаева.

Калабай Бекдуллаев, 22 лет, г. Кзыл-Орда; ул. Атбасарская, 2. Комсомолец с 1921 года, казах, батрак, преподаватель школы, женат.

<...> Аймауытова Жусупбека знаю с 1921 года, по его словам, он является сыном одного из крупных мулл-фанатиков Акмолинской губернии.

С 1926 по 1928 год состоял преподавателем Чимкентского педтехникума. За время пребывания в упомянутом учебном заведении зарекомендовал себя как ярый националист алаш-ординец. Везде и всюду старался привить студентам националистический дух. Так, например, из числа возвращенных из глвлита недопущенных к изданию своих литературных произведений книги раздавал для чтения курсантам. Особенно среди старшеклассников имело место распространение книги-рукописи под заглавием «Ақбілек» — книга эта написана в алаш-ординском духе, в которой он призывал старых казахских интеллигентов к объединению, указывая, что советская власть бороться с ними не в силах и т. п.

Кроме того, он давал читать студентам один из старых номеров газеты «Ақ жол» (кажется, 1923 г.), в которой имелась его статья под названием: («Қилы, қилы заман болды, Қарағай басын шортан шалды»). В этой статье он выражал свое недовольство и недоверие к существующему строю.

Кроме указанных выше литературных произведений, среди студентов педтехникума также распространялись и другие его книги, как-то: «Сылаң қыз», «Мансапқорлар» и др. Эти книги по своему содержанию не могут служить каким-то подсобным материалом для студентов, ибо они составлены в националистическом духе. О них имелись рецензии в газете «Еңбекші қазақ», в которых указывалось, что

эти книги для казахской литературы не нужны как составленные в антисоветском духе.

Во время уроков по литературе в педтехникуме Аймауытов как преподаватель этого урока больше всего уделял внимание тому, чтобы студентам приводить разные ненужные примеры и выдержки из стихотворений и поэзии Магжана Жумабаева и Абая, в общем и целом студенты от его лекций никакой пользы, можно сказать, не получили (106 стр.).

Во время выпуска группы студентов из педтехникума весной 1928 года неизвестным лицом были расклеены на улицах города Чимкента алаш-ординские воззвания. Как я полагаю, и уверен в том, что эти воззвания являются делом рук Аймауытова и студентов, находившихся под его влиянием, в частности сотрудника Губсуда Досова (арестован СО ООГПУ).

До появления этих воззваний Аймауытов особенно дружил со студентами Избасаровым Алимбеком (брат находится ныне в эмиграции — казах Мустафа Чокаев) и Хамитовым Али-Айдаром (тоже имеют родовую связь с Чокаевым). Эти студенты нередко приглашались Аймауытовым к себе на дом (107 стр.).

<Бұдан кейін: Ленинді мазақтағаны үшін оқудан шығарылған студенттерді Жүсіпбек Аймауытов қайта қабылдатты. Өз кітабынан үзінді оқиды. Байдың, молданың балаларын үйіне шақырады — дейді — Т. Ж. >.

Если отдельные студенты задавали ему вопрос: «Почему, мол, Вы не вступаете с нами в беседы на политические темы?» Он всегда отшучивался, говоря: «Мы в политику не вмешиваемся, ибо наши права в этом отношении ограничены и т. п. (209 стр.).

<...> Особенно Аймауытов большой популярностью пользовался среди артистов казахского нацтеатра. Имел с ними тесную связь, в частности с директором

Госнацтеатра Шаниным, Джандарбековым Курманбеком (бывший студент Казинститута в Ташкенте, в котором в качестве преподавателя состоял Аймауытов), Байзаковым Исой и Амре (оба — национальные поэты). Эти артисты во время остановки в Чимкенте находили приют в квартире Аймауытова, как бы сожываясь, что близкие его товарищи» (110 стр.).

<...> Кроме того, Аймауытов поддерживал живую связь с видными националистами в городе Кызыл-Орде: с Байтурсиновым, Дулатовым и др. преподавателями краевых учебных заведений, путем личной поездки в упомянутый город. За время пребывания в Чимкенте с 1926 по 1927 год четыре раза ездил в Кызыл-Орду.

«Расклеенные в 1928 г. в городе Чимкенте алашординские воззвания вызывали среди студентов педтехникума разговоры о том, кто являлся их авторами и кто их распространял, но, судя по почерку, мы, студенты педтехникума, пришли к заключению, что таковые написаны рукой сотрудника Сырдарьинского Губсуда Досова и студента Ирназарова Алибека — близкие лица Аймауытова» (111 стр., 3 т.).

<Бул Қызылордада мұғалім боп істеген. Осы томның соңында: Д.Әділев: Қызылордадан Константинопольге дейінгі қалаларды схема арқылы сызып көрсетіп, әр қаладағы қылмысты топтардың мүшелерін атап, «Ташкент тобы, Москва тобы, Семей тобы — 1921, 1922—23 жылдары» деп тізім жасап берген — Т. Ж. >.

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Т. 1. С. 390—392.

№ 104. 29 августа 1929 г. Заключение Испулов М. И., ком. № 70, подал записку.

Заключение Испулов М. И., ком. № 70, подал записку заключенному Булату М.-Я. (Дулатов),

62 комн., через окно во время прогулки с 62 комн. Прогул. 2-й корпус. Исеева*.

№ 105. 29 тамыз, 1929 ж. Тұтқындар жазған тілше.**

Жауап басталды. Бірте-бірте бәрімізге де келеді ғой, сондықтан, мүмкін болғанынша соларды бір ізге салған жөн. Бұрынғы айтылғандар, әлбетте, өзгертілмейді, қалады ғой. Менің айтқаным — жаңа мәселелер қозғалуы тұсында. (*Осы араға «Ө» белгісі қойылған — Т.Ж.*) Мұндай болатыны мына жауапқа барғандарды сұрағандарынан көрініп тұр ғой. «Көпірде түйенің үлкені таяқ жейдінің» кебі келсе, әлбетте, салмақ төртеуімізге түседі. Бұл анық. Ғазыға: айтқаныңнан қайт, тәубе қыл, Қужақты тәуір көресің бе, оның жүргізіп жатқан саясаты дұрыс па, жікке

* Демек, Мырзағазы Есполов түрме ішіндегі серуен кезінде М.Дулатовтың терезесінен тілшені ішке лақтырмақ болған сәтінде қарауыл Исеева байқап қалып, қолға түсірген. Тілшенің сөзі қысқа. Емеуріні көп. Түсінікті деген жерлеріне көп нүкте қойылған. «Ө» деген белгі сөз арасындағы қосымшаны білдірсе керек — Т. Ж.

** Тілшені жазуға екі не үш адам қатысқан. Жоғарыдағы айдауылдың көрсетіндісіне орай, олардың екеуі Міржақып Дулатов пен Мырзағазы Есполов деп толық сеніммен айтуға болады. Ал үшінші адам кім? Ахметсафа Юсупов па, Халел Ғаббасов па, әлде Ғазымбек Бірімжанов па? Сондай-ақ мұндағы адамдардың аттарының барлығы да лақап есімімен аталған. Ал олардың кім екенін нақты ажырату мүмкін болмады. Қолжазбаны толық оқыған адам іштей жорамалдап біле алады деп ойлаймыз. Тілшенің М.Дулатовқа арналғаны, М.Есполовтың қолынан алынғаны анық. Сонда бұл сөзді кім бастауы мүмкін? Мұндағы «Қужақ» деп отырғандары — Голощекин. Ал «Ғазы» деп Мырзағазы Есполовты айтып отыр ма, жоқ, Ғазымбек Бірімжановты айтып отыр ма, оны тек қисынмен қиыстырып барып түсінуге болады. Ғазымбектің көрсетінділерінде әшкере мазмұн байқалмаған. Демек, «салмақ түсетін төртеудің» қатарына жатпайды. Ол төртеу, біздің ойымызша, «Алашорда» үкіметінің әскери кеңесінің мүшелері — А.Байтұрсынов, Х.Ғаббасов, М.Дулатов, М.Есполов. Сонымен, 86-беттен басталатын түрме тілшелерінің мәтіні мынадай: — Т. Ж.

«бөлген», айтқаны ұлтшылдық... (дедім). ...Міне осындай, бұлардан басқа да осы секілді мәселелерді көтерулері мүмкін деп ойлаймын. Міне, осыларға қай тұрғыдан жауап береміз. Соған ақылдасуымыз тиіс.

<Бірінші адам>: «Мен бұлай ойлаймын: біз Кеңес жағындамыз. Қазақ үшін пайдалы (іс) жасауымыз керек (Осы араға тағы да «Ө» белгісі қойылған. Біздің жорамалдауымызша, жоғарыда қойылған осындай белгінің орнына қойылып оқылатын мәтін осыдан кейінгі жолдар болуы тиіс). Өзіңе мәлім, біз бәріміз де Кеңеске адал қызмет қылып келдік. Жасырын ісіміз еш болмаған. Бірақ бұл сөзде қазақтың бар мақсұты орындалды дей алмаймыз. Толып жатқан мақсұттар бар жүзеге шығаратын. Оның бер жағында Қужақ барғаннан бастап отаршылдық саясат басталып, (қарқынды) жүріп жатқанын айту керек.*

Қазақтың жерге орналасуының өзгермегенін; үстіндегі (алдағы — Т. Ж.) 5 жылда 320 мың іштен түкті ауыздарды көшірмекші болып отырғанын; қазаққа берілген жақсы жерге кеңес шаруаларын салып жатқандарын; шаруа жүзінде қазақ малына тиісті қам қылмауларын; малдың (тәргілеу науқанын) орындату, не еш фабрика-заводтың жоқтығын (айту керек).

Сауда-саттық жайында: Казторг, Упсырзаг, госплан, складтардағы қазақстандықтарды жойып, мұнда байлағаны. Мәдениет майданын да шала етіп (жүргізіп жатқандығы), жастардың елге аттанысы, елді Кеңестен бездіретін талау болып жатқан жұмыстар жайында. Басқару жөнінде: қазақтың қолынан жұмыс келетіні аз. Азаматтарының бірі — ұлтшыл, бірі пәлен деп, партиядан айдап, ылғи

* Мұндағы мәселе, Торғай оқиғасын қамтиды. Ал жазу мәнері өрқилы. Келесі жазу басқа адамдікі, алдыңғыға жауап болуы мүмкін және бұл М.Дулатовтың сөзі деп сеніммен айтуға болады — Т. Ж.

оңбағандарды жинап алып, қазақ атынан жұмыс жүргізіп жатқаны, мекемені қазақтандыру жөнінде орысты ақша шығарып оқытып жатқандығын... Тап күресі деп қазақтың қалтылдаған шаруасын күйзелтіп жатқанын, қысқасы, отаршылдық саясаттың барлап жатқанын түгел айту.

Міне, біз бұған қарсымыз, риза емеспіз. Бұл ұлтшыл болғандықтан емес, Лениннің ұлт саясатын дұрыс жүргізбегендіктен, «Декларация прав народовта» орын берілген құқықтарды жүзеге асырмағандықтан. Бізді ұлтшыл деген — жапқан жала себепті, ұлтшылдықтың мағынасы: екінші ұлтты жұту, ойран қылу. Бұл бізде жоқ, болуы да мүмкін емес. Біз: «Қазақ шаруа, мәдениет майданында басқа ұлттармен тең болуы керек», — дейміз. Ол ұлтшылдыққа жатпайды, мұны «Декларация правта» кеңес өкіметі өзі беріп отыр. «Өлгеніңді жасырарсың — көмгеніңді қайтерсің?» дегендей, бізге бұғуға болмайды.

Бұл ірі орын — білсін, біз айтпағанда, кім айтды. «Жығылсаң жардан, ажалың әлдеқайдан». Бұл жерге келген соң — тәуекел. Санасуға тиісті, осы күні өзінің қалы торға тұскен торғайдай, біздің жайымызды түрік газеттері жазыпты. «Әке!» — дегенмен жан қалмайды. Қорғанудың жөні жоқ. Көп болса, қазақ үшін құрбан болармыз — онда тарихи борышымызды өтеген боламыз... (Өз ойыңды) не, жаныңдағылармен сөйлесіп жазып бер. Алдымен шығып терезеден байқап бер, сақ бол. 15... маған: жазғаныңды оқыдым, — депсің. Ол, сөйлескенің мен кездескенің кім, (оқығаның) менің жауабым ба, сені кім, неге оқытты? Пәлен-түгенді айттыңдар ма? «Таран отрядын ұстап беріңдер», — дегенге не деп жауап бердің. Мен «А. О-ның» істегендеріне жауап беремін», — дедім. Мен басқа сұрағанға жауап бермедім, сен не дедің?».

<Екінші адам>: «13-күні мені «Сейсенбектермен» кездестірді*. Жауаптасуда Сұрша мен уақытша орынбасар болып жүрген ұзын орыс болды. Сұраушы ұзын. Оқысаң, менің берген жауабымды көрген шығарсың: ол заманда істелген істерге жауапкермін, ойлаймын жолдастарым да бас тартпайды... — дедім. Осыдан басқа тоқсан түрлі сұрағына жауап бермедім. Ұзынның бір жауабына: мұндай ақымақ сұрауға берер жауабым жоқ, — дегенге ашуланып, мені қорқытпақшы болып сөз сөйлеп еді, мен қорықпаймын, мені қорқыта алмайсың, — деген соң, қойды. Сонан кейін жанымдағы кісіні алып, бұл жаққа жүргенше (Мәскеуге — Т.Ж.) жалғыз болдым».

<Үшінші адам>: «Үйілдің 3 күнгі жауапты тағы да орынбасар сұрады. Арасында Сейсектің айтқаны өтірік деп едім, ол (қағаз алып): «(Міне), Қалмақ бет қазақтың (А.Байтұрсынов — Т.Ж.) берген жауабы, сен оны қорғаштайсың, ал ол сендерді аяған жоқ. Міржақыппен екеуің пәленді, түгенді атты деп отыр», — деді. Қағаздан екеуіміздің атымызды көрдім. Ол сенен: «Ордада Иманның баласын, түгенді аттыңдар ма (деп сұрады ма), Атбасарға кеткен түкті ауыздар туралы сұрады ма, сұраса сен не дедің? Сейсек солар туралы сұрады ма, не дедің? Сейсекпен кездесуді Селеу екеуіміз: бір жағынан — қоқан-лоқы, екінші жағынан — Кесірқараны ұйымнан айдау үшін істеген шығар деп жорыдық, бұл қалай? Нақ осы күні бізді Орда жұмысына айыптар ма? Мені Шашпен кездестірмейді. Мұнысына түсінбеймін. Біздің ісіміз бір... Оларды қалай ол жақта (Алматыда)

* Басқа қағазға жазылған жауаптасулар. Жұқа, жыртық қағаздағы бұл тілшенің мазмұны түсінікті. Мәтіндегі «Қалмақ бет қазақ» — Ахмет Байтұрсынов, Елдес — Елдес Омаров, ал «Кесірқара» мен «Шашты», «Сейсектерді» тек жорамалдауға ғана болады. «Екі рет арыз жазып едім» дегенге қарағанда, бұл Х.Ғаббасовтың не Ж.Аймауытовтың жазуы. Өйткені осы екеуінің түрме бастығына қаратқан өтініштері тіркелген — Т.Ж.

қалдырды. Бізді мұнда (Мәскеуге) әкелді, бұл қалай? Артынан Елдеспен, Шашпен кездестім. Білдірмей кездестім».

<Төртінші адам>: «Мұнда келгенде менің алынған нәрсемен және ақшама екі квитанция берген еді. Соны бүгін алып, нәрселерімді, квитанцияны берді. Ақша жоқ. Ақшамды да береді деп үміттенгенмін... Өйткені мұнда келген соң екі рет арыз жазып едім. «Өткіз, ақша керек» деп. Арыз бойынша мұнда салған шығар деп ойлап отырмын. Маған: Жазба, бермейді, — дейді мұндағы «білгіштер». Мына бергеніне қарағанда бізге жалпақ жұрттан басқашарақ қарағандай ма. Хош десеміз. С.М.М-ды».

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т. 2. С. 226—229.*

№ 106. 2 ноября 1929 г. Дополнительные показания Адилева Динше, данные Павлову.

Моя схема казахской подпольной организации № 1 относится к весне и лету 1921 года и № 2 — к концу 1921 и кончается 1924 годом, особых комментариев не требует, так как о деятельности организации того периода я дал подробные показания в Казахстане. Сейчас требуется детализация схемы № 3, относящейся к деятельности казахской подпольной организации 1925—1928 гг.

Возьмем центры. Центром следует считать Кзыл-Орду. Здесь находились лица, которые фактически возглавляли организацию еще в 1921—1929 гг. Перейдем к персональному обвинению лиц и их деятельности — националистической и организационной — как членов нашей казахской подпольной организации.

Байтурсынов Ахмет — после долгой разлуки я с ним встретился в Кзыл-Орде (1925 г.). В это время он углубился в литературную работу. Никаких с ним лично я разговоров не вел и даже не считал необходимым об-

ращаться по таким вопросам к нему, так как он все же старый человек, уважаемый, мы же, рядовые люди. Но через других я знаю, он ни от националистической и ни от организационной деятельности отказаться не мог. К фактам такого рода до 1925—1928 гг. отношу следующее: первый Байсеитов... Тоже член нашей организации <жыртылган> ... Бакинский тюркологический съезд. После этого Байсеитов мне рассказывал, что они, т. е. Байтурсинов и Байсеитов, пытались провести переговоры с турецким профессором Купреллю Заде главным образом в отношении Валидова. По словам Байсеитова, Купреллю также весьма хотелось поговорить, но, по его словам, за ними следили, потому, несмотря ни на на какие «дедуктивные» ухищрения, никак не удалось устроить подходящей обстановки и переговорить.

Таким образом, через Байсеитова я узнал, что Байтурсинов остался старым Байтурсиновым — он пытался через турецкого профессора если не связаться, то хотя бы обменяться сведениями с Валидовым, находящимся за границей, в Константинополе.

Второй факт: когда я был вынужден находиться в степи и не показывался... В 1928 году я решил послать своего джигита Нурлана... В Кызыл-Орде он явился, как я велел ему, к Дулатову. Этот вместе с Аймауытовым повели Нурлана к Байтурсинову. Здесь Дулатов, обращаясь к последнему, спросил: «Аха, вот джигит Динше Адилева, какую директиву мы дадим?». В ответ на это Байтурсинов сказал: «Ведь с ним уже говорили... Так вы это ему и передайте». Таким образом, видно, что Байтурсинов еще 1928 году играл большую организационно-руководящую роль в нашей организации... (1—2 стр).

<Тергеу осылай жалғаса береді. Д. Әділов бұрынғы берген жауабын тергеуші қайталап сұрап, жаңа детальдар қосып, анықтап оның жауаптарын өзінше бірізге түсірмек болған. Сондай-ақ, Дулатов

Міржақып 1925 жылы Валиди мен Шоқаев туралы айтты. Ол Голощекинге барған-мыс деген іспетті қияли болжамдар да бар. Тергеушілер Қазақстанды білмегендіктен де, кейде былай дейді. Аңызға ұқсатып жібереді. Мысалы, алдыңғы тергеудегі көрсетінділерін үстемелеп, Қызылордаға жасырын келгендегі оқиғаны былай баяндайды>

Затем, я не помню, через Нурлана или еще через кого-либо я дал знать Дулатову о своем приезде. Вскоре приехал на хорошей лошади, помню, в шляпе Дулатов Миржақып. В комнате мы остались вдвоем. В это время, как помнится, произошел разрыв англо-советских отношений. По этому поводу мы вели разговоры, причем Дулатов обрисовывал общее положение и положение в Казахстане в чрезвычайно мрачных красках. Он говорил, «что теперь можно... что нас, хотя и не трогают, могут арестовывать» и т. д., так как нужно ожидать войны, интервенции и, следовательно, падения Советской власти.

У самого у него тоже было весьма мрачное настроение, причем он говорил, что решил уезжать из города, что он сам думает уехать на родину в г. Тургай, где он организует отряд человек в 50—60 жигитов, обмундирует; сказал, что если будет война, то он это сделает обязательно и бесповоротно. Но если даже войны не будет, все равно думает, что на такой же точке зрения будет и Испулов Мырзагазы, и Байтурсынов, и Габбасов Халел, которые тоже покинут город и поедут в аул. Затем он говорил (5 стр.), что когда мы все поедem в аул, в частности вышеуказанные лица, — в Тургай, являвшийся им родиной, то нужно с ними связаться, и вообще, мы должны будем установить по степи живую связь и после того, как он, Дулатов, организует свой отряд и начнет действовать в Тургайском районе, то затем будет установлена связь по всей степи и надо будет поднять всеобщее казахское вооруженное движение. Повторяю: Дулатов сказал, что с ним согласны и

собираются выехать из города в аул Испулов Мирзагазы, Байтурсынов и Габбасов Халел.

Затем Дулатов сообщил, что он имеет сведения о том, что Чокаев находится в Париже, работает секретарем Турецкого посольства, каким образом получил он эти сведения, мы в разговоре совершенно не касались и Дулатов не говорил. Вообще разговор о Чокаеве велся в той плоскости, что вот, мол, везде у нас имеются люди, которые по мере сил и возможности действуют. Чокаев, например, как говорил Дулатов, ездил и в Женеву, к представительству Лиги Наций, в Берлин и вообще ездил по Европе, так что в общем действует.

О какой-либо подготовке к организации в Тургае своего отряда Дулатов совершенно не говорил, ограничившись только тем, что, как указано выше, Испулов, Байтурсынов, Габбасов должны выехать в степь и, указывая на свою лошадь, сказал, что «у меня и лошадь хорошая готова». Другие, мол, тоже готовятся — достают хороших лошадей (6 стр.).

«Будан кейін тергеу күн сайын жалғасып отырған. 11 қараша күнгі көрсетіндісінде: Дулатов Діншенің ағасы Байсейіт Әділевтің түрмеден қашысуына көмектесті, оған Жаһанша Досмұхамедовтен ақша алып берді дей келіп, ауылдағы жағдайды айтады, бұрынғыларынан да өсіріп айтады»

Между прочим, вспоминаю, что в отношении Габбасова Дулатов сказал, что когда они все выедут в степь, то он, Габбасов, поедет верхом через всю степь к себе в Семипалатинскую губернию. Эту поездку через всю степь он должен был совершить с определенной целью, а именно: установить живую связь на предмет поднятия всеобщего движения (6 стр.).

«Өзінің көрсетіндісін»: «Менің қолтаңбамды бүкіл астыртын ұйым білуге тиіс, біледі», — деген көтеріңкі сеніммен аяқтайды (10-бет.).

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Т. 2. С. 45—47.

№ 107. Міржақып Дулатовтың 1929 жылы қарашаның 18 күні жазған қолхаты*.

Мені өзге тұтқындармен бір камерада отырғызуыңызды өтінемін. Сонда өзара ақылдаса келіп, мүмкін қылмыстарымызды мойындармыз.

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Т. 2. С. 229.

№ 108. Мемлекет саяси мекемесінің құншығыс бөліміне тұтқын Дулатұлы Міржақыптан мәлімдеме.**

(11 стр.) Мен абақтыда жатқаннан бері неше рет жауап бердім. Бірақ әдейі болсын, қателесіп болсын — ұмытқаннан болсын, білгенімді түгел айтқаным жоқ.

М. Дулатов. 1929 ж., 19/XI.

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Т.2. С. 47.

№ 109. ОГПУ-дің әскери бөлімі.

Бутырка түрмесінде Міржақып Дулатовпен бір камерада жатқан төмендегі тұтқындарды: Байтұрсынов Ахметті, Аймауытов Жүсіпбекті, Исполов Мырзағазыны, Болғанбаев Хайретдинді, Бірімжанов Ғазымбекті, Жұмабаев Мағжанды, Юсупов Ахметсафаны, Байтасов Абдулланы, Ома-

* Бұл тосын хаттың жазылуына Ә.Бөкейхановтың: «Тиісті адамдармен ақылдаса келіп, бұларды ерегестіре бермей барынша үкімді жұмсарту тәсіліне «көшуге» кеңес беріпті-міс» деген амалы себеп болса керек — Т. Ж.

** М.Дулатовтың мәлімдемесі араб қарпімен жазылған. Мәлімдеменің аудармасы 17-18-бетке берілген. Көк сиямен жазылған қосымша жауап 31—39-беттерді қамтиды. Ал парақтың екі жағына бірдей жазылған аударма — 19—30-беттерге тіркелген. Содан кейін 41—57-беттерде араб қарпімен жазылған екінші көрсетінді бар — Т. Ж.

ров Елдесті, Жәлелов Кәрімді — Міржақып Дулатов № 14-үйге ауыстырылғаннан кейін, оларды Ғаббасов Халелге және № 54-камерада жатқан Қазақстаннан келген 33 адамға (Әділов және басқалар) жолықпайтындай етіп, әр камераға бөліп-бөліп орналастыруды өтінемін.

*ОГПУ-дің әскери бөлімі (қолы)
Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т.2. С. 226.*

№ 110. 21 қараша, 1929 ж. ОГПУ-дің шығыс бөлімінің бастығы Дьяков.

*ОГПУ-дің комендантына қызмет бабындағы жө-
нелтпе*

№ 14-үйдегі түрмеде жатқан Міржақып Дулатовты Бутырка түрмесіндегі Байтұрсынов, Аймауытов, Болғанбаев, Испулов, Бірімжанов, Жұмабаев, Юсупов, Байтасов, Омаров, Жәлелов жатқан камераға ауыстыруды өтінеміз. Дулатовты Бутырка түрмесіне ауыстыру бүгін жүргізілсін.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т.2. С. 229.*

№ 111. 30 ноября 1929 г. Начальнику восточного отдела ОГПУ от заключенного Дулатова М. заявление.

(40 стр). Представляя при этом свое показание на казахском языке на 32-х страницах, прошу Вас сделать перевод этого показания на русский язык. Перевод дать мне для просмотра и проверки.

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами. Т.2. С. 47.*

№ 112. По обвинению граждан баев № 10 и 8 аулов Наурузумского района Кустанайского округа

Дулатова и др. в преступлении ст. 58/10 и 58/7 УК 58 /10 И 58/7 УК*.

Архив № 124. Том 5.

21/1—1929 г. 348 лист. Начато 4/IV — 1929 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1929 года, 12 мая, г. Кзыл-Орда.

Я, помощник начальника Восточного отдела ПП ОГУ по КССР Саенко, рассмотрев следственное дело № 3 Кустанайского окротдела ОГПУ по обвинению баев Наурзумского района Дулатова Аскара и др.

НАШЕЛ:

что в производстве ВОППОГПУ по КССР имеет дело № 6 по обвинению Адилева Динмухамеда, Дулатова Мир-Якуба и др. и принимая во внимание, что из материалов предварительного следствия усматривается единство преступных действий обвиняемых по делам № 3 и № 6, руководствуясь 117 ст. УК

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело Кустанайского окротдела ОГПУ по обвинению Дулатова Аскара и др. в количестве всего 13 человек приобщить к делу № 6.

Копию настоящего направить РСОПП ОГПУ по КССР и прокурору по наблюдению за органами ОГПУ.

Пом. Нач. военотдела ПГ ОГПУ
по Казахстану Саенко

№ 113. Я, Хамза Жусупов, был командирован в аул № 10.

<Міне, тағы бір «топ» осылай қосылған. Тергеу ауылдық кеңесті сайлау кезіндегі есеп беруден басталған. Рушылдық таластан өрбіген. Сайлау

* Бұл — М.Дулатовтың туған ауылында басталған тергеу ісі. Онда 13 адам жауапқа тартылып, ұсталған. Негізінен, Алаш-Орда тұсындағы оқиғалар қамтылған. Бұл істі Алашорда қайраткерлерін шырмауықтай шырмай беру үшін Қостанайдан сұратылып алып, осы іске қосқан — Т.Ж.

жөніндегі өкіл Х.Жусуповтың баяндауынша, «мәдияр руынан Сәтболов сайланды, келесі жылы «өгей» руынан Оспанбаев сайлансын деп шешіпті ақсақалдар». «Облигация сатып алмауға еріктіміз. Зорламаңдар» — деп қарсылық білдіріпті. Тергеу ісі содан басталған.

Х.Жусупов: 31 жаста, 1916 ж. көтеріліске қатысқан, 1918—1919 жж Азамат соғысына қатысқан>:

Я, Хамза Жусупов, был командирован в аул № 10 для проведения предвыборных советов. При приезде: в ауле № 10 обнаружил группировки, возглавляемые:

1. Оспаном Болтуруковым, отец которого ранее был 30 лет волостным и награжден за заслуги перед царем.

2. Накипом Тлеуовым, бывшим дистаночным, который 6 лет был волостным управителем. Их близкими родственниками являются М. Сартбаев, Н. Тулкибаев, Х. Накипов, Дархан Кеншибаев, эти лица во время кампании конфискации баев распространяли среди населения слухи, что Советская власть просуществует до 1928—1929 гг. и потом ее не будет. Это подтвердят граждане аула № 10 Махатбай Оспанов, батрачный А. Мухамеджанов, и в том имеются справки, каковые прилагаются к материалам.

3. Аскар Дулатов, брат которого Мыржакып, является бывшим руководителем Алаш-Орды и кадетской партии. Он тоже участвовал в оформлении и создании группировки, стараясь всячески создать, склонить группы среди слабых родов, о чем могут подтвердить товарищи Буманов А., Сейдазы Алпысбаев — батрак, член союза Косши.

№ 114. 29 декабря 1929 г. Показания жителя аула № 8 Наурузумского района А. Бегжанова к дополнению показаний.

Я, в дополнение ранее данного мной показания в отношении А. Дулатова, изложу следующее:

А. Дулатов при Алаш-Орде является одним из активнейших участников, кровопийцей и инициатором расстрела бедняков. Всем известный его брат М. Дулатов является ярым врагом Советской власти, таким же врагом является для Советской власти А. Дулатов. М. Дулатов, являясь главой Алаш-Ординской партии в 1918 году, проявлял свою политическую деятельность, безвинно казнив и расстреляв бедняков.

Например, в 1918 году во главе с Аскаром и Мыржақыпом Дулатовыми и их приспешниками аксакалами и баями аулов № 8—10 Бримагамбетом Булековым, Сеитом Суйменбаевым и другими через Мурзагазы Испулова обманули прибывших из Кзыл-Орды красных из отряда Тарана 18 человек, всех казнили в доме Бримагамбета Булекова. После этого с розыском этих 18 человек приезжал отряд Джангильдина, они нашли только место казни (ямы), а трупов не нашли, а летом выяснилось, что алаш-ординцы сразу же после казни трупы утопили в озере (19 стр.).

< Бұдан кейін жауап бергендер:

Бекжанов Абайдильда — 47 жаста, 7 жан бар, көрсетіндісі араб қарпімен жазылған. 1916 ж. көтеріліске қатысқан, 1918—1919 жж. ақтармен соғысқан.

Сатбаев Дүйсен атты «кедей, күң, құлдан» (істе солай жазылған) арыз алынған. Іске тартылғандардың барлығы бірінің үстінен бірі арыз жазған. Бірте-бірте тергеу «Алашордаға» қарай ойысады. 293-бетте «Арест 16 баев» деген мақала мен «Қазақ» газетінен қиынды бар. «Ауыл» газетіндегі «Алаш» туралы мақала да іске тігілген. Мұнда (№ 520 от 11 апреля 1929 года): «Алаш-Ордашылар» Амангелді Имановты өлтірді — деген (369-бетте). Авторы — «Жаңа торғайлық».

Қарпыков Иманғали, 36 жас, «Арғын». «Алаш-Ордаға» қатысқан. 1918 жылы март айының басын-

да «Алаш Орда» жасағы Майқара ауданына келді, онда Мадиярдың, Шымболаттың, Өтейдің тобы тұрады. Бастап келгендер: Испулов Мырзагазы, Байтұрсынов Ахмет, Дулатов Міржақып, Мұзафар Қасымов (офицер), Қаратілеуов, молла — Әбдірахман Муртазин, Теміров Абдулла, Сейдалин Қырымкерей және басқалар. 200 жасағы бар. Елден әскер жиды. Үгіттеген Міржақып Дулатов. Олар ақ та, қызыл да емес, қазақ керек деді. Мен де сонда қосылдым. Таран әскерінің қалдығын Испулов М. атқызды. А.Қасымов көмгізді. Ең үлкен қаралау осы — Т.Ж. >.

№ 115. Обвинительное заключение.

По следующему делу № 3 по обвинению баев и бывших волостных управителей Дулатова, Туйсымбекова, Болтурукова, Барлыбаева, Журакова, Сатбаева, Исмагамбетова, Муратова, Испулова Есенбая, Тлеубаева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

рассмотрев дело по обвинению граждан Наурзумского района. 1. Дулатова Аскара. 2. Туйгымбекова Дюсена. 3. Болтурукова Оспана. 4. Тлеулиева Нахипа. 5. Уразбекова Абдуллы. 6. Кенчинбаева Дархана. 7. Урканова Кулахмета. 8. Барлыбаева Жанахмета. 9. Исмагамбетова Темержана. 10. Испулова Дюсенбая. 11. Муратова Т. и 12. Сатбаева Ибрагима, считаю, что обвинительное заключение отвечает обстоятельствам дела.

Соглашаясь с обвинительным заключением и принимая во внимание, что обвиняемые, пользуясь условиями отсталости казахского аула и родовыми пережитками, систематически, из года в год на протяжении двенадцати лет Октябрьской революции своими действиями тормозили развитие советской общественности в ауле и проведение мероприятий по освобождению казахской бедноты от экономической

зависимости от байства, считаю необходимым это дело направить в Комитет ОГПУ для рассмотрения во внесудебном порядке.

Кустокпрокурор — А. Бездетко (380 стр.).

*Движение Алаш. Сборник материалов
судебных процессов над алашевцами.
Т. 1. С. 399—401.*

№ 116. 12 марта 1930 г. Обвинительное заключение.

Я, пом. нач. 2-го отделения Восточного Отдела ОГПУ ПАВЛОВ, рассмотрев следдела № 78754 по обвинению БАЙТУРСЫНОВА Ахмета, ДУЛАТОВА Мир-Якуба и др., в числе 44 человек, присланного из ПП ОГПУ по Казахстану и дополненного следствием в ОГПУ — Москва.

НАШЕЛ:

После Февральской революции в Казахстане возникла националистическая партия под названием «Алаш», объединившая в себе казахскую нацинтеллигенцию. В декабре 1917 года по инициативе лидеров партии Алаш был создан общекиргизский съезд, который объявил автономию Казахстана (Киркрая) и выбрал правительство, называвшееся «Алаш-Орда».

После этого по всему Казахстану Алаш-Ординское правительство совместно с русским белогвардейским казачеством разогнало советы, восстановило земские учреждения и гражданские комитеты. Революционных работников, продолжавших работать в пользу Советской власти, алаш-ординцы подвергли преследованию и расстрелам. Были созданы (Тургай) военные отряды, возглавляемые военным советом, состоящим из ИСПУЛОВА, ДУЛАТОВА, БАЙТУРСЫНОВА и др. Эти отряды вели вооруженную борьбу с партизанскими красными отрядами ЖИЛЯЕВА,

ТАРАНА и др. (ТАРАН расстрелян Алаш-Ординским военным советом) (см. показ. ДУЛАТОВА М.-Я., л.д. 20—IV).

Весной 1918 года Алаш-Ординское правительство обратилось к белому Сибирскому правительству о взаимном признании автономии. Последние дали уклончивый ответ, и алаш-ординцы, прервав с ними переговоры, обратились к Самарскому Комитету Учредительного собрания. Комитет Учредительного собрания признал Алаш-Ординское правительство и Казахскую (Киргизскую) автономию.

Вскоре состоялось уфимское совещание, избравшее Директорию. На совещании представители Алаш-Орды шли вместе с эсэрами и меньшевиками. Здесь же алаш-ординцы связались с ВАЛИДОВЫМ.

Директория перед своей ликвидацией постановила считать центральное правительство Алаш-Орды распущенным.

Оставшееся западное правительство (объединяло Закаспийскую, Уральскую и Букеевскую Орды) в союзе с уральскими и оренбургскими казаками и башкирами вступило в открытую борьбу с Соввластью и присоединилось к генералу ТОЛСТОВУ. Восточное же (объединяло Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области) вступило в связь с колчаковским правительством и ДУТОВЫМ (Тургайский военный совет).

Разгром Колчака и белых правительств заставил алаш-ординцев вступить с Советской властью в мирные переговоры, и к ним была применена амнистия, прощавшая всю их контрреволюционную деятельность.

С этого времени Алаш-Орда как партийная и правительственная организация прекратила свое существование, но сохранила контрреволюционное ядро и продолжала свою антисоветскую деятельность.

БАЙТУРСЫНОВ и ЕРМЕКОВ, находясь в начале 1921 года в Москве, вели переговоры с находящимся здесь ВАЛИДОВЫМ:

«... Сговорились о необходимости создания тайной организации...».

Центром организации был выбран Оренбург. В организацию входили БАЙТУРСЫНОВ, БУКЕЙХАНОВ, ОМАРОВ Эльдес, БОЛГАМБАЕВ, АДИБЕВ Динмухамед и др.

В конце зимы 1921 г. по инициативе ДУЛАТОВА и ДОСМУХАМЕДОВА Халиля была создана такая же организация и в Ташкенте.

Обе эти организации связались через специальных представителей с ВАЛИДОВЫМ, находящимся в то время на нелегальном положении в Бухаре и возглавляющим среднеазиатскую контрреволюционную организацию.

После переговоров с руководителями и бегства ВАЛИДОВА за границу алаш-ординцы применили свою тактику проникновения в советский аппарат (особенно Наркомпрос и печать), в партию и т. д.

«...Организация, как раньше, уже не выступала... Организация как таковая как будто уже не существовала, но старые члены организации друг друга находили, друг с другом были связаны, находили общий язык, по признаку принадлежности к организации. В то время в Кызыл-Орде, да и за последний период члены организации — националисты старались внедриться в советские учреждения и предпринимали известные меры предосторожности» (Показания АДИБЕВА, л. д. 94, т. 1-а).

Кроме того, алаш-ординцами было проведено совещание, на котором решили по мере возможности проникнуть и в партию с целью захвата руководящих советских постов.

В этот период наибольшую активность алаш-ординцы проявили в области обработки молодежи

(нелегальный литературный кружок «Алка» в Москве, который был связан с Оренбургом, Кзыл-Ордой и Ташкентом и пропагандировал через каз-печать свои идеи).

После бегства за границу ВАЛИДОВА и Мустафы ЧОҚАЕВА алаш-ординцы устанавливают с ними нелегальную связь. Для этого в первую очередь использовались командированные за границу на учебу члены организации БИТЛЕУОВ и БЕРЕМЖАНОВ.

С 1927 г., со времени англо-советского разрыва и конфискации байского имущества в Казахстане, обвиняемые лидеры Алаш-Орды ДУЛАТОВ, БАЙТУРСЫНОВ, ИСПУЛОВ и ГАББАСОВ стали готовиться к уходу в степь для того, чтобы «поднять всеобщее казахское движение» (из показаний АДИЛЕВА, л.д. 6, т. IV).

Установка на организацию вооруженного движения в Казахской степи вытекала из следующей оценки алаш-ординцами политической обстановки:

«... в 1927 г. положение советского правительства ухудшалось из-за порчи англо-советских отношений, дискуссии, направления троцкистской группы, и мы под этим настроением думали о возможности войны...» (ДУЛАТОВ, л.д. 17, т. IV).

С началом же войны алаш-ординцы связывали падение Соввласти: «Если возникнет война, советское правительство рухнет...» (ДУЛАТОВ, там же).

Отсюда вытекала установка на организацию вооруженного восстания.

Подготовка к уходу в степь и организации там вооруженного движения велась, хотя и непланомерно, в течение ряда лет.

1) С 1925 года шла концентрация сил. Устанавливались тесные связи между лидерами Алаш-Орды в городе (ДУЛАТОВ) и байскими алаш-ординствующими элементами в ауле (главным образом на родине лидеров Алаш-Орды).

2) Алаш-ординцы в первую очередь предполагали в этих целях использовать байские вооруженные шайки, которым тогда же ДУЛАТОВ давал директиву держаться в стороне от властей и ближе к китайской границе с тем, чтобы в нужный момент можно было бы скрыться в Западном Китае.

Свое выступление алаш-ординцы связывали с сопротивлением кампании по конфискации имущества:

«... Подготовка к восстанию велась еще с прошлого 1928 года, с момента проведения кампании по конфискации байских хозяйств ...» (Показ. НАУРЗБЕКОВА Ормамбека, одного из главарей Кустанайского к-р., выступления).

Контрреволюционное выступление в Кустанайском округе явилось как раз следствием этой подготовки алаш-ординцев.

Следственными материалами, находящимися в настоящем деле, доказана следующая к-р. деятельность проходящих по делу лиц:

1. Создание в 1921—1922 гг. подпольной организации. Впоследствии они проводили антисоветскую деятельность и связывались между собой на основе личных связей «по признаку принадлежности к организации».

2. Установление связей с ВАЛИДОВЫМ, находящимся за кордоном.

3. Деятельность, направленная на подготовку сил (обработка молодежи — кружок «Алка», установление связей с байством и т. д.)

4. Подготовка к вооруженному восстанию против Соввласти с целью ее свержения.

Персональная виновность в указанных к-р. деяниях доказана следственными материалами, находящимися в деле, в следующей степени:

1. БАЙТУРСЫНОВ АХМЕТ, 53 лет, казах, из баев, интеллигент, б. член ВКП(б) — исключен, основатель

партии «Алаш», организатор и руководитель вооруженной борьбы Алаш-Орды с Соввластью в 1918—1919 гг.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ АМНИСТИИ АЛАШ-ОРДИНЦЕВ В 1921 ГОДУ ВМЕСТЕ С ВАЛИДОВЫМ И ЕРМЕКОВЫМ СОЗДАЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ.

«Будучи в Москве, ВАЛИДОВ, БАЙТУРСЫНОВ и ЕРМЕКОВ сговорились о необходимости тайной организации» (Показ. АДИЛЕВА, т. 1, л. д. 10).

2) В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ ЧЛЕНОМ УКАЗАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОДДЕРЖИВАЛ СВЯЗИ С ВАЛИДОВЫМ, ведущим к-р. борьбу. В этих целях он имел с ВАЛИДОВЫМ шифрованную переписку. Так, на собрании Оренбургского центра в марте 1921 года:

«БАЙТУРСЫНОВ стал читать письмо, полученное от ВАЛИДОВА. О важности момента ВАЛИДОВ писал шифром, который состоял из цифр. У БАЙТУРСЫНОВА был отдельный ключ, которым он расшифровывал эти цифры» (Показ. АДИЛЕВА, т. 1, стр. 51).

3) В ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ РАЗГРОМА БАСМАЧЕСТВА И БЕГСТВА ЗАГРАНИЦУ ВАЛИДОВА БАЙТУРСЫНОВ ВНОВЬ ПРИНИМАЕТ МЕРЫ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗЕЙ С ВАЛИДОВЫМ, находящимся за границей. Так, в 1925 г. на Бакинском тюркологическом съезде:

«БАЙТУРСЫНОВ и БАЙСЕИТОВ пытались переговорить с турецким профессором Купреллю Задэ, главным образом в отношении ВАЛИДОВА» (Показ. АДИЛЕВА от 2.XI—29 г., т. IV, л.д. 1).

Для переписки с ВАЛИДОВЫМ БАЙТУРСЫНОВ в 1925 же году получил из Германии через учащегося специальный шифр, который он хранил у себя до 1928 г.

«В 1924 г. или 1925 г. из Германии возвратился БИТЛЕУОВ Дамолла, который там учился кожевенному делу. БИТЛЕУОВ мне рассказывал (я говорю, что помню), показывая книгу с образцами кож, в этой книге был записан шифр, привезенный БИТЛЕУОВЫМ от ВАЛИДОВА».

«Этот шифр мною был переписан в тетрадь, которую я уничтожил в 1928 году, в Алма-Ате».

«Шифр я уничтожил во избежание какого-либо недоразумения. Больше я по этому вопросу ничего не помню» (Показ. БАЙТУРСЫНОВА).

4) В ТОМ, ЧТО В СВЯЗИ С АНГЛО-СОВЕТСКИМ РАЗРЫВОМ И КОНФИСКАЦИЕЙ БАЙСКОГО ИМУЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ (1927—1928 гг.) ОН ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСОВ ПОДГОТОВКИ ВООРУЖЕННОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОН. ДВИЖЕНИЯ В СТЕПИ.

Так, в разговоре с АДИЛЕВЫМ ДУЛАТОВ говорил, что «надо будет поднять всеобщее казахское движение, вооруженное движение» (л.д. 6, т. IV, показ. АДИЛЕВА).

Дальше ДУЛАТОВ сказал, «что с ним согласны и собираются выехать из города в степь ИСПУЛОВ Мирза Газы, БАЙТУРСЫНОВ и ГАББАСОВ Халиль» (те же).

В своих показаниях на вопрос: «С кем вы совещались по вопросам организации вооруженного восстания в степи против Советской власти?» БАЙТУРСЫНОВ ответил: «Никаких совещаний по вопросу вооруженного восстания у меня ни с кем не было. Разговоры с ИСПУЛОВЫМ и ДУЛАТОВЫМ, вернее ДУЛАТОВЫМ, шли в плоскости ухода в степь на случай гражданской войны. Я со своей стороны полагал, что это должно быть так, как раньше при алаш-ординцах» (Показ. от 3. II—30 г., т. IV).

Наконец, за день до ареста БАЙТУРСЫНОВ, предвидя этот арест: «...заставляет своего зятя АБДУЛГАФАРОВА писать воззвание. Воззвание следующего содержания: «Советская власть падет в этом году (1929). Надо убедить население, чтобы не записывались в совхозы, ибо после колхозов будут коммунхозы, и тогда своего ничего не будет, т. е. право собственности будет уничтожено совсем. В нынешнем году легко добиться цели, ибо большевики нынче боятся сжимать протестующих строгими мерами из-за боязни повсеместного волнения со стороны Кустанайских мужиков (русских), и одновременно нужно действовать открыто, но осторожно, не убивая никого, ибо может нагряться войско и разогнать народ, тогда трудно будет организовать» (Показ. КАРПЫКОВА Казыльды, т. IV).

2. ДУЛАТОВ МИР-ЯКУБ, 43 года, казах, педагог, литератор, беспартийный, из байской семьи, один из основателей партии «Алаш», бывший организатор алашинских белых частей, руководитель и непосредственный участник.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО В 1921 году СОЗДАЛ В ТАШКЕНТЕ ПОДПОЛЬНУЮ К-Р. ОРГАНИЗАЦИЮ. ДУЛАТОВ по этому поводу показал: «Наши разговоры привели нас к такому заключению, что Советская власть рано или поздно разрушится, и мы когда-нибудь встанем перед совершившимся фактом. Между тем мы живем беспечно: нет у нас ни подготовки к будущему и организации и что следует нам думать о будущем и организовать...» (ДУЛАТОВ, 30.XI—29 г., т. IV, л.д. 21).

В конце зимы 1921 г. было созвано организационное собрание. О деятельности этой организации ДУЛАТОВ показал следующее: «Когда поднимался вопрос о роде деятельности организации, высказывалось мнение, что пока она ограничится Туркестанской республикой.

Составление программы организации поручили трем лицам: ДОСМУХАМЕДОВУ Джиганша, ДОСМУХАМЕДОВУ Халилю и МНЕ. Также говорилось о методах вовлечения членов в организацию».

2) В ТОМ, ЧТО ПОДДЕРЖИВАЛ СВЯЗИ С БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ (ВАЛИДОВ), доказательством может служить получение от него (ВАЛИДОВА) через БИТЛЕУОВА шифра и явки для переброски за границу людей: «В предыдущем показании я сказал, что БИТЛЕУОВ привез от Заки ВАЛИДОВА только лишь адрес, но потом я вспомнил, что он, кроме адреса, привез и шифр» (Показ. ДУЛАТОВА от 30. XI—29 г., т. IV, л.д. 25).

«БИТЛЕУОВ приехал из Германии в Оренбург в 1924 г. Говорил, что он виделся с ВАЛИДОВЫМ. Заки передал привет алаш-ординцам и предложил послать за границу людей. Дал адрес (явку), как переправить людей за границу, указал на одного человека, живущего в Афганистане, через которого можно достать паспорт и выехать за границу» (Показ. ДУЛАТОВА, т. IV, л.д. 18). В свою очередь ДУЛАТОВ снабдил шифром БАЙТУРСЫНОВА.

3) В ТОМ, ЧТО ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЯТЬ К ТАКТИКЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ С СОВВЛАСТЬЮ ОН ВЕЛ РАБОТУ ПО ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ.

Обвиняемый АДИЛЕВ Д., передавая обсуждение с ДУЛАТОВЫМ вопроса об англо-советском разрыве и могущих возникнуть последствий, показал:

«ДУЛАТОВ обрисовал общее положение в Казахстане в чрезвычайно мрачных красках. Он говорил, что «нас», хотя пока и не трогают, могут арестовать и т. д., так как нужно ожидать войны, интервенции и, следовательно, падения Советской власти. Он говорил, что он решил, что нужно уезжать из города в аул. Развивая эту мысль, он сказал, что сам думает уехать на

родину в Тургай, где он организует отряд человек в 50—60 жигитов, обмундирует его и вооружит и будет действовать, причем он сказал, что если будет война, то он это сделает обязательно и бесповоротно. Но если даже войны не будет, все равно думает выехать на родину и организовать свой отряд. Дальше он говорил, что на такой точке зрения стоят и ИСПУЛОВ Мирза Газы, и БАЙТУРСЫНОВ, и ГАББАСОВ Халиль, которые должны покинуть город и поехать в аул. Затем он говорил, что когда мы все поедem в аул, в частности, как вышеуказанные лица, в Тургай, являющийся их родиной, то нужно и мне с ними связаться, и вообще мы должны установить по степи живую связь, а после того, как он, ДУЛАТОВ, организует свой отряд и начнет действовать в Тургайском районе, а затем будет установлена связь по всей степи, надо будет поднять всеобщее казахское движение — вооруженное движение» (т. IV, л. д. 5 и 6).

Об этом ДУЛАТОВ дал такое объяснение: «Я говорил в следующем смысле: если начнется война, будет трудно казахскому населению, так как оно не имеет силы защищать своих людей, имущество, если в это время мы будем находиться в степи, то и сами остались бы благополучно и приняли бы возможные меры для защиты населения. Правда, я думаю, что если возникнет война, Советское правительство рухнет».

Доказательством уже ведшейся подготовки к-р. движения в степи является и тот факт, что ДУЛАТОВ посылал в Чимкент к АЙМАУЫТОВУ специального человека: «В 1927—1928 гг., когда я был в Чимкенте, мне через какого-то казака-служащего ДУЛАТОВ передавал, что в случае какой-либо тревоги нужно уходить в степь» (Показ. АЙМАУЫТОВА, т. IV, л. д. 66).

Вообще ДУЛАТОВ являлся лицом, к которому стекались сведения о всех к-р. замыслах алаш-ординцев.

Так, к нему шли сведения и с ним советовались о теракте над членом ЦК ВКП(б) тов. ГОЛОЩЕКИНЫМ. По этому поводу АДИЛЕВ, рассказывая о своей беседе с ИСПУЛОВЫМ и ДУЛАТОВЫМ, показал:

«Затем повели разговоры на политические темы, в частности, коснулись ГОЛОЩЕКИНА. Они говорили, что как он приехал — все пошло вверх дном. Тут я предложил, что раз нам мешает ГОЛОЩЕКИН, то нельзя ли от него избавиться, нельзя ли устроить на него покушение. Отпора на такое мое предложение ни от кого не последовало, но ДУЛАТОВ сказал, что едва ли от этого можно ожидать достаточно действительных результатов, так как все равно вместо ГОЛОЩЕКИНА пришлют кого-либо другого, затем третьего и т. д. Единственно, что из этого может получиться, — это сенсационный эффект» (л. д. 4, т. IV).

АЙМАУЫТОВ также показывает, что он имел по этому поводу разговор с АДИЛЕВЫМ и передал его ДУЛАТОВУ. Он показал: «АДИЛЕВ стал говорить, что вот, мол, сейчас САДВОКАСОВА убрали, других тоже убирают, я, т. е. АДИЛЕВ, задумал убить ГОЛОЩЕКИНА. Он просил передать его мысль ДУЛАТОВУ Мир-Якубу. Когда я сказал об этом ДУЛАТОВУ (конец 1928 г.), то последний ответил, что он уже знает об этом и против такой затеи АДИЛЕВА» (л.д. 66, т. IV).

О сопротивлении конфискации и подготовки бандотрядов для выступления против Соввласти, которым он давал директивы, как действовать.

Указанный выше АДИЛЕВ, являющийся одним из главарей бандшаек (вооружение: 4 винтовки и 2 нагана с патронами, пашка), по этому поводу дал следующие показания:

«Наступает период конфискации. Мы думаем таким образом: сейчас начинается ударная кампания и, возможно, в свое время попадет и нам, за нас могут взяться, поэтому мы решили послать в Кзыл-Орду

КАРИБАЕВА Нурлана. Было дело к осени. Послали его прямо к **ДУЛАТОВУ**. Он нашему человеку сказал, что в Сарысуйский район выезжают власти, что **АДИЛЕВУ** нужно держаться как можно дальше, особняком, посылать разведку и вообще быть с курсе дела. Также советовал, если будет возможность, податься в сторону Китая. Он говорил, что у нас положение пиковое, что со дня на день ждем ареста и т. д. Но если он что-нибудь узнает о готовящемся аресте, то он немедленно покинет Кызыл-Орду и постарается и присоединиться к нам. Он говорил, что при таком положении вещей необходимо пробраться в пределы Китая — там, мол, есть казахи, можно найти знакомых и пробраться в Китай, а что касается семей, то их можно где-нибудь устроить» (Показ. **АДИЛЕВА** от 28. XII—28 г.).

3. ИСПУЛОВ МИРЗА ГАЗЫ, 34 года, учитель, казах, беспартийный, б. кандидат в члены Учредительного собрания, б. руководитель расстрелов большевиков при Алаш-Ординском правительстве, организатор Алаш-Ординских военных отрядов, оперировавших против Красной армии, находится под следствием за бесхозяйственность.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ ОДНИМ ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ в 1921 г., в Ташкенте. «Весной 1921 г. в Ташкенте **ДУЛАТОВ** меня пригласил на собрание. В назначенное время я пришел в одну из комнат института, где уже сидели **ДОСМУХАМЕДОВЫ** Халиль и Джанше, Иса **КАШКИМБАЕВ** и др.». Здесь после докладов пришли к выводу: «...нам необходимо на всякий случай иметь организацию, которая в случае необходимости могла бы выступить для удержания имеющейся автономии, а также и территорию казах-киргизской от белых, а также в случае надобности от красных. В результате

на этом собрании было избрано бюро в составе трех лиц — ДОСМУХАМЕДОВЫХ и ДУЛАТОВА...».

2) ВТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ ОДНИМ ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ ПОДГОТОВКИ К-Р. ВООРУЖЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В СТЕПИ (СМ. ПОКАЗ. АДИЛЕВА, т. IV, л. д. 5 и 6, Габбасова, т. IV, л. д. 61 и 60).

«ИСПУЛОВ говорил, что в связи с войной в случае шаткости положения Советской власти со стороны бандитско-настроенной части коммунистов будут попытки уничтожить нас, алаш-ординцев. Поэтому, по его мнению, нам можно было идти по домам в степь, в целях своего сохранения».

На вопрос ИСПУЛОВУ, как и при каких обстоятельствах он совещался с ГАББАСОВЫМ об уходе в степь с целью организовать там сопротивление Советской власти, ИСПУЛОВ показал:

«С целью организовать степь против Советской власти с ГАББАСОВЫМ у меня никаких совещаний не было. Между нами произошел обмен мнениями в связи с событиями, вызванными разрывом дипломатических отношений с Англией» (т. IV, л. д. 89).

Дальше в своих показаниях ИСПУЛОВ указывает, что если бы была война, то белые стали бы уничтожать их, алаш-ординцев, однако ГАББАСОВ опровергает эти показания ИСПУЛОВА. Он показал:

«Прежде всего разговор об этом был не в момент разрыва англо-советских отношений, а в конце 1927 — начале 1928 г., зимой. В это время никаких разрывов не было. Во-вторых, вопрос был поставлен ИСПУЛОВЫМ об истреблении нашей интеллигенции не белыми (которая вполне допускает), а красными (подчеркнуто мною)». (Пок. ГАББАСОВА, т. IV, л. д. 92).

4. ГАББАСОВ ХАЛИЛЬ, 40 лет, казах, интеллигент, беспартийный, б. член правительства Алаш-

Орда, кандидат в члены Учредительного собрания, б. член подпольной организации по свержению Соввласти в г. Семипалатинске в 1918 г., один из организаторов Алаш-Ординских воинских частей.

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что **ВМЕСТЕ С ДУЛАТОВЫМ** и другими **ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СТЕПИ.**

По этому поводу **ГАББАСОВ** показал следующее:

«...В 1927 г. (осенью или зимой) в форме вопроса **ДУЛАТОВ** говорил мне о том, что в связи с шаткостью положения Советской власти не будет ли нашего (алаш-ординцев) поголовного истребления со стороны коммунистов и не лучше ли нам в такое время уйти в степь по домам.

Точно разговоров с **ДУЛАТОВЫМ** я сейчас не помню. С **ИСПУЛОВЫМ** зимой 1927 г. я разговор на эту тему помню точно.

Он тоже развивал мысль и выяснял мои взгляды на эту тему. **ИСПУЛОВ** говорил, что в связи с войной в случае шаткости Советской власти со стороны бандитско настроенной части коммунистов будут попытки уничтожить всех нас, алаш-ординцев. Поэтому, по его мнению, в этой связи нам нужно было идти по домам в степь в целях своего сохранения... Я уже говорил, что был против этого, так как не допускал возможности подобного явления со стороны Советской власти. **ИСПУЛОВ** остался на своей точке зрения».

На это **ИСПУЛОВ** показывает: «... в связи с показаниями **ГАББАСОВА** говорю: красных защищал я, белых он, **ГАББАСОВ**».

5. АДИЛЕВ ДИНМУХАМЕД*, 28 лет, казах, беспартийный, интеллигент, из баев. В 1918 г. был в Красной армии (Дальний Восток). В 1918 же г. сидел у белых в тюрьме.

* Иначе Диньше или Мукуш (в степи).

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ АКТИВНЫМ ДЕЯТЕЛЕМ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, СОЗДАННОЙ АЛАШ-ОРДИНЦАМИ в 1921 г.: ездил для связи к ВАЛИДОВУ, к басмачам для организации специальных киргизских басмаческих отрядов.

По этому поводу АДИЛЕВ показал: «ВАЛИДОВ писал, чтобы верхушка Алаш-Ординского правительства, пребывающая в Оренбурге, послала бы в Бухару двух своих представителей. В качестве представителей были командированы я и БОЛГАМБАЕВ» (т. I, стр. 11).

«Мои коллеги поручили мне остаться в качестве представителя казахского центра среднеазиатской организации в Бухаре при ВАЛИДОВЕ, и я с ним остался.» (т. I, стр. 15).

«Решено было связаться с басмачеством, руководителем басмачества; вообще идейное руководство над басмачеством должна постараться взять в свои руки среднеазиатская организация» (т. I, стр. 16).

«Мне было поручено связаться с ДЖАНУЗАКОВЫМ, затем при его содействии пробраться к ферганским киргизам, организовать там отряды, связаться с семиречинскими киргизами» (т. I, стр. 18).

2) В ТОМ, ЧТО, НАХОДЯСЬ НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ, ПЫТАЛСЯ ОРГАНИЗОВАТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ НАД СЕКРЕТАРЕМ КРАЙКОМА ВКП(б) тов. ГОЛОЩЕКИНЫМ.

АДИЛЕВ в своем показании о встрече с ИСПУЛОВЫМ и ДУЛАТОВЫМ показал:

«...повели разговоры на политические темы, в частности коснулись ГОЛОЩЕКИНА. Они говорили, что как он приехал — все пошло вверх дном. Тут я (мне, между прочим, напомнил АГАБЕК) предложил, что раз нам мешает ГОЛОЩЕКИН, то нельзя ли от него избавиться, нельзя ли устроить на него покушение» (т. IV, л.д. 4).

3) В ТОМ, ЧТО ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ И В ПОДГОТОВКЕ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ В СТЕПИ (см. выдержки из его показаний в настоящем заключении).

6. АЙМАУЫТОВ ЖУСУПБЕК, 40 лет, казах, педагог-литератор, беспартийный, гражданин СССР, в 1925 году состоял под судом по 113 ст. УК.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В УЧАСТИИ В ПОДПОЛЬНОЙ КАЗАХСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, РУКОВОДИМОЙ ДУЛАТОВЫМ. В своем заявлении от 19.IX—29 г. ДУЛАТОВ Мир-Якуб писал:

«Я решил высказать все, что знаю. Поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующими членами нашей организации: АЙМАУЫТОВ ЖУСУПБЕК (и др. 11 чел.)» (т. IV, стр. 17).

«АЙМАУЫТОВ Алаш-Орде сочувствовал...» (ДУЛАТОВ, т. IV, стр. 96).

Сам АЙМАУЫТОВ на вопрос, состоял ли он в подпольной организации казахов б. алаш-ординцев, ответил: «нет, не состоял» (Прот. допр. от 3. II—30 г.).

2) В ТОМ, ЧТО УЧАСТВОВАЛ В ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ТЕРАКТЕ НАД ЧЛЕНОМ ЦК ВКП(б) тов. ГОЛОЩЕКИНЫМ.

По этому поводу АЙМАУЫТОВ показал:

«Весной 1928 г. в г. Чимкенте я встретился с АДИЛЕВЫМ. Он стал говорить, что вот, мол, сейчас САДВОКАСОВА убрали, других тоже убирают, я, т. е. АДИЛЕВ, задумал убить ГОЛОЩЕКИНА. Он просил передать эту мысль ДУЛАТОВУ Мир-Якубу. Когда я сказал об этом ДУЛАТОВУ (конец 1928 г.), последний мне ответил, что он уже знает об этом» (л.д. 66, т. IV).

3) В ТОМ, ЧТО ПОДГОТАВЛИВАЛСЯ К УХОДУ В СТЕПЬ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ВООРУЖЕННОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ СОВВЛАСТИ; по этому поводу АЙМАУЫТОВ 29.XI—29 г. показал:

«В 1927—1928 гг., когда я был в Чимкенте, мне через какого-то казаха служащего ДУЛАТОВ передавал, что в случае какой-либо тревоги нужно уходить в степь» (л.д. 66, т. IV).

7. БЕРЕМЖАНОВ ГАЗЫМБЕК, 33 лет, казах, агроном, с высшим образованием (заграничным), беспартийный, гражд. СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ ЧЛЕНОМ ПОДПОЛЬНОЙ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ. Об этом БЕРЕМЖАНОВ дал следующие показания:

«В 1921 г. в Ташкенте группа лиц: ДУЛАТОВ Мир-Якуб, ДОСМУХАМЕДОВЫ Халиль и Джанымше, Карим ДЖАЛЕНОВ, ИСПУЛОВ Мирза Газы в целях подготовки, на случай свержения Советской власти, защиты казахской степи, создали подпольную организацию. Указанные выше ДУЛАТОВ и ДОСМУХАМЕДОВ Халиль послали в 1921 г. меня к ВАЛИДОВУ в Бухару с целью выяснить его дальнейшую деятельность».

«Я по этому поводу в прошлые свои показания говорил неправду, так как не хотел никого выдавать» (л.д. 80, т. IV).

2) В ТОМ, ЧТО, НАХОДЯСЬ ЗАГРАНИЦЕЙ, ОН ВХОДИЛ В КРУГИ БЕЛОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ, ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ ВАЛИДОВЫМ — ЧОКАЕВЫМ.

«В 1924 г. в Берлине я встретился с ВАЛИДОВЫМ. Он жил с нами по соседству в течение года, после чего уехал в Турцию. В своих разговорах со мной он развивал мысль об организации независимости всех народов Средней Азии».

Во время нахождения ВАЛИДОВА вне Германии БЕРЕМЖАНОВ поддерживал с ним связи через переписку. Для этой цели у БЕРЕМЖАНОВА находился шифр. Для связи между ВАЛИДОВЫМ и БЕРЕМ-

ЖАНОВЫМ, с одной стороны, и алаш-ординцами — с другой, этот же шифр был послан через **БИТЛЕУОВА** в СССР:

«Находясь в Берлине, **ВАЛИДОВ** при отъезде в СССР **БИТЛЕУОВА** Дамуллы передал таковому (1924 г.) шифр, который он просил передать **ДУЛАТОВУ**, чтобы он по нему писал **ВАЛИДОВУ** письма. Такой же шифр находился у меня и **ВАЛИДОВА**» (л.д. 80, т. IV).

«По отъезду из Берлина в Турцию **ВАЛИДОВ** со мной переписывался, главным образом, по вопросам ориенталистики. Из политической переписки он просил о том, чтобы я писал в журнал «Ени-Туркестан», и ругал, что я боюсь туда писать» (там же).

8. ЮСУПОВ АХМЕТ-САФА, 34 лет, казах, со средним образованием, быв. член ВКП(б), исключен за преступления, с/осведомитель ПП ОГПУ Казахстана, в 1925 г. был под судом, обвинялся по 113 ст. УК.

ОВВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В КОЛЧАКОВСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКЕ (дело-формуляр).

2) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

«Я решил высказать все, что знаю, поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующим членом нашей организации: **ЮСУПОВ Сафа** (и др. 11 ч.)» (Показ. **ДУЛАТОВА**, т. IV, стр. 17).

3) В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ СЕКРЕТНЫМ ОСВЕДОМИТЕЛЕМ И ЗНАЯ О ПОСЫЛКЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ К **ВАЛИДОВУ** **БЕРЕМЖАНОВА**, НЕ СООБЩИЛ ОБ ЭТОМ В ОРГАНЫ ОГПУ. По этому поводу он показал:

«... мне было известно о поездке по поручению организации **ДУЛАТОВА** к **ВАЛИДОВУ** — **БЕРЕМЖАНОВУ**, об этом мне говорил сам **БЕРЕМЖАНОВ**. Я это скрыл, так как не хотел выдавать товарищей» (л.д. 76, т. IV).

9. БОЛГАМБАЕВ ХАЙРЕТДИН, 35 лет, казах, беспартийный, педагог.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В ПОДПОЛЬНОЙ КАЗАХСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:

«... я решил высказать все, что знаю, поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующими членами нашей организации... БОЛГАМБАЕВ Хайретдин...» (Показ. ДУЛАТОВА, т. IV, стр. 17).

2) БУДУЧИ ЧЛЕНОМ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЫЛАЛСЯ В ВАЛИДОВСКИЙ К.-Р. СТАН ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О БОРЬБЕ С СОВВЛАСТЬЮ. БОЛГАМБАЕВ об этом показывает следующее:

«Весной 1921 г. я выехал из г. Оренбурга в г. Ташкент по официальной командировке от Наркомпроса. Кроме того, я имел еще секретное поручение от имени БУКЕЙХАНОВА, БАЙТУРСЫНОВА и САРСЕНОВА Биахмета для переговоров с ВАЛИДОВЫМ Заки, скрывавшимся в то время на территории Бухарской Народной Республики. Поводом для такого поручения послужило письмо ВАЛИДОВА, присланное им на имя БУКЕЙХАНОВА или БАЙТУРСЫНОВА, в котором он просил командировать ему человека из г. Оренбурга для личных с ним переговоров» (л. д. 197, т. I).

10. ДЖУМАБАЕВ МАГЖАН, 46 лет, казах, сын бая-скотовода, беспартийный, педагог-литератор.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В ПОДПОЛЬНОЙ КАЗАХСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:

«... я решил высказать все, что знаю, поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующими членами нашей организации... ДЖУМАБАЕВ Магжан» (Заявление ДУЛАТОВА от 19.IX—29 г., л.д. 17, т. I).

2) В ТОМ, ЧТО ОРГАНИЗОВАЛ НЕЛЕГАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК «АЛКА»,

ОСУЩЕСТВЛЯВШИЙ ВЛИЯНИЕ НА КАЗАХСКУЮ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРУ:

«О существовании «Алка» я знал и слышал приблизительно в 1925 г. Организован этот кружок был по инициативе ДЖУМАБАЕВА еще в Москве. Это было нелегальное общество, организованное под видом литературной организации» (Показ. БАЙДИЛЬДИНА, л.д. 252, т. I).

Сам обвиняемый ДЖУМАБАЕВ о кружке «Алка» дает следующие объяснения: «Кружка «Алка» организовано не было. Я написал критическую программную статью о направлении литературы под названием «Алка», с которой ознакомил САРЕМБИНА Жакена, Амангали СЕГИЗБАЕВА. С этими двумя товарищами была разобрана статья, внесены дополнения и изменения, потом мы ее переписали и разослали по почте: в Семипалатинск АУЭЗОВУ Мухтару, в Ташкент группе АЙМАУЫТОВА Юсупбека, БАЙТАСОВА и др. Кому еще посылали эту программу, точно не помню. Помню, что мы ее посылали для просмотра и одобрения нашей установки» (л.д. 350, 351, т. I).

11. БАЙТАСОВ АБДУЛЛА, 28 лет, казах, педагог, студент Восточного факультета САГУ, беспартийный. ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО БЫЛ СВЯЗАН С ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, РУКОВОДИМОЙ ДУЛАТОВЫМ.

«... я решил высказать все, что знаю, поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующими членами нашей организации ... БАЙТАСОВ Абдулла...» (заявл. ДУЛАТОВА от 19.IX—30 г., л.д. 17, т. IV).

«Что касается БАЙТАСОВА, то я его знаю последние несколько лет как сочувствующего Алаш-Орде (ДУЛАТОВ, л.д. 96, т. IV).

2) ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО КРУЖ-

КА «АЛКА» (см. выше показания ДЖУМАБАЕВА, л.д. 350, 351, т. 1-б).

По вопросу об участии в кружке «Алка» БАЙТАСОВ дал следующие показания:

«В 1925 г. ДЖУМАБАЕВЫМ Магжаном на мое имя из Москвы для группы АЙМАУЫТОВА, КЕМЕНГЕРОВА, ИСХАКОВА было прислано для обсуждения и дачи своего заключения письмо о направлении казахской литературы под названием «Алка».

«Все перечисленные выше лица письмо это читали, оно переходило из рук в руки, но организованных собраний по обсуждению его, кажется, не было» (л.д. 352, т. 1-б).

Вообще же по вопросу о к-р. своей работе БАЙТАСОВ дал следующие показания: «В Дулатовской подпольной организации я не участвовал. Никакой к-р. работы я не вел» (л.д. 93, т. IV).

12. ОМАРОВ ЭЛЬДЕС, 37 лет, казах, учитель, беспартийный, подданный СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ ЧЛЕНОМ ПОДПОЛЬНОЙ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ:

«... я решил высказать все, что знаю, поэтому прежде всего разрешите мне поговорить со следующими членами нашей организации... ОМАРОВ Эльдес ...» (Заявл. ДУЛАТОВА от 19.IX—30 г., л.д. 17, т. IV).

2) В ТОМ, ЧТО ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА «АЛКА» в г. Оренбурге.

Свидетель САРСЕМБИН, говоря о собрании в Оренбурге в январе 1925 г. кружка «Алка», показал:

«АЙМАУЫТОВ целиком одобрил платформу и предложил собрать всех лиц, которые о ней знают. Таким образом, мы собрали с ним на квартире АЛДУНГАРОВА следующих лиц: АЙМАУЫТО-

БА, ОМАРОВА Эльдеса, СЕГИЗБАЕВА Амангалия, АЛДУНГАРОВА, БАЙТУРСЫНОВА, участвовал также и я. Совещание решило, что платформу нужно опубликовать, и если будут ответы на нее со стороны коммунистов, то защиту ее поручили АЛДУНГАРОВУ, как члену партии, и АЙМАУЫТОВУ».

13. ДЖАЛЕНОВ КАРИМ, 30 лет, казах, беспартийный, преподаватель.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В ТАШКЕНТЕ В ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ВЫПОЛНЯЯ ОБЯЗАННОСТИ СЕКРЕТАРЯ ОРГАНИЗАЦИИ.

ДЖАЛЕНОВ по этому поводу показал: «Я считаю себя виновным в том, что в 1921 г. состоял в подпольной организации. В 1922 г. еще были совещания организации, но затем она распалась» (л.д. 92, т. IV).

К этой же группе алаш-ординцев необходимо отнести БИТЛЕУОВА, который в 1924 г., возвращаясь с учения из Германии, привез с собой валидовский шифр, который был им передан ДУЛАТОВУ Мир-Якубу.

14. БИТЛЕУОВ ДАМУЛЛА, 28 лет, казах, беспартийный, служащий.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ НА УЧЕБЕ ЗАГРАНИЦЕЙ, ИМЕЛ СВЯЗИ С КРУГАМИ БЕЛОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ в лице ВАЛИДОВА, от которого привез руководителям к-р. организации ДУЛАТОВУ и БАЙТУРСЫНОВУ зашифрованное письмо и шифр.

Обвиняемый БИТЛЕУОВ по этому поводу показал: «ВАЛИДОВ как-то в беседе со мной говорил: «Я пишу историю». Указал при этом, что он в берлинской библиотеке нашел в рукописях одну старинную историю на турецком языке. В этот раз ВАЛИДОВ дал мне для передачи ДУЛАТОВУ свою фотографию, заснятую при переходе им границы, и вместе с этой карточкой — зашифрованную записку для передачи

ДУЛАТОВУ. Все это было передано по принадлежности лично ДУЛАТОВУ» (л.д. 127, т. 1-а).

С руководителями вышеперечисленной группы алаш-ординцев (ДУЛАТОВ, ИСПУЛОВ, БАЙТУРСЫНОВ) была связана группа баев, подлежащих выселению, которые должны были организовать восстание, но не успели. Об этом один из руководителей восстания в Кустанайском округе НАУРУЗБЕКОВ Ормамбек показал:

«**БАРМАКОВ Омар** и **ГАЛИЕВ Сейтбек** послали к баю аула № 10 **ТЛЕУЛИНУ** Накипу какого-то гражданина с тем, чтобы поднять восстание, организовать сарбаз и помешать этой кампании. Благодаря этому подлежащие выселению баи: **ДУЛАТОВ Аскар** (брат Мир-Якуба), **БУЛТУРУКОВ Оспан**, **ТУЙГУМБЕКОВ Дюзен**, **ИСМАГАМБЕТОВ Дюзен**, **ИСМАГАМБЕТОВ Темиржан**, **БАРЛЫБАЕВ Жарахмет**, **ЖУРКАКОВ Кулахмет**, **КЕНШИМБАЕВ Дархан**, **УРАЗБЕКОВ Абдулла** сгруппировались вокруг **ТЛЕУЛИНА**, но выступить они не успели, так как были арестованы» (л.д. ..., т. IV).

Персональное обвинение указанных баев сводится к следующему:

15. ДУЛАТОВ АСКАР, 61 год, казах, скотовод-бай, беспартийный, подданный СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) **ВТОМ, ЧТО, БУДУЧИ СВЯЗАННЫМ СО СВОИМ БРАТОМ ДУЛАТОВЫМ МИР-ЯКУБОМ**, руководителем к-р. организации, **СОЗДАЛ В НАУРУЗУМСКОМ РАЙОНЕ КУСТАНАЙСКОГО ОКРУГА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ БАЙСКУЮ ГРУППИРОВКУ.**

«В целях осуществления своих идей, баи заставили аулсоветы не подчиняться представителям власти (уполномоченным) и проводили по-своему кампании. Активным руководителем этих группировок является известный Аскар ДУЛАТОВ — брат его Мир-Якуб

ДУЛАТОВ является руководителем алаш-ординских отрядов.

А. ДУЛАТОВ перед проведением кампании конфискации со своим одноаульцем **АЛЫМКУЛОВЫМ** ... По приезду в аул **А.ДУЛАТОВ** распространил такие слухи, что в «Кустанае по всем учреждениям повешены черные флаги, что-то особенное случилось у Советской власти» (т. III, л.д. 25).

2) в том, что **ПОДГОТАВЛИВАЛ С ДРУГИМИ БАЯМИ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВВЛАСТИ** (см. выше показания **НАУРУЗБЕКОВА**).

16. БОЛТУРУКОВ ОСПАН, 57 лет, казах, бай, б. аксакал, беспартийный.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) в том, что **ПРИНИМАЛ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППИРОВКИ**.

«Секретные собрания аула № 8 об избрании в аулсовет **САТБАЕВА** (бая), на каковом присутствовали: **БАРИНБАЕВ**, **ТОЙГЫМБЕКОВ** из аула № 10, **Аскар ДУЛАТОВ**, **УРАЗБЕКОВ**, **ТЛЕУОВ**, **Оспан БОЛТУРУКОВ**.

На основании влияния вышеуказанных аксакалов аулсовет аула № 8 начинает даже отбирать скот у бедноты, который последние получили от конфискации и передают аткаминерам и аксакалам» (л.д. 7, т. III).

Доказательством к-р. вредности **Оспана БОЛТУРУКОВА** и др. баев является следующее постановление собрания бедняков и батраков Наурзумского района аула № 8, состоявшееся 4.I.29 г.

«Общее собрание ходатайствует перед вышестоящими органами о принятии самых решительных и репрессивных мер через Совсуд в отношении лиц, заключенных органами ОГПУ, аула № 8 гр. **ДУЛАТОВА А.**, **БОЛТУРУКОВА**, **ТЛЕУЛИНА**, **ТОЙГЫМБЕКОВА**, **САТБАЕВА** и других как лиц, явно тормозящих

дело советизации аула, препятствующих развитию культурной жизни такового» (л.д. 206, т. III).

2) ВТОМ, ЧТО ПОДГОТАВЛИВАЛ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ БАЯМИ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

17. ТУЙГУМБЕКОВ ДЮЗЕН, 42 лет, казах, крупный бай, беспартийный, гр-н СССР. (Умер в бол. Бут. тюр. 27. II—30 г.).

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ АКТИВНЫМ УЧАСТНИКОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ БАЙСКОЙ ГРУППИРОВКИ (см. выше абзац о БОЛТУРУКОВЕ).

2) ВТОМ, ЧТО ПОДГОТАВЛИВАЛ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ БАЯМИ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

18. ИСМАГАМБЕТОВ ТЕМИРЖАН, 41 год, казах, скотовод-бай, беспартийный, гр-н СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО, УЧАСТВУЯ В КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ БАЙСКОЙ ГРУППИРОВКЕ, РАСПРОСТРАНЯЛ К-Р. АГИТАЦИЮ И ПРОВОКАЦИОННЫЕ СЛУХИ О СКОРОМ ПАДЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ТЕРРОРИЗИРУЯ БЕДНОТУ.

«После ареста А. ДУЛАТОВА, ТОЙГЫМБЕКОВА и др. оставшиеся их приспешники КЕНШИНБАЕВ, УРАЗБАЕВ, ЖУРКАКОВ, ИСМАГАМБЕТОВ, МУРАТОВ, САЙДЫБЕКОВ и БЕРМАГАМБЕТОВ устраивали организационные протесты против аульной бедности, говоря им: «Ваша власть долго не будет существовать, все равно свое осуществим, Вам будет плохо». Разослали по всем местам своих людей, снабжаются оружием» (л.д. 20, т. III).

2) ВТОМ, ЧТО ПОДГОТАВЛИВАЛ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ БАЯМИ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

19. ПАРЛЫБАЕВ ЖАРАХМЕТ, 55 лет, казах, крупный бай, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что, состоя в БАЙСКОЙ ГРУППИРОВКЕ, ПОДГОТАВЛИВАЛ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ БАЯМИ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

20. ЖУРКАКОВ КУЛАХМЕТ, 30 лет, казах, зажиточный, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО, ВХОДЯ В БАЙСКУЮ ГРУППИРОВКУ, УЧАСТВОВАЛ В НЕЛЕГАЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ БАЕВ, НА КОТОРЫХ ОБСУЖДАЛСЯ ВОПРОС О ЗАХВАТЕ В СВОИ РУКИ НИЗОВОГО СОВАППАРАТА (л.д. 2 и 3, т. III).

Кроме того, после ареста ДУЛАТОВА и ТОЙГЫМБЕКОВА Дузена он с УРАЗБЕКОВЫМ являлся организатором толпы, намеревающейся отбить их:

«Когда арестованных вели из Тургая в Кустанай, остановились переночевать в 8-м ауле. В ту ночь там было со стороны около 100 человек, большинство которых аткаминеры. Цель этих съехавшихся была переговорить со своими людьми и вырвать из-под ареста, хотя бы и пришлось употребить на это силу. УРАЗБЕКОВ Абдулла и ЖУРКАКОВ помогли тогда Дюзену переговорить с нужными ему аткаминерами» (л.д. 119, т. III, показания БАЙТУРГАНА).

2) В ТОМ, ЧТО ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ БАЯМИ ПОДГОТАВЛИВАЛ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

21. КЕНЖИМБАЕВ ДАРХАН, 38 лет, казах, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО, ВХОДЯ В БАЙСКУЮ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ГРУППИРОВКУ НАУРУЗУМСКОГО РАЙОНА, ВЕЛ АНТИСОВЕТСКУЮ АГИТАЦИЮ.

2) В ТОМ, ЧТО ВМЕСТЕ С БАЯМИ, ВХОДЯЩИМИ В УКАЗАННУЮ ГРУППИРОВКУ, ПОДГОТАВЛИ-

ВАЛ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

22. УРАЗБЕКОВ АБДУЛЛА, 38 лет, казах, зажиточный скотовод, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО, ВХОДЯ В КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ БАЙСКУЮ ГРУППИРОВКУ, РАСПРОСТРАНЯЛ ПРОВОКАЦИОННЫЕ СЛУХИ И УЧАСТВОВАЛ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАЙСТВА ЗА ЗАХВАТ НИЗОВОГО СОВЕТСКОГО АППАРАТА, А ТАКЖЕ В ПОПЫТКЕ ОСВОБОДИТЬ ДУЛАТОВА АСКАРА и др. (см. абзац о ЖУРКАКОВЕ).

2) В ТОМ, ЧТО ВМЕСТЕ С БАЯМИ, ВХОДИВШИМИ В УКАЗАННУЮ ГРУППИРОВКУ, ПОДГОТАВЛИВАЛ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. выше показания НАУРУЗБЕКОВА).

23. ИСПУЛОВ ЕСЕНБАЙ, 65 лет, казах, бай, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ВХОДЯ В К-Р. БАЙСКУЮ ГРУППИРОВКУ, ВОЗГЛАВЛЯЕМУЮ ДУЛАТОВЫМ АСКАРОМ, ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕМОНСТРАЦИИ С ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ АРЕСТОВАННЫХ ДУЛАТОВА АСКАРА и др.

«Известно, что 8-й и 9-й аулы Наурзумского района раньше были плацдармом Алаш-Орды и следы этого существуют до сих пор. Например, во время перевыборов 1928—1929 гг. все байы вышеупомянутых аулов: Дүзен ТОЙГЫМБЕКОВ, БОЛТУРУКОВ Оспан, Накип, Аскар ДУЛАТОВ и другие объединились, созывали совещания и старались проводить в Советы своих людей. После их ареста мы слышали, что оставшиеся их сторонники объединились и связались с бывшими знаменитыми баями, вроде АНТМАТАЕВА, аксакала Алаша, что они говорили «если нас арестуют, то им жить не больше трех дней» и что они организовали

аткаминеров: ИСПУЛОВА Есембая, БАРГЫШБАЕВА Джан-Ахмета, САРГАБАЕВА Мирзагалия, ИСМА-ГАМБЕТОВА Тамыржана, МУРАТОВА Турекула, чтобы выступить против уполномоченных района.

Когда арестованных вели из Тургая в Кустанай, они остановились переночевать в 8-м ауле. В ту ночь в ауле было собрано около 100 человек, большинство которых состояло из вышеупомянутых аткаминеров и их людей. Цель этих съехавшихся была переговорить со своими людьми и вырвать их из-под ареста, хотя бы и пришлось употребить для этого силу» (л.д. 149 и 150, т. III).

24. МУРАТОВ ТУРЕКУЛ. 37 лет, бай, казах, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО, ВХОДЯ В ТУ ЖЕ БАЙСКУЮ ГРУППИРОВКУ, ВЕЛ АНТИСОВЕТСКУЮ АГИТАЦИЮ И ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ПОД СТРАЖИ ДУЛАТОВА АСКАРА и др. (см. абзац об ИСПУЛОВЕ ЕСЕНБАЕ).

25. САТБАЕВ ИБРАГИМ, 25 лет, казах, зажиточный, беспартийный, быв. пред. аулсовета аула № 8 Наурзумского района.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ АУЛСОВЕТА и СОСТОЯ В БАЙСКОЙ К-Р. ГРУППИРОВКЕ, ПРОВОДИЛ ЛИНИЮ ЗАЩИТЫ БАЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ И УЧАСТВОВАЛ В НЕЛЕГАЛЬНЫХ БАЙСКИХ СОБРАНИЯХ.

«Председатель аулсовета Ибрагим САТБАЕВ был одним из первых помощников баев. Например, Дузен ТОЙГЫМБЕКОВ (обвиняется по делу, см. выше), житель 8-го аула, по закону должен был платить и налоги, и подвергаться конфискации. Но его сват Закир КЕТАГЕНОВ и ЖУРКАКОВ (обвиняется по делу, см. выше) сочли его хозяйство отдельным и не трогали его, за что Дузен дал ЖУРКАКОВУ на временное пользование своего иноходца, а САТБАЕВУ — две кошмы.

Перед последними выборами УРАЗБЕКОВ Дузен и другие созвали тайное собрание, и Дузен предложил оставить всякие мелочные вопросы и переизбрать на будущих выборах старого председателя совета САТБАЕВА.

Когда САТБАЕВ был председателем Совета, отобрал скот Ковано ДЖОЯДЕКОВА, полученный им из конфискационного имущества, его самого лишил голоса. САТБАЕВ думал, что если лишит голоса этого бедняка под предлогом слабоумия, то ему легче будет отделаться даже в случае, если дело дойдет до суда» (л. д. 149 и 150, т. III).

БАНДА АДИЛЕВА

Наряду с к-р. байской группировкой Аскара ДУЛАТОВА руководящее ядро алаш-ординцев поручало важные задачи банде АДИЛЕВА, находящейся в отдаленном Сары-Суйском районе (см. показания АДИЛЕВА и ДУЛАТОВА). Деятельность этой банды характеризуется следующим показанием свидетеля ТОКСАМБАЕВА Нугмана:

«Политически опасными и уголовными преступниками являются четверо, а именно: Байсеит, Мукуш, Аскар и Абуали АДИЛЕВЫ. Это могу подтвердить следующими данными: весной 1920 г. Байсеитом были убиты два скотокрада без суда и следствия. В 1921 г. АДИЛЕВЫМИ — Мукушем и Байсеитом было организовано убийство АБУБАКИРОВА, по прозвищу «Кара-Ногай» и его товарища Шала. В этом убийстве участвовали, помимо АДИЛЕВЫХ, Ортыкбай АЛИН, Мухамедья ОРЫМБАЕВ, Дженсен Ф. Н., Мадыбек К. из 10-го аула, б. Тарактинской вол. Аскар АДИЛЕВ в 1924 г., в бытность стар. милиционером... в Сары-Су убил гр-на (бедняка) Асылбека.

Они, АДИЛЕВЫ, с самого начала революции терроризировали все местное население, что хотят, что им понравится у казахов: скот, кошмы и другое — берут.

Если кто не дает, то они отбирают силой, путем всевозможных угроз и насилия. Постоянно и беспрерывно имеют связь с руководителями уголовных бандшаек Мадыбеком и Битымбаем» (л.д. 130 и 131, т. II).

В период подготовки к конфискации байских хозяйств АДИЛЕВЫ стремятся сконцентрировать вокруг себя все бандитские элементы Сары-Суйского района для оказания вооруженного сопротивления конфискации:

«АДИЛЕВЫ Мукуш и Байсеит собрали казахов, в том числе бедняков, подлежащих конфискации байского имущества. На этом собрании они обратились с просьбой к баям помочь им, АДИЛЕВЫМ, собрать казахов, имеющих оружия для сопротивления экспедиции» (л. д. 73, т. II. Показания Рыскулбек, ДОСПУЛОВА).

«После совещания АДИЛЕВЫ на горке вырыли окопы, расставили вокруг своего аула охрану и лошадей держали готовыми во всякое время к бегству» (т. II).

Летом 1928 г. они устроили совещание главарей отдельных шаек КЕНЧИМОВА Мадыбека, ТОКМАНБАЕВА Бакая и АБДЫКЕЕВА Битымбая (они все вместе участвовали в 1922 г. в разоружении отряда милиционеров и расстреле начальника отряда АБУБАКИРОВА. Дело велось в ГПУ, затем было передано в Наркомюст).

Обвинения участников этой шайки сводятся к следующему:

26. АДИЛЕВ АСКАР, 24 лет, казах, середняк, беспартийный, состоял под следствием за убийство.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО УЧАСТВОВАЛ СО СВОИМИ БРАТЬЯМИ ДИНМУХАМЕДОМ (Мукуш) И БАЙСЕИТОМ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОВВЛАСТИ:

«АДИЛЕВЫ Мукуш и Байсеит собрали казахов, в том числе бедняков, подлежащих конфискации байского имущества.

На этом же собрании они обратились с просьбой к баям помочь им, АДИЛЕВЫМ, собрать казахов, имеющих оружие для сопротивления экспедиции.

Кроме Мукуша и Байсеита, из братьев АДИЛЕВЫХ на указанном собрании присутствовали еще два брата АДИЛЕВЫХ — Абуали и Аскар» (л.д. 73, т. III, показания Рыскулбека ДОСУПОВА и см. абзац об Акпаре ИБРАЕВЕ; л.д. 55, т. II-а).

2) В УБИЙСТВЕ ЧЕЛОВЕКА ИЗ МЕСТИ В 1924 ГОДУ (л.д. 149, 150, т. II).

27. АДИЛЕВ АБУАЛИ, 39 лет, казах, скотовод, бедняк, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что ВМЕСТЕ СО СВОИМИ БРАТЬЯМИ ПОДГОТАВЛИВАЛ ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (см. абзац об АДИЛЕВЕ Аскаре и ИБРАЕВЕ Акпаре).

28. АДИЛЕВ АБУБАКИР, 37 лет, казах, бедняк, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО, СОСТОЯ В ШАЙКЕ СВОИХ БРАТЬЕВ, ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КАМПАНИИ ПО КОНФИСКАЦИИ:

«... в то время, когда экспедиция находилась в ауле Али КУНАНОВА, в ауле АДИЛЕВЫХ состоялось совещание, на котором участвовали: Байсеит, Мукуш, Аскар, Абубакир, Джолдасбай и Абуали — братья АДИЛЕВЫ, жигиты последних Нурлан КАРИБАЕВ и Акпар ИБРАЕВ, конфискованный бай АРГЫНБАЕВ и др. На этом совещании было решено организовать сопротивление экспедиции, проводящей конфискацию у баев» (л.д. 79, т. III, на обор., показания Мустафы САРТАЕВА).

29. АКПАР ИБРАЕВ, 25 лет, казах, батрак-бедняк, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что, **СОСТОЯ В БАНДЕ АДИЛЕВА ДИНМУХАМЕДА, ПРИНИМАЛ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ БАЙСКИХ ХОЗЯЙСТВ:**

«Мукуш (Динмухамед) и Байсеит активно организовывали сопротивление экспедиции по проведению конфискации. Они разъезжали по аулам с целью привлечения на свою сторону граждан, совместно с подлежащими конфискации баями устраивали совещания. Так, например, я сам лично видел, как Мукуш с Байсеитом, Нурланом и Акпаром **ИБРАЕВЫМ** с винтовками ездили в аул граждан Имамбая **БОТАМБАЕВА** и др.» (л.д. 54, т. II-а).

«...когда экспедиция находилась в ауле **Али КУНАНОВА**, Мукуш и Байсеит **АДИЛЕВЫ** вблизи своего аула на буре вырыли четыре окопа, в которых они сами дежурили на случай обороны и вооруженного сопротивления экспедиции, если последняя приедет в их аул. В окопах также находились джигиты — **Акпар ИБРАЕВ** и **Нурлан КАРИБАЕВ**, также наш брат **Аскар**» (л.д. 55, т. II-а).

Обвиняемый Аскар ИБРАЕВ в своем показании (см. 95, 96 и 106 листы, т. II):

«...виновным себя в предъявленном обвинении — в участии на совещании в ауле Адилевых, по вопросу о методах сопротивления о экспедиции, в участии в сооружении окопов для тех же целей — **ПРИЗНАЛ**» (л.д. 106, т. II).

30. КАРИБАЕВ НУРЛАН, 28 лет, казах, бедняк, беспартийный, подданный СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО ОСУЩЕСТВЛЯЛ СВЯЗЬ МЕЖДУ **АДИЛЕВЫМ** И ЕГО **ШАЙКОЙ** С ОДНОЙ СТОРОНЫ И **ОРГАНИЗАЦИЕЙ АЛАШ-ОРДИНЦЕВ**, возглавляемой **ДУЛАТОВЫМ Мир-Якубом** и др. — с другой (т. I, стр. 43, 44, 45, 46, 47);

2) В ТОМ, ЧТО ВМЕСТЕ С АДИЛЕВЫМ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КАМПАНИИ ПО КОНФИСКАЦИИ (см. выше об АДИЛЕВЫХ и Акбаре АКПАЕВЕ).

31. БАЙДУЛЛАЕВ АГАБЕК, 27 лет, казах, середняк, беспартийный, состоял под следствием и, находясь под стражей по делу о взяточничестве, бежал из Чимкентского домзака, скрываясь до момента поимки (л.д. 136, т. I).

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО БЕЖАЛ С ПОМОЩЬЮ АДИЛЕВА ДИНМУХАМЕДА ИЗ-ПОД СТРАЖИ И, ПРИСОЕДИНИВШИСЬ К ЕГО ШАЙКЕ, ОСУЩЕСТВЛЯЛ СВЯЗИ ШАЙКИ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ АЛАШ-ОРДИНЦЕВ (л.д. 272—276, т. I-а).

С шайкой АДИЛЕВА поддерживали связи уголовно-скотокрадческие шайки Тарактинского района.

По этому поводу свидетель Рыскулбек ДОСПУЛОВ показал следующее:

«... обращались ли братья АДИЛЕВЫ к руководителям уголовных бандшаек Мадыбеку, Битымбаю и Бакаю с просьбой оказать им содействие в вооруженном сопротивлении экспедиции при проведении ею конфискации байского имущества — я не знаю, но хорошо знаю, что они, АДИЛЕВЫ, с ними имели связь до последнего времени, например, Байсеиту летом 1928 года Мадыбек, Битымбай и Бакай собрали 7 лошадей, 3 верблюдов и 400 руб. денег» (т. III, л.д. 74).

Бандиты этих уголовных шаек, ныне арестованные, каждый в отдельности обвиняется в следующем:

32. АРГЫМБАЕВ МУХАМЕДЬЯ, 29 лет, казах, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО В 1922 ГОДУ СПОСОБСТВОВАЛ РАЗОРУЖЕНИЮ ОТРЯДА АБУБАКИРОВА И ЕГО УБИЙСТВУ (см. л.д. 130, т. II).

33. АЛИН АРТЫКБАЙ, 32 года, казах, бай, имущество конфисковано согласно декрету КазЦИКа в 1928 г.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ ЖЕ, ЧТО И АРГЫМБАЕВ МУХАМЕДЬЯ, т. е. В СОУЧАСТИИ РАЗОРУЖЕНИЮ ОТРЯДА АБУБАКИРОВА И ЕГО УБИЙСТВЕ в 1922 г. (см. л. д. 130, т. II).

34. КЕНЧИМОВ МАДЫБЕК, 46 лет, казах, бай, беспартийный, гражданин СССР. Роль КЕНЧИМОВА характеризуется следующим показанием Биттибая АБДЫКЕЕВА:

«Мадыбек КЕНЧИМОВ в бывшей Тарактинской волости является одним из авторитетных и влиятельных лиц, ни одно предложение, ни одно желание Мадыбека не остается без выполнения — скот ли Мадыбек просит или предлагает выполнить другие его поручения, население всегда выполняет его приказания» (л. д. 76, т. III).

«В июне 1928 г. Мадыбек отобрал печать и штамп у предсельсовета, избранного в последнюю выбранную кампанию КАШКЫМБАЕВА Сарсембека и передал их Суюндуку САПАКОВУ» (там же на обороте).

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ВЕЛ ПОДГОТОВКУ К ОКАЗАНИЮ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ БАЙСКИХ ХОЗЯЙСТВ И РУКОВОДИЛ ДЕЙСТВИЯМИ БАНДШАЕК АБДЫКЕЕВА И ТОКМАНБАЕВА:

«... в сентябре 1928 года бай, чье имущество было конфисковано, из Акмолинского округа сбежали на Сары-Су и явились к Мадыбеку КЕНЧИМОВУ, Битымбаю АБДЫКЕЕВУ и просили у последних помощи или содействия на случай погони за ними из Акмолинска. Мадыбек и Битымбай собрали бедноту и устроили совещание по поводу защиты акмолинских баев.

Мадыбек советовал этим баям уехать на р. Чу и там скрываться. Когда эти баи уехали на Чу, из Акмолинска прибыл отряд милиции, около 12 чел. Этот отряд в качестве заложника взял сына Битымбая Тунгатара. Тогда Битымбай и Мадыбек собрали много казахов и пошли к отряду требовать выдачи сына Битымбая, который и был отпущен» (л.д. 76, т. III).

«Затем, когда отряд поехал на Чу за этими баями, то последние в это время находились у руководителя уголовной шайки Бакая, который против Акмолотряда открыл ружейный огонь, но впоследствии сбежал» (л.д. 76 и 77, т. III).

35. ТОКМАНБАЕВ БАКАЙ, 25 лет, казах, профессионал-скотокрад, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ВОЗГЛАВЛЯЛ БАНДИТСКО-СКОТОКРАДЧЕСКУЮ ШАЙКУ И В СВЯЗИ С КОНФИСКАЦИЕЙ БАЙСКОГО ИМУЩЕСТВА ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КАМПАНИИ ПО КОНФИСКАЦИИ И ВСТУПАЛ В ПЕРЕСТРЕЛКУ С ОТРЯДАМИ МИЛИЦИИ, ПРЕСЛЕДОВАВШИМИ ПОДЛЕЖАЩИХ КОНФИСКЦИИ БАЕВ (т. II, см. абзац о КЕНЧИМОВЕ).

36. АБДЫКЕЕВ БИТЫМБАЙ, 35 лет, казах, профессионал-скотокрад, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО, ВОЗГЛАВЛЯЯ БАНДИТСКУЮ ШАЙКУ ПОД РУКОВОДСТВОМ КЕНЧИМОВА, ОКАЗЫВАЛ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОТРЯДУ МИЛИЦИИ, проводившему конфискацию байских хозяйств (см. абзац о КЕНЧИМОВЕ) и отбил у отряда милиции своего сына, взятого в качестве заложника (л.д. 76, т. II).

37. АБДЫКЕЕВ ПИТТИБАЙ, 40 лет, казах, середняк, беспартийный, профессионал-скотокрад, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ В УГОЛОВНО-СКОТОКРАДЧЕСКОЙ БАНДШАЙКЕ СВОЕГО БРАТА БИТЫМБАЯ.

38. БЕКТУРСЫНОВ БАЖАН, 51 года, казах, середняк, беспартийный.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) в том, что ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В РАЗОРУЖЕНИИ ОТРЯДА И РАССТРЕЛЕ АБУБАКИРОВА;

2) в том, что УЧАСТВОВАЛ В УГОЛОВНО-СКОТОКРАДЧЕСКОЙ ШАЙКЕ КЕНЧИМОВА (см. 137 и 138 л.д., т. II).

39. МАИЛИЕВ ЕРКЕ, 40 лет, казах, бедняк, профессионал-скотокрад, беспартийный, подданный СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ УЧАСТНИКОМ БАНДИТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАЙКИ ТОКМАНБАЕВА БАКАЯ.

40. ТУРУСПЕКОВ АБДРАХМАН, 37 лет, казах, профессионал-скотокрад, бедняк, беспартийный, подданный СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ УЧАСТНИКОМ ШАЙКИ ТОКМАНБАЕВА БАКАЯ.

41. МУХАНОВ КАКЕН, 26 лет, казах, бедняк, профессионал-скотокрад, беспартийный, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ЯВЛЯЛСЯ УЧАСТНИКОМ ШАЙКИ ТОКМАНБАЕВА БАКАЯ.

К числу обвиняемых по данному делу относятся.

42. КУЛМУРАТОВ ТАЖИБАЙ, 38 лет, казах, беспартийный, в 1926 году был осужден по 113 ст., на 3 года 4 мес., амнистирован.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО СПОСОБСТВОВАЛ ПОБЕГУ ИЗ КЗЫЛ-ОРДИНСКОГО ДОМЗАКА БАЙСЕИТА АДИЛЕВА И ПОСЛЕ ПОБЕГА УКРЫВАЛ ЕГО (см. т. I).

43. БАЙДИЛЬДИН АБДРАХМАН, 32 лет, казах, быв. член ВКП(б), исключен в 1929 году за службу в

колчаковской контрразведке, журналист, гражданин СССР.

ОБВИНЯЕТСЯ:

1) В ТОМ, ЧТО СОСТОЯЛ СЕКРЕТНЫМ АГЕНТОМ КОЛЧАКОВСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ.

БАЙДИЛЬДИН, рассказывая о его вербовке контрразведкой штаба 3-й колчаковской армии, показал:

«Я решил дать формальное согласие. Я так и сделал. Татарин (вербовщик) взял с меня письменное обязательство в следующей примерно редакции:

Я, **БАЙДИЛЬДИН**, даю свое согласие быть сотрудником-осведомителем штаба 3-й армии» (л.д. 361, т. 1-6).

2) В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ СВЯЗАН С ЛИДЕРАМИ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДУЛАТОВЫМ и др., ВЕЛ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКУЮ ПРОПАГАНДУ И АГИТАЦИЮ (см. его показания, л.д. 250 по 256, т. 1-6).

Считая, что следствием дело закончено и все вышеуказанные преступления доказаны,

ПОЛАГАЛ БЫ:

1. Привлечь в качестве обвиняемых:

1. БАЙТУРСЫНОВА АХМЕТА — по 58/2, 58/4 и 58/11 ст. УК.

2. ДУЛАТОВА МИР-ЯКУБА — по 58/2, 58/4 и 58/11 ст. УК.

3. ИСПУЛОВА МИРЗА ГАЗЫ — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

4. ГАББАСОВА ХАЛИЛЯ — по 58/2 ст. УК.

5. АДИЛЕВА ДИНМУХАМЕДА — по 58/2, 58/8 и 58/11 ст. УК.

6. АЙМАУЫТОВА ДЖУСУПБЕКА — по 58/2, 58/8 и 58/11 ст. УК.

7. БЕРЕМЖАНОВА ГАЗЫМБЕКА — по 58/4 и 58/11 ст. УК.

8. ЮСУПОВА АХМЕТ САФА — по 58/11, 58/13 ст.ст. УК.

9. БОЛГАМБАЕВА ХАЙРЕТДИНА — по 58/11 ст. УК.

10. ДЖУМАБАЕВА МАГЖАНА — по 58/11 ст. УК.

11. БАЙТАСОВА АБДУЛЛУ — по 58/11 ст. УК.

12. ОМАРОВА ЭЛЬДЕСА — по 58/11 ст. УК

13. БИТЛЕУОВА ДАМУЛЛА — по 58/4 ст. УК.

14. ДЖАЛЕНОВА КАРИМА — по 58/11 ст. УК.

15. ДУЛАТОВА АСКАРА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

16. БОЛТУРУКОВА ОСПАНА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

17. ТУЙГЫМБЕКОВА ДЮЗЕНА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

18. ИСМАГАМБЕТОВА ТЕМИРЖАНА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

19. БАРЛЫБАЕВА ЖАРАХМЕТА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

20. ЖУРКАКОВА КУЛАХМЕТА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

21. КЕНШИМБАЕВА ДАРХАНА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

22. УРАЗБЕКОВА АБДУЛЛУ — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

23. ИСПУЛОВА ЕСЕНБАЯ — по 58/11 ст. УК.

24. МУРАТОВА ТУРЕКУЛА — по 58/11 ст. УК.

25. САТБАЕВА ИБРАГИМА — по 58/10 ст. УК.

26. АДИЛЕВА АСКАРА — по 58/2 и 136 ст. УК.

27. АДИЛЕВА АБДУАЛИ — по 58/2 ст. УК.

28. АДИЛЕВА АБУБАКИРА — по 58/2 ст. УК.

29. ИБРАЕВА АКПАРА — по 58/2 ст. УК.

30. КАРИБАЕВА НУРЛАНА — по 58/2 и 58/11 ст. УК.

31. БАЙДУЛЛАЕВА АГАБЕКА — по 58/11 и 82 ст. УК.

32. АРГЫМБАЕВА МУХАМЕДЬЯ — по 58/10 ст. УК.

33. АЛИНА АРТЫКБАЯ — по 58/10 ст. УК.
34. КЕНЧИМОВА МАДЫБЕКА — по 58/2 и 59/3 ст. УК.
35. ТОКМАНБАЕВА БАКАЯ — по 58/2 и 59/3 ст. УК.
36. АБДЫКЕЕВА БИТЫМБАЯ — по 58/2 и 59/3 ст. УК.
37. АБДЫКЕЕВА ПИТТИБАЯ — по 59/3 ст. УК.
38. БЕКТУРСУНОВА БАЖАНА — по 59/3 ст. УК.
39. МАЙЛИЕВА ЕРКЕ — по 59/3 ст. УК.
40. ТУРУСПЕКОВА АБДРАХМАНА — по 59/3 ст. УК.
41. МУХАНОВА КАЖЕНА — по 59/3 ст. УК.
42. КУЛМУРАТОВА ТАЖИБАЯ — по 81 ст. УК.
43. БАЙДИЛЬДИНА АБДРАХМАНА — по 58/10 и 58/13 ст. УК.

II. Руководствуясь постановлением Президиума ЦИК СССР от 9.IV—27 г., передать дело на рассмотрение Коллегии ОГПУ.

III. Дело в отношении ТЛЕУЛИНА Накипа и ТУЙ-ГУМБЕКОВА Дюзена за смертью — ПРЕКРАТИТЬ.

СПРАВКА: все арестованные находятся под стражей в Бутырской тюрьме. Срок содержания продлен През. ЦИК СССР до 31.III.30 г.

ПОМНАЧ 2 ОТД (подпись)	Павлов.
«СОГЛАСЕН»:	
ПОМНАЧ ВООГПУ (подпись)	Соболев.
«УТВЕРЖДАЮ»: НАЧ ВООГУ (подпись)	Дьяков.

№ 117. 4 апреля 1930 г. Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебное).

СЛУШАЛИ:

Дело № 78754 по обвинению гр. Байтурсынова Ахмета, Дулатова Мир-Якуба по 58/2, 58/4, 58/11, 58/10 ст. УК, Испулова Мирзагазы по 58/2, 58/11, 58/10 ст. УК, Габбасова Халела по 58/2 ст. УК, Адилева Динмухамеда, Аймауытова Джусупбека по 58/2, 58/8, 58/11 и 58/10 ст. УК, Беремжанова Газымбека по 58/4, 58/11 и 58/10 ст. УК, Юсупова Ахмедсафу по 58/1, 58/13 и 58/10 ст. УК, Болганбаева Хайна, Жумабаева Магжана, Байтасова Абдуллу, Омарова Элдеса, Джаленова Карима по 58/11 и 58/10 ст. УК, Битлеуова Дамуллу по 58/4 ст. УК, Дулатова Аскара по 58/4 ст. УК*.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Байтурсынова Ахмета,
2. Дулатова Мир-Якуба,
3. Испулова Мирзагазы,
4. Габбасова Халела,
5. Адилева Динмухаммеда,
6. Аймауытова Джусупбека,
7. Беремжанова Газымбека,
8. Юсупова Ахмедсафу,
9. Кенчимова Мадибека,
10. Токманбаева Бакая,
11. Абдыкеева Бакая,
12. Абдыкеева Питтимбая,
13. Байдильдина Абдрахмана **расстрелять!**
14. Битлеуова Дамуллу,
15. Дулатова Аскара,
16. Болтурукова Оспана,
17. Исмагамбетова Темиржана,
18. Барлыбаева Тарахмета,
19. Журкакова Кулахмета,

* Жиыны төменде томда корсетілген 42 адам — Т. Ж.

20. Испулова Есенбая
приговорить к высшей мере наказания с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

21. Жумабаева Магжана,

22. Омарова Элдеса,

23. Урзабекова Абдуллу,

24. Сатбаева Ибрагима,

25. Адилева Аскара,

26. Адилева Абуали,

27. Адилева Абубакира

заключить в концлагерь сроком на 10 лет.

28. Болгамбаева Хайна,

29. Байтасова Абдуллу

заключить в концлагерь сроком на 5 лет с заменой высылкой через ПП ОГПУ в Северный край на тот же срок.

30. Жаленова Карима,

31. Кенжимбаева Дархана,

32. Муратова Турегула,

33. Ибраева Акпара,

34. Карибаева Нурлана,

35. Байдуллаева Агабека

заключить в концлагерь сроком на 5 лет.

ИМУЩЕСТВО ОСУЖДЕННЫХ:

Байтурсынова Ахмета,

Дулатова Мир-Якуба,

Адилева Динмухаммеда (Мукуш),

Жумабаева Магжана,

Дулатова Аскара,

Болтурукова Оспана,

Исмагамбетова Темиржана,

Барлыбаева Жалахмета

Испулова Есенбая,

Муратова Турегула,
Кенчимова Мадибека
конфисковать с оставлением трудовой нормы.

36. Аргымбаева Мухамедию,

37. Алим Аргынбая,

38. Бектурсынова Божана,

39. Майлиева Ерке,

40. Турдебекова Абдрахмана,

41. Муханова Какена,

42. Кулмуратова Тажибая

заклучить в концлагерь сроком на 3 года.

Секретарь коллегии ОГПУ (подпись)

VII том, 309 стр.

**№ 118. 8 января 1931 г. Слушали, пересмотрели
дело**

ПОСТАНОВИЛ:

Постановление коллегии ОГПУ от 4/1V 1930 г. в
отношении гр.гр.:

Беремжанова Газымбека,

Испулова Мирзагазы,

Дулатова Мир-Якуба,

Байтурсынова Ахмета

АННУЛИРОВАТЬ.

VII том, 331 стр.

*1928—1929 жылдары алаш қайраткерлерінің бірінші
тобының үстінен жүргізілген тергеудің соңы.*

*Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов
над алашевцами. Т. 2. С. 48—76.*

**119. В 3-м томе Литературной энциклопедии,
издававшейся в СССР с 1929 по 1939 год, опублико-
ваны биографические данные Мир-Якуба Дулатова
(под статьей стоят инициалы А.Б. — Алихан**

Букейханов). Издание было прервано после выхода в 1939 г. 11-го тома.

Всего в энциклопедии размещено более 5 тысяч статей, в том числе о национальных языках и литературе, творчестве национальных литераторов, литературных школах, течениях, направлениях, подробно описаны литературные понятия и т. д.

ДУЛАТОВ Мир-Якуб (1885 — 1935) — крупнейший современный казахский поэт, журналист, лидер партии «Алаш». Родился в семье казаха-скотовода, образование получил сперва в аульной школе, затем в Тургайском 2-классном русско-киргизском училище; он был аульным учителем. Начало литературной деятельности Дулатова относится к 1906 г. В 1909 г. он выпускает первый сборник стихов «Оян, қазақ!» («Проснись, казах!»), через год роман «Бахытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал»), который изображает угнетенную казахскую женщину. В 1913 г. вышел второй сборник стихов Дулатова под названием «Азамат» («Юноша»), в котором, наряду с оригинальными произведениями, напечатаны переводы на казахский язык стихотворений «Спор» Лермонтова и «Роза» Пушкина.

Дулатов занимался также публицистикой, сотрудничал в ряде казахских периодических изданий: «Қазақ», «Бірлік туы», «Ақ жол», «Айқап», «Шолпан», «Сана» и др.

Являясь одним из идеологов молодой казахской буржуазии, Дулатов в своих произведениях воспекает национальное возрождение казахского народа, необходимость перехода к культурному образу жизни, улучшения положения женщины и т. д. После Октябрьской революции Дулатов является одним из организаторов буржуазно-националистической партии «Алаш», а за-

О. Г. П. У.

Мом 1/II 91

№ 78754

1

ДЕЛО

по обвинению: Ахмедов З, Сула
в. М., Бермуданова Т, Баманбаев
Миттегов, Райсунбаев А, Маму
в. М., Ахмедов К и др.

211494

ЗАИ:

Начато

21/II 1941 г.

21/II 1941 г.

Окончена

19 г.

511494
511384

Протокол обыска

139

г.г.р. Геракл, 29 г.р. Лр. Кзыл-Кр.

А, Митсенодтисавиший, сотрудник Мотт
м. Казахстану Саяна, на основании
ардера за № 103 от 29/хII, произвел обыск
в квартире гр-на Якушова Мух. Яков.
по гр. Сидоренкова, 9 н 17.

При обыске присутствовали сотрудники Мотт
м. Ксер м. Сидонов, а также гр-н Фиди-
визова м. Мамеев и Бурлев, а также прописан-
ный в квартире Якушова гр-н Раффино Мух.
Мух.

При обыске изъято, 96 предметов, в
мноту следующие:

1. Рукоты статей, о подданстве Казахо" на 20 1/4
2. Металл, предметка: 1) металлический от 26. 2) тот же
- 3) тот же, 4) тот же ко или, псевд от 20/хI 20. 5) от Ма-
монта Мамедбаева тисам. 19/хI 20. 6) Рукоты Басарин
- 7) неизвестный сток с возраж, 8) металлический Саван.
- 9) металлический Сидоренков, 10) метел. Олур с от от
- 11) мет. Фухарнап, 12) металлический Якушова,
- 13) метел. Фаден, 14) тисам Сидоренков -
- 15) Надрок о родословной, 16) Рукоты (тисам)
- Ибраимова, 17) тисам брада метел. Байгомина, 18) М
- Соло + асектака, 19) ево-ме-тисам, 20) Воттисам
- из кародий. метел. ератур.
3. Рукоты казакской истории 4 метел. 27/3 сг.
4. Рукоты хасан-Алиева - Сокр. Нар. метел. - 20/3 сг.
5. Словари-рукоты - 3 метел.

сер. за № 103 от 24/XII, произвел обыск
квартиры №-на Якупова Мир. Яку.
Ур. Сивилевской д. № 17.

При обыске присутствовали Сотрудники Моту,
Ксер. т. Симонов, а также Ур-цы Ф.
Антона и. Мамеев и Бураев, а также проведены
работы в квартире Якупова Ур-ца Рахимова Мир.
тава.

При обыске Ур-цы, д. доставлены в
Моту. следующие:

1. Рукоты статей, о подданности казахов - № 20/1
2. Метиз, предметка: 1) метизация от 25. 2) метиз,
3) метиз, 4) метиз ка. и. и. метиз от 28/XI 28, 5) от ма-
шина Мамедбаева метиз 12/X 28, 6) Рукоты Басарова
7) Независимый список о казаках, 8) метизация Савина,
9) метизация Симбирская, 10) метиз. Очерк от 28/XI,
11) мет. Зинхарна, 12) метизация Пудильская,
13) метиз. Фаден, 14) метиз (Сибирская -
15) Матроски о родословии, 16) Рукоты (метиз)
Мухоморова, 17) метиз д. и. и. метиз Багратова, 18) мет.
Семь х. асерава, 19) метиз - метиз; 20) Метизация
из кародит метиз метиз.
3. Рукоты Казанской истории 2 метиза 27/3 ср.
4. Рукоты Хасан - Алиев - Сопр. Нар. метиз - 20/3 ср.
5. Словари - рукоты - 3 метиз.
6. Рукоты Язаника № 41 ср.
7. Заметки о родословии казаков Мухоморова 28/XI 4 ср.
8. 2 рукоты с метизом - Сопр. кародит метиз метиз.
9. Грамота метиз №.
10. Газета "Казак" с метизом. 4 метиза

лист № 9/14 (мгн).

Арестован у-н Ахметов и
Про обвесе никаких претензий
Заквину.

Обсуждающим

54 Ахметов
Фигуров

Присутствующий:

Судья
Пучков
Мавров
Рязанов

Всех присутствующих Силин

Рассмотрено:

В дни заседания протокол осмотра
подписан 54 Ахметов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1931 года, марта 19-го дня, г. Алма-Ата.

Н. Оперуполномоченный ОО ППОПУ ПОНОВ, рассмотрев сего числа поста-
новление Коллегии ОПУ от 13/1-31 г. по делу БАЙТУРСУНОВА Ахмета и др.
и, что согласно данному постановлению подлежат выселению и семьи.
Понных БАЙТУРСУНОВА, ДУЛАТОВА и ИСПУЛОВА, на основании изложенного

П о с т а н о в и л :

Семьи БАЙТУРСУНОВА, ДУЛАТОВА и ИСПУЛОВА выселить для отбытия ссылки
Томск.
Копию постановления направить РСО ППОПУ для исполнения.

Опер. Уполномоченный ОО

/ПОНОВ/

Согласен: Вр. Нач. ОО ППОПУ

Силин

/Силин/

Утверждаю: Нач. Сов. ППОПУ

/РОГОЗИН/

ВО ОГПУ.
21/XI-29г.

копия.
КОМАНДАНТУ ОГПУ.
Служебная записка.

2388

Просим при переводе ДУЛАТОВА Мир Якуба из тюрьмы дома 14 в Бутырскую тюрьму поместить в камеру ВМЕСТЕ с БА. ТУРСУНОВЫМ, АЙМАУТОВЫМ, БОГАНБАЕВЫМ, ИСПУЛОВЫМ, БЕРЕМЖАНОВЫМ, ЖУМАБАЕВЫМ, ЮСУПОВЫМ, БАЙТАСОВЫМ, ОМАРОВЫМ и ДЖЕЛЕНОВЫМ.
Перевод ДУЛАТОВА в Бутырки произвести сего дня же.

Нач. Восточного Отдела ОГПУ Дьяков.

Подлин. в наряде

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО:

Упр 371 88
НАЧ. БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ ОГПУ.

КОПИЯ: НАЧ. СЛАГ ОГПУ - г. К е м ь.

Препровождается выписка из протокола ~~Следственного~~ Кол-
легии ОГПУ от 18 Января 1931 г. по делу № 78754

1 на исполнение БЕРЕМЖАНОВА Газизбек, ИСПУЛОВА
Имрегази, ДУЛАТОВА Мир-Якуб и БАЙТУРСНОВА
Ахмет -

отправить с первым отходящим этапом в г. Кемь, в распоря-
жение СЛАГ ОГПУ, под усиленным конвоем.

363285

Приговор объявить под расписку на обороте выписки и приложить к
тюремному делу.

Свидание разрешается на общих основаниях. *Чме*

ПРИЛОЖЕНИЕ: Выписка. 4 и ф/карт. 1.

Нач. ОЦР ОГПУ

Нач. Учетделения

Выписка из протокола

ЗМ

нояб.

сания Коллегии ОГПУ (судебное) от, 13 Января 1931 г.

С Л У Ш А Л И:

П О С Т А Н О В И Л И: Доп. 1.

№ 78754 по обр. гр.
ДУЛАТОВА МИР-ЯКУБ по
делам, 58/4, 58/10 и 58/11
т. УР.
в рассл. в пор. пост.
Мин. СССР от 9/6-27г.)

ДУЛАТОВА МИР-ЯКУБ - пригово-
рять к РАССТРЕЛУ с за-
меченной заключением в конц-
лагерь, сроком на ДЕСЯТЬ
лет, считая срок со дня
ареста.
Имущество - КОНФИСКОВАТЬ,
СЕМЬЮ - выслатъ.

(подпись) верно:

Секретарь Коллегии ОГПУ

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

985
Замечание 10 мая

Дело № 73754 по обв. гр. гр.
БАЙТУРСУНОВА Ахмеда, ДУЛАТОВА
Мир Якуб по 58/258/4, 58/11,
58/10 ст. УК.
ДУЛАТОВА Мирза Газан, по 58/2,
58/10 ст. УК.
РАИХОВА Калиль по 58/2 ст.

ДУЛАТОВА Диньмухамед, АИМАУТОВА
Ажусупбек по 58/258/8, 58/11
и 58/10 ст. УК.
БЕРЕМАНОВА Газизбек по 58/1,
58/11 и 58/10 ст. УК.
ОСУНОВА Ахмед Саиф по 58/11,
58/1 и 58/10 ст. УК.
БАЙТОВА Хайратдина, ДУМУ-
БАЙ Магжан, БАЙТАСОВА Абул-
КАСЫМ Эльдер, ДИЛЕТОВА Карима,
ДУЛАТОВА Дамулла по 58/4 ст.

ДУЛАТОВА Аскара, БАЙТУРСУНОВА
Оспан, ИСМАГАМБЕТОВА Темиржан,
КАСЫМОВ Ахмед, КЕНЧИМОВА Мадьябек,
КАСЫМОВ Ахмед, КЕНЧИМОВА Мадьябек,
Дархана, ТРАСЫНОВА Абдулла,
по 58/2, 58/10 и 58/11 ст. УК.
ДУЛАТОВА Есенбая, МУРАТОВА Ту-
рали по 58/10 и 58/11 ст. УК.
САИДОВА Ибрагима по 58/10
ст. УК.
ДУЛАТОВА Аскара по 58/2 и 136
ст. УК.
АДИЛОВА Асуали, АДИЛОВА Абу ба-
кира АНКАР Ибрагима по 58/2
ст. УК.

ИМАЛОВА Нурулан по 58/2,
58/10 и 58/11 ст. УК.
ИМАЛОВА Рабига по 58/11
и 58/2 ст. УК.
ИМАЛОВА Мухамед, АЛИН
Али по 58/10 ст. УК.
БА Мадьябек, ТОХТАНБАЕ-
ВУ АБДИМАНОВА Виттибай
по 58/3 ст. УК.
ДИЛЕТОВА Питтибай, БЕКТУРСУН-
ОВА Бажан, МАЛШЕВА Ерке, ТУРСУН-
ОВА Абдрахмана, МУХАНОВА Каким
по 58/3 ст. УК.
ТУРСУНОВА Газизбай по 31 ст.
ТУРСУНОВА Абул-Касим по
108/3 ст. УК.
Али, Ибрагима, в (постан.
през. № 5508 от 10-27 г.)

1. БАЙТУРСУНОВА Ахмеда,
2. ДУЛАТОВА Мир Якуб,
3. ИСПУЛОВА Мирза Газан,
4. ГАВВАСОВА Халиль,
5. АДИЛОВА Диньмухамед,
6. АИМАУТОВА Ажусупбек,
7. БЕРЕМАНОВА Газизбека,
8. КАСУПОВА Ахмед Саиф,
9. КЕНЧИМОВА Мадьябек,
10. ТОХТАНБАЕВА Бакай,
11. АВДИКЕЕВА Виттибай,
12. АВДИКЕЕВА Питтибай,
13. БАЙДИЛЬДИНА Абдрахмана,
14. БИТЛЕУОВА Дамулла,
15. ДУЛАТОВА Аскар,
16. БАЙТУРСУНОВА Оспан,
17. ИСМАГАМБЕТОВА Темиржан,
18. БАРШЕБАЕВА Марахмет,
19. ТУРСУНОВА Абул-Касим,
20. ИСПУЛОВА Есенбай,

приговорить к ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ с
заменой заключением в концлагерь сро-
ком на ДЕСЯТЬ лет.
21. ИМАЛОВА Магжан,
22. ОМАРОВА Эльдер,
23. УРЗАЕКОВА Абдулла,
24. САТБАЕВА Ибрагима,
25. АДИЛОВА Аскара,
26. АДИЛОВА Асуали,
27. АДИЛОВА Асубакира,
28. заключить в концлагерь сроком
на ДЕСЯТЬ лет.
29. ВОЛГАМБАЕВА Хайретдина,
30. БАЙТАСОВА Абдулла,
31. заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ
лет с заменой высылкой через ПИОГПУ в
севкрай на тот же срок
32. ДИЛЕТОВА Карима,
33. КЕНЧИМОВА Дархана,
34. МУРАТОВА Турекул,
35. АНКАР ИБРАЕВА,
36. КАРИБАЕВА Нурулан,
37. БАЙДУЛЛАЕВА Агабаса,
38. заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ
лет.
ИМУЩЕСТВО осужденных:
БАЙТУРСУНОВА Ахмет,
ДУЛАТОВА Мир Якуб,
АДИЛОВА Диньмухамед (Мукуш)
ИМАЛОВА Магжан,
ДУЛАТОВА Аскар,
БАЙТУРСУНОВА Оспан,
ИСМАГАМБЕТОВА Темиржан,
БАРШЕБАЕВА Марахмет,
ИСПУЛОВА Есенбай,
МУРАТОВА Турекул,
КЕНЧИМОВА Мадьябек,
КОНФИСКОВАТЬ с оставлением труд. норм,
36. АРТИКБАЕВА Мухамедья,
37. АЛИН АРТИКБАЙ, выслать через ПИОГПУ в
севкрай сроком на ТРИ года
38. БЕКТУРСУНОВА Бажан,
39. МАЛШЕВА Ерке,
40. ТУРСУНОВА Абдрахмана.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

42. КУЛМУРАТОВА Тажибай -
заключить в концлагерь срок
на ТРИ года.
Дело сдать в архив.

СЕКРЕТАРЬ КОЛЛЕГИИ ОГПУ:

Выписка из протокола

здания Коллегии ОГПУ (судебное) от . 4 . — апреля

1930

СЛУШАЛИ:

по № 78754 по обз. гр. гр.
БАЙТУРСУНОВА Ахмеда, ДУЛАТОВА
о Якуб по 58/2, 58/4, 58/11,
710 ст. УК.

ИСПУЛОВА Мирза Газы, по 58/2,
711, 58/10 ст. УК.

ГАББАСОВА Халиль по 58/2 ст.

АДИЛЕВА Динмухамед, АИМАУТОВА
Джусупбек по 58/2 и 58/8, 58/11
и 710 ст. УК.

БЕРЕЖАНОВА Газымбек по 58/4,
11 и 58/10 ст. УК.

ЮСУПОВА Ахмед Сафа по 58/11,
13 и 58/10 ст. УК.

БОЛГАМБАЕВА Хайретдина, ДЖУМА-
БАЕВА Магжан, БАЙТАСОВА Абдул-

УМАРОВА Эльдес, ДЖАЛЕНОВА Карима,
58/11 и 58/10 ст. УК.

БИТЛЕУОВА Дамулла по 58/2 ст.

ДУЛАТОВА Аскара, БАЛТУРКОВА

Оспан, ИСМАГАМЕТОВА Темиржан,

НАРЛБАЕВА Марахмет, КУР-
БАКОВА Кулахмет, КЕНЖИМБАЕВА

Дархана, УРАЗБЕКОВА Абдулла,
58/2, 58/10 и 58/11 ст. УК.

ИСПУЛОВА Есенбай, МУРАТОВА Ту-
рекул, по 58/10 и 58/11 ст. УК.

САТБАЕВА Ибрагима по 58/10
УК.

АДИЛЕВА Аскара по 58/2 и 136
УК.

АДИЛЕВА Абуали, АДИЛЕВА Абу ба-
кира, АКПАР Ибраева по 58/2
УК.

КАРИБАЕВА Нурлан по 58/2,
10 и 58/11 ст. УК.

БАЙДУЛЛАЕВА Агабека по 58/11
и 82 ст. УК.

УМАЕВА Мухамедья, АЛИН
ИКАЕВ по 58/10 ст. УК.

КЕНЖИМБАЕВА Мадубек, ТОГМАНБАЕ-
ВАКАЙ, АБДИКЕЕВА Биттибай

по 58/2, 58/3 ст. УК.

ИКЕЕВА Питтибай, БЕКТУРСУНО-
ВАН, МАДИЕВА Бире, ТУРСИЕ

А Абдрахмана, МУХАНОВА Какен
по 58/3 ст. УК.

МУРАТОВА Тажибай по 81 ст.

БАЙДУЛЛА Абдрахмана по
10 и 58/13 ст. УК.

по расм. в пор. постан.
СНК СССР от 9/6-27г.)

ПОСТАНОВИЛИ:

1. БАЙТУРСУНОВА Ахмеда,

2. ДУЛАТОВА Мир Якуб,

3. ИСПУЛОВА Мирза Газы,

4. ГАББАСОВА Халиль,

5. АДИЛЕВА Динмухамед,

6. АИМАУТОВА Джусупбек,

7. БЕРЕЖАНОВА Газымбека,

8. ЮСУПОВА Ахмед Сафа,

9. КЕНЖИМБАЕВА Мадубек,

10. ТОГМАНБАЕВА Вакай,

11. АБДИКЕЕВА Биттибай,

12. АБДИКЕЕВА Питтибай,

13. БАЙДУЛЛА Абрахмана,

Р а с с т р е л я т ь .

14. БИТЛЕУОВА Дамулла,

15. ДУЛАТОВА Аскар,

16. БАЛТУРКОВА Оспан,

17. ИСМАГАМЕТОВА Темиржан,

18. НАРЛБАЕВА Марахмет,

19. КУРБАКОВА Кулахмет,

20. ИСПУЛОВА Есенбай,

приговорить к ВИСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ

заменой заключением в концлагерь сро-

ком на ДЕСЯТЬ лет.

21. ДЖУМАБАЕВА Магжан,

22. УМАРОВА Эльдес,

23. УРАЗБЕКОВА Абдулла,

24. САТБАЕВА Ибрагима,

25. АДИЛЕВА Аскара,

26. АДИЛЕВА Абуали,

27. АДИЛЕВА Абубакира,

28. заключить в концлагерь сроком на

ДЕСЯТЬ лет.

29. БОЛГАМБАЕВА Хайретдина,

30. БАЙТАСОВА Абдулла

заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ

лет с заменой высылкой через ПЛОТПУ в

северной на тот же срок.

31. ДЖАЛЕНОВА Карима,

32. КЕНЖИМБАЕВА Дархан,

33. МУРАТОВА Турекул,

34. АКПАР ИБРАЕВА,

35. КАРИБАЕВА Нурлан,

36. БАЙДУЛЛАЕВА Агабека,

заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ

лет.

ИМУЩЕСТВО осужденных:

БАЙТУРСУНОВА Ахмет,

ДУЛАТОВА Мир Якуб,

АДИЛЕВА Динмухамед (Мукуш)

ДЖУМАБАЕВА Магжан,

ДУЛАТОВА Аскар,

БАЛТУРКОВА Оспан,

ИСМАГАМЕТОВА Темиржан,

НАРЛБАЕВА Марахмет,

ИСПУЛОВА Есенбай,

МУРАТОВА Турекул,

КЕНЖИМБАЕВА Мадубек

Заказное

Москва Центр.

указав место, где находится почта, и область или край, а для сельских
наименование села или деревни.

155400 HILB, A. C. 1980. *Journal of the American Water Resources Association* 16: 103-112.

Курзнецкий мост, 24, кв. 7
полит. красным крест.

Э. Н. Немковой или М. Л.

12. Катерина Ва
(подростки - именные адреса)

Викавер.

«отправителя: Амуд-Вод, ул. Юны
Мамедгаров, 39. Духанова Т.

Председателю Красного
Креста, по оказанию помощи
политзаключенным, 61

тов. Винавер или
Е.Н. Гемковой

от гр.ки Дулатовой
Гайки-Гамал, проживающей
в г. Ашхабада, по улице Юных
Коммунаров, № 39.

Мною получено письмо
от мурза Дулатова Муш-Дж
следующего содержания; Письмо
от 10/17-35 г. за подписанием
получил. Кто касается
своего здоровья, но и должен

сказать, что болезнь у меня
серьезная и весьма опасная
(сердечная астма). Я уже
активирован поставившим инва-
лидам, т.е. не годным как к
физическому, так и умствен-
ному труду.

Теперь остается просить
вас об одном: кто из близких
людей просите взять меня
на свое содержание и поруки.
Ходатайствовать об этом
можете перед НКВД при
президиумом ВУЗК куда
именно лучше подавать зая-
вление, посоветуйтесь с близким,
освободившимся по активировке
(по инвалидности).

К сожалению, я не могу поехать

65-50
вам справку об активировании,
а вы в своем заявлении об-
явление есть, а там справку
могут потребовать сами.
К сведению - я арестован 29/XII-21
по обв. по ст. 58 2, 4, 10, 11 УК и осужден
на десять лет, срок наказания
отбываю в концлагере Бийск.
ББК заявление подавайте не-
медленно и мне сообщите
куда, когда и как оно подано.
Вот все, что могу сказать
о себе".

Ввиду такого положения
здоровая душа, мною подано
заявление в президиум ВЛСРК а
2/VI - 352. и прилагаю Вам копию
заявления, и моя большая
с Вами просьба: оказать мне

содействие с Вашей стороны.

Адрес мужа:

ст. Сосновка Кировск. ж.д.

Батг. ББК, центральный лагерь

Дулатову Мир. Якубу.

с просьбой: Дулатова Г.Ж.

Подпись Дулатовой

Васильева. Пред. поселков.

С.В. Дубовиков. А.М. —

2. А.М. —

ул. Юных Коммунаров, 39

1/II-35г.

48635849
20-35
Г.Ж. ДУЛАТОВОЙ.

В ответ на В/обращение сообщая, что оказать содействие не можем, т.к. в ВДКе справок на находим.

Москва

Посыльный Красный
Крест т. Пешковой

В Посыльный Красный Крест.
т. Пешковой, Москва.

Муртасай Байтурсунов Ахмет Байтурсунов.
(казак), находящийся под арестом в Бутырской тюрьме,
в 1934 г. до Сестринской сестры написать мне
детские письма. А потому прошу Вашего содей-
ствия не отказать сообщать мне, где находится
и где мой Байтурсунов Ахмет. В настоящее время
адрес мой: Астана-Ата, Каротнекань 83. Байтур-
сунов Байрисар

Из Казани 12 дн.

Прилагается, почт. марка даст. в 20 коп.

Байтурсунов

1. "13/12 - 13/12 - 10 л.

Будем в Союзе, писан Кем, Инд. Лавров?

2022. --

38 9390
Гр-ке БАЙТЕРСУНОВОЙ. 2/III-31

В ответ на Ваше обращение сообщая, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, постановлением от 13/1-31 г. муж Ваш, БАЙТЕРСУНОВ, Ахмед Байтерсулович, приговорен к заключению в к/лагерь сроком на 10 лет и направлен в Соловецкий лагерь. Писать ему можно по адресу: Кемь Мурман.д. Управление лагерей заключенному:.....

тем и правительства «Алаш-Орда». Он не отказался от своих взглядов и после советизации Казахстана. Как литератор в данное время находится в правом фланге казахской литературы.

Библиография: Оян, қазақ! Казань, 1909; Бахытсыз Жамал. Казань, 1910; Азамат. Казань, 1913.

№ 120. 15 июня 1931 г. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

Управление Соловецких и Карело-Мурманских исправительных лагерей. Отд. Уч. распредел. 15 июня 1931 г.

ВОЦР ОГПУ

г. Москва, 1 отд. ЕЛАГ для объявления Дулатову Мир-Якубу.

Препровождается заявление закл. Дулатова Мир-Якуба о зачете ему пред-го заключения до суда с 29.12 1928 г. по 15.07.1929 г.

О результате просьба сообщить осужден. КОГПУ 13/1 — 1931 года по статье 582, 4, 10, 11 УК срок 10 (замен, в.м.н.).

Пом. нач. управл. (подпись)

№ 121. Справка в центральной регистратуре ОГПУ.

В центральной регистратуре ОГПУ значится, что гражданин Дулатов Мир-Якуб Дулатович, 1885 года рождения, Казахская АССР, Кустанайский округ, Наурузумский р-н, обвиняется по статье 58/2, 4, 11, 10 постановлением коллегии суда от 4.04.30 г. к ВМН (высш. мера наказ.).

Имущество конфисковано до трудовой нормы, параграф 26, постановление коллегии от 8.05.31 г., пост. коллегии от 4.04.30 г. аннулировать.

26.01 колл. суда 13.01.31 г. приговор к расстрелу заменить концлагерем сроком на 10 лет со дня ареста. Имущество конфисковать, семью выслать.

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Т. 1. С. 226—231.

№ 122. 26 ноября 1933 г. Дулатову Мир-Якубу Дулатовичу. Архангельск, Соломбала, 1-я деревня, 1-я линия, дом, 9.

АКСЕР п./о. Попов остров, 1-е Соловецкое СЛАГ 1, Лагпункт, Дулатову Мир-Якубу Дулатовичу.

(Хаттың кейінгі табылған толық нұсқасы)

Дендерің сау, аман жүрсіңдер ме? 31 декабрьде бір хат жазған едім. Оны алған-алмағандарыңнан дерек жоқ. Мен әлі орынға кіре алмай жүрмін. Мекемелерді ықшамдап, жер аударылғандарды алмау деген ағын тұсына кез келіп, еш жерге орналаса алмай тұрғаным. Орын болмаған соң, қай жағынан болса да хал нашар болатыны белгілі ғой.

Бір жағынан — ауру, екінші жағынан — суық, үшінші жағынан — аштық, үш жақтап қысып, әркімнің атсалысқан көмегі арқасында күнелтіп келе жатқан жай бар. Бұл қалыппен көпке бармай бір шегіне барып тынатын шығармын. Қырбаласы (Ө. Бөкейханов) қолдан келген көмегін істеп-ақ жатыр. Бірақ көмекпен күнелту мұнда өте қиын. Қазір қара нанның kilosы 12 сомға жетті. Ол не шыдатар? Жұмыста болмаған соң, нан карточкесі де жоқ, столовой нанды карточкесіз бермеген соң, нанды базардан алып жемеске шараң жоқ. Базар бағасы анау. Онымен қанша нан сатып алуға, тойынып тұруға болар. Қазір әбден арықтап, жүдеп болдым. Жылы киімім жоқ.

Күн мұнда Аралдағыдай емес. Өте суық. Аштық, арықтық, суық тағы бір жағынан айналдырған соң, ел

қалай күнелтпек? Елдің хабары өздеріңе мәлім күйде, жұмысы біткен. Қырбаласының ел жайынан жазған хаты қолды болып, қолыма тиген жоқ. Қужақ (Голощекин) екі жолдасымен (— ?) орнынан түскен. (Жолдастары кім екенін жазбайды.) Қазақ жайы соқырға көрінген, саңырауға естілген болса керек.

Әлімхан (Ермеков), Әуезұлы (Мұхтар) екеуі тәуба қылып шыққан. Басқалары: Сейдазым (Қадырбаев), Мұхамеджан Т. (Тынышбаев), екі дос Халел және Жаһанша (Досмұхамедовтер), Ақбай (Жақып) ақсақ інісімен (Әбділхамид), Әшім (Омаров), ұзын Мұхтар (Мүрзин) — бұлар Воронеж қаласында. Аудандарында: Көшке (Кемеңгеров), Жұмағали (Тілеулин), Мұстафа (Бұралқиев), М. (Мұңайтпасов) Әбдірахман, Нәшір (Қожамқұлов), (Жұмақан) Күдері баласы, бәрі де қызметке қатын-балаларымен тұрған көрінеді. Мен де: «Не қатын-балаларыма мұнда келуге, не мені онда баруға ұрықсат ет», — деп Мәскеуге арыз беріп едім, хабары жоқ.

Жақын арада жазушының (М. Горькийдің) бұрынғы қатыны (Пешкова) бастық болып тұрған мекеме (Қызыл Крест қоғамы) арқылы арыз бердім. Мұнда қазіргі жай-күйімнің бәрін айтып: «Өлсін демесеңдер мені не жылы жаққа жіберіңдер, не қатын-балам тұрған жерге жіберіңдер. Мен бұл күйде тұрғанда өлемін», — деп жазып отырмын. Мұнан анау қатын арқылы бірдеме болар деген үміт бар. Мұнан еш нәрсе шықпаса, шынында да өлу ғана қалады.

Мұнда срогі біткендерді де босата қоймай, бәрін осында ұстап отыр екен. Соңғы күндері босатулары сұрапыл; күні-түні қағаздарын беріп, қойша ағытып жатыр. Күні біткендерден ешкім қалатын көрінбейді. Өздері «Қалам», — деп тілесе ғана қалдырады. Мұнда Абдолла қатын-баласымен тұрады. Олар да мекеме

ықшамдауына ілігіп еді, қатыны басқа орын тауып кірді де, өзі бұрынғы орнына 10 күннен соң қайта кірді. Жақын арада Алматы жағынан үй іштерімен көп қазақ келді деп еді. Оларға әлі жолыққаным жоқ.

Хош, Ахмет.

*Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов
над алашевцами. Т. 2. С. 311—313*

123. Соңғы жылдары табылған құжаттар факсимилесінің көшірмесі

14 июля 1935 г.

Заказное письмо

Москва, Центр. Кузнецкий мост, 24, кв. 7, Полит-
красный крест,
Е. П. Пешковой или М. Л. Винавер.
Алма-Ата, ул. Юных Коммунаров, 39,
Дулатова Г.

Председателю Красного Креста по оказанию помощи политзаключенным тов. Винавер или Е. П. Пешковой от гр-ки Дулатовой Гайни-Жамал, проживающей в г. Алма-Ате по улице Юных Коммунаров, № 39.

Мною получено письмо от мужа, Дулатова Мир-Якуба, следующего содержания: «Письмо от 10/IV—35 г. за подписью детей получил... Что касается моего здоровья, то я должен сказать, что болезнь у меня серьезная и весьма опасная (сердечная астма). Я уже активирован постоянным инвалидом, т. е. негодным как к физическому, так и умственному труду.

Только остается просить вас об одном: кто-либо из близких людей просите взять меня на свое иждивение и поруки. Ходатайствовать об этом можете перед НКВД при президиуме ВЦИКа. Куда именно подавать заявление, посоветуйтесь с лицами, освободившимися по активровке (по инвалидности).

К сожалению, я не могу послать вам справку об активировании, а вы в своем заявлении объясните суть, а там справку могут затребовать сами.

К сведению, я арестован 29/XII—22 г. по обв. по ст. 58 (2, 4, 10, 11) УК и осужден на десять лет, срок наказания отбываю в концлагере 5 отд. ББК. Заявление подавайте немедленно и мне сообщите, куда, когда и кем оно подано. Вот все, что могу сказать о себе».

Ввиду такого положения здоровья мужа мною подано заявление в президиум ВЦИКа 2/VI—35 г. и

прилагаю Вам копию заявления, и моя большая к Вам просьба: оказать ему содействие с Вашей стороны.

Адрес мужа: ст. Сосновец Кировск. ж.д., 5 отд. ББК, центральный лазарет, Дулатову Мир-Якубу.

С просьбой: Дулатова Г.-Ж.

Подпись Дулатовой

Заверяю: пред. поселкового совета (подпись)
г. Алма-Ата, ул. Юных Коммунаров, 39.

1/VII.1935 г.

20/VII—35 г.

Г.-Ж. Дулатовой

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что оказать содействие не можем, так как не находим медицинского освидетельствования.

124. Протокол обыска

29 декабря 1928 г., г. Кызыл-Орда.

Я, нижеподписавшийся сотрудник ППОГПУ по Казахстану Саенко, на основании ордера за № 103 от 29/XII, произвел обыск в квартире гр-на Дулатова Мир-Якуба по ул. Сильверстова, д. № 17.

При обыске присутствовали сотрудник ППОГПУ по КССР т. Симонов, граждане кр-цы дивизиона т. Матвеев и Бугаев, а также проживающий в квартире Дулатова гр-н Рафиков Миртаза.

При обыске изъято, доставлено в ППОГПУ следующее:

1. Рукопись статьи «О подданстве казахов» — на 20 п/л.

2. Личная переписка: 1) телеграмма от 25 г., 2) то же, 3) то же, 4) письмо 28/XI—28 г., 5) от Ташима Молдыбаева письмо 12/X—28 г., 6) Рукопись, 7) неизвестный список о возрасте, 8) телеграмма Салаша,

9) телеграмма Омыртая, 10) телеграмма Амрета, 11) телеграмма Зулхарнай, 12) телеграмма Пумалибека, 13) телеграмма Да...ен, 14) письмо Сламбака, 15) наброски о родословной, рукопись (письмо) Ибрагимова, 17) письмо брата жены Балгожина, 18) письмо Хасенгалия, 19) его же письмо, 20) выписка из народной литературы.

3. Рукопись о казахской истории, 4 тетради, 273 стр.

4. Рукопись Хасан-Алиева. Совр. народ. литер. 209 стр.

5. Словарь-рукопись — 3 тетради.

6. Рукопись Рязанова объемом 41 стр.

7. Заметки о родословной казахов Тургайского уезда объемом 4 стр.

8. 2 рукописи о совр. народной литературе.

9. 14 фотокарточек.

10. Газеты “Қазақ”, 4 тетради.

Арестован гр-н Дулатов М.-Я., при обыске никаких претензий не заявлено.

Обыскиваемый (подпись)

Присутствовали (подписи)

Обыск производил (подпись)

Расписка:

Один экземпляр протокола обыска представлен Дулатову (подпись)

ВО ОГПУ.

21/XI—29 г.

125. Копия Коменданту ОГПУ

Служебная записка

Просим при переводе Дулатова Мир-Якуба из тюрьмы дома №14 в Бутырскую тюрьму поместить

в камеру вместе с Байтурсыновым, Аймауытовым, Болганбаевым, Испуловым, Беремжановым, Жумабаевым, Юсуповым, Байтасовым, Омаровым и Джаленовым.

Перевод Дулатова в Бутырку произвести сегодня же.

Нач. Восточного отдела ОГПУ Дьяков

С подлинным верно

(подпись)

126. Нач. Бутырской тюрьмы ОГПУ

Копия: Нач. СЛАГ ОГПУ — г. Кемь

Препровождается выписка из протокола Коллегии ОГПУ от 13 января 1931 г. по делу № 78754 на исполнение Беремжанова Газымбека, Испулова Мирзагазы, Дулатова Мир-Якуба и Байтурсынова Ахмета — отправить с первым отходящим этапом в г. Кемь, в распоряжение СЛАГ ОГПУ под усиленным конвоем.

Приговор объявить под расписку на обороте выписки и приложить к тюремному делу.

Свидание разрешается на общих основаниях.

Приложение: выписка — 4 и ф/карт. — 4.

Нач. ОЦР ОГПУ

Нач. Учотделения

127. Выписка из протокола № 314

Копия

Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 13 января 1931 г.

Слушали:

Дело № 78754 по обв. гр. Дулатова Мир-Якуба по ст. 58/4, 58/10 и 58/11 ст. УК.

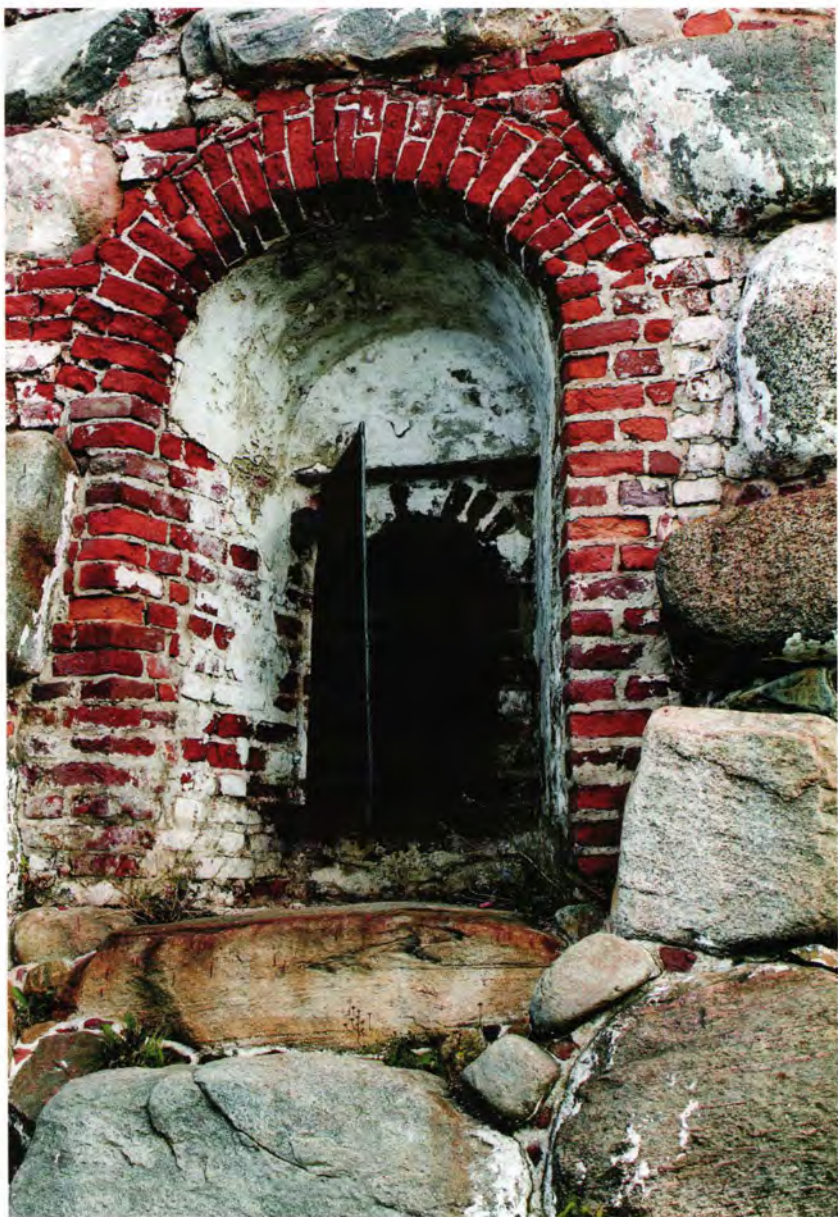
Дело рассм. в пор. пост. ЦИК СССР от 9/VI—27 г.

Постановили:

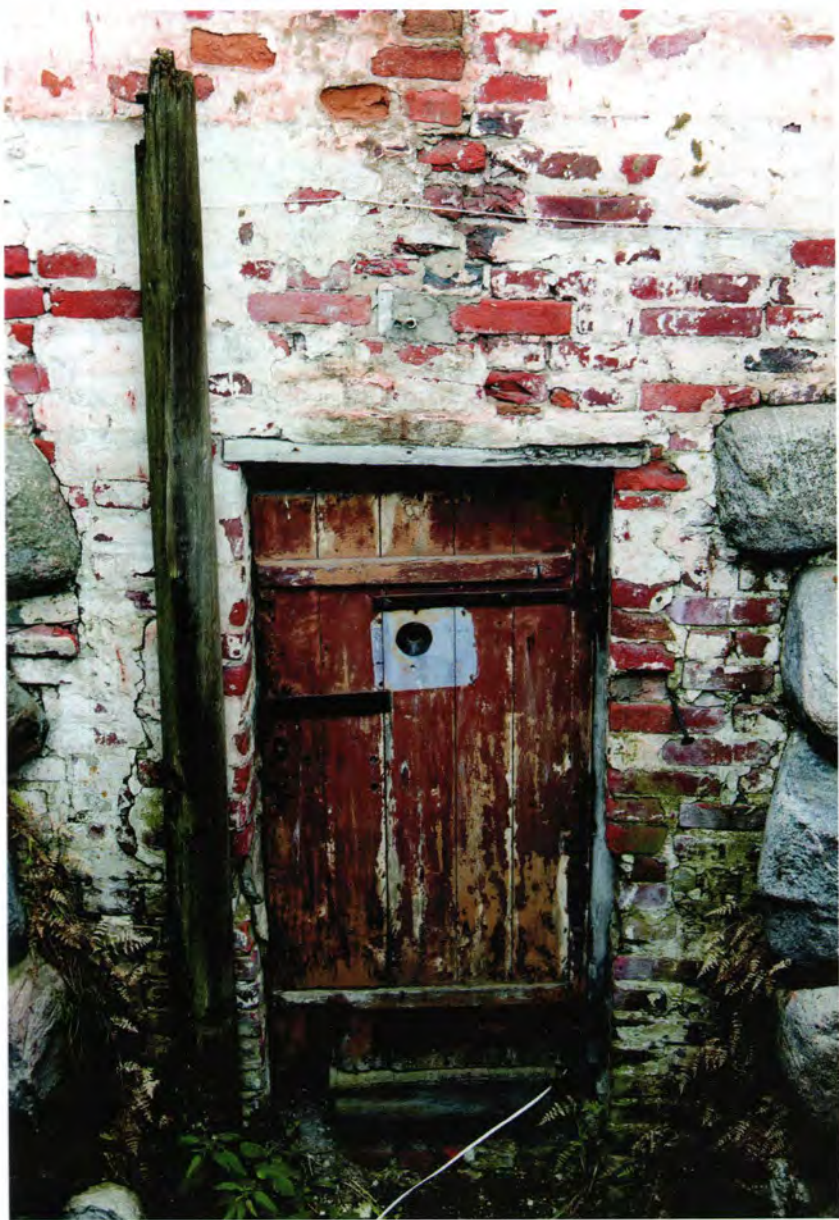
Дулатова Мир-Якуба приговорить к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на десять

Соловецкідегі монастырь

Соловецк монастырының көрінісі

Соловецк монастырының көрінісі

Беломорканал лагері әкімшілігі. 30-жылдар

Беломорканал лагері әкімшілігінің қазіргі көрінісі

Беломорканал картасы

Соловецкідегі лагерь құрбандарына қойылған ескерткіш

Режиссер Б. Барысбеков пен архивтегі құжаттарды табуға көмектескен
Н. Сошина

Қ. Әлім мен Н. Ф. Серегин М. Дулатұлы 1 ай отбасымен тұрған үйдің
жанында

Соловецкідегі М. Дулатұлы зиратының басында.
Суретте С. Ф. Фролова, М. Әбсеметов, үшінші адам белгісіз

Тарих ғылымдарының докторы, профессор
Виль Зайнуллович Галиев

Жазушы, филология ғылымдарының докторы, профессор,
алаштанушы Тұрсын Құдагелдіұлы Жұртбай

лет, считая срок со дня ареста. Имущество конфисковать, семью выслать.

Верно

(подпись)

Секретарь Коллегии ОГПУ

128. Постановление от 19 марта 1931 г.

Оперуполномоченный ГОО ППОГПУ Попов рассмотрел сего числа постановление Коллегии ОГПУ от 13/I—31 г. по делу Байтурсынова Ахмета и других осужденных. Согласно данному постановлению подлежат выселению семьи Байтурсынова, Дулатова и Испулова. На основании изложенного решено: семьи Байтурсынова, Дулатова и Испулова выслать для отбытия ссылки в г. Томск.

Копию постановления направить РСО ППОГПУ для исполнения.

Оперуполномоченный ОО Попов (подпись)

Согласен: ВР. Нач. ОО ППОГПУ Саенко (подпись)

Утверждаю: Нач. СОУ ППОГПУ Рогозин (подпись)

129. Москва, Политический Красный Крест, т. Пешковой

Муж мой, Байтурсынов Ахмет Байтурсынович (казах), находящийся под стражей в Бутырской тюрьме с 1930 г., перестал писать мне, детям. А потому прошу Вашего содействия не отказать в моей просьбе, сообщить, где находится мой муж, Байтурсынов Ахмет, в настоящее время.

Адрес мой: Алма-Ата, Нарынская, 83, Байтурсыновой Б.

1931 января 10 дня.

Приложение: почтовая марка дост. в 20 коп.

(подпись)

21/III – 31 г.
Гр-ке Байтурсиновой

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, постановлением от 13/I—31 г. муж Ваш, Байтурсинов Ахмет Байтурсинович, приговорен к заключению в к/лагерь сроком на 10 лет и направлен в Соловецкий лагерь. Писать ему можно в Управление лагерей.

Естеліктер

ӨМІР ӨТКЕЛДЕРІ

Міржақып Дулатұлының өз қолымен қысқа жазылған өмірбаяны жұртқа таныс болса да, көпшілікке беймәлім жағы да аз емес. Мен бұл естелігімде сол жағына баса көңіл бөлмекпін. Мәліметтерді берген — әкемнің ағасы Асқардың қызы Ботагөз, ол Міржақып ағасын жетік білетін, оны «тәте» дейтін.

Бұл кісі ес білгелі үнемі тәтесінің қолында тұрып, тәрбиесінде болған. Оның сауатын ашып, одан әрі оқытқан да сол тәтесі еді. Ағасының үй ішімен араласып жүрген көптеген қазақ зиялыларының ортасында болып, бәрін өз көзімен көріп, үлкен әсер алған Бота апам, солардың әрқайсысының мінез-құлқын, тұр-сипатын қаз қалпында есінде сақтап қалған. Міржақыптың бағы жанып, жазушылық даңқы бүкіл қазақ халқына жайылып, мерейі үстем болып тұрған кезін көрген, соның куәсі болған Бота апам, ағасының шуақты күндерін сөндіріп, жас жанын қинап, жазықсыздан түрме азабын тартқызған жылдарында, сүйікті жеңгесі Ғайнижамалдың басына түскен қайғы-қасіретін бірдей бөліскен де осы — Бота апам. Біздің тұқымнан қалғандардың жас жағынан ең үлкені де Бота апам еді.

Тәтесінің өмір жолын жетік білетіндігін, ағасы туралы оның естелік-деректері шыншылдығымен қымбат екендігін ескеріп, барлық жайттарды — әкемнің өмір өткелдерін сол кісінің аузымен баяндауды жөн көрдім. Сөйле, Бота апам!

– Біздің Дулатовтар әулетін сөз еткенімде, алдымен туған ошақ басы, өсіп-өнген ауыл, ел-жұрт есіме түседі. Көрген-білгендерімізді ұрпақтан-ұрпаққа жеткізу де ежелден қалыптасқан дәстүріміз болатын. Әулетімізде үлкені кішісіне, әкесі баласына, апасы сіңлілеріне айта жүретін әңгімелерден естігендеріміз құлағымызға әбден сіңіп қалатын-ды.

Міржақып төтемнің балалық шағын, одан бергі өмір жолын өз әкемнен талай рет естігем. Ал әкемнің Міржақып інісі үшін тартқан қайғысын өз көзіммен көргенмін және ел ішінде болып өткен сұрапыл оқиғалар жөнінде Зәуре шешемізден де естігендерім аз емес. Бәрі де бірін-бірі толықтырып айтып отыратын.

Менің атым – Ботагөз, Дулатұлы Асқардың қызымын. 1908 жылы 19 февральда Торғай өлкесінде, Сарықопада, Қоңыраулы өзенінің жағасында, үшінші ауылда туыппын, руым арғынның Мадияры.

Біздің тұқым Байжұмардан тарайды, Байжұмардан – Сансызбай, одан туғандар Ниязбек, Дулат (1849–1897). Дулат пен Дәмештен туған балалар: Асқар (1865–1938), Қонысбай (*Қошай*), Зылиха, Қанипа, Міржақып (1885–1935), Ақыжан 1973 жылы қайтыс болды.

Дулат атамыз ескіше оқыған, көзі ашық, көңілі ояу, ел ішіндегі дау-жанжалдан аулақ жүретін қарапайым кісі болыпты. Өзіне байлық-дәулет бітпеген, орта шаруалы, әр кәсіпке икемі бар, етік тігіп, ертұрман шабатын өнерімен аты шыққан, жұрт сыйлайтын ұста екен. Жұмыс үстінде атамыздың қолына біз кіріп кетіп, оған уақытында мән бермегендіктен, жарақаты ушығып, ақыры қағынды (*сепсис*) ауруынан қырық тоғыз жасында қайтыс болған. Дулаттың зайыбы Дәмеш – Қараман еліндегі атақты байдың қызы. Ол ақылына көркі сай, ажарлы кісі еді. Жиынтойларда домбыра тартып, өн салатын, айтыстарға да қатысып жүретін. Әңгімені қиыстырып, мәнерлеп

сөйлейтін. Қолынан іс келетін шебер, үй шаруасына ұқыпты, берекелі, қонақжай, ел-жұртқа жағымды, абысын-ажындармен тату, мейірімді ана еді.

Дөмештің атақты екі апасы болған. Бірі – Тоян, екіншісі – Өстеңке. Жұрт екеуін қосарлап атап Өстеңке – Тоян дейтін. Бұлардың атағы бүкіл елге жайылған. Сұлу арулар өздерінің шешендігімен жесір дауы, құн алу, барымтасы ма, әйтеуір, жұрттың сондай жанжал-дауларына билік жүргізіп, әділ шешім айтып, екі жақты татуластырады екен. Сондықтан Өстеңке – Тоянды жұрт сыйлап өткен. Сыртынан қанық жандар олардың дидарын көруге ынтық болған.

Өз әкем Асқар Дулатұлы ел ішінде беделі зор, жұрт сыйлайтын, оқыған кісі, ел басшысы, атқамінер болған. Біздің үйді «Үлкен үй» дейтін. Әкеміз Торғай дуанының судьясы, яғни биі болып жұмыс істеді. Дуанға жүрерде арнайы тігілген киімін киетін, қос шынжырлы медалін (оны «*знак*» дейтінбіз) мойнына салатын, ұмытпай қызыл масаты қалташаға салынған мөрін алатын. Ауылдағы келіндері ол кісіні «Би-аға» деп атайтын.

Әкем орта бойлы, толықтау, орақ мұрынды, бидай өңді, жылы шырайлы, мінезі салмақты, асықпай сөйлейтін кісі еді. Шешеміз Қадипша өте сымбатты, жібек мінезді, көргенді жерден шыққан, ошақ басын берік, ұқыпты ұстайтын, ауыл-аймаққа үлгі көрсете білген, барынша мейірімді ана, сүйікті жар, жақсы жеңге болғанын жұрт мақтан ететін. Жастай жетім қалған Міржақып қайнысын, шешесін жоқтатпай, бауырына салып еркелетіп өсірген. Міржақып төтем Қадипша жеңгесін келінеке, ағасын Ақай әке дейтін.

Әке-шешемізден туған балалар – Ескендір, Тоты, Ботагөз және Айдар. Кенжесін туғанда шешеміз кенеттен қайтыс болды. Міржақып келінекесінің мезгілсіз дүние салған қайғысын Ақай әкесімен бірдей

көтеріп, шиеттей балаларымен қалған ағасын аяп, бұл қасіретке қатты қиналды. Ағасына: «Аман-есен болсам, Ескендірді өзім қолыма алып оқытамын», – деген еді. Төтем кейін сол сертін орындады.

Өлі есімде, төтемнің маған бірде ренжіп: «Жетімдікті сен келінекем өлген соң көрдің», – дегені бар еді. «Неге?» дегенімде, мына оқиғаны айтқан: «Мен ауылдан шалғай, бөтен жерде мұғалім болып жүрдім де, үй ішін қатты сағынып, ауылға келдім. Бұл жаз айы еді. Үйге кірсем жан жоқ, көзім бесікке түсті, жанына таяп, пердені ашып қалғанымда, ұйқыдағы сенің кеудеңде иіріліп жатқан жыланды көріп, шошып кеттім. Дауысым қатты шығып айғайлаппын. Ақай әкем кіріп келіп, жыланды желкесінен қысып, сойылмен жаншып өлтірген еді. Қазақта мұндайды жаман ырымға жоритын, сол шешеңе көрінген екен».

Жас қалған балаларын асырап, ер жеткізу үшін әкеміз екінші рет өзіміздің ауылға таяу тұратын Зәуре деген қызға үйленді. Жұрт бізді есіркеп, балалардың жағдайы қалай болар екен? Зәуре тым жас, ана бола алар ма деген күдік те айтып жүрді. Бірақ Зәуре шешеміз ақылды кісілерден болып шықты, бәрімізді өзі туған балаларындай әлпештеп, аялап өсірді, ешбір зәбір, жетімдік көрсетпеді. Зәуре әрі келбетті, әрі саналы, әрі мейірімді бола білді. Ағайындар Зәуре десе, ішкен асын жерге қоятын. Асқардың жан серігіне дән ризалықтарын білдіріп, атын елге жайған еді.

Зәуре шешемізден үш ұл туды: Хайдар (1913–1985), Қайым (1915–1932), Адай (1919–1943). Зәуре шешемізді біз «әже» дейтінбіз. Тоты екеуіміз қатар өсіп, бой жеттік. Төтем бізге өне бойы сәлемдемеге таза матадан көйлек, айна-тарақ, өтір-сабын, былғары ұлтандар салатын. Әжеміздің қолы шебер, киім-кешекті өзі пішіп, өзі тігіп беретін. Біздің үсті-басымыз бүтін де сәнді жүретін. Үй ішін жинап, таза ұстайтын, әжеме жәрдем беретін Тоты екеуіміз

едік. Әкеміз сот мәжілісін жүргізерде, бәріміз әбігерге түсіп, киімдерін даярлайтынбыз. Әкем үйге оралғаннан соң, қос шынжырлы «знакті» әжем алып, жоғалмасын деп өрілген шашына шолпы орнына тағатын. Кей мезгілде асыққанда, «знакті» тез шеше алмай сасатын, сонда әкем: «Осы би мен болмай-ақ, сен бола қойшы», – деп әзілдеп күлетін.

Көктем шығысымен, бүкіл ел жан-жаққа, өздерінің атамекені жайлауға салтанатпен көшетін. Ең қызықты мезгіл – сол жаз айларын сағынып күтетінбіз. Күзге таман ауыл қыстауға оралып, Сарықопаны мекендейтін. Қоңыраулы өзенінің екі жақ жағалауына қаз-қатар салынған қыстаулар орналасқан-ды. Бұл – өзіміздің арғын мадиярлар іргелес отырған, қыз алысатын өтей-шымболаттың да жері.

Арқаның ұзаққа созылатын қаһарлы қысы малды қолға қарататын, сондықтан әр үйдің бір жағы – тұтас жабық мал қора болатын да, оның төбесіне шөп үйілетін, шаңырақтың көлеміндей етіп қалдырған ашық жерден таза ауа кіретін де, әрі жемшөп түсірілетін. Қораның үйге жақын бір шетінде шошала-сы, яғни тамақ пісіретін, азық-түлік, соғымның еті қойылатын асүйі болатын.

Қақаған аязда далаға шыға бермейтінбіз. Әркім өз үйінде, отбасында, бала-шағасының жанында, сығырайып жанған майшамның айналасында отыратын. Үйде бөтен қонақ болмаса, теңдік өзімізге – балаларға тиетін. Еріккендіктен әкемізді айналдырып мазалайтынбыз, бірге асық шашып «хан талапай» ойнайтынбыз, ертегі айтқызатынбыз. Әкемнің өзі де, інісін сағынудан болар, жалықпай оның бала күніндегі қылықтарын, жүрген-тұрғанын қызыға баяндайтын. Біз әңгімесін бар ықыласымызбен тыңдайтынбыз.

Ақай әкемнің айтуынша, Міржақыптың тілі ерте шығыпты, әуелі тілін төсеп сөйлейді екен, өсе келе

анық сөйлеп кетіпті. Дәмеш шешелері Міржақыпты басқа балаларынан гөрі айрықша жақсы көріпті. Қаз тұрып, апыл-тапыл жүре бастағанында-ақ, арқасынан түсірмей, ауыл сыртында молдадан оқып жатқан шәкірттердің жанына барады екен. Баласы жығылып қалмасын деп, күңшаш деген жұмсақ шөпті жіп тәрізді есіп, белінен байлап өзі бір ұшынан ұстап, балалардың арасына қоя беріп, қызыға қарап тұратын болса керек. Олардың қағаз-қаламдарына жармасқан баласын көрген шешесі мәз болып: «Менің жаным да ер жетіп, оқымысты болады, көрген аян түсім бар, сол келеді» деп қуанады екен. «Қуаныш ренжіспен қатар жүреді» демекші, Дәмеш аналарының өмірі ұзақ болмады, ұлы Міржақып бар болғаны екі жасқа толғанда, жетім қалды. Қаңтар айының қақаған аязы, күні-түні дамылсыз соққан үскірік ақ бораны, таудай үйілген қалың қары жұртты үйлерінен шығармай, марқұмды жерлеуге мүмкіндік бермепті. Қазаға көңіл айтуға келген кісілердің аяғы басылып, өліктің қасында отырған күзетшілердің көздері ілініп кеткенде, шешесінің қойнында жатып үйренген Міржақып өлген шешесінің қасына қисайып, ұйықтап қалыпты.

Осындай аянышты да қайғылы оқиға көргендерге де, естіген біздерге де ұмытылмайтын әсер қалдырған. Әлденеден қорыққандай бір-бірімізге тығыла, бүрісіп отырған түрімізге қарап, әкеміз күрсініп, мұңайып бір сәт үндемей қалатын, одан сөзін әрі қарай жалғастырып: «Сонымен, балалар, бір жылдан соң аталарың Дулаттың екінші рет үйленуіне тура келді. Жамантік деген кедейдің он төрт жасар Манәпиясына үйленді. Бұл шешемізден Ақжжан апаларың туған», — деп бір тоқтайтын.

— Енді, балалар, — деді тағы бірде Ақай әкем, — Міржақыптың бала кезін айтып берейін сендерге. Міржақып менен көп кіші, әрі інім, әрі баламдай қолымызда тәрбиеленді. Өзі қатарлас балалардан

бойы аласалау боп өсті, бірақ денесі тығыршықтай жұмыр, шапшаң қимылды болды. Үстін таза ұстап, жинақы жүретін. Мінезінен бірбеткей қайсарлық, өжеттік сезілетін, не бүлдірсе де, жасырмай турасын айтатын. Кемтар кісілерді, жарымжан мүгедектерді аяйтын, көңілшектігі, жұмсақтығы да бала шағынан байқалатын. Сөзінде тұратын, өтірік пен жағымпаздықты білмейтін. Ауызекі жұрттан естіген ертегілерді, қисса-дастандарды тез жаттап алып, айтып жүретін. Жастайынан әңгімешіл, қуақы, орайын келтіре сөйлеп, құрбы-құрдастары мен ересек кісілерді күлдіріп отыратын. Балаларды жанына жинап алып, әртүрлі ойындармен қызықтыратын. Қысты күндерде Қоңыраулының мұз айдынына барып сырғанақ тебетін. Өздерінің сиыр жүнінен пісіріп істеп алған, тығыз иленген доптарын «ақсүйек» дейтін. Соны таяқтарымен зырылдатып соғып, екі топқа бөлініп, бір-біріне ұпай салып ойнайтын балалар аяздан беттері қызарып, терлері бұрқырап үйге келетін.

Жаз айларында ауыл сыртындағы тақырға барып, асықтарын тізіп ойнағанда, ең атқышы да, көздегіші де біздің Міржақып болатын. Асықтан зеріккенде балалар бір-бірімен күресетін, не болмаса, жүгіріп жарысатын, бәрінен озатыны да – Міржақып. Суда жүзгіште өзі еді. Бір қызығы, Міржақып екі нәрседен – шынының сынығынан, балықтың сүйегінен қорқатын. Бала кезінде қалтасына салып ойнап жүрген шынының өткір ұшы санына кіріп, жарасынан азап шеккен, ал балықтың қылтаны тамағына қадалып, қақалып қалғаны бар. Сондықтан үйде жүргенінде, бәрімізге шыны сынығын ұстатпайтын, балық жегізбейтін. Осы оғаш қорқақтығы ер жеткенде де қалған жоқ.

Айта берсең, қызықтары көп. Ауылда көктемде, кейде өзеннің мұзы қозғалмаған кезде, ерте қой қоздайтыны болады. Әр бала бәсіре қозыларын өздері күтіп бағатын. Бір жылы Міржақыптың қозысы

аппақ, ал жолдасының қозысы қап-қара болыпты. Әлгі аңқау, не айтса, соған сене беретін досы: «Әй, Міржақып, осы сенің қозың неге аппақ?» – депті. Оған Міржақып: «Өзің қызық екенсің, соны да білмейсің бе? Мен құсап қошақаныңды апарып, Қоңыраулының мұзын ойып, суға түсіріп жумайсың ба?» – десе, бала соның бәрін істеп, қозысынан айырылады...

Әкемізден осындай қызық әңгімелерді әр кезде сұраймыз. Ол тағы да айтады:

– Ертеректе Ниязбек ағамыздың да атағы шыққан, ел билеген. Өзі шешен, өзі мырза, барынша адал болған. Жиған-терген мал-мүлкін салып, Меккеге барып, Ниязбек қажы атанған.

Міржақып сегіз жасқа келгенде, әкеміз Торғайға барып бір татар молданы жалдап әкеп, оған ағайындардың балаларын қосып оқытыпты. Бұл молданың өзі сауатсыз екен, құранның әптиегінен бөтен «білім» бермей, оқытуынан мән шықпағанын көрген оны ақысын төлеп, босатып жіберіпті. Екі жылдан соң әкеміз Міржақыпты жаңадан ашылған ауыл мектебіне түсірді. Оның алғаш сауатын ашқан, қазақша-орысша бірдей оқытқан кісі – Мұқан Тоқтабаев. Осы мұғалімді Міржақып кейін ылғи мақтап отыратын.

Ел ішіндегі мұғалімдерге жалақыны мезгілімен төлеп тұрмайтын, тұрмыс жағдайлары ауыр, үй-күйсіз жүрген мұғалімдер тұрақтамай, өзіне қолайлы жерге, басқа мектепке ауысып кетіп қалатын. Мұқан да бөтен ауылға барып орналасты. Одан кейінгі сабақ берушілер жиі ауысып, ұзақ тұрақтамады. Бір башқұрт мұғалім болды, өзі шала білімді, қазақша таза сөйлей де алмайтын, сабақ жүргізгенсіп, аздан соң балаларды тарқатып жіберетін. Оңаша үйдің есігін мықтап бекітіп алып, күні-түні жалғыз өзі отыратын. Кейіннен білдік, ол мұғалім емес, қаладан қашып, ел ішіне сіңіп, жалған ақша жасайтын аферист екен. Ақыры ол ұсталып, Сібірге айдалып кетті.

Міржақып ауыл мектебінде үздік оқып шықты, інімнің оқуын әрі қарай жалғастыруын мақұл көрдім. Өзім апарып Торғайдағы екіжылдық орыс-қырғыз (қазақ) училищесіне түсіріп қайттым. Міржақып осы оқу орнын 1902 жылы өте жоғары бағамен бітіріп, «Ауыл мұғалімі» деген атаққа ие болды. Інім осыдан басқа жерде оқыған жоқ. Бұл білімді місе тұтпай, талаптанып, өз білімін толықтыру үшін көп ізденетін. Сол замандағы белгілі орыс, татар жазушыларының кітаптарын оқитын, түрлі газет-журналдарды Орынбор, Омбы, Қазан, Уфа, Троицкіден жаздырып алатын. Газет беттерінде жарияланып жүрген екі кісінің жазғандарын қатты ұнататын. Авторларын сырттарынан ғана білетін. Бұл кісілердің бірі – ақын, жерлесі Ахмет Байтұрсынов, екіншісі – белгілі қайраткер Әлихан Бөкейханов болатын. «Жақсыны көрмек үшін» дегендей, Міржақыптың бар арманы осы екі ағасымен кездесу еді.

Он тоғыз жасар Міржақып ел аралап, еркін жүргенді тәуір көретін, бейтаныс қалаларда болып, оның тұрғындарының өмірімен танысатын. Ең алғашқы сәтті сапары 1904 жылы сонау Омбыға түсті. Сонда Ахмет, Әлихан ағаларымен танысады. Бұл кісілердің саяси көзқарастары, ұстаған бағытының орыс революционерлерімен үндесіп, патша үкіметінің отаршылдық саясатын әшкерелеуі, елді ұлт-азаттық көтеріліске үндеуі, жасырын ұйымға белсене қатысулары Міржақыптың санасын оятып, оған зор ықпал-әсер еткен.

Сол жылдардан бастап Міржақып осы ағаларының шәкірті саналды, бара-бара айнымас досы, пікірлес жолдасына айналды. Олар бірін-бірі «Ақа», «Әлеке», «Жақа» десе, бүкіл қазақ жұрты да солай атайтын болды. Міржақып мұғалімдік қызметін атқара жүріп, жазумен айналысатын, бірақ жазғандарын жасырып, кісіге көрсетпейтін. Ол өзінің жиған қаржысымен

1906 жылы тәуекелге бел байлап, Санкт-Петербургке жүріп кетті. Бұл сапарында тамаша қалада саяхаттап, өзіне белгілі қазақ интеллигенттері Ахмет Бірімжанов, Бақытжан Қаратаев, Әлихан Бөкейхановтармен, сондай-ақ басқаларға ақшалай көмек көрсеткен бай кісі – Қосшығұлов Шахмарданмен және бір топ қазақ оқушыларымен кездесіпті.

1906 жылы Санкт-Петербургте татарша шығатын «Ульфат» газетінің қазақша қосымшасы «Серке» газетінің бірінші санында жиырма бір жасар Міржақыптың тырнақалды өлеңі басылып шыққан. Бұл газетті патша цензоры бірден жауып тастаған. Одан кейін оның тұңғыш өлеңдер жинағы 1909 жылы «Оян, қазақ!» атымен Қазандағы Каримовтер баспасынан жарық көрген. Міржақып қолына кітабы тиісімен, ең алдымен, өзіме, одан кейін туыстарға сыйлыққа таратқан болатын. Қуанышым қойныма сыймай, барлық ағайын-жегжаттардың басын қосып, мал шалып, өзімше той жасадым. «Оян, қазақ!» қолдан-қолға тимей, аз уақыттың ішінде тез тарап кетті.

Міржақып, неге отырсың қалам тартпай,
Бөйге алмас болғанменен жүйрік шаппай.
Шаманды қадари хал көрсетсеңші,
Байғұс-ау, оянсаңшы қарап жатпай.

Не пайда бір орыннан қозғалмайтын,
Тазармас қара су да жатқан ақпай.
Артықтан тағылым алып, кемге үйретпей,
Жүруің лайық па ғақыл таппай?

Сен неге бой көрсетпей жасқанасың?
Тастаса көзің көрсін халық ұнатпай.
Бұл шақта сөз базары көтеріңкі,
Сынаспай бақытыңды сен де баптай, –

деген шумақтарын жұрт жаттап алып, аузынан тастамай айтып жүрді.

Інімнің атақ-даңқы жайылып, ел ішінде біздің де мерейіміз үстем болып, абыройымыз арта түсті. Жұрт

бұл кітапты қолдан, бақалшы саудагерлерден сатып алып, өте қадір тұтатын, ұзатылатын қыздардың жасауларына қосып беретін. Оны қыздар өздерінің қолсандықтарында сақтайтын.

Міржақып «Оян, қазақ!» кітабында езілген, санасы әлі төмен, сауатсыз халқын ұран салып өнербілімге шақырған. Қазақ елінің де басқа жұртпен терезесі теңеліп, іргелі ел болуын көксеген. Бұл ниет, үндері патша үкіметіне қарсылық деп саналып, Міржақыпты қуғынға түсірді, кітабын көмпескелеп, қайта шығармауға әрекет жасады. Бұған қарамастан, кітап төрт рет қайта басылып шыққан. Қуғындай берген соң, Міржақып 1910 жылы Қызылжар қаласына барып тұрды. Ол жерде жалданып, балаларды орысша оқытып жүргенінен біз де хабардар болатынбыз.

Бір хатында Міржақып мынаны жазған: «Қызылжарға келгелі бірталай кісілермен таныстым, олардың ішінде тез тіл табысып кеткенім – Жұмағали Тілеулин деген дәрігер. Ол әрі қаламы төселген жазушы екен. Өнерден де құр еместігі арамызды жақындата түсті. Оның үйіне барып тұрам. Осы қалаға келгелі орысша оқытып жүрген шөкіртім, Мағжан Жұмабаев сынды ақыным бар. Оның менен жасы кіші, жазған өлеңдері тамаша, ақындығы күшті, өте дарынды жігіт. Екеуміздің өмірге деген көзқарасымызда айырмашылық жоқ десем де болады, сырласып, достасып кеттік».

Кешікпей Міржақып сол екі досымен бірге түскен суретін салған, қырынан қойылған екі орындықта (*кресло*) Міржақып пен Жұмағали отыр, ал орталарында қолын қусырып тұрған – Мағжан. Бұл суретті мен ұзақ жылдар сандықта сақтадым. Сағынғанда қолыма алып көретінмін.

1910 жылы інімнің Қызылжарда тұрғанында «Бақытсыз Жамал» романын жазып, Қазанда бастырып шығарғанын кітабы қолымызға тигенде ғана білдік. Бас-басымызға бір-бірден қолтаңбасымен

жіберген. Кітаптармен сәлем-сауқат та алдық. Сондағы қуаныш-шаттықты, балаларым, сендерге айтып жеткізу қиын. Бұл кітабы елге тез тарап кетті. Бізге көршілес ауылдардан келушілер сылтау тауып, қалап әкететін болды. Кітап ескі салттың шырмауынан шыға алмаған, еріксіз малға сатылатын қазақ қыздарына күшті әсер етті. Жамалдың өлеңмен баяндайтын аянышты өмірінен қыз-келіншектер өз бастарынан кешкен қайғысын, зар-мұңын көрді. Романды оқығанда, олар көз жастарын тыя алмай, уһілеп отыратын. Жастар жиын-тойларда, кешкі отырыстарда мына жолдарды сүйіп айтатын:

Қыз байғұс қолға түскен сандуғаштай,
Торында өмірі өтер кілтін ашпай.
Сатады мал көп берген кісі болса,
Кетеді жылап сорлы қарсыласпай...

Қыз байғұс – ел жұртына келген қонақ,
Мысалы, қызғалдақтай ғұмыры шолақ.
Күн келер өз басынан ерік кетер,
Қалалық осындайда күліп-ойнап...

Жақсы қыз баға жетпес бір гауһар тас,
Он алты, он жетіге жеткенде жас,
Жаннаттың пісіп тұрған алмасындай,
Қол жетпес, қандай жігіт ләззат алмас.

Сұлу қыз рақаттың кілті емес пе?
Қолыңа түсіре алсаң, бар-дағы аш.
Тізілген меруерттей отыз тісі,
Нұрлы жүз, жайнаған көз, қиылған қас.

Шекеде көмшат бөрік, киген асыл,
Сылдырап алтын полпы, иықта шаш.
Бұралған тотықұстай мүшелері,
Бозбала сұхбаттасқан болмай ма мас...

Ақай әкемнің осындай әңгімелері таусылмайтын.

Біз де шешемізден қайталап, қазбалап, «Міржақып ағамыз ауылға қашан келіп кетіп еді? Енді бізге келе ме? Қазір қай жерде жүр?» – деп сұрайтынбыз. Сондағы Зәуре әжемнен естігенім:

...Айта берсең, әңгіме көп, өткенді еске алудың өзі адамды тебіrentпей қоя ма? Біздің үйдің арқасүйері, тірегі әрі мақтанышы сол қайным, атын атамаймын. Ағаларыңнан хабар болмай кетті. Осындай белгісіз жағдай Ақай әкелеріңді көп ойландыратын, өне бойы мазасы кетіп, тыныштық таппай, сары уайымға түсетін. Інісінің болашақ өмірі, дамылсыз қуғынға ұшырауы, табан тірердей тұрақты мекені болмауы, жұрт қатарлы үйлене алмай жүруі, енді мынау – ұзақ уақыт хабарсыз кетуі ағасының жанына қатты батып, ол үйден шықпай, төсекте уілеп бүк түсіп, бүркеніп жатып қалатын.

Бәріміз қайнымның хатын зарығып күтетінбіз. Бір күні өзіміз жаздырып алып оқитын «Айқап» журналының 1911 жылғы 9-нөмірі келді. Міржақып Қызылжардан Семейге барыпты. Соңынан қалмай, басқан ізін бақылап жүретін полиция оның жатқан үйіне тінту жүргізіп, талай жазушылардың бағалы кітаптарын, өзінің даярлаған оқу құралдарын, жазып жүрген шығармаларының қолжазбаларын, өлең кітабы «Оян, қазақты!», «Бақытсыз Жамал» романын көмпескелеп алыпты да, өзін Семей түрмесіне қамапты...

1913 жылы аңсап күткізген Міржақыптың Орынбордан жазған хаты келді. Жүрегіміз орнына түсіп, бірсыпыра тынышталып қалдық. Міржақып хатында амандығын білдіріп, Семей түрмесінде бір жарым жыл отырып, енді құтылғанын жазыпты:

«Семеймен қош айтысып, ізімді білдірмеуге тырысып, Түркістан қаласына жеттім, жасырын күнкөрісте болғандықтан, сіздерге хабар жеткізе алмадым. Түркістан және оған таяу жердегі Қарнақ қыстағында қазақ, өзбек, қырғыз ағайындардың арасында паналап, 1913 жылдың басына дейін сонда болдым. Түркістанда Садық Өтегенұлының үйінде тұрдым. Садықпен сіздерді сыртынан таныстыра-

йын: бұл кісі – Ташкентте оқытушылар семинариясын бітірген мұғалім, нағыз молла, өте мәдениетті қазақ зиялысы, қаламы төселген, газеттерге басылып жүретін белсенділерден. Садық – шаруасы дәулетті дерлік кісі, елде тұратын ағайындары малдарын бағып береді. Қаладағы жекеменшігіндегі үлкен қызыл кірпіштен салынған көп бөлмелі үйінің есігі келушілерге ашық. Өздері үй ішімен меймандос, қонақжайлылықтарымен көпшілікті маңайына үйіріп отырады.

Садықтың жұбайы Қадиша – оқыған әйел, мінезі жібектей жұмсақ, өте инабатты, сыпайы жүретін кісі. Үй ішін таза ұстайтын, өзінің жәрдемшілеріне неше түрлі тағамдар пісірткізетін. Үйлерінен қымыз үзілмейтін. Садық Түркістандағы өзінің қаржысына салдырған мектебінде балалар оқытатын. Қолы босында мені ертіп, Қарнақтағы таныс өзбектерді қыдыртатын. Сонда екі-үш күн жатып келетінбіз. Сол Қарнақта тұратын ақмешіттік Қоңырқожа Қожықов, оның жұбайы Латифа Лапина деген оқыған, мәдениетті кісілермен таныстым, біз оларда жиі қонақ болып, араласып жүрдік.

Бір-бірімізге үйреніп, бауыр басып, ағайындай жақындасып кеткен Өтегеновтер Түркістаннан жүрерімде менің құрметіме дастарқан жайып, өңкей белгілі қазақ, өзбек байларын, қырғыздардың манаптарын қонаққа шақырды. Елдің салты бойынша, олар жолға шығарымда: «Жақа, сізді үйімізден аттандыра алмадық, сапарыңыз оң, ақ жол болуын тілейміз. Мынаны біздің мінгізген атымыздай көріңіз», – деп, әрқайсысы алдыма бұрқыратып буда-буда ақша тастады. Менің: «Ниеттеріңізге рақмет, бұларыңыз артық шығар», – деп бой тартқаныма, Садық: «Қой, Міржақып, бұлардың еш нәрсесі кетпейді, ертең-ақ екі есе ғып толтырып алады», – деп күлді.

1913 жылдың бас кезінде мен Орынборға келдім, сондағы ғалым-жазушы, өзімнің ұстазым әрі ағам

Ахмет Байтұрсыновқа барып сәлем бердім. Ұзақ кеңесіп, қазақ халқына арнап газет шығармақ болдық. Бұл пікірімізді Әлихан Бөкейханов ағамыз толық қолдады. «Іске сәт» деп жұмысқа кірістік. Өкімет орындарының есігін тоздырып жүріп, өзер дегенде рұқсат алынды. Түркістанда жиналған мол қаржыны, Уфадағы «Ғалия» медресесі шәкірттерінің қосқандарын осы игі іске бағыштадық. Редакцияға қолайлы үй қарастырып, оны да таптық. Баспахана ашып, жұмыс істейтін кісілердің басын қостық. Редакция құрамын, оның мүшелерін белгіледік. Шығарушы бас редакторы: Ахмет Байтұрсынов, екінші редакторы мен болып, газетімізді «Қазақ» деп атап, шығара бастадық...» – деп хабарлапты хатында.

Төтем бізге «Қазақ» газетін, сондай-ақ Орынборда татар тілінде шығатын «Уақыт» газетін салып тұратын. Төтемнің хаттары, жіберген сәлем-сауқаты бізге Торғай арқылы келетін, ондағы жанашыр, ағайыннан да жақын болып кеткен мұғалім, оқу-ағарту инспекторы Ахмет Балғынбаев арқылы қолымызға тиетін. Ол үнемі пар ат жеккен пәуескеге салдырып, сенімді адаммен кідіртпей жеткіздіретін. Әкемнің айтуынша, Міржақып 1913 жылы жазған бір хатында: «Азамат» атты өлеңдер жинағым жақында шығады», – депті. Ол кітаптары біздің қолымызға кешігіңкіреп тиіпті. Алғанда ел тағы да үлкен қуанышқа кенелген.

Төтем хаттарында барлық үй ішінің, балалардың да аттарын түгел тізіп, атап жазатын. Әкеміз оны бізге көрсетіп: «Мынау сенің атың», – деп қағаздағы өз есімдерімізді үйрететін. Келесі хатын алғанымызда, оны өзіміз «оқитын» едік. «Мынау мен, анау сен», – деп қуанып шуласатынбыз. Хат сайын бізге арнап өлең жазатын, соның есімдегісі:

Хайдаржан біз барғанша атқа мінсін,
Айдаржан кісі болып жатты білсін.
Тартсын да Бота, Тоты әжесіне,
Ақылды, сабыр тұтқан бала болсын.

Бұл өлеңді біз жаттап айтып жүретінбіз.

Әкемнің көптен сарғайып күтіп жүрген тілегі де қабыл болды. Төтем 1914 жылы Орынбордан: «Көктемде Омбыға барып, өзімнен он жас кіші қазақ қызына үйлендім. Аты – Ғайнижамал. Ғайнижамалдар көп болсын деп алдым», – деп хабарлады. Шынында да, біздің ауылда үш-төрт Ғайнижамал болушы еді. Жеңгеміздің атын осылай естідік. Бұл кезде Міржақып төтемнің жасы жиырма тоғызда екен. Қуаныш хабар ел арасына лезде тарап үлгерді. «Құтты болсын» айтушылар жан-жақтан топ-тобымен біздің үйге ағыла бастады, бәрін атқарып жаттық.

Төтем үйленген жылы Ескендірді оқуға алдырғанды, оған серік етіп Кәрім Тоқтабаевтың інісі – Қадыр Досжанов екеуін гимназияға бірге түсірген.

«Қазақ» газетінде жиі жарияланып жүрген мақалаларын, өлеңдерін, шыққан кітаптарын оқып, атағы белгілі болған Міржақыпқа тұс-тұстан көптеген хаттар түсіп отырған. Жүзбе-жүз танысудың жолын іздегендер әдейі Орынборға келіп-кетіп жүрген. Солардың бірі – Ақмешіт (қазіргі Қызылорда) губерниясы, Шиелі ауданының тұрғыны, оқыған азамат, жазумен айналысатын Қалжан Қоңыратбаев екен. Бұл кісі белгілі башқұрт оқымыстысы Әбубәкір Диваевпен ел аралап, «Қазақ» газетіне жәрдем көрсетушілерден қаржы жинаған. Қалжан Міржақыппен тіл табысып, өмірге деген көзқарастары үйлесіп, пікірлес, сырлас боп, достықтары жарасып, жақындасып кеткен. Ол келесі оқу жылында Әлібек деген інісін төтемнің қолына табыс етеді. Міржақып үш баланы бірге оқытып, тәрбиелеген.

Бота апам әңгімесін әрі жалғастырды.

– 1915 жылдың күзінде жолдаған хатында төтем бізден сүйінші сұрап, Гүлнардың дүниеге келгенін хабарлаған. Бұл мезгілде менің де Қайым атты інім дүниеге келген-ді. Екі нәрестенің туғанын үй іші қуанышпен атап, шілдехана жасаған болатын.

Келесі 1916 жылы төтем бізге Гүлнардың алты айлығында түсірген суретін салды. «Гүлнар мен Қайым туған қоян жылы мал жұтқа ұшырап, көп қырылған еді» дейтін Ақай әкем. Үйімізде Ескендірдің бөсіре құла тайы болатын, соның ахуалын білмек үшін төтем мынадай өлең жазып жіберіпті:

Құла тай, жаз жайлаған, арықпысың,
Шөпке тоқ, орын жайлы, қанықпысың?
Қабағын қарыс түйіп қонақ болған,
Білмеймін, бұл қояннан қалыппысың?

Ескендір ағамды мен бала кезімде «жеже» деп кетіппін. Жежем жазғы демалысында Орынбордан ауылға келетін. Ол кісі ақ сарының келбеттісі, ұзын бойлы еді, қысқа қойған шашы өзіне жарасып тұратын. Талдырмаш денелі жігіттің қала үлгісімен тігілген киімі де ерекше сәнді көрінетін. Бірде ауыл тұрғындары оған таңғалып: «Мынау да Міржақып секілді болып қалыпты-ау өзі» дегенін естігенінде, «Құдайым, тіл-көзден сақтай гөр», – деп әкеміз қатты шошыпты.

Айтқандай, соның ертеңіне Ескендір балалармен бірге суға түсуге Қоңыраулыға барады. Келген бетінше асығып суға қойып кетеді, бір сүңгіп жағаға шығады. Балаларды күтпестен тез киініп, үйге қайтады. Сол күні басы ауырып, ыстығы көтеріліп, ес-түсін білмей бірнеше күн жатып қалады. Есі кіргенде, тілі сөйлеуге келмей, бір жақ қол-аяғынан жан кетіп, қимылдай алмаған. Бірақ күн арта біртіндеп тәуір бола бастайды, тілі күрмеліп те болса сөйлеуге келеді. Тек қол-аяғын көпке дейін меңгере алмай, аяғын сүйрете басып жүретін халге әзер жеткен. Бұлшық еттері, саусақтары семіп, мүгедек болып қалған.

Әкем Ескендірдің ауырып, ауыр халде екенін інісіне хабарлапты. Мұны ести сала төтем Орынбордан тез жетті. Сондағы оның күйінген қалпы менің есімнен әлі күнге дейін кетпейді. Өңі сұрланып,

қабағын түйген қалпында үйге кіріп келді де, жан-жағына қарамастан, ешкіммен сәлемдеспей, асыға басып інісінің қасына бір-ақ барды. Жан аярлық түрін көргенде, бір сәт шошыған тәрізденді. Кідіріп тұрып қалды да, баланы құшағына қысып, бетінен сүйді, көзіне іркіліп келе жатқан жасын тыйып, ыза кернеп, булығып шыққан даусымен: «Жаным-ай, сенің обалыңа қалған мыналар, қайта-қайта сағындық, сағындық деп қоймастан алдырып, осы сұмдыққа тап қылды. Енді сені Орынборға апарып дәрігерге қаратам, емдетемін, айығып кетесің», – деп інісін жұбатқан болды. Қаладан әкелген түрлі тәттілерді алдына қойды. Үй іші тым-тырыс. Бала емеспіз бе, «бізге үлес қашан тиер екен» деп дәмепіп күтудеміз. Тәтемнің келгенін естіп, сәлемдесуге ағайындар да ағыла бастады. Сонда ғана тәтемнің ашуы тарағандай болды.

Тәтем мен жеңешем қасірет тартты, жандары қиналды. Келешекте зор үміт күтіп, оқымысты, ғалым етуді көздеген, жанындай жақсы көріп, жеңгесі «Сәулеш» деп атаған Ескендірін ел қатарына қоса алмады. Ескендірдің дерті – миына қан құйылып, инсульт болып шықты. Бір жылдай емдетіп, сонымен денсаулығы қалпына келмей, мүгедек қатарында елге оралды. Бұл 1916 жылы еді. Үш жылдан соң Ескендірді Бөпелек деген қызға үйлендірді. Бес баланың әкесі болды, бірақ балалары тұрмады...

1917 жылы тәтемнен қуанышты хат келді. Онда Абылай атты баласының туғанын, өзінің жұмысы бұрынғыша екенін, жаңалығы – июльде Алаш партиясының II съезі өткенін, тұс-тұстан көптеген қазақ зиялыларының келіп, съезге қатысқанын, солармен танысқанын хабарлапты. Гүлнардың тілі шықты, күтуші татар әйелі және көршілестеріміз татарлар болғандықтан шығар, Гүлнар татарша сөйлейді деген хатында.

Әкемнің қайдағы бір ескі салтты ұстанатыны тетелес апам Тотының өкінішті тағдырына себепкер болғаны да есімде. Тотыға ертеден құда түсіп, айттырып қойған құдалары қайта-қайта кісі салып, келінімізді тездетіп ұзатындар деп маза бермепті. Ол кезде Тоты он төртке жаңа толған екен. Қызының жастығына қарамастан, әкеміз ескілік салтқа көніп, Тотыны он алты жасар Ғаббас атты күйеуіне ұзатады. Үйден кетерде Тоты былай деп сыңсу айтып жылапты:

Қанаттыға қақтырмай,
Тұмсықтыға шоқыттырмай,
Асыраған, жеңеше-ау,
Қалай мені қиясың?

Қабырғамды қатырмай,
Омыртқамды өсірмей.
Неден маған көңілің
Қалып еді, Ақай әке-ау!

Тотының ұзатылғанын естігенде, төтем күйініп, ағасына: «Бақытсыз Жамалды» оқыдың, көзің ашық, саналы кісі деп білуші едім, қараңғы, на-дан жұрттың сөзіне еріп, ескі салттың жетегінде кеткенің не? Өз балаңды малға матап бергенің қалай, сонымен байығың келді ме? Не, оны жетім дедің бе? Қолыңнан бағып-қағып, асырау келмесе, мына мен бар емеспін бе? Неліктен мұнша қылмысқа бардың? Жүрегіме жазылмас жара салдың» деп хат жазды. Мұнан соң ұзақ уақыт хабарласпай қойды. Әкем үлкен күйзелісте жүрді. Міржақып інісінің ашуланса райынан қайтпайтын бірбеткей, қатал да қайсар мінезін білетін ол «енді інімнің алдындағы кінәмді қалай жөндесем екен? Ол мені кешірер ме екен әлде көрмей кете ме?» деген ойларын жасырмай, үй ішіндегілерге, ең жақын туыстарға айтып отыратын болды.

1917–1919 жылдарда Торғай тұсынан, оқта-текте біздің ауылдың да сыртынан өтетін қара жолда кетіп бара жатқан қару-жарақты атты өскер, солдаттар-

ды көретінбіз. Бұл – біресе қызылдар, біресе ақтар келіп-кетіп жатқан кез. Солдаттар көрінсе болғаны, жұртта үрей туып, қыз-келіншектер шапандарын бүркеніп, қалың қопаның арасына тығылатын, ал біздер – балалар, қораның төбесіне шығып қарап отыратынбыз. 1919 жылдың бас кезінде: «Міржақып көп адаммен келе жатыр» деп сүйінші сұраған кісі келді. Әжем барын беріп, үй іші қарсы алудың қамына кірісті. Қонақтарды орналастыру әкеме жүктелгенді. Ол төңіректегі барлық ауылдарға ат шаптырып, алдын ала дайындық жүргізді. Бұл хабарды естіген біздің қуанышымыз қойнымызға сыймай, көрмеген жеңешемізбен тез жолықсақ екен деп асықтық.

Келген адамдар өрімдей жас жігіттер екен. Әкем бұларды топқа бөліп, әр үйге жайғастырды. Ең қадірлі кісілердің бірі – Ахмет Байтұрсынов Бадрисафа жұбайымен біздің Бәйеке Жұмабаев деген туысымыздың үйінде болды (*бұл үй осы күнге дейін сақталған*). Міржақып төтеміз Ғайнижамалы, Гүлнарымен әкеміздің бажасы Ізтілеудің үйіне түсті. Сейдәзім Қадірбаев, оның жұбайы Жаңыл, дәрігер Асылбек Сейітов бір үйде болды.

Зәуре әжем, мен және Бөпелеш жеңешем (*Қонысбай – Қошайдың жұбайы*) үшеуміз Ізтілеудің үйіне келдік. Үйге кірсек, бөлменің екі жағында түсірулі екі шымылдық, сол жақтағысын ашсақ, төсекте боп-боз боп ауырып жатқан орыстың көк көз жас әйелін көрдік. Екінші шымылдықтың ішінде, төсектің үстінде төрт жасар Гүлнар бөкпен жеп отыр екен. Бізге татаршалап, мамасының қазір келетінін айтты. Іле-шала жеңешем де келді, иығына жамылған шапанын сыпырып тастап, абысындарына тізе бүгіп, иіліп сәлем етті де, құшақтасып амандасты. «Сен Ботагөз боларсың» деп, бетімнен сүйді. Ал енді көрімдігімді өзіңе берейін деп, қалтасынан орамалын суырып алып, шетіне түйілген алтын сақинаны алып, менің

саусағыма кигізді. Ғайнижамал жеңешем ақ құба жүзді, күлімсіреп тұратын үлкен көздері ұшқын атқан сұлу кісі екен. Бізді көптен білетіндей сөзге араласып, ашық-жарқын мінез танытып, жұртты өзіне тез үйіріп алды. Жеңешемді көрген сәтте-ақ ұнаттым, содан бастап өмір бойы сол пікірден айнығаным жоқ.

Орташа бойы мен ашаң денесіне жарасқан қос етектегі ақ көйлегінің үстінен кигені – белін қынап тіккен, көк мақпал қамзол, оған бирюза тастарымен безендірілген үш қатарлы салпыншақ алтын қапсырма. Қызыл күрең түсті масаты сыртқы шапанының екі жақ өңірі мен жеңдерінің айналасы алтын зер жіппен оюлап кестеленген. Басына салғаны – қысқа шашақты ақ жібек орамал. Сол кездегі оның түрі осы күнге дейін көз алдымнан кетпейді.

Жеңешем алдымен Ескендір – Сәулешінің халін сұрап, бір сәт үндемей, мұңайып тұрды. Сырттан есікті сықырлата ашып, үйге тәтем кіріп келді. Мен жүгіріп барып мойнына оралдым, сағынысқан екі жеңгесі кезектесіп құшып амандасты, жасаураған көздерін жаулықтарының шетімен сүртіп алды. Папасының даусын естіп, шымылдың ішінен Гүлнар көрінді, аң-таң болып, жатырқаған пішінмен аяғын баяу басып, бірте-бірте жақындап қасымызға келді. Гүлнардың үстінде көк жібек күпісі бар, оның жағасын, етек-жеңдерін айналдыра аққудың ұлпілдеген ұлпанымен көмкерген екен. Басына салған түбіт шөліні қолтығының астынан айқастыра байлап қойыпты. Сөлден соң әжем асыққан түрде: «Ал, тез киініп, жүріңдер, мен әдейі сендерді үйге алып кетуге келдім, ауыл-аймақ жиналып күтіп отыр», – деді.

Жеңешем жинала бастады, шапанының сыртынан қара масатымен тысталған мол түлкі ішігін киді, басына Орынбордың түбіт шөлісін салды. Гүлнарды көрпесіне орап, жігіттерге көтерткізді. Үйдегі ауру әйелді үй иелеріне тапсырып, өздерінің

келіп, қарасып тұратынын айтты. Бәріміз далаға шықтық. Үйдің сыртында жегулі екі шана тұр. Біріне төтемдердің жүктері тиелген: үлкен сандық, оралған киімдері, буулы төсек-орындары жеке-жеке қапшықтарға салынған, ағайындарға арналған заттар – қант-шай, тағы басқа жүк тиелген шананы бір жас жігіт айдап жүрді. Біз мінген кең шанаға жегілген қос жиренді күтуші жігіт Әрир құйқылжытып, қарды бұрқыратып, ауылды бетке алып айдап келеді. Төтем атқа салт мініп жүрді.

Ауылымыз онша алыс емес-ті, таяна бергенде, жеңешем шанадан, төтем атынан түсіп жаяулап, алдарынан шығып, күтіп тұрған жұртқа бет алды. Әйелдер шашу шашып, құрметпен қарсы алып, үйге кіргізді. Үй іші кісіге лық толы екен. Жеңешемді сырткиімін шешкізіп, ағайындарға таныстыра бастады, ол ізетпен әрқайсысына иіліп сәлем етіп тұрды. Ақсақалдар: «Бәрекелді, жарайсың, Міржақып, теңінді тауыпсың, ырзамыз саған. Шырағым, өмірлерің ұзақ, үбірлі-шүбірлі болыңдар, ойлаған мақсаттарыңа жетіндер», – деп шын ықыласты көңілдерін білдіріп, баталарын беріп жатты. Үйге келушілер азаяр емес. Әжем барын ортаға салып, күнібұрын жинаған білезік, сақиналарын, күміс теңгелерін қыз-келіншектерге үлестіріп берді. Біреулерден өзінің де көрімдік алып жатқанын көзім шалып қалды.

Ақай әкем де інісін құшақтай бауырына қысып, іштей кешірім сұрағандай азғана үндемей тұрып қалды. Бұл татуласқанның белгісі екенін екеуі де сезгендей еді. Сол күні төтем кісі жіберіп, Тотыны ауылға алдырды. Оны көргенде төтемнің көңілі босап, көзіне жас үйірілді. Білдірмеген болып кірпігін жыпылықтатып тыя қойды да, аймалап бетінен сүйді. Сүйікті қарындасын жанынан шығармай, әкелген сыйлықтарын алдына қойып, қам көңілін аулады.

Содан кейін әр үйге арналған сәлем-сауқатты үлестіріп берді. Жеңешем қыздарға зермен шеккен сәнді тақиялар, өкшелі етіктер, былғары ұлтандар, сыртқы киімдік маталар, орамал, айна-тарақ, әтір, сабын, ине-жіп, қант-шай – бәрін әкелген екен. Ешкімді өкпелетпей, ағайындарды риза қылды. Бұл кісілердің ықыласы мен мырзалығында шек болмайтын.

Келесі күні Ақай әкем жылқы сойғызып, інісімен келген Ахмет Байтұрсынов, Сейдәзім Қадірбаев, Ғазымбек Бірімжанов, Қырымгерей Сейдалиев, Ғаббас Нұрымов, Асылбек Сейітов және Бадрисафа, Жаңылдарды қонақ етті. Бұл отырысқа туыстар да қатынасты.

Екі-үш күннен соң төтем, жеңешем, Гүлнар үшеуі өзіміздің жақын туысымыз, төтемнің құрдасы, бала кезінен үйірсек досы Аяпбергеннің үйінде тұратын болды. Оның келіншегі Зағиды жеңешем жақсы көретін. Үй ішін таза ұстайтын, пісірген тамағының дәмді болатынын әрқашан айтып отыратын. Күн бата малдарын жайғастырып болғаннан кейін, сол үйге төтемнің құрбылары, жастар жиналатын, ет піскенше шай ішіп, түні бойы әңгіме-дүкен құрып отыратын. Достарының арасында төтем өзін өте көңілді ұстайтын, жарасымды, әзіл-қалжыңы аралас әңгіме айтып, бәрін күлдіретін, өзі қарқылдап, көзіне жас үйіріліп, мәз болып күлетін. Сол күлкісі, сөйлегендегі дауысы, жүріс-тұрысы қазір көріп, естіп тұрғандай, әлі де көз алдымнан кетпейді. Күн ұзаққа шаруасымен өлекке түсіп, шаршап келген Аяпберген досының қасында жантая жатып, әңгіме тыңдайтын. Бірде қалғып, көзі ілініп кеткенде, төтем соған арнап шығарған өлеңін көшіріп, құрдасының қалтасына сала қояды да, «Әй, Аяпберген, тұр, басыңды көтер, осы сен жасаған ұрлығыңды өлең етіп жазады дейді ғой жұрт», – деп қалтасынан бүктелген қағазды суырып алып оқиды:

АЯПБЕРГЕН БЕКТЕПБЕРГЕНҰЛЫНА!

Кептіріп аттың терін, тек тұрмадың,
Байлардан, шама келсе, көп те ұрладың.
Сүйекке әбден сіңіп алғаннан соң,
Кедейдің көк шолағы деп тұрмадың.
Жігіттер қосылушы ед әлде қайдан,
Демедік мынау арғын, мынау найман.
Болғанда таң мезгілі елең-алаң,
Әндетіп өтуші едің терең сайдан.

Сонда Аяпберген күліп: «Міржақып-ау, саған дауа жоқ екен, бұл өлеңді қашан үлгіріп жаза салдың, ә?» – деп мәз болыпты.

Сол Аяпбергеннің бәйбішесі Зағи шешеміз 1976 жылы 2 шілдеде, 80 жасында, баласы Төлегеннің қолында қайтыс болды. Жылда Қызбелге барып, Зағи шешемізбен кездесіп, өткен-кеткенді еске түсіретін едік, енді ол да қаза болды, – деп Бота ана бір күрсінді де, тағы сөйлеп кетті.

– Бұрын ел ішіндегі кедейлердің тұрмысы ауыр, аш-жалаңаш болатын. Монша дегенді білмейтін, сабын да тапшы. Көп үйлерде от басының тазалығы сақталмайтын, ауасы ауыр, күн сәулесі түспейтін. Осылардың салдарынан түрлі жұқпалы аурулар: сүзек, шешек, қызылша, ешкі қотыр, таз аурулары көп тарайтын. Өмірге ең қауіпті аурулардың бірі – шешек-қорасан. Бұнымен балалар да, үлкендер де ауыратын, асқынған түрінде өлім де, соқыр болып қалу да көп кездесетін. Шешектен жазылғандар шұбар болып қалатын. Қызылша ауруы нәрестелерді өмірден алып кететін.

Осы ауруларға қарсы, жұртты қорғап қалу үшін күрес жүргізген, денсаулық сақтау шараларына үлкен мән берген төтем еді. Орынбордан шығарында өзімен қызметтес Асылбек Сейітовпен бірге елге керекті түрлі дәрі-дәрмекті, оның ішінде, шешекке қарсы егетін дәрі – детритты ала келген. Бұл мәні зор шараларды жүргізу үшін маңайдағы барлық ауылдарға

кісілер жіберген. «Шешекпен ауырмау үшін дәрімен егуді жүргіземіз, оған бірде-бір кісі қалмай, бала-шағаларымен бірге, лажы болғанша, суға шомылып, киімдерін ауыстырып келулері қажет» деп хабарлаған.

Алғашқыда білместіктен ел шошып үріксе де, кейін дәрігер А. Сейітовтың жұқпалы және басқа да аурулар жөніндегі түсінік әңгімелерінен соң жұрт бірінен-бірі құлақтанып келе бастады. Дәрігерлік жәрдем көрсету үшін жеке бір үй бөлінді. А. Сейітов, оның медбикесі және төтем үшеуі шұғыл кірісіп, аз мезгілдің ішінде жұмысты ойдағыдай жүргізіп, көңілдері тынды.

Ауылда біраз болған төтем кейін Торғайға жүріп кетті. Елмен байланыстары үзілген жоқ, күнара азық-түлік, сойыстық қойлар, қымыз жеткізіліп тұрды. Торғайда төтемнің үй іші Хайдар деген байдың үйінде тұрған. Сол үйге бір күні сәлемдесуге туысымыз Өбәйділда барса, қорада ойнап жүрген Гүлнар әлгі кісіні танып, сыбаға әкелмегенін көріп: «Аға, сіз Дулатовты ұмыттыңыз ба, әкелген қойыңыз, қымызыңыз қайда?» – деп састырыпты. Балалықпен айтылған осы сөз бүкіл ауылға жайылып, жұрт көпке дейін айтып, күліп жүрді... Екі айдан соң төтем жігіттерімен елге қайта оралды да, ауылда көп аялдамай, Атбасар жаққа аттанды. Төтем өзімен бірге отбасын да ала кетті.

Бұл кезде Торғайда төңкеріс қызу жүріп жатқан...

Әлі есімде, төтемдер елге келгенде, өлең-жыр ағылатын. Сонда Ғаббас Нұрымов бастап, қалғандары шырқай қостап, мына өлеңді айтып бара жатты.

Арғы атам – ер Түрік,
Біз – қазақ еліміз.
Самал тау, шалқар көл,
Сарыарқа жеріміз.
Сай сайлап, мал айдап,
Сайранда ен жайлап,
Арқаның ерке өскен
Еркесі – серіміз...

Ат мінсек ерленіп,
Дауылдап шабамыз.
Лап берсек ерленіп,
Лауылдап жанамыз.
Біздерге сөз бе екен
Жауыңның көп-азы,
Өлсек хақ шаһидбіз,
Өлтірсек біз – қазы.
Жау шауып, сау қайтсақ,
Боламыз қазақтың
Шын ұлы,
Қаһарман сабазы!

Бұл өлең аяқталысымен және бір жігіт жоғары дауыспен екінші өлең бастайды. Қайырмасына келгенде төтемнің маңайындағылар қосылып шырқай жөнеледі. Сондағы әндері мынау:

Кез болған соң кер заман біздің баққа,
Жау жарағын асынып, міндік атқа.
Ел бастайтын ерлерге бұл бір зор сын,
Жаңа талап, жас ұлан, қарап жатпа.

Заман-ай!

Қайырмасы:

Азаматы Алаштың,
Аттанатын күн туды.
Тұлпар мініп, ту ұстап,
Баптанатын күн туды.

Ел бастайтын қайдасың, көсемдерім?
Сөз бастайтын қайдасың, шешендерім?
Тәуекелге бел байлап, баста топты,
Тигізбесін жұртқа жау кеселдерін.

Заман-ай!

Қайырмасы

Бай, қайдасың, ортаға малыңды сал,
Азды-көпті аямай, барыңды сал.
Жаны төтті жақсылар, қайдасыңдар?
Мұсылманның жолына жаныңды сал.

Заман-ай!

Қайырмасы

Елде өкемнің мазасы кетіп, қалай да інісінің,
бала-шағасының амандығын білу үшін, Атбасарда

тұратын жеңешемнің апасы Сара мен жездесі Шубай Табаевтарға кісі жіберді. Бұл тапсырманы орындауға сенімді ер жігіт Аяпберген Бектепбергенұлы аттанды. Арқаның қақаған қысына қарамастан, салт атты Аяпберген ел ішімен жедел жүріп, бірнеше күнде Атбасар маңындағы Табай байдың аулына жетеді. Келіп, Шубайдың отауына түседі. Қонақтың ат терлетіп алыстан шаршап келгенін аңғарған Сара жолаушы жігітті жайғастырып күте бастайды. Бейтаныс кісілерге көріне бермейтін жеңешем жеке бөлмеде отырады екен. Баланы ешкім елемейтіні белгілі ғой, кім келгенін білші деп Гүлнарды жібере қояды. Гүлнар көрген жерде танып: «Мама, мама, тез кел, мұнда Аяпберген ағам отыр» деп айқайлайды да, жүгіріп барып ағасын құшақтайды.

Сөйтіп, Аяпберген іздеп келген туыстарын тауып, төрт-бес күн тынығып жатады. Қайтарында Табаевтар құдасына ат мінгізеді. Өз атын жетекке алып, Аяпберген олжалы түрде елге оралады. Аман-есен ауылға жетіп, көрген-білгендерін, естіген әңгімелерін, Гүлнардың зеректігін айтып, бөрімізді қуантты.

1920 жылы төтемнің үй ішінде бір қайғылы жағдай болды. Ғайнижамал жеңешем уайым-қасірет шегіп, басынан қайғы кетпей, денсаулығы жұқарып, жүдеп жүргенде, әлгі Табай ауылында тұрғанында Халида атты қыз туған. Ананың денсаулығы, көңіл күйі іштегі балаға әсер етпеуі мүмкін емес қой, қиналып туған нәресте ұзаққа бармай қайтыс болған, оны әкесі де көре алмаған.

Жеңешем мен Гүлнар Шубайдың үйінде көктемге шейін тұрыпты. 1921 жылы төтемнің Семейден жазған хатын алдық. Онда: «Семейге келгелі губсотта судья қызметін атқарамын, ел ішіне жиі шығып тұрамын. Таяуда Атбасарға барып, Гая мен Гүлнарды алып келіп, Шыңғыстауда тұратын Ақберді хажының баласы Өміртайдың үйіне орналастырдым», – депті.

Мұндай хат алған сайын еңсеміз көтеріліп, жадырап қаламыз. Арада тағы бес-алты ай уақыт өтті, төтемнен хат келмей қалды. Әкемнің ренжіген түрін аңғарамыз, бірақ себебін білмейміз. Сөйтсек, бұл жолы әкем Семейден жеңешемнің жазған хатын алыпты. «Қыр соңымыздан қалмай қойған тағы бір қырсыққа ұшырадық, жуырда Жақаң (*Міржақып*) мен Әлекеңді (*Бөкейханов*) Семей түрмесіне қамауға алды. Біз елден қалаға келдік. Өзіме серік болсын деп, Омбыдан Гүлшаһра (*Гуля*) сіңлімді алдырдым. Лиза, Сергей Бөкейхановтар да бізбен бірге. Банктің чиновнигі Әнияр Молдабаев деген кісінің Комиссарская көшесіндегі екі қабатты үйінде тұрамыз. Тұтқындағы екеуіне, қанша өтінсек те, түрме бастықтары бізді жолықтырмайды, тек тамақ алдырады».

Әкемнің қолынан келер еш шарасы жоқ, қайғымен құса болып жүрген сыры сол екен. Әуреге түсіп, балшыға құмалақ салдырады, жақсы хабар тілеп. «Жаратқан ием, жар бола гөр, ініме жігер-қайрат бер», – деп күрсініп қояды да отырады әкем.

Жеңешем келесі хатында: «Екі тұтқынды Семейден Орынборға әкетті, істері ойдағыдай шешілер деген ойдамыз», – деп хабарлады. Осыдан кейін тағы да бір жыл бойы төтемнің хабар-ошарсыз кеткені жанымызды қинады. Мұның үстіне қыс қатты, азық тапшы болып, жұттан малымыз қырылып, шаруамыз шайқалды. «Көппен көрген – ұлы тойға» еріксіз көндік. Сонда Ақай әкемнің әжеме өне бойы: «Үйге келген бөтен кісілерді үйге қондырмай, күтпей қайырма, бізге де сауабы тие жатар, менің де Міржақыбым шетте жүр емес пе?» – деп отыратыны есімде.

Ақыры, жабырқаған көңілімізді көтеріп, зор қуаныш әкелген төтемнің 1922 жылы Орынбордан жазған хаты болды. Онда ВЦИК-тің 1919 жылы 4 апрельдегі Ленин мен Калинин қол қойған қаулысы бойынша, барлық ұлтшыл партиялардың мүшелеріне

кешірім жарияланып, бастарына ерік, кеңес өкіметіне адал қызмет етуіне жол берілгенін, Әлекең екеуінің түрмеден босатылғанын, пәтер алып, қызметке орналасқанын, үй ішін алдырғанын жазыпты. Бұдан кейін үзбей хат алысып тұрдық. Сондағы төтемнің адресі: Орынбор қаласы, Неплюев көшесі, 42 үй еді.

1923 жылдың күзінде Гүлнардың мектепке барғанын, оған серіктікке Семейден Өміртай Ақбердіұлының қызы Өзен (*Назифа*) мен Исламбек ағасын оқытуға алдырғанын жазды. Соғыстан кейінгі халықтың тұрмысы әлі түзелмей тұрғанын, Ресейде болған ашаршылықтың зардабынан қала жағдайы ауыр екенін, өз үй тұрмысының қалпына келмегенін, жаңа ғана қоныстанып, институтта сабақ бере жүріп, бас көтермей, күні-түні жұмыс істеп, газеттерге мақалалар бастырып, балаларға арнап «Есеп құрал», «Оқу құралын» құрастырып, баспаға бергенін хабарлады. «Алған қаламақымды өздеріңмен бөлісіп отырмын, бірнеше посылка салдым, әзірге берген көмегімнің түрі осы» депті. Сол ауыр жылдарда төтемнен алған үш-төрт сәлем-сауқат барлықтарымыздың үстімізді бүтіндей алмаса да, едәуір септігі тиді.

Елден соңғы рет 1919 жылы кеткенінде, төтем мен жеңешем өздерінің киім-кешектерін, бүкіл заттарын бір үлкен сандыққа салып, көрпе-жастықтарын кілемге теңдеп қалдырып кеткен-ді. Енді елде белсенділер шығып, жұртты қорқытып, жоқты желеу етіп, баяғы алашордашыл Міржақыптың тұқымдары деп тиісіп, маза бермей, тіміскілеп жүретін уақыт туды. Егер төтемнің заттарын көрсе, тонап тартып алудан тайынбайтын. Сондықтан әкем інісінің нәрселерін жасыру керек деп білді. Теңді шешіп, көрпе-жастықтарын өзіміз ұстадық, кілемдерін бөлшектеп тіліп, әр үйге таратып бердік. Ал жеңешемнің қалада киетін ұзын, сәнді тігілген көйлектерін сөгіп, қайтадан қолымызбен тепшіп тігіп кигенбіз. Киімдерінің кейбіреулеріне меруерт жүргізіп кестеленген еді, оны

біз жіпке тізіп мойнымызға салғанбыз. Осыдан біздің үй ішінің киім-кешегі басқалардан гөрі бүтін болатын. Қалған болмашы бұйымдарды қалдырып, қоңыраулы кілтпен ашылатын үлкен сандықты түн ішінде алып барып Қоңыраулы өзеніне сүңгітуге тура келген-ді...

Мезгіл өтіп жатты, балалар да өсіп қалды. Әкем соларды Орынборға оқуға жүргізудің қамына кірісті. Бұл 1924 жылдың орта шені еді. Зәуре әжем бастап, өзі үлгі көрсетіп, абысын-ажындарына, қыз-келіншектерге жүн, түбіт иірткізіп, балалардың әрқайсысына арнап бөкебай, қолғап, жүн байпақтар тоқыта бастады. Күзге таман Ақай әкем ең жақын ағайындармен кеңесіп, оқуға баратындарды іріктеп алды. Әр үйден бір-бір бала аталды. Ақай әкем өзінің екі ұлы – Хайдар, Қайымды, Қонысбай (*Қошай*) інісінің Зұлқарнайын, Нұржанның Боранбайын, Сейілдің Ыдырысын, Ғаббастың Мұқашын – осы алты баланы алып, өзіне екі атқосшы ертіп, Ырғыз арқылы Орынборға жүріп кетті.

Бір ай жүріп әкеміз ауылға оралғанда, барған-келгенін, естіп-білгенін бізге түгел айтып берген-ді. «Гая келінім мен Міржақып өте жақсы қарсы алды. Мектептерде сабақ енді басталмақ екен, үлгердік. Хайдар, Қайым, Боранбай, Зұлқарнайды қазақтың тоғыз-жылдық үлгілі тәрбие мектебіне түсірді. Бұл мектепте балалар жатақта тұрып оқиды екен де, тамақ, киім-кешектері үкіметтен беріледі екен. Бірақ Гая келінім үш баланы (*Хайдар, Қайым, Боранбайды*) өз үйлерінде қалдырды да, Гүлнар, Әзен бесеуі үйден барып оқитын болды. Зұлқарнайды интернатқа берді. Ыдырыстың жасы бұлардан үлкен болғандықтан, оны ересек балалар мектебіне орналастырды. Мұнда да интернаты бар. Ал Мұқашты милиция мектебіне түсірді», – деп әңгімелегені есімде.

1928 жылдың август айынан Қазақстанда байлардың мал-мүлкін көмпескелеу жүргізіле бастады.

Голощекин ірі байлардың мал-мүлкін тартып алып, өздерін бала-шағаларымен қоса жер аударып жіберді. Қазақ қарап жүре ме, осы тұста бірін-бірі түрткілеп, «анау байдың баласы» деп көрсетіп, оқудан, жұмыстан шығарту өріс алды. Бұл науқан біздің де балаларды қамтыды. Астана Орынбордан Қызылордаға ауысса да, балалар қалып, 1928 жылға дейін, мектептері көшкенше, сонда оқып жүрген-ді. Артынша Дулатовтар оқудан қуылды. Ол аздай, елге келген 14–15 жасар Хайдар мен Боранбай Қиыр Шығысқа жер аударылды. Мұқаш пен Қайым оқымай ауылда қалды. Зұлқарнай мен Ыдырыс Орынбордан Ташкентке барып, мені паналап, оқуға түсіп, аман қалды. Бұл кезде мен Әулиеатада Мұстапа Бұралқиевке тұрмысқа шығып, Ташкентте тұратын едім.

1928 жылдың декабрінде Қызылордада Міржақып төтем ұсталды, тағы да сорлап, басымызға қайтадан қайғы-қасірет орнады. Келер жылдың жазында жеңешемнің шақыруымен босануға Қызылордаға бардым. Сол жылы 24 июньде Торғауыт дүниеге келді. Естен шықпайтын дәл сол күні Міржақып, Ахмедсафа Юсупов және Жүсіпбек Аймауытовты бір вагонға отырғызып, бір жаққа әкетті. Соңынан Мәскеудегі Бутырка түрмесінен жазған төтемнің хаттары келе бастады. 1930 жылы Алматыдан Мұстапа, Торғайдан Ақай әкем қамалды. Міне, сол кеткеннен әкемнен еш хабар болмады, елге қайтпады.

Қазақстанда Голощекиннің басқаруымен жеделдете жүргізілген коллективтендірудегі, колхоз құрудағы асыра сілтеу салдарынан халық аянышты халге ұшырады. Әуелі «орта шаруаны» құртпақ үшін үй басы үлкен салық салынып, күнкөріс астықтарын сыпырып алды, ет салығы деп малдарын қырды. Ішерге тамағы, киерге киімі қалмай, аштыққа ұшыраған халық қора-жайын, тігулі үйлерін тастап, оңтүстікке бет алып, жаяу-жалпы шұбыра баста-

ды. Жолшыбай олар шыбындай қырылды, қалаға жеткендері балаларын жетімдер үйіне өткізіп, әрі қарай жоси берген.

Біздің туыстар да жұртпен бірдей ашаршылыққа душар болды. Ауылда қалған әйелдер мен балаларға қол ұшын беретін ағаларымыз, әкелеріміз – бәрі қамалып кеткен. Өзі жарымжан, мүгедек Ескендір шамасы келгенше бала-шағаларға бас-көз болып, асырап тұрған екен. Қыстыгүні болмашы тапқан азығын көтеріп үйіне келе жатқанда, Ескендірді біреулер өлтіріп, қалың қопаның ішіне тастапты. Көктемде ғана қар ерігенде денесі табылып, келіншегі Бөпелектің өзі жерлепті. Осыдан кейін Зәуре шешеміз екі баласы – Қайым мен Адайды ертіп, Торғайға жетеді. Кенжесі – Адайын балалар үйіне табыстайды да, Қайым екеуі Таран ауданына (*Қостанай облысы*) кетеді. Аштықтан әлсіреп жетіп, сол жерде ағайындардың қолында қайтыс болыпты. Тірі қалған ағайындарымыздың төрт-бес үйі күні бүгінге дейін сол ауданда тұрады.

Адай Асқаров Торғайда оқуын бітіріп, Отан соғысында ерлікпен қаза тапты. Адаймен жолдас болған Сапарғали Омарбеков бұл кезде Алматыда; Қазақ ССР Ғылым академиясының тіл білімі институтында аға ғылыми қызметкер. Ол былай дейді: «Торғай қаласында Адаймен бірге оқыдым. Ол өте зерек, сабақты үздік оқитын, өзі барып тұрған ақын еді. Керемет намысшыл да болатын. Бір күні Адайға бір оқушы бала: «Сенің тұқымың жау болған», – депті. Адай ызаланып: «Әттең, сенің сөзің өтіп тұрған соң, не лаж бар? Не істейін саған?» – деді де, әлгі баланы келемеждеп өлең шығарды. Өткір сықақпен жазылған сол өлең барлық оқушыларға тарап, жаттап алып, «айыптаушыны» қорлап айтып жүрдік»*.

* Сапарғали Омарбеков 2002 жылы қайтыс болды — (*Құраст.*)

Осы күні де елде Адайдың шығарған өлеңдерін жатқа айтатын ағайындар бар. Адайдың Бөпелек жеңгесі мен Кәкім ағасына майданнан жазған мына өлеңі менің есімде қалыпты:

Бетті қойды күнбатысқа қаратып,
Бөйге атындай қосуға тұр жаратып.
Он сегізде көрген, баққан қызығым –
Тар окопқа саласың ба сұлатып.

Мен сағындым Сарықопаның саласын,
Айтқұл, Ақпай, Ақбыз, Боздың баласын.
Жас күшіктей жаңа көзім ашқанда,
Ғазиз басым, қандай жерде қаласың?

Кәкім аға, құлағың сал сөзіме!
Ойлағанда жас толады көзіме.
Балалықпен білмейді екем қадірін,
Өзің түгіл, зар болдым-ау сөзіңе.

Тағы сөлем Бөпелектей жеңгеміз,
Жас та болсақ, талай бейнет көргеміз.
Басқадан да өзгеше ғой бұл жұмыс,
Барлығы да құдай ісі – көнгеміз.

Ашу менен қарқын сөзді тастаңыз,
Бізді ойлап ешбір алаң болмаңыз.
Маңдай соры ашылмаған, жан жеңге,
Біз ғаріпті бір Аллаға тапсырыңыз.

Жас басымнан салдың Құдай азапқа,
Адам қылып қоспадың-ау қатарға.
Тумай жатып нендей кінә істеп ем,
Түпсіз терең тағы салдың қайғыға.
Менен сөлем, сорлы болған апамыз,
Болса егер кешіре гөр қатамыз...

Адаймен бірге жүріп, бірге оқыған ініміз Балға Шәуенов кезінде Қызбелде мұғалім болған. Оның маған және Хайдарға жазған шумақтарын да келтіре кетейін:

Амансың ба, алда туған ағалар,
Ұқыпсыздан керекті зат жоғалар.
Өзің көрген туған жерлер қалпынша,
Қозғалған жоқ қалың қопа, сағалар.

Мұнда тұрған туыстарың амандық,
Бір-біріне ойламайды жамандық.
Қолдарынан келгенінше жұмыста,
Іздемейді басқа жерден мамандық.

Бұл өлең-хатты келтіріп отырған себебім – біздің тұқымда хатты қазақтың қараөлеңімен жазу Міржақып ағаларынан алған үлгі, сол кісіден қалған дәстүр екенін айту.

Біздің Дулатовтар әулетінен, өзімнің үй ішімнен қалған жалғыз інім Хайдар Асқаров 1913 жылы туған. Оны Отан соғысына қатыстырмай, Қиыр Шығыстан шығармай, еңбек армиясында жұмыс істетті. Басынан талай азапты өткізіп, аман келіп, Мәдинаға үйленді, бала-шағалы – үш ұл, бір қызы бар. Олар: Серік, Абылай, Әлішер, Ләйлі. Дулат атамыздың кенжесі Ақжжан апамыз он алты жыл Хайдардың қолында тұрып, сексен жасында 1973 жылы 4 май күні қайтыс болды. Ал әкеме тетелес Қонысбай (*Қошай*) ағамыздан қалған Бөпежан ашаршылықты басынан кешкен, бір үйден жалғыз қалған сіңлім осы күні Қостанайда, күйеуі Шалабай, баласы Қуанышбай – бәрі бірге тұрады.

Қошайды еске алған соң, оның Зұлқарнайы жөнінде бірер сөз айтайын. Зұлқарнай менен екі-үш жас кіші, 1911 жылы туған, екеуміз өте тату өстік. Міржақып төтемізден кейін ақындық дарын Зұлқарнай Дулатұлына қонған еді. Ол Ташкентте Қазақтың мұғалімдер институтында студенттердің алды болды. Белгілі математик Әлімхан Ермеков Зұлқарнайдың зеректігіне, оның алғырлығына таңғалып, оқу мерзімін қысқартып, ілгері курсқа аттатпақ пікірін Қызылордадағы Міржақып досына хабарлайды. Бұған ағасы қарсылық білдірген. «Зұлқарнай әлі жас, асығыстық етудің керегі жоқ, оқып, толық білім алып шықсын», – деп Әлімханға

хат жазған. Бұл туралы Әлекеңнің Мұстапаға айтып отырғанын естіген едім. Бұл 1927–1928 жылдар еді. Осы кезде Зұлқарнайдың өлеңдері «Лениншіл жас», «Еңбекші қазақ» газеттерінде жиі басылып тұратын. Зұлқарнайдың Әжі деген сұлу қызға (*Жамал Омарованың сіңлісі*) ғашық болып жазған өлеңі былай басталатын:

Гүл бердің,
сүйіп бердің
күлімдедің.

Осы өлеңіне біреудің: «Зұлқарнай Дулатов Мағжан Жұмабаевқа еліктейді, махаббатты жырлайды» деп газетке сын мақала жазғаны бар. Зұлқарнайдың қаламы енді ғана төселіп, жазған өлеңдері жұрттың назарына ілініп, Міржақып ағасы да болашақта елеулі ақын болар деп үміт етіп жүргенде, сұм ажал оны 1938 жылы арамыздан алып кетті.

Алпысыншы жылдары Торғайға барып, жұрттан сұрастырып жүріп, Амантоғай совхозында тұратын Дулат атамыздың қызы, яғни Міржақып төтеме тетелес Қалипа апасын таптым. Жасы сексенге таянып қалған екен, түрі Асқар ағасынан айнымайды. Көрген жерде-ақ: «Осы сен Ботагөз емеспісің», – деп бірден танып, кеудесіне қысып көрісіп жылады! «Мені де іздеп келетін бауырларым бар екен ғой, о, жасаған, мұнысына шүкір!» – деп егілді. Бәрін сұрастырып жатыр. Әр сөзін мәнерлеп, жұмбақтап келтіреді екен. Онысы көп жылдар бойы төркін жағын жасырудан әдет болып қалған сөз саптауы болар деп ойладым. Қалипа апа Гүлнардың барын естігенде, Алматыда тұратынын айтқанымда, балаша мәз болып қуанып: «Асылымның сынығы. Міржақыптың Гүлнарынан айналып кетейін, оған ұзақ өмір берсін, бақытты болсын», – деп ізгі тілегін білдірді. Жүрерімде апамның суретін алдым. Өзі қалтасынан орамалға түйілген

күміс сақинаны алып: «Мынау «Құсмұрын» жүзікті ұзатыларымда әкем өзіме арнап соқтырған еді. Өмір бойы айырылмай, қасиетті бойтұмардай сақтап келдім. Енді бұл жүзік біздің ұрпаққа тиісті. Қалипа апаң берді деп, Гүлнарға табыс етерсің», – деген. Мен соны орындадым. Гүлнар қолына салып жүр. «Орыстар айтпақшы, «фамильное серебро», ол жүзік маған бәрінен де қымбат ескерткіш қой», – дейді әрдайым. Қалипа апа көп ұзамай дүние салды. Баласы болмаған. Одан үлкені – Зылиха апаны көрмедім, ертеректе қайтыс болыпты, Дәстен деген кісі «Зылиха Міржақыпқа ұқсайтын еді», – дейді. Бұл кісіден де бала қалмаған.

Қазір ең жақын туыстардың көбі дүниеден кетіп, қалғандарын саусақпен санап алғандай. Қостанай облысының Таран ауданында тұратын, өздерің 1963 жылы барып қайтқан Нұржанның баласы Боранбай мен Ержаны, Өтеулінің балалары – Міржақып тәтемнің немере інілері – Кәкім, Қасым ғана бар...

1924 жылы ауылдан Торғайға, одан Қостанайға келіп тұрдым. Келесі жылдың май айының жаймашуақ күндерінің бірінде, тұратын үйімнің көше жағындағы терезесінің алдына жеңіл фаэтонның тоқтағанын көрдім. Ішінен тәтем, жеңешем және Ғаббас Нұрымов үшеуі шықты да, біздің үйге қарай беттеді. Алғашқыда өз көзіме өзім сенбей тұрып қалдым да, сәлден соң алдарынан жүгіре шықтым. Көптен көріспеген біздер құшақтаса кеттік. Бір-бірімізді құшып, жеңешем екеуміз жылап та алдық. Тәтем бетімнен сүйіп, шашымды сипап, менің жүдеу екенімді көріп, аяп тұр. Сезімтал, бір көргенінде адамның хал-жағдайын айтқызбай түсінетін абзал тәтем үйге кіріп отырған соң: «Бота, қалқам, жағдайың ауыр болса, бізбен бірге боламын десең, жүруге даярлан, көріп тұрсың ғой, жеңешенің аяғы

ауыр, босанар кезі таянып қалды, қазір біз мына Ғаббастың ауылында демалыстамыз», – деді.

Ұзамай, 1925 жылы 8 июньде кенже ұлы Әлібектің дүниеге келгенін хабарлады. Ғаббастың ауылы шілдехана тойын өткізіпті. Бір айдан соң тәтемдердің жүріп кеткенін білдім. Өздері Қызылордаға көшіп келіп орналасқаннан соң, 1926 жылдың жазында 150 сом ақша салып, мені өздеріне алдырды. Жасым он сегізде еді, өне бойы аға-жеңгемнің қолында тәрбие көрсем екен деп жүретінмін, арманым орындалып, Қызылордаға келдім. Менің ең бақытты, естен шықпас өмірім содан басталды.

Көпшіл де ашық-жарқын мінезді, жасы біразынан кіші болса да, жұрт көсемдей көретін, өзіне магниттей тартып тұратын тәтемнің төңірегіне қазақтың өңшең зиялылары – ақын-жазушылар, журналистер, өнер, қоғам қайраткерлері, адвокаттар тобы жиналатын. Келушілерге қашан да мәдениет ошағына айналған үйінің есігі ашық. Бұл үйге жұрт үйірсек болатын. Оның адресі алғаш Садовая 7, кейін Селиверстова көшесі, 17 болды. Бұл үйдің жартысында Ахмет, Бадрисафа Байтұрсыновтар, екінші жағында Дулатовтар тұрды.

Енді бұл жылдары өзімнің көрген-білгенімді және Дулатұлының айналасында жақын араласып тұрған жолдастарын әңгімелейін.

Тәтемнің ең ардақты, сүйікті көретін, пікірлес әрі қаламдас ағаларының бірі – белгілі ғалым-тілші, журналист, ақын, қоғам қайреткері Ахмет Байтұрсынов. Бұл кісі – қазақ тілінің алғашқы ғалымы.

Оның төте оқу деп аталатын жаңа араб әрпімен жазылған «Оқу құралы» арқылы көпшілік сауатын ашқан. Байтұрсынов жасап берген қазақ тілінің грамматикасы әлі күнге дейін қолданылуда. Журналист дегенім – 1913 жылдан 1918 жылға дейін Орынборда

шығып тұрған «Қазақ» газетінің редакторы. Оны Дулатұлымен бірге шығарып тұрғаны жұртқа мәлім. Ақындық жағына келсек, «Маса» атты өлеңдер жинағының авторы. Оның қазақшаға еркін, жатық аударған Крыловтың «Қырық мысалын» жаттап, айтып жүруші қауым көп болатын.

Ахмет ағай ұзын бойлы, ақ сары өңді кісі еді. Қомақты келген үлкен мұрнына салған пенснесінің қара жібек бауын костюмінің оң жақ төс қалтасына алтын түйреуішпен қыстырып қоятын. Сөйлегенде дауысын көтермейтін, үні биязы естілетін. Үстіне сыпайы қара костюм киетін, көйлегінің ақ жағасын сыртына шығарып қоятын. Қонаққа не институтқа лекция оқуға барғанында сәнді қара костюмін киіп, галстук тағатын. Қызметіне жеңіл фаэтонға мінгізіп, атқосшысы алып баратын. Үйдегі жұмыс кезінде ылғи көк ала, биқасап кең шапан, тақия киетін. Күндізгі сағат төрттерде үйіне келіп, тамағын ішіп, екі сағаттай тынығатын. Кешкі шайынан соң түн ортасына дейін жұмыс істеп отыратын. Бұл қалыптасқан тәртібін бұлжытпай орындайтын, уақытын бір сағат та бос өткізбейтін.

Ағай демалғанда, Ғайнижамал жеңешем балаларына тыйым салып, шулатпайтын. Бұл кісінің жұмысына кедергі келтірмеу үшін жора-жолдастары үйіне орынсыз бара бермейтін. Ахаң жұмыстан шаршаған уақытта бөлмесінде әрлі-берлі жүретін. Онысы сықырлаған еденнің дыбысынан, салған әнінен білінетін. Қолына домбырасын алып, қоңыр даусымен жайлап қана, сүйіп салатын әндері «Елім-ай», «Екі жирен», «Қарагөз» болатын. Қазіргі «Қыз Жібек» операсында айтылып жүрген «Қарагөз» ариясы – Ахмет Байтұрсыновтың шығармасы. Қарагөз Ахаңның сүйіктісі болған. Сол ғашығына сөзін өзі жазып, музыкасын өзі шығарған Ахаңның әні мынау:

Құдайдың құдіретіне таңғаламын,
Жолында бір ғашықтың зарланамын.
Ішімді ғашық оты жандырады,
Сыртыма шығаруға арланамын.

Қайырмасы:

Ей-ей, сүмбіл шаш!
Беу-у, жұбайым,
Болды-ау уайым,
Жан сәулем, айта беріп
Не қылайын...
Аппақ етің қояндай,
Шошып сәулем оянды-ай.
Ғашық болған Қаракөз,
Қызығыңа тоя алмай.

Қайырмасы

Ахаң мен Бадрисафа жеңгеміз қонаққа жұрттың арнаулы шақыруымен ғана баратын. Ораза, құрбан айттарында, алдымен үлкен ағалары Ахмет Бірімжановтарды құттықтап, содан кейін ғана біздің үйдің дәміне келетін. Ахаңның, Міржақып тәтемнің мерекелерде арақ-шарап ішкенін көрген емеспін, Ахаң шылым да шекпейтін. Айттарда Бадрисафа жеңгей аспай-саспай, көбіне үндемей жүріп, неше түрлі тағамдарды барынша дәмді пісіріп, қонақтарын қабылдайтын. Жеңгеміздің жүз жұмыртқадан қатыратын шекшекейін, бауырсақтарын кесуге мен барып көмектесетін ем.

Ахаңның екі бөлмелі, асүйі бар пәтері (*36 шаршы метр*) үйдің жартысын алып жататын. Кіре берістегі төрт бұрышты, кішкене дәлізден есік асүйге және оң жақтағы екі бөлмеге шығатын. Бірінші шағын бөлмесінде шымылдықпен қоршаулы қатар қос төсек тұратын, еденде шағын кілем жататын. Есікке жақын сол жақ қабырғаға киім ілетін үлкен шкаф қойылған. Екі терезесінің аралығында – «Зингер» тігін аяқ машинасы, үстінде кестелі қызыл шұға жапқышы бар.

Оның тұсындағы қабырғада дөңгелек келген ілулі айна болатын.

Екінші бөлменің төргі жағында көлденең қойылған жазу үстелі, оның тұсында абажурлы үлкен шам асулы тұратын. Сол жақтағы қабырғада кітап толы екі шкафы болатын. Оған таяу – қара пианино, үстінде – шойыннан құйылған салт атты қазақ мүсіні. Оның жанында ноталар жататын. Шкаф пен пианиноның аралығында ілулі қызыл домбырасы. Жазу үстелінің оң жағындағы тумбочканың үстінде скрипкасы қойылатын. Бөлменің ортасында – ақ дастарқан жабулы үлкен дөңгелек үстел, айналасында орындықтар. Оң жақтағы қабырғадан қораға үш терезе қарайтын. Кеш түсе, терезе перделерін түсіріп жауып қоятын.

Ахаңның бәйбішесі Бадрисафа (*Александра*) жеңгейдің нәсілі – орыс. Тілі келсін-келмесін, тек қазақша сөйлейтін. «Қ»-ны «к» деп айтатын, төтемді «Міржакып кайным», ал Ахмет жұбайын «төрем» дейтін. Бадрисафа жеңгей ақ сары, көк көзді, қыр мұрынды, орта бойлы, толықтау денелі болатын. Құлағына ақ тасты алтын сырға салатын, басынан аппақ орамал түспейтін, оны желкесінен байлап қоятын. Ғайнижамал жеңешемнің айтуынша, бұл кісілер Қарқаралыда үйленіпті. Күтуші орыс қызымен некеге тұрғанда, «татар қызы, аты-жөні Бадрисафа Мұхаммед-Садыққызы» деп жаздырған. Жас жұбайлар 1904–1906 жылдары Омбыға келеді. Қаланың жергілікті қазақтарымен танысып, туысындай сыйласып, араласып жүрген. Сондағы олардың ең жақын кездесіп тұрған отбасы – жеңешемнің әкесі – дәрігер Баймұрат Досымбековтер. Ғайнижамал – оның үш қызының ортаншысы. Ол кезде жасы он бірде (*анасы Сара он бесте, сіңлісі Гүлшаһра алты жетілерде*) екен. Жеңешем жасынан ер балаларша киіндіріліп, еркек-шора болып тәрбиеленіпті. Кіш-

кене кезінен үйірсек ол Ахметті аға деп кеткен. Ол кісі де өмір бойы оны келін демей, «Гая қарындасым» деп атайтын. Бадрисафа жеңгей іске өте шебер кісі болған. Сара мен жеңешемді үйлеріне ертіп апарып, киім пішіп-тігуді, машинамен кестелеуді үйретіпті. Сараның сондағы әр түсті гарус жібімен кестеленген шағын келген, төрт бұрышты қызыл шұға дастарқан жапқышы осы кезде Гүлнардың қолында.

Қызылордада бір үйде көршілес тұрғанымызда, жеңгейдің іс-әрекетіне таңғалатын ем: ертеден кешке дейін кірін жуып, тамақ пісіріп, үйін тазалап, ағайды жұмысына шығарып салып, кешке қарсы алып, бір тізе бүкпейтін. Ағайдың киімдеріне мейлінше ұқыпты қарайтын, крахмалданған ақ жейдесінің жағасы қатып тұратын, шалбарының қыры сынбайтын, сәнді киіндіретін. Үйіне шаң жолатпайтын жеңгесіне қайындары: «Үйлеріне бара қалсақ, жеңешеміздің көзі алдымен бетімізге емес, аяғымызға түсетін» деп әзілдейтін.

Байтұрсыновтарда перзент болмады. Ағасы Қалидың Көтез деген қызын асырап, оқытып, Әбдіғапардың Рүстем деген баласына ұзатқан. Ахаң жыл сайын Ақкөлдегі ауылына барып, демалып оралатын. 1924 жылы Орынборда тұрғандарында, ауылдан ағаларының Қазихан, Аумат деген екі ұлын, Шолпан деген қызын алып келген. Бұл балалар Қызылордада қолында тәрбиеленді. 1928 жылы Алматыға көшерде Қазихан мен Ауматты елге қайырды да, Шолпанды өз атына жаздырып алды. Бір жылы, жеңешемнің айтуынша, ағай елге барып қайтқан. Ахандарға бір ит ілесіп Қызылордаға келеді. Оның атын «Жолдаяқ» қойған. Құйрығы келте, басы қазандай, сол үлкен сары төбет түнде анда-санда үріп қойып, қораны айнала жүгіріп сақ күзететін. Жұрт ол иттің түрінен қорқатын.

Ахаңның фотоаппараты болатын, көңілінің зауқы түскенде, қолы босағанда, балаларды суретке түсіретін. Кешкі шайды сыртқа үстел шығарып, самаурыннан құйғызып, газет оқып отырып ішетін, сонда көзінің астымен әркімнің психологиясын бақылайтын.

Мені тәтем үйде оқытты, оқу-құралдарымның мұқабасын мәрмәр түстес қалың қағазбен қаптатқызатын. Баспаханадан үлкен шаршы қағазға басқызып әкелген есеп кестесін (*таблица умножения*) өзінің жазу үстелінің сол жағындағы қабырғаға іліп қойған-ды. Тәтем менің дәптерімді, берген тапсырмаларды орындағанымды күнде тексеретін. Қазақ тілін Ахаңның «Тіл құралымен», есепті өзінің «Есеп құралы» бойынша оқытатын. Ахаң да маған тақпақ жаттау әдісін үйреткен. «Бота, сен тақпақты күндіз жаттап ал да, жатарда кітабыңды жастықтың астына тығып қой. Ертеңінде ояна сала тағы бір оқып шық. Сонда тез үйреніп, жаттығып аласың», – дегені бар. Бұл ақылын осы күнге дейін ұмытқаным жоқ. Сондағы көбінесе жаттайтынымыз «Қырық мысалдағы» «Шырылдауық шегіртке», «Маймыл мен көзілдірік», «Қасқыр мен қозы» болатын.

Тәтем маған әртүрлі журналдар, ертегілер мен дастандар әкеліп оқытатын. Абайдың өлеңдерін жаттатқызатын. Сол кезде Ташкентте, Орынборда, Қызылордада басылып шыққан Мұхтар Әуезов, Ахмет Байтұрсынов, Жүсіпбек Аймауытов, Бейімбет Майлиннің шығармаларын беретін. Ал өзінің оқулықтарынан басқа кітаптары, неге екенін білмеймін, үйде болмайтын. Бірақ өзім ауылда тұрғанымда бәрін көргем, біразын жаттап айтып та жүрдім. Жоғарыда аталған қазақтың маңдайалды жазушыларын тәтемнің үйінде көріп, таныс болуым, мен үшін үлкен бақыт, естен кетпейтін, өмірімде өшпейтін ізін қалдырған мектеп болды.

Біздің Торғай өлкесіне аты жайылған, Шеген әулетінен шыққан, сол топырақта туып-өскен, руы арғын, кезінде Думаға депутат болып сайланған, белгілі юрист Ахмет Қорғанбекұлы Бірімжановты білмейтіндер аз. Ол 1871 жылы ауқатты отбасында дүниеге келген. Орта білімді Орынборда алып, Қазан университетіне оқуға түсіп, заң факультетін 1896 жылы алтын медальмен бітіріп шыққан екен. Өмірінің ақырғы жылдарына дейін Заң комиссариатында жұмыс істеген. Қоғам қайраткері, белгілі екі Ахметті бір-бірінен айыру үшін, бұл кісіні – Ахаң-юст, Байтұрсыновты – Ахаң-прос дейтін. Менің естуімше, Ахмет Бірімжанов, Әлихан Бөкейханов, Міржақып Дулатұлы 1906 жылы Петербургке барған кездерінде, сондағы қазақ оқушыларымен кездесу өткізіпті. Оларды қараңғыда еңсесін көтермеген, ұйқыдан әлі оянбаған қазақ халқын жаппай сауаттандырып, мәдениетке бастауға шақырған. Осы жолда өз бастарын бәйгеге тігіп жүргендерін аңғартқан.

Бірімжановтар 1922 жылы Орынборға келгеннен бері, төтемдермен тығыз араласып, сыйласып тұрған. Балалары Батырбек (*Баташ*), Іңкәр, Мұрат Бірімжановтар Гүлнармен қатар оқыды. Заңгер Аханның замандастарынан жасы үлкен болғандықтан оны үлгі тұтып, құрметтейтін. Ұлы мереке – наурыз, айт күндерінде Ахмет Байтұрсынов бастаған зиялылар құттықтап, сәлем беруді Бірімжановтардан бастайтын.

Ахмет Бірімжановты 1926 жылдың күзінде, Қызылордада бір рет қана көрдім. Бұл кісі науқастанып Ташкентке барып, дәрігерлерге көрініп келген екен, төтем мен жеңешем мені ертіп, көңілін сұрауға бардық. Келбеті әлі көз алдымда. Орта бойлы Ахаң аурудан денесі жұқарып, жүдеген екен. Бет әлпеті дөңгелек келген, жазық маңдайлы, қыр мұрынды

кісі көрінді. Селдір мұрты мен шоқша сақалы суалған жақтарын одан бетер жүдеу көрсетіп тұрды. Үлкен көзімен жан-жағына қарап отырғанында, бір түрлі мейірім шапағаты төгілгендей әсер етті. Жүдегендіктен болар, үстіндегі киімі кеңдеу сияқты. Асықпай, дауысын көтермей сөйлеп отырды. Әңгімені қыздырған Жауһар жеңгей мен Міржақып ағамыз болды.

Жауһар Әлмағамбетқызы Сейдалина – Бірімжанова атақты Сейдалы төрелердің тегінен. Орысша-қазақша бірдей оқыған, білімді кісі. Естуімше, Ахаңның екінші әйелі жас жағынан біраз кіші. Жеңгей ақ жарқын мінезді, толық денелі, өзін өте еркін, маңғаз ұстайтын әйел. Төңірегіндегі кісілерді бірден баурап әкететіні көрініп тұрды. Біреулер туралы сөз естілсе-ақ, жеңгей: «Ә-ә, анау кісі ме?» – деп сөзді іліп алып, толық мәлімет беріп отырды. «Өздерінің араласын, кімнің қай рудан шыққанын, қай жерде туып-өсіп, оқығанын, кім-кіммен құдандалы екендерін жете білетін, өте зерек адам», – деп, Міржақып қайнысы оған үлкен ілтипатпен қарайтын.

Бірімжановтар пәтері ұқыпты жиналған үш бөлмелі, алдында асүйі бар. Жарқын жүзді, жайдары Жауһар жеңгей дастарқан жасап, оның үстіне неше түрлі тәтті тағамдар, ағайдың Ташкенттен әкелген өрік-мейізін, жаңғақтардың үш түрін (*жаңғақ, фундук, бадам*) қойды. Қара бұйра шайын баптап өзі құйып отырды. Ахаң сұйық бөкпенмен сорпа ғана ішеді екен. Сөз арасында Ленинградқа емделуге баратыны айтылды. Телжан Шонанов екеуі жүретін болыпты. Ұзақ отыра бермей, біз үйге кеттік.

Кешікпей Ахаңды Ленинградқа дос-жарандары шығарып салды, сәт-сапар айтып, аман-есен оралуына тілек білдірісті. Бірақ бұл сапарынан Ахаң оралмады. Ұзаққа созылған ауыр науқастан 1927 жылдың ғинуар айында дүние салды. Ахаңды білетін жандарға бұл

қайғылы хабар қатты батты. Жұрт Ахаңның үй ішіне көңіл айтуға ағылып барып жатты. Ертеңіне Міржақып інісі «Еңбекші қазақ» газетіне некролог шығарды. Ахаңның шаңырағында сүйген жары Жауһар, балалары Батырбек, Іңкәр, Мұрат және туыстарының бұл отбасы оқытып, тәрбиелеп жүрген балалары Нұрқан, Сұлтан, Хамидалар қалды. Солардың оқып жетілуіне көмек болсын деп, Міржақып төтем бастаған жерлестері мен жолдастарының бірлесіп, қаржы жинап бергендерін жақсы білемін.

Жеңгей ұзақ уақыт бос қарап отырған жоқ, қызметке орналасып, көп жылдар бойы еңбек етіп, балаларын оқытып, бөріне жоғары білім алып беріп, адам ғып шығарды. Батырбек Ахметұлы Бірімжанов – химия ғылымының докторы, Қазақ ССР Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, профессор, Қазақ университетінде декан болып жұмыс істеді. Оның жұбайы Аннель Абдуллақызы Бөкейханова – Бірімжанова – Алматы мединститутының доценті, кафедра меңгерушісі, баласы Рүстем – химия ғылымының кандидаты. Ахаңның қызы Іңкәр Бірімжанова – биология ғылымының докторы, профессор, Алматы медицина институтында кафедра меңгерушісі. Кенже ұлы Мұрат Бірімжанов – Ленинградтағы Сауда институтын бітірген, өз саласында беделді маман. Балаларының биік шыңға көтерілулеріне атсалысқан, ойлаған мақсаттарының орындалғанын өз көзімен көрген Жауһар жеңгейдің арманы жоқ деймін. Оның төңірегінде әр ұлттан тұратын, топтасқан қауымы көп-ақ болатын. Біріне апа, біріне әже, көбіне жеңгей аталып, туыстарға, бүкіл жұртқа үлгі көрсеткен, ақылшы болған абзал ана 1959 жылы 5 майда Алматыда қайтыс болды. Топырағы торқа болсын, рухының алдында бәріміз бас иеміз...

Міржақып төтемнің үйінде менің көрген кісілерім ақпейіл, кіршіксіз таза жандар, өз халқын шын сүйе білген, оның келешегі үшін жан аямай, жалынды жүректерімен адал қызмет атқарған, кейіннен атақ-даңққа ие болған кісілер еді. Міржақып төтем сол үзеңгілес кісілермен бірге сүйікті достарының арасында өте беделді, ақылшы, әділ сыншы болды. Оның пікірімен санаспағандарды көргенім жоқ. Ағаларын үлкен ілтипатпен сыйлап, іні-қарындастарын барынша еркелетіп, құрдастарымен ойнап-күліп, жеңгелерімен әзілдесіп отырғанда, өзінің шешендігімен жұртты лезде ұйытып, аузына қарататын. Үйіне алыстан іздеп келетін дос-жегжаттары көп-ақ болатын, барлығын құшақ жая қуанып қарсы алатын. Әр кезде дастарқандары жаюлы тұратын. С.Мұқанов сыртынан: «Коммунизмді көргілерің келсе, Дулатовтың үйіне барыңдар», – дейтін.

Астанамыз Қызылордаға келетін жазушылардың біразы төтемнің үйіне түсетін. Шымкенттен Жүсіпбек Аймауытов, Ташкенттен Мұхтар Әуезов, Мағжан Жұмабаев өздерінің жазған жаңа шығармаларын әкеліп, орталық баспаға ұсынарда, алдымен Міржақып ағаларының алдынан өтетін. «Жақаңның сынынан өтеміз, пікірін білгіміз келеді», – дейтін.

Мұхтар Әуезовті де 1926 жылы, Қызылордада, Міржақып төтемнің үйінде көрдім. Ол кезде жас жігіт еді, орта бойлы, қалың қара бұйра шашы маңдайына түсіңкіреп тұратын. Сөйлегенде қоңыр дауысы өте ұяң, биязы естілетін. Міржақып төтем Мұхтардың талантын жоғары бағалайтын, оны өзгелерден гөрі жақсы көретін, еркелетіп «Қара Мұхтарым» дейтін. Себебі, бірнеше Мұхтар болды. Мұхтар Мурзинді «Ұзын Мұхтар», Бірімжанов Мұхтарды «Бала Мұхтар» дейтін. Мұхтар өзі де Міржақып аға-

сының ұшқыр қалам сілтеуін, болып жатқан жаңалықтарды дер кезінде халыққа жеткізе білуін, жазған оқулықтарының қайта-қайта басылып шығуын – осының бәрі оның еңбексүйгіштігінің арқасы екенін атап, ризалығын білдіріп отыратын. Бұл ағаларымыз қызғаныш, күндеу, орынсыз мұқатып, сынау дегенді білмейтін, бір-біріне ізгі тілектерін білдірісіп қуанысатын.

Жеңешем Әулиеатадан әкелген көк ала бұхары патсайыдан Мұхтарға арнап көрпе тіккізген. «Біз мұны «Мұхтар көрпе» дейтінбіз. Оны басқаға жаппайтын. Мұхтардың келуі қарсаңында төтем жолдастарын жинап, кеш көңілді өтсін деп, Әміре Қашаубаев пен Иса Байзақовты алдыратын. Бұлар келіп, думанды отырысты сүйетін ағаларына өн салып беретін. Сауықты Әміре бастайтын, өлең айтардың алдында домбырасын күйге келтіріп, шертіп-шертіп алатын. Оның домбырасы, қазіргі домбыралардай емес, шанағы төрт бұрыштылау шағын домбыра еді. Онысы өз дауысына лайықты, күмбірлеп тұратын. Өзі «домбырам шешен» дейтін. Мәжіліске қатысушылардың алдымен айтқызатыны – «Ағаш аяқ». Бұл әнді Әміредей ешкім айтып көрген жоқ. Асқақтатып шырқай жөнелгенде, кең тынысы ашылып, қызыл шырайлы өңі құлпырып, шеке тамырлары білеуленіп кететін. Отырғандар қызып, өншіні де қоздырып, «ой-пәлі» деп көтермелеген кезде, Әміре әнді жандырып төпеп айтатын.

Қарағым, айналайын, келдің қайдан,
Ала үйрек, алма мойын ұшар сайдан.
Ей, қалқа, мекеніңді айтып қойшы,
Адамның жат болмағы осындайдан.
Ей, қалды-ау, қалды-ау,
Қыз қайда, ойбай,
Қыз қайда?
Қара жол ма дегенім
Шұбырынды із болды-ай, ойбай, –

деген жерінде көзіне жасы толып, өксіп-өксіп алатын.
Содан әрі қарай:

Ала жаздай нәр татпай,
Іздегенім қыз болды-ау, ойбай.
Қыз болды-ау, ой-ой.
Әй! Қыздар-ай, есіңе ал,
Алсаң ал, алмасаң қой,
Мен-дағы өлер деймісің,
Шіркін-ай, шіркін-ай,
Үкілі көмшат бөркің-ай.
Ой, пәлі-ай, ой, пәлі-ай,
Ой, пәлі-ай!
Осылай ма едің,
Қыздар-ай!

Ән біткенде, Әміре теңселіп, өлеңнің барысына жан дүниесі тебіреніп, жүзі жайраңдап, көздері күлімсіреп барып тоқтай қалатын. Ол «Үш дос», «Қорлан», «Смет», «Дудар-ай», «Қараторғай», «Екі жирен» әндерін сүйіп айтатын. Бұларды да ешкім Әміредей айта алмайтын еді. Әміре өзіндік шеберлікпен мәнерлеп, құбылтып, әр айтқан сайын кешегісін бүгін қайталамай, шабытпен орындайтын үлкен талант еді ғой. Ол кезде әнші қымыздан басқаны ішпейтін, арақ дегенді аузына алмайтын. Келіншегі Оразке, кішкене қызы Күлән екеуі біздің үйден шықпайтын. Театрға орналасып, пәтер алғанша, төтем мен жеңешем оларға қарасып тұрды. Әміре барынша ақжарқын, көңілшек мінезді, адал жан болатын.

Ал сонау Орынбордан, 1922 жылдан бері Дулатұлы отбасының бір мүшесі болып келе жатқан досымыз, ақын, әнші Иса Байзақов болса, ол қолына домбырасын ала сала желпініп, өлеңге қанат бітіріп, заулата жөнелетін. Өзінің шығарған «Исаның желдірмесін» салғанда делебесі қозып, көз жанары ұшқын атып, домбырасын сартылдатып сындырғандай безектете қағып, дауыл соққандай екпіндете, әрі-бері шайқалып, бар дауысымен шырқап қоя беретін.

Отырған орындығын өлеңнің ырғағымен теңселте отырып, төрден есікке дейін барып қалатын. Төтем қонақтарына: «Ал, біздің Исаның арқасы ұстады, желпіндіріп, қуаттай отырыңдар, ол көтермелеуді жақсы көреді», – деп, оған дем беріп, сүйсіне рақаттанып отыратын. Иса жұртты таңғалдыратын ғажайып суырыпсалма, талантты ақын еді ғой. Отырған қауым қандай тақырып берсе де (*оны өзі «тема» дейтін*) кідірместен, табанда домбырасына қосылып, ол туралы жырды төгіп беретін. Исаның институтта оқып жүргенде-ақ өлең, поэмалар жазып бастырғанын көргем, «Құралай сұлуды», «Қойшының ертегісін» оқып берген. Оқуын бітіріп, еліне – Павлодарға барып, Шәрбануға үйленгеннен соң, Қызылордаға көшіп келіп, бөлек пәтерге шыққан болатын.

Иса мен Өміренің үй ішіне де қол ұшын беріп, жәрдем тигізіп, қамқорлық көрсеткен Дулатовтар еді. Жеңешем келіншектердің үсті-басына қарады, қалаға лайықты киіндірді. Көпшіліктің арасында қысылып, қымтырылып, ұялуды тастатып, бойларына әдептілік қасиеттерді дарытты, келешекте театр сахнасына шығуларын мақұлдап, өнерге даярлады. Сонымен қатар киім пішіп, тігуді, үй шаруасын жүргізуді, түрлі тағамдар пісіруді, бала тәрбиелеу тәсілдерін үйретті. Онымен қоймай, оқып, тез сауаттануға көмектесті.

Осы қарсаңда, 1926 жылы Қызылордада тұңғыш қазақ театры ашылды. Оған режиссерлікке Павлодардан Жұмат Шанин шақырылды. Әлгі келіншектердің сахнаға шығуына бұл кісі де үлкен себепкер болды. Жұмат әрі жазушы, әрі талантты артист еді. Өзінің әйелі Жанбикенің қатарына қосып, Оразке мен Шәрбануды театрға алды. Бұл кезде қазақ әйелдері сахнаға бара бермейтін, көбіне үй қызметіндегі әнші әйелдер спектакльдерге қатысуға шақырылатын. Зүпнүн Нұрмақова (*Нығмет Нұрмақовтың жұбайы*)

мен оның туған сіңлісі Қанаш Шыңғысованы да (Әлихан Шыңғысовтың әйелі) Жұмат Шанин шақырып, Иса Байзақовтың өңдеуімен қойылғалы жатқан «Біржан – Сара» пьесасына қатыстырды.

1926 жылдың қысында қала тұрғындары көшелерде үлкен өріппен жазылып, ілініп қойылған жарнамалардан: «Біржан – Сара» қойылады. Біржан – Иса Байзақов, Сара – Зүпнүн Нұрмақова, Сараның сіңлісі – Қанаш Шыңғысова» деген хабарды оқыды. Спектакльді қоюшы Жұмат Шанин тыным таппай еңбектеніп, қызу даярлық жүргізіп, әбден ширатып барып сахнаға шығарған.

Алғашқы құрылған театрдың әр спектакльге арналған киімдері, жиһаздары жеткілікті болмады. Артистерді үйме-үй болып, қала тұрғындары, туыстары киіндіретін. Жұрт ұлттық киімдер, зергерлік бұйымдар, үкілі тақиялар, тағы басқа қажетті нәрселер беруден бас тартпайтын. Ойын өткен соң олары өздеріне қайырып берілетін. Ұзаққа бармай үкімет көптеген қаржы босатып, театр гүлдене бастады.

Әлі есімде, асыға күткен «Біржан – Сараны» көретін күн де жетті. Жұмат ағай арнайы билеттер жіберген. Біз ертерек тамақтанып, киініп алғамыз. Исаны баптап, Міржақып ағасы: – «Әй, Иса, сен жынданбай жақсы ойна, бүгін үлкен сынға түсетініңді ұмытпа! Сара – Зүпнүн әнші кісі, өзі Сараға лайықты, ойыны да мықты, одан бір елі қалыспа, жеңіліп қалма» деп кеңес беріп, еркелете иығынан қағып, жайраңдатып үйден аттандырды. «Біржан – Сараны» жұрт ықыласпен өте жақсы қарсы алды, зал лық толған, орын жетпегендіктен, көбі түрегеліп тұрды. Соңғы шымылдықтан кейін ойнаушылардың өнеріне дән ризалықтарын білдіріп, орындарынан тұрып, ұзақ ду қол соғып, артистерді, әсіресе Иса мен бас режиссер Жұматты атап, сахнаға шығарып, біраз уақыт жібермей қойды. Оларға шоқ-шоқ гүлдер ұсынылды.

Бір қызығы, сол жылдарда ойын бітсе де, көрермендер тарамай, қол соғып, Әміре, Иса, Қалибек, Серке, Елубай, Құрманбектерге «сахнаға шығып, өнерлеріңді тағы көрсетіңдер» деп тұрып алатын. Халықты сыйлап үйренген олар бірінен кейін бірі шығып, аянбай өлең айтатын, билейтін. Ташкеннен келіп қосылған сымбатты, сегіз қырлы бозбала Құрманбек Жандарбеков ұршықтай үйіріліп билей жүріп, «Миллион толқынды» айтатын. Елубай Әмірзақов «Заулатшы-ай», «Нақ-нақты» шырқайтын, Қалибек Қуанышбаев «Қыз ұзатуын», басқа да күлкі-сықақ әңгімелерін айтып беретін. Серке Қожамқұлов ағамыз Бейімбеттің «Мырқымбайын», өртүрлі күлкілі шығармаларын жатқа айтатын.

Жоғарыда айтылған таланттардан басқа, алғашқы әйел артистер Мәлике Шамова, Зура Атабаева (*Құрманбектің бірінші әйелі*) сахнаға келді. Бұларға Орынборда оқып жүрген Қапан Бадыров келіп қосылды. Табиғатынан өнерге лайық жаралған бұл артистердің ойындары жұртты баурап әкететін, залдың іші сілтідей тына қалатын. Жұмат үлкен мәдениет қайраткері Мұхтар Әуезовтің «Еңлік – Кебегін», «Қарагөзін», өзінің «Арқалық батырын», Қошке Кемеңгеровтің «Алтын сақинасын», орыс драматургі Погодиннің, тағы басқаларының пьесаларын қоя бастады. Жұрт бұл пьесаларды да бірнеше рет қайталап көре беретін.

Қызылордада біздің үйге таяу, Мальков көшесінде Назифа Құлжанова (*Нұрғали Құлжановтың жесірі*), Сейдәзім Қадірбаев, Әлімхан Ермековтердің отбасылары тұрды. Назифа Құлжанова – торғайлық, қазақ әйелдерінің арасынан шыққан алғашқы қалам қайраткері. Бұл кісінің газет, журналдарда шығып жүрген мақалаларын қызығып оқитын ем. Назифа апай көпті көрген, ашық-жарқын мінезді, жұртқа үйірсек кісі еді. Жерлесіміз, сондықтан болар, жақын

тартып жүретін. Сәнді киінетін, басына аппақ орамалын шаршылай тартып, тамағының астынан келтіріп, алтын түйреуішпен бекітіп қоятын. Көзіне үнемі пенсне киетін. Абзал ана жалғыз қызы Гүлжиһанды қасынан қалдырмай, ылғи ертіп жүретін. Төменгі сыныпта оқитын балалар сахнаға шығып, өздерінше ойын қойып беретін. Бірде Гүлжиһан «Шырылдауық шегірткені» айтып тұрғанда, сөзін ұмытып, «Шырылдауық шегіртке» деп екі-үш қайталап барып, ұялғаннан жылап, сахнадан түсіп кеткен. Соны көрген Міржақып ағасы ажуалап, Гүлжиһанды «Шырылдауық шегіртке» дейтін. Назифа апай біздің үйге кешке таман келіп, шай ішіп, әңгімелесіп отырып кететін. Дулатұлының тәрбиесінде өскен Әзеннің де шын аты Нәзифа болатын. Әзенді өзінше үлкейтіп «аттасым» деп шақыратын қасына. Естуімше, Нәзифа апа 1932 жылы дүние салыпты. Соңғы өмірі өте ауыр болды деседі. Бір жағынан, ескі ауруы (туберкулез), екіншіден, жоқшылық қадірлі апамызды қатты қинапты. Енді Гүлжиһан да әже болды, қазір құрметті демалыста, қызы Раушан және жиен немересімен Алматыда тұрады.

Қызылордада Нәзифа апамен есікпе-есік тұрғандар – Қадірбаевтар. Сейдәзім Қадірбаев 1885 жылы туған, руы арғын – өтей, кіндік кескен жері – бұрынғы 9-ауыл, қазіргі Қостанай облысы, Жангелдин ауданы, Қызбел совхозы. Сейдәзімнің ауылы Қоңыраулы өзенінің арғы жағында, біздің ауылмен тұспа-тұс. Ағай адвокат еді, қайда оқығанын білмеймін. Орта бойлыдан жоғарырақ, маңдайы кере қарыс, жалтыр қасқа бас, көбіне тақия киіп жүретін, мінезі тұйықтау, көп сөйлемейтін кісі болатын. Міржақып тәтем екеуі жас күндерінен достасып өскен, өмір жолдары да, тағдырлары да ұқсас кісілер-тін. Міржақып тәтем құрдасымен қатты қалжыңдасатын. «Сейдәзім түнде келе жатқанда, қорқақтығынан Жаңылды алдына са-

лып, өзі тасасына тығылып жүреді. Қаланың сыртына серуенге барғанымызда немесе аңға шыққанымызда, пистолетін бетіне тіреп қойып көздейтін», – деп «түймедейді түйедей» етіп, құрбысын келемеждеп мұқататын. Сонда Сейдәзім аға: «Тәйірі, осы Міржақыптың жоқты айта беретіні бар», – деп, кеудесін бір көтеріп, жымыып отыра беретін. Сейдәзім заң жағын қамтып, тәтем екеуінің бірігіп кітапшалар жазып шығарғанын көргем. Сейдәзімнің зайыбы – Жаңыл жеңгей Орынбор маңайындағы, Жайық бойындағы жағалбайлы руынан, күйеуінен бес-алты жастай кіші еді. Дөңгелек жүзді, қыр мұрынды, өте сүйкімді әйел болатын. Бойы менің жеңешемнен сәл аласалау (*екеуінің қатар тұскен суреті бар*), құрбы-замандастары оны «Тәпіл» дейтін. Тәпіл тілі өткір, қимылы ширақ, адуынды кісі еді. Жөнге келсін, келмесін, орыстың тілін араластырып, анау-мынау кісілердің бет-жүзіне қарамай, қайын-қайнағаларына тиісіп сөйлейтін, ашық жарқын-тын. Елде бұл келіндері жайлы күліп айтып жүретін әңгімелерді естігем. «Сейдәзім ауылға келгенінде жеңіл фаэтонын жеккізіпті, бұрын арбаға отырып, делбені ұстап көрмеген бір туысын ат айдаушы етіпті. Ол атты айдарда аяғын тепеңдетіп, тарсылдатып қоймапты. Сонда Жаңыл: «Әй, ағай, әй, ағай, немене, аяғыңыз құтырып кетті ме?» деп төбесінен тас түскендей етіпті. Қадірбаевтарда бала болмады, кейін Жаңылдың сіңлісі – Жаңғақтың қызы Гуляны асырап алған-ды. Қолдарында туған Гүлнарды да қызымыз дейтін, Гүлнар да Сейдәзімді – папа, Жаңылды – мама деп, екі үйдің арасында еркетай болып өсті.

Ал Әлімхан Әбеуұлы Ермеков – Орта жүзге жататын Жиімбай Қаракесек руының қазағы, туған жері – бұрынғы Семей губерниясына қарайтын Темірші болысы, қазіргі Қарағанды облысы, Ақтоғай ауданы.

Әлімхан ауқатты жерден шыққан. Атасы Ермек ел ішінде би болған. Орта білімді Семейде алған, еңбек жолы Қарқаралыдан басталыпты. Сонда мектеп ашып, өзі сабақ беріпті. Оқуға құштар, білімін толықтыруды армандаған Әлімхан Томск технология институтына түсіп, оны 1923 жылы үздік бітірген. Әлімхан ағай 1927 жылы Ташкенттегі Қазақ ағарту институтында математикадан сабақ беріп жүрді. Менің жұбайым – Бұралқиевпен бірге істеді. Жұрт Әлімханды «математиканың профессоры» деп аса құрметтейтін.

Мен білетін Ермеков – орта бойлы, толықтау келген, қалың қара шашын шалқасынан қайыратын, қою қасты, қомақты мұрнына пенсне қыстырып қоятын, ашық, жайдары мінезді кісі. Күлкісі басқалардан өзгеше, бар дауысымен қарқылдап күлгенде, екі иығы бүлкілдеп, селкілдеп кететін де, қасындағыларды еріксіз қоса күлдіріп әкететін. Әлімханның білім биігіне көтерілген, даңқы шыққан, әлі мұқалмаған жігерлі жас, сөзге шешен кезі болатын. Бұл кісінің тамаша лекцияларын тыңдауға, өзін көруге құштар боп, бөтен оқу орындарының студенттері, басқа да кісілер келетін.

Әлімханның жұбайы Рахила жеңгей – татар қызы, Иркутск институтын бітірген дәрігер. Ташкенттің емханасында хирург болып істеп жүрді. Қолында өзінің көрі шешесі тұрды. Әлімханның Мағауия – Мағаш деген жалғыз ұлы болды.

Менің есімнен кетпейтін тағы бір аға – Қаныш Имантайұлы Сәтбаев. Оны бірінші рет Қызылордада, 1926 жылдың қысында көрдім. Бір күні әдеттегіден ерте оянып, сыртқа – дәлізге шықсам, бір ұзын бойлы кісі тұр екен. Әуелде шошып кетсем де, чемоданын көрген соң, бізге келгенін сезіп: «Ағай, неге кірмей тұрсыз? Үйге кіріңіз», – дедім. Ол: «Пойыздан түсіп,

тым ерте келгеніме ұялып, Жақаң мен Гая жеңгейді ұйқысынан оятуды ыңғайсыз көріп тұрғаным ғой», – деді. Мен болмай үйге кіргізіп, өзім асүйге барып самауыр қойдым. Үйге кірсем, төтем Қанышты құшағына қысып, бетінен сүйіп, амандасып жатыр екен. Жеңешем де қуанып, институт бітіргенімен құттықтап құшақтады.

Артынша Міржақып ағасы «Еңбекші қазақ» газетіне көлемді мақала жариялап, Қаныш Сәтбаевтың алғашқы қазақ инженері екенін, Томск технология институтын бітіргенін, келешекте еліміздің үмітін ақтайтынын айтып, бүкіл елге кең таныстырды. Міржақып төтемнің айтқаны расталып, Қаныш ірі геолог, заманымыздың аса көрнекті қоғам қайраткері, академик болып, бүкіл әлемге кеңінен танылды. 1946 жылы ашылған Қазақ ССР Ғылым академиясының тұңғыш президенті болды.

Аяулы ағамыздың адамгершілік қасиеттері мол болатын. Өнегелі кісінің қадіріне жетіп, үлкен талантына Міржақып ағасының бас июі «ұлық болсаң, кішік бол» дегенді ескергендік, кішіпейілділік, жоғары мәдениеттілік еді. Міржақып төтем ұсталып кеткеннен кейін де, Қызылордаға келген сайын, Гая жеңгейін бұрынғы қалпынша сыйлап, сәлемдесуге келіп тұрды. «Жоғары білім алу үшін ең қолайлы қала Томск, Гүлнар сонда барып өзінің қалаған институтына түссін. Сібір орыстары жұрттың ататегіне қарамайды. Өмірбаянында папасының кім болғанын, қамауда екенін жасырмай жазсын», – деген ақыл-кеңес берді.

Бота ана бейнесі көз алдынан кетпейтін тағы бір есімді есіне алды.

Жаз айының жайма-шуақ күндерінің бірінде Дулатовтардың үйіне бұрын мен білмейтін, өте сымбатты жас жігіт кіріп келді. Қолындағы кендір жіппен

буылған кітаптарын есік жақтағы орындыққа қойды да: «Мен Жүсіпбек Аймауытов боламын, қарындас», – деп қолын созып сәлемдесті. Келген қонақты қарсы алып, төрге шығардым. Жүсіпбек: «Қане, енді өзіңіздің аты-жөніңізді айтыңыз, қандай туыс боласыз?» – деп сұрады. Бетіне тесіле қарамауға тырысып, әдеп сақтап өзімді таныстырған болдым. Сөйттім де, қонаққа шай даярлауға кірістім. Осы арада жаңағы кітабының бірін маған арнап жазып, қолыма ұстатты. «Мына кітабым осындағы баспадан шығып еді, соны ең алдымен Жақан мен Гая жеңгеме тартуға әкеліп едім. Оқасы жоқ, тағы айналып соғамын, Жүсіпбек келіп кетті дерсіз», – деп, шайға қарамай, кетуге ыңғайланды. Қымсына-ұяла, жүзі қызарып, алақаныма бір жапырақ қағаз ұстата салып, үйден шыға жөнелді. Қарасам, бергені – «Қартқожа» романы екен, ал қолыма қыстырып кеткен хатын оқысам, баяғы әдеттегідей жігіттердің қыздарға жазатын ыстық ықыласты сөздері...

Мен көрнекті жазушы Жүсіпбек Аймауытовпен осылай таныстым. Ол отыздың ішіне кірген, көрмекке өте келбетті, орта бойлы, ақ сары, қошқар тұмсықты, бір шөкім қысқа мұрт қойған, толқыңдалған қою шашын артқа қайырған, түрі еврейге ұқсастау жігіт көрінді маған. Киген киімі сәнді, сол заманның үлгісімен тігілген қымбат костюм, ақ жаға, түсті галстук. Үйге кіргенде, одан қымбат өтірдің иісі аңқып тұрды.

«Айналып соғамын» деген Жүсіпбек бес-алты күн өткен соң тағы келді. Үй іші қуанышпен қарсы алды. Бұл жолы жанына Абдолла Байтасовты ертіп келіпті. Ол да Дулатовтарға бұрыннан таныс, төтемнің жан досы, дәрігер Жұмағали Тілеулиннің бажасы болатын. Абдолла ұзын бойлы, талдырмаш келген, бұйра шашты, ылғи күліп, көңілді жүретін, әдебиетші жігіт болатын.

Ахмет Байтұрсынов ағайдың «Тіл құралы», «Қырық мысалы», тәтемнің «Есеп құралы», «Қирағат» кітаптарынан, Мағжанның өлеңдерінен, Мұхтар Әуезовтің «Қаракөз», Жүсіпбек Аймауытовтың «Шернияз» пьесаларынан, Иса Байзақовтың «Құралай сұлу» және т.б. балаларға арналған ертегілерден Абдолла Байтасов үзінділер оқитын. Ол нағыз артистік шеберлікпен дауысын да, кескінін де мүлдем өзгертіп, кейіпкердің бейнесін келтіріп, сөз мәнерін салып, құбылтып, жандандырып оқитын. Отырғандар ризалықтарын білдіріп, сүйсініп қабыл алатын. Ал біз үшін әр жазушыны көріп, олардың шығармаларын оқып, тыңдау үлкен бақыт, мәңгі естен шықпайтын мектеп болатын. Бұл Абдолланың жаңа ғана Айткешке (*Айша*) үйленген кезі еді. Олар бізге жақын Мальков көшесіндегі Латифа Ходжикованың үйінде тұратын.

Дулатовтар үйіне белгілі совет қызметкерлері де келетін. Тәтемнің атақты дала комиссары, большевик, мемлекет қайраткері Әліби Жангелдинмен де сәлемі түзу болып, аға деп сыйласып жүретін. Бұл үйде белгілі совет қызметкері, адай Жалау Мыңбаев та жиі болатын. Қыстың ұзақ кештерінде Жалау ағай Міржақып тәтеммен әңгімелесіп, өзінің жақсы көретін асы, біз даярлайтын құрт көжені ішіп, мәз болып қайтатын. Бұл кісінің өмір жасы ұзақ болмай, отыз жеті жасында, 1929 жылы 16 ноябрьде Гурьевте дүние салды. Қызылордадағы тоғызжылдық орта мектепке Жалау Мыңбаевтың аты берілді.

Астанамыз Қызылордаға әр жерден келіп, оқып жатқан қазақ студенттері де тәтеме соқпай өтпейтін. Жол қаражаты болмай тұрған жастар өтінішін білдірсе болғаны, тәтем қалтасындағы ақшасын суырып беретін. «Жалақы – өзімнің үй ішіме, ал қаламақым (*гонорар*) – мүсәпірлерге» дейтін. Кейін

білдім, мүсәпір арабша – жолаушы деген мағынада екен. Тәтемнің осындай шарапатын көргендердің оны өсте ұмытпағандығына өмір жолымда көзім жетті. Тұрмысымның ауыр шақтарында сол кісілер маған сүйеніш болды, аға жақсылығын мен арқылы қайтарды. Қазақтың «Жақсы әке – жаман балаға қырық жыл азық» дегені осы екен ғой.

Тағы бір айта кететін нәрсе, Дулатовтар өте балажан еді. Жақын жолдастарының сөтсіздіктерінде, олардың балаларына қамқоршы бола білді. 1926 жылы Мұхтар Әуезовтің қызы Мұғаш пен Жүсіпбек Аймауытовтың ұлы Бектұр да Дулатовтардың үйінде болды. Шыңғыстаулық Өміртай Ақбердиннің қызы Әзен осы отбасында оқып тәрбиеленді. Оны өз балаларымен бірдей киіндіретін, Әзеннің қолын дәрігерлікке жеткізді.

1925 жылдың май айында Ғаббас Нұрымов Дулатовтарды өз ауылы – Қостанайға қонаққа шақырып, жеңешемді алдын ала бірге алып кетті. Он шақты күннен кейін Орынбордан Міржақып тәтем Бейімбет Майлиннің Гүлжамалы мен баласы Әукенді, Жүсіпбектің он жасар Бектұрын ертіп, пойызбен Қостанайға сапар шеккен. Жолшыбай пойыз ұзақ тоқтайтын Златоуст стансысының ресторанына Гүлжамал келінін тамақтандыруға алып барыпты. Бектұрға: «Мына Әукенге ие бол, бұл тентек біздің соңымыздан ерем деп кетпесін», – дейді. Аздан соң олар рестораннан шықса, пойыз ілбіп жүріп барады екен, екеуі жүгіріп әрең дегенде соңғы вагонға ілініпті. Келесі стансыда өз вагондарына келсе, Бектұр Әукенді белбеумен мойнынан қылғындырып байлап қойыпты. «Бектұр-ау, мұның қалай?» – десе, «Енді қайтейін, тұра-тұра қаша берген соң, тырп өткізбей байлап қойдым», – депті. Сол жолы қастарында келе жатқан бір орыс кісі: «Бектұр, секіре берме, басыңды

соғып алсаң, дурак болып қаласың», – деп ақыл айтыпты. Таңертең жаңағы кісі тұра беріп басын сөреге қатты соғып алғанда, Бектұр: «Ал, енді кім дурак болды?» – деп әлгі кісіні ұялтыпты. Оның сөз тапқырлығына, бауырмалдығына Міржақып тәтем қатты сүйсінетін. Әр баланың кішкене кезіндегі қызықты қылықтарын, орынды сөздерін, істеген еңбектерін айтып отыратын. Әсіресе менің бала шағымдағы тоқыған кілемімді мақтағанын әлі де ұмытқаным жоқ. Он-он екі жасымда Тоты екеуімізге Шөкібай жеңгеміз кілем тоқуды үйретті. Кілемнің өрнегі екі түрлі болатын, бірін «поднос» түрлі дейтінбіз де, екіншісін «арабы кілем» атайтынбыз. Жеңгемізбен қосылып осындай кілем тоқып шықтық. Сол жолы Орынбордан жолы түсіп ауылға тәтемнің өзі ғана келген-ді. Сонда біз тоқыған кілемге көңіл бөліп: «Мұндай кілемді Жайық бойында тұратын қазақтардан көргем жоқ, мына кілемдерің жұртқа көрсетіп, үлгі тұтатын зат қой және осындай жас балалардың өнерлері қандай тамаша!» деп мақтаған. Тәтем жүрерде, әлгі екі кілемді бүктеп, қапшықтарға салып жатып Ақай әкем: «Мына кілемнің біреуі өзіңе, екіншісі келініме, ал мына жалпақ сары ала жібек белбеуді Гүлнарға алып бар, өскенде өзі беліне байлап жүрсін», – деген еді інісіне.

Сондағы бір кілемнің әбден ескіріп, тозған жұрнағын 1937 жылы Алматыда жеңешемнен көрген едім, көзіме оттай басылды. Бізге кілем тоқуды үйреткен Шөкібай жеңгеміз жасы тоқсанға келіп, осы күні Торғай облысы, Амангелді ауданында, Ұзынқоға совхозында тұрады. «Әлі ширақ, өткен-кеткенді есіне түсіріп әңгімелейді, жылда барып сәлемдесіп тұрамын», – деп Бота апам сол кезді есіне алып, ауыр күрсініп қойды...

Бұл кісі қан қысымы көтеріле беріп, Алматыда, қолымда тұра алмады. «Туған жердің топырағы

бұйырсын» деген тілеуін құдай берді. Елге барып, 1988 жылдың күзінде сексен жасында дүние салды. «Жатқан жерің жайлы, топырағың торқа болсын, аяулы ана» деп тілеймін.

Құрметті оқырман, бұған дейін әкемнің өзімнен бұрынғы, өзімнің тұсымдағы өмір өткелдерін Ботагөз апам баяндады. Енді ол білмеген, маған ғана белгілі кейбір тың дерек, қосымша мәліметтермен толықтыра кетуге рұқсат етіңіздер.

...1922 жылы Орынборда бастап, 1928 жылдың желтоқсан айының аяғына дейін Қызылордада «Еңбекші қазақ» газетінде жұмыс атқарған.

Осы жылдар аралығында ғана әкеммен басқосып тұрғанымыз біз үшін ең бақытты мезгіл деп айтар едім. Бұл жылдарды ұмыта алармын ба? Сол кездегі біздің үйге келіп-кетіп жүретін әкемнің достары, олардан естігендерім, санама құйып, естен шықпайтындай әсер қалдырған. Кешегіні ұмытсам да, соларды ұмыта алмай, көп жылдар бойы кеудемде бүгінгідей сайрап, көз алдымнан бір-бір ұшады. Әкемнен жастай қалсам да, көңілімнің түпкірінде сақталып қалған оқиғалар аз емес. Қазір де сөйлегендегі даусы өзгерместен өзіме естіліп тұрғандай сезінемін. Көптен бері көрген-білгендерімді қолдан келгенше жазбақ болып жүрсем де, оған түрлі себептер бөгет келтірді. Жасыратыны жоқ, жұртпен қатар көрген, басымыздан кешкен 1937 жылдың оқиғалары, қиянаты көпшілікке өшпес ізін, таңбасын ұзаққа қалдырған еді. Ол кезде біреуге мұңыңды шағып сырласу деген, іштегі шерінді айтып, не болмаса ойыңды сыртқа, қағазға түсіруден қалғанбыз, есіңе «жаулар» түсе қалса, не мезгілсіз есік қағылса, өзіңнен сескеніп үрейден ажырағанша зәрең ұшатын. Осылардың қырсығынан естелікті дер кезінде жазбай, қолға алмай жүріп қалғаныма өкінемін. Енді, міне,

көп жылдар көмескі тартып, ойдың бытыраған кезіне тап болып отырғаным мынау.

Соңғы жылдары бетбұрыстың, шындықтың арқасында өткен сұрапыл-қиямет 1937 жылды еске түсіріп, ашықтан-ашық баспа беттерінде жұрт білген-көргендерін жариялап келеді. Азап шеккендер ақталып, аттары аталып, жарыққа шыққандарына сүйсіне қуанамыз. Орыстың белгілі ақын-жазушылары, Кеңес үкіметіне қарсы болған деп саналатындар шетінен ақталып, шығармалары жарық көріп, жарияланып жатуы қуанарлық жай. «Үмітсіз шайтан» дегендей, біз де күдерімізді үзбей, әкелерімізге сондай күн туар деген үмітте болдық.

Біреулер маған: «Әкеңізді білемісіз?» – деген сауал қояды. Әкемді білемін, есімде деймін ғой, бірақ әкеге бала көзімен қарау бір бөлек те, шын мәніне келгенде, әкені жан-жағынан зерттеп, өз тұрғысынан танып білу үлкен қиын мәселе ғой. Әкем тарапынан бірталай деректерді жинап, іздестіру жолымен келе жатырмын. Алдымен өзінің жазған өмірбаянынан алған мәліметтер, бала кезімнен басталған, шешемнің көптеген әңгімелеріне құлақ түре жүруім болды. Туыстардың, оның ішінде әкемнің туған ағасы Асқардың қызы Ботагөз апамның зеректігімен есінде сақтап қалған Міржақып тәтесінің балалық шағын, өздеріне өлеңмен жазған хаттарын айтып беруі үлкен үлес қосты. Әкемді көрген, білетін көз көргендердің ішінде Сара Садыққызы Өтегенова – Мұңайтбасова 1912 жылы бір жыл бойы Дулатұлының Түркістандағы үйінде тұрғанын айтып берген, мен білмейтін көп жаңалық кіргізген еді.

Әкеммен бірге «Еңбекші қазақ» редакциясында қызметтес болған профессор Бейсенбай Кенжебаев естелігін жазып берген-ді. Құнды естелігін айтып берген Ғазиза Омарқызы (шешемнің ағасының қызы) –

өкемнің балдызы. 1979 жылы павлодарлық құдамыз Шәмкен Садыров Дулатұлымен кездескенін, жаттап алған өлеңдерін хат арқылы жазып жіберген болатын.

Өне бойы армандап, қолға түсіре алмай жүрген өкемнің шығармалары да қолыма тиіп, оқыдым. Бұл мен үшін дүниеде ең қымбат. Өкемнің романы «Бақытсыз Жамалын», «Оян, қазағын» сыйға тартқан қадірлі, белгілі ғалым Тұрсынбек Кәкішев. Өкемнің «Азамат» өлеңдер жинағын, Ахмет Байтұрсыновтың «Қырық мысалын», «Масасын» көшіріп берген, машинкаға басқан қайным Мекемтас Мырзахметұлы, ардақты ағамыз, жазушы әрі жерлесіміз Хасен Өзденбаев. Бұл кісілерге үлкен алғысымды айтып жүремін. Осы айтылған шығармалар кезінде ел ішінде көп таралған, баспадан бірнеше рет қайтадан басылып шығып отырған. Шығармалары арқылы өкеммен тілдесіп отырғандай көремін, жан-дүниесінен шыққан, мезгіліне лайықты сөздерінен сүйікті қазақ халқына арналған жолдарын оқып нәр аламын. Міне, содан бері өкемді жан-жағынан түсініп біле бастадым десем артық болмас.

Енді әкең өмірде қандай кісі еді дегенге келсек, өз басым былай сипаттар ем.

Өкем сегіз қырлы, бір сырлыларға жататын. Мінезінде ақкөңілдігі де бар, сонымен қатар өз айтқанынан қайтпайтын қайсарлық, қатаңдығы да болатын, жағымпаздығы жоқ, өтірік айтпайтын, төкаппарлығы да жоқ, өзін қарапайым ұстайтын. Көпшілік ортасында топ жарып жігерлі қарқынмен қызып сөйлейтін, шешендігімен жұртты өзіне магниттей тартатын. Достары көп ұлттан құралған: қазақ, қырғыз, өзбек, орыс, татар, башқұрт, еврейлерден тұратын.

Әдебиетшілерді жанымен сүйетін, өзінің қатарлас жазушылары, төңірегінен шықпайтын достары

Мұхтар Әуезов, Жүсіпбек Аймауытовтар жазған шығармаларын баспаға берерден бұрын: «Жақанның пікірін аламыз, сынынан өтеміз» деп, алдына әкеп оқитын. Соны көріп өскен балалық жүрегіммен өзімше әкемнің мәртебесін жоғары санағандарына қуана масаттанатын едім.

Қызылордада 1926 жылы ашылған қазақ драма театрының режиссері Жұмат Шанин – Жанбикесімен, Әміре Қашаубаев – Оразкесімен, Иса Байзақов – Шәрбануымен, Қалибек Қуанышбаев, Серке Қожамқұловтар жиылып, біздің үйде жиі басқосуларында әрқайсысы өз өнерлерін көрсетіп, думандатып отыратын.

Әкем балажан кісі еді. Мейірімді көздері күлімсірейтін де тұратын, сондықтан балалар жатырқамай, біздің үйге үйірсек келетін. Балалармен өздерінше, құрбы-құрдастарындай қалжыңдасып ойнайтын.

Үлкен ағаларын ізетпен сыйлап, алдарынан көлденең өтпейтін, әрқайсысын өзінше атайтын: Ақаңжост (*Ахмет Бірімжанов*), өзіміздің Ахаң-прос (*Ахмет Байтұрсынов*), Әлекең (*Әлихан Бөкейханов*); інілерін: ұзын Мұхтар (*Мұхтар Мурзин*), қара Мұхтар (*Мұхтар Әуезов*) дейтін.

Жеңгелерімен сыпайы түрде қалжыңдайтын. Бір күні жеңгесі Бадрисафаға (*Байтұрсынова*) «Гүлнардың әжесіне бог смерти не дает» демесін бе?! Мен жылап қоя бердім де, жүгіріп әжеме барып шағындым, жаңағы сөзді айтып бердім. Сонда әжем: «Жылама, қызым, қайным Міржақып ағасына жас қатын алып бермек шығар», – деп сылқылдап күлді. Бұл кісі орыс акцентімен қазақша сөйлейтін. Жауһар Бірімжанова жеңгесінің төтті шайын ішіп, кісілермен қосылып преферанс ойнайтын. Карта ойнауға жеңгесі шақыратын.

Әкем еңбекқор, өзінің қалыптасқан режімін сақтайтын. Жұмыстан келісімен жуынып-шайына-

тын, сағат 5-те тамақ ішіп, тынығып ұйықтайтын. Кешкі дастарқан басында бәріміз басқосамыз, біздің де ойыннан діңкеміз құрып, сабаққа кірісеміз. Әкем 8-де біздің сабағымызды тексеретін. Өзен екеуімізді оқытуға мұғалім Софья Андреевнаны (*Әлімхан Ермековтің Мағашын тәрбиелейтін*) жалдап, немісше оқытты. Мені таңғалдырғаны – әкем бізден неміс тілін жақсы білетін, сабағымызды үш тілде бірдей жүргізетін, тәржімелейтінбіз, оқитынбыз. Неміс тіліне үлкен мән беретін.

Үйімізде кітаптар аз болатын, оқитын кітаптарды кітапханадан алатынбыз. Әкемнің арманы маған Брокгауз-Эфронның энциклопедиясын алып бермек еді, оған мүмкіндік болмады, өзі ұсталып кетті. Біздің сабағымызды тексеріп болған соң, өзі жұмысына кірісетін. Жұмыс үстінде ешкім мазаламайды, басында топы, үстінде өзбектің ала шапаны, шаршағанын аңшылық құмарлығымен басатын. Жаз айларында, Қызылордада тұрғанымызда, бейсенбі күндерінде кешке таман «Алағөзіне» мініп, Дана атты итін ертіп, Сыр бойын шарлап, құс атуға шығатын. Нағыз мерген кісі еді. Аңшылықтағы қызық оқиғаларды бізге айтып беретін.

– Енді өзіңнің балалық шағыңды айтып берші, – деп сұраймыз. Өңгімесін жалғастырып, өзінің әкешешесінен жастай жетім қалғанын былай сөз еткен еді: «Шешем қайтыс болғанда мен екі жаста екенмін, қыстың мезгілі, күшті қарлы боран соғып, жұрт далаға шыға алмай марқұмды жерлеуді ертеңге қалдырса керек. Сол түні кебінге оралған шешемнің қасында жатып ұйықтап қалғанымды өзім білмеймін, кейін Қадиша жеңгемнен естіген едім». Жетім-жесір, кемтар-байғұстарды есіркегенінде көзіне жас іркіліп тұра қалатын, оны бізге сездірмеуге тырысатын, міне, осындай мінезінде жұмсақтық, көңілшектігі де сезілетін.

Шешем екеуі Орынбордан көшерде ілестіріп әкелген Хабиба деген алпамсадай, зор денелі, он сегіз баласы мен күйеуін жерлеген соң жынданған жесір кемпірді паналатқан болатын. Онымен қатар Бөртеде тұратын кедей, баласыз ерлі-зайыпты кісілерді де бірге көшіріп әкелген. Өлгі кісінің темір ұсталығын біліп, арнайы аспаптар сатып алып беріп, өздерін киіндіріп, елін аңсай бергеннен соң аяп, мол қаржылап, еліне аттандырған еді. Тарыққандарға аянбай жәрдем беретін, алақаны ашық жомарт жан еді әкем.

Қазақстанның кең-байтақ даласында бұл кісінің бармаған жері жоқ. Әкемді әр өлке, Сыр мен Қыр мақтаныш тұтып, өздерінің бәсіре жерлесі деп санайтын.

Семейліктер: «Жақаң біздің елдікі ғой» дегенді талайлардан естігем. Мен де таласпайтынмын. Шыңғыстауда Абай атам мен Ақберді қажының баласы Өміртай ауылдарында шешем екеуіміз тұрғанбыз. Тұраш атам мен Өміртай екеуі әкемнің достары болған.

Абай ұрпақтары: Ақыш тәте, Мәкен, Ишағи, Ғазел, Ақбердина Өзенмен осы күнге шейін бір-бірімізді туыс көреміз. Әкем қазіргідей жіктеліп «жүзге» бөлінбеген қазақ халқының құрметті перзенті, азаматы ретінде дүниеден кетті.

Әкемнің тағы бір өзіне тән қасиеттеріне тоқталайын. Бұл кісі өз денесін таза ұстайтын, еуропаша сәнді киінетін, хош иісті сабын, өтірлерді жақсы көретін, көзілдіріксіз жүретін. Ақындар аумалы-төкпелі, қызу жанды келеді емес пе, ондайдан бұл кісі де құр қалмаған. Серілік жігітшілігі, сұлулармен романдары жұртқа белгілі болатын. Шешем оқатекте ашу шақырып, шыны аяқтар сылдырайтын кездері болып қалатын.

Әкемнің денсаулығы берік, ауырып жатқанын көргенім жоқ. Көктем айларында мұрнынан дем

ала алмай «тұмаурататын», түшкіріп, орамалын жиі ауыстыратын, «хронический насморк» дейтін. Үйдегілер ауырмайтынбыз, грипп деуге жөні жоқ, енді ойласам, бұл аллергияға жатады. Оны дәлелдейтінім – өмірінің соңғы жылдары Соловкиден басталған демікпе ауруының асқынуынан кейін, дәрігерлердің көмегімен құрғақ материкке шығарып, ст. Сосновецке жер аударылған еді. Бірақ ауруы үдей беретін, жазыла алмады, ажалы сол демікпеден келді.

Енді әкемнің алған біліміне келсек, қазіргі жұрт қатарлы жоғары білімі болған емес. 1899 жылы Торғай қаласындағы екіжылдық орыс-қырғыз (қазақ) мұғалімдер даярлайтын училищені бітіріп, ауыл мұғалімі атағын алған.

1902 жылы ел ішінде ауылдарда мұғалім қызметін атқара жүре, білімін өз бетімен толықтыра бастаған. Алдымен орыс әдебиетімен танысады, одан соң Еуропа, түркі тайпа елдерінің классиктерін көп оқумен шұғылданады. Жазушылық тұрғысын еске алсақ, ол өлең жазуды жиырма бір жасынан бастаған. Ең бірінші өлеңі 1906 жылы Петербургте шыққан «Серке» газетінің алғашқы санында басылады. Бұл газет ұзаққа бармай, екінші санында жабылған. Аты шулы «Оян, қазақ!» өлеңдер жинағы 1909 жылы жарық көріп, қысқа уақыттың ішінде екі рет қайта басылған да, тез тарап кеткен. 1911 жылы патша үкіметі кітапқа тыйым салып, көмпескелеп, автордың өзін жазалап түрмеге отырғызған. Бұл туралы Петропавлдан келген хабар мен «Айқапта» екі рет жазылған мәліметтерден білеміз. 1910 жылы қазақтың ең бірінші романы «Бақытсыз Жамал» дүниеге келді.

Одан кейін 1913 жылы Орынборда «Азамат» атты өлеңдер жинағы басылып шығады. Әкем осы жылдары Орынборда шығатын «Қазақ» газетінің редакторы Байтұрсыновпен бірге жұмыс атқарған белгілі журна-

лист, сол газеттің екінші редакторы болғанын білеміз. Жас жазушы Міржақыптың шығармаларына қазіргі тұрғыдан сын көзбен қарап, талап қоюдың қисыны келмес. Кемшіліктері неге болмасын, оны талдаудан аулақпын, дегенмен автордың өз заманына лайықты көзқарасын, пікірін түйіп, біз білмейтін, көрмеген ескі қыр-сыры мен суреттеуінен көп нәрсені аңғаруымызға тура келеді.

Ескі салт жұрнақтарын әшкерелеуі, қалыңмал, жесір дауы, орындалмаған қыз арманы, жұртты оқу-білімге, ел мәдениетін көтеруге шақырғаны түсінікті де. Қараңғыда, ұйқыда мүлгіп жатқан сауатсыз, еріншек келетін қазақтардың көзін ашып, білім алуын көксегені, соған үн қосқаны, армандағаны үшін оны «тап жауы» болдың деу ақылға, ойға сыймас. Шығармаларында саяси қателіктерін көре алмадым, әкем болғандықтан арашалап отырғаным жоқ, тек әділет таңы атып, оқырман қауым өз шешімін айтар деген ойдамын. Менің арманым: атын шығарып, басын жаладан қорғап, іс-әрекетіне адал баға беріп, қалдырған мұрасын кейінгі ұрпақтарға жеткізсем деймін...

Құрметті оқырман, Бота апа болып, мен болып, біріміздің ағамыз, біріміздің әкеміз – Міржақып Дулатұлы туралы, оның өскен, өнген ортасы, қарым-қатынас жасаған айналасы жайында, қазақтың еңселі ер азаматтары туралы жас ұрпаққа жеткізер кейбір есте қалған деректерге толы әңгімелерімді әлі де жалғастырмақпын. Өзірге барына қанағат етерсіздер.

Гүлнар ДУЛАТОВА

ҚАЗ ҚАЛПЫНДА

Міржақып Дулатұлының шәкірті болған, 1922 жылдары Орынборға келіп КИНО-ға (Қазақ халық ағарту институты) оқуға түскен белгілі өнер қайраткері, Қазақ КСР халық артисі Қапан Бадыровтың естелігінен үзінді:

«Мен 1922 жылы КИНО-ның даярлық курсына түсіп оқыдым, келесі 1923 жылы Қостанайдан Елубай Өмірзақов, Семейдің жігіті ..., Керекуден (*Павлодар*) Иса Байзақов, қыздардан Хұсни (*Фабиттің зайыбы*), Оралдан Басыр Мұхамеджанов (*Мұнира Жарокованың ағасы*) тағы басқа жастар келіп оқыды.

Бізге дәріс оқыған: Ахмет, Міржақып, Сейдөзім Қадірбаев, Елдес Омаров, Жүсіпбек Аймауытов, Молдағали Жолдыбаев, Сәкен Сейфуллин, Кенжеғали Абдуллин, Мұхтар Мурзиндер еді. Шексіз сыйлайтын мұғалімдерімізді орнымыздан тұрып қарсы алатынбыз.

Ахаңның ақ жағалы жейдесі, қара костюмінің қонымдысы, шалбарының қыры сынбайтыны көзімізге ерекше көрінетін. Жылтыраған алтын пенснесі омырауына қара жібек жіппен қыстырулы тұратын. Класқа кірісімен кідірмей, қоңыр даусымен асықпай сөйлеген сөздері, берген сабағы санамызға лезде қонатын. Қазақтың ғұлама ғалымынан қазақ тілінен дәріс тыңдағанымды мақтанып көремін.

Міржақып ағамыз бізге қазақ тарихынан сабақ жүргізді. Лекцияларын, ұзынша тілінген қағазға әдемі қолтаңбасын араб әрпімен жазып әкелетін, оларды үстелдің бір шетіне қойып, өзі оған қарамай сөйлей беретін. Шешіле, қыза сөйлеп кеткенінде, көбіміз жазып алуға үлгермей қалатынбыз, соны аңғарып: «Қапан, мына жазғандарымды көшіріп ал», – деп қолыма беретін.

Жақаңның лекцияларын мен төрт қалың дәптерге түсіріп алған едім. Кейін үй-күйсіз, бойдақ кезім және

жасырып ұстау тағы бар, сол дәптерлерімді Алматыға келген соң Құрманбек пен Шараға сақтауға табыс етіп едім, олардан қайтарып ала алмадым. Осы күні қолымнан шығарып алғанымға өкініп, ішім оттай күйеді. Міржақып ағамыз өте көңілді жүретін. Киген киімі сәнді, қалтасынан дәс орамалын шығарғанда, хош иісті өтірінің иісі бүкіл класқа жайылатын.

Жақаң бәріміздің көңіл күйімізді тауып, жігіттер қандай болуларың керек дегендей, әзіл-қалжыңы аралас ақыл-кеңесін беретін. Әркімнің қабілетін аңғарып, болашақта кімнің қай салада орын табатынын күнібұрын болжап айтатын көрегендігі бар кісі еді. Иса Байзақовқа көмек көрсетіп, нашар тұрмысын көре жүріп, қарасатын. Туыстарының жағдайы жоқтығынан өзі үйіне тұрғызып, тәрбиесіне алған болатын...»

Қапан БАДЫРОВ,
Қазақ КСР халық артисі

АЛАШТЫҢ АБЗАЛ АЗАМАТЫ

Аяулы ақын, халық кемеңгері Міржақып туралы естелігімді талай жыл айдауда азап шеккен, белгілі ақындарымыздың бірі Дүйсенбек Еркімбековтің жарияланбаған мына бір өлеңімен бастайыншы:

Міржақып өрен жүйрік жұрттан озған,
Құлашын кеңге жайып, айға созған.
Өсерлі әрбір сөзі ыстық жалын,
Бетіңе леп тигендей шоқты қоздан...

Мен де тұтқындалып, Сібірде айдауда жүргенімде, ұмытпасам 1943 жылы болуы керек, Төлеген деген көпті көрген бір қария лагерьде барақта қасыма келіп:

– Молдабай, мен қажыдым, елге тірі бара алмайтын халге жеттім. Сен жассың ғой, елмен қауышарсың, ішіме сыймай жүрген бір сөзім бар, соны саған айтсам елге жеткізерсің, – деп бастады ол әңгімесін.

– 1916 жылы Бірінші дүниежүзілік империалистік соғыс жүріп жатыр. Патша өкіметі қазақтан қара жұмысқа жігіттер алды, солардың бірі болып мен де алындым. Бізді алып барып Псков қаласына жақын бір жерде окоп қаздырды. 1917 жылы ақпан революциясында патша тақтан құлаған соң, бізді босатты. Енді елге қайтамыз, ел-жұртымызды көреміз деген қуанышымыз қойнымызға сыймады, айдап отырып Петроградқа (қазіргі Санкт-Петербург) келдік.

Пойызға билет алуға кассаға бардық. Бір жас қыз кассасын ашып, бізге бір нәрсе дейді, біз орысша дегеннен ләм-тұйым түк білмейміз. Үріккен қойдай он шақты жігіт, есіктен шыға қашамыз, бірақ елге қайту керек, тағы кассаға барамыз, тағы есік ашылады, тағы еш нәрсе айта алмай, жөңкіле қашамыз. Сөйтіп жүргенде артымыздан бір адамның: «Әй, қазақтар, тұра тұрыңыздар», – деген даусы естілді. Жалт бұрылып қарасақ, әдемі киінген, басында қалпағы бар бір жігіт жанымызға жақындап келіп:

– «Е, е, приемнан қайтқан жігіттерсіздер ғой, елге бармақсыздар, дұрыс. Қалай, билет алдыңыздар ма?» – деп сұрады. Біз жағдайымызды айттық. Ол отыра қалып, қағаз қарындашын алып, біздің әрқайсымыздың қай жерден екенімізді жазып алды да: «Қалай, ақшаларыңыз бар ма?» – деп сұрады. Бізге окоп қазғанда жұмысымызға қарай ақша беретін. Тиісті ақшамызды бердік, көп ұзамай бәрімізге билет әкеліп, қайсымыздың қай стансыдан түсетінімізді түсіндіріп, айтып берді. Қуанып қалдық. Өздеріміз оңаша шығып, өзара сөйлесіп: «Мына кісі бізге көп қызмет істеді, қалада тұратын болуы керек, ақша керек қой», – деп, ортамыздан ақша жинап, патшаның суреті бар әлгі жүз сомды бәріміз, айнала отырып, ағамызға ұсындық. Ол кісі ақшаны қолына алып отырып:

– Мен Міржақып Дулатов деген кісімін, Алаш партиясы басшыларының бірімін. Жақында бәріміз жиналып, енді приемға алынған жігіттер елге қайтады, оларға билет алып беріп, пойызға мінгізіп салу үшін әр қалаға кісілер жібердік, менің еншіме осы қала тиді, мен өзіме тапсырылған міндетті орындап отырмын, ал сіздердің мына беріп отырғандарыңыз пара ғой. Біз пара алмаймыз, параны ауылдарыңдағы болыстарың алады, – деп бізге ақшамызды қайтарып берді. Жүз сомға ол күнде ауылда жүз қой алуға болады. Халықта «Алтын көрсе, періште жолдан таяды» деген сөз бар, мына кісі періштеден де таза екен ғой деп таңдандық, – деп Төлеген қарт сөзін аяқтады. Көп ұзамай аштан, ауыр жұмыстан сол лагерьде Төлеген қайтыс болды. Мен әлгі қарттың тапсырма-өсиетін орындайын деп, әрі қадірменді ағамыз Міржақыптың үлгілі ісі жастарға өнеге болсын деп, осы уақиғаны әдейі айтып отырмын.

1910 жылы басылып шыққан «Бақытсыз Жамал» деген романының сөз басында М.Дулатұлы:

Міржақып төмендердің аласасы,
Сөзімнің бар ма, жоқ па тамашасы.

Жылтырап тесік моншақ жерде қалмас,
Қазақша бір роман жаза салшы.

Мұны айтып, жұрттың көңілін аударайын деп отырғаным – шумақтағы «аласасы» деген сөз. Араб елінде үлкен адамдарды мадақтап сөз қатқанда «Тақсыр» деп бастайды, «тақсыр» деген сөзді қазақшаға аударсақ, «аласа» деген сөз екен. Мұнда бойдың аласалығы емес, көңілдің аласалығы, өзін-өзі аласа ұстау мағынасында, «Менің тақсырым» дегенде «Менің кішіпейілдім» деген мағынада айтылып отыр. Дулатұлы да «Міржақып төмендердің аласасы» дегенде «Мен кішіпейілдің кішіпейілімін» деп отыр. Жастар, қадірлі ағаның осы сөзін көңілге жақсы ұстандар.

Мені ұстағанда НКВД-ның таққан айыбы:

1) сол кездегі Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің бірінші хатшысы Скворцовты «мылжың» депсің дейді;

2) бір жерде Дулатұлының «Бақытсыз Жамал» романынан өлең оқыпсың дейді.

Бұл айыптардың негізсіз екені талай айтылды да. Енді дау айтудың реті келмес.

Шынында, мен «Бақытсыз Жамалды» басынан аяғына шейін дерлік жатқа айта беретінмін. Жас кезімде кемпір-шалдар үйге жиналып алып, оқыта беретін. Әдейі жаттаған емес, қайта-қайта оқи бергесін ойда қалып қойған ғой. Тергеуде «онда (романда) революцияға қарсы еш нәрсе жоқ, малға сатылған қазақ қызының зары» десем тыңдамайды.

Ахмет Байтұрсынұлының «Анама хат» деген өлеңінде: «Мал ұрлап, кісі өлтірген айыбым жоқ, өкімет өрзорлыққа бар ма шараң», – дейді ғой.

Бұл маған да (жалғыз мен емес, қырық миллион адамға) істелген өрзорлық қой. Бұл да ауру, халық мақалы «Ауру батпандап кіреді де, мысқалдап шығады» дейді. Сол мысқалдап шығып болмай жатыр емес пе?

Молдабай ӘБДІРОВ,
21 қыркүйек, 1989 жыл

МӘҢГІЛІККЕ БЕТ АЛҒАН АМАНАТ

*(«Міржақыптың оралуы» деректі телефильмін түсіру
барысындағы сапарнамадан)*

Шейіт болған боздақтардың аманат мәйіттері зұлмат заманның қара көлеңкесіндей елестейді. Кіндік қаны тамған атамекен топырағымен қайта табысқанша ұрпағына мойын созған осынау «аманаттар» уақыт өткен сайын мәңгілік құшағына еніп бара жатқандай...

Еркіндік үшін отқа шарпылып, маңдайымызға сыймай кеткен халқымыздың ұлы перзенттері – Әлихан Бөкейханов, Ахмет Байтұрсыновтардың мәйіттері сонау Карелияда табылғанын естіген талайлардың шемен боп қатқан жан жарасы қайта тырысып, қазақ даласының үнсіз күңіренгені хақ.

Беломорканалда құрбандыққа шалынған екі миллионнан астам боздақтардың иесіз сүйектері арасынан «Әкеңіздің бейітін таптым!» – деген жас ғалым Әбсеметов Мараттың сүйінші хабарын естіген кезде Гүлнар апай мына жарық дүниеге қалай сыйды екен?!

Пендешіліктің шырмауына іліккен талай бауырларымыздың көрген озбырлығына бас имеген тәкаппар қыз жұмыр жердің арғы жағындағы, поляр ендігінің ернеуінде жатқан әке зиратына ұмтылғанымен уақыт алдында дәрмені жоқ еді. Алты мың шақырым ауыр жолдың азабына көрілік көнгенмен, алпыс жыл адасқан тұман ішіндегі үмітсіз сағыныштың азабын алақанға сыйғызар сол сәтте ана жүрегі шыдас берер ме екен?!

Осыны ойлаған балалары үйде қалуға Гүлнар апайды өзер көндірді. Келер жылы үлкен ұлы Нұрлан мен Марат Сосновецтегі қабірді ашып, аталарының мәйітін медициналық сарапшылар әлі де анықтай қоймаған соң, бейіт басынан бір уыс топырағын елге ала қайтқан.

Сол кезде өзім түсіріп жүрген Шығыстың ақиық ақыны Мағжан Жұмабаев жайлы деректі телефильмге «Мағжанның да осылай зираты табылар күн болар ма?» – деген Гүлнар апаның осындай ниет эпизодын, бір толқулы сәтін кіргізген болатынмын. Енді, міне, Міржақып жайлы деректі фильм түсіру міндеті маған жүктелгелі де тағы бір күз айналды.

Мәйіттің оралуын түсіру үшін кино өндірісінің жоспарға бағыныштылығына қарамастан созбалақтап күткенім де осы бір сүйінші хабар еді.

Міржақыптың мәйітін туған елге алып келуге сәрсенбінің сәтінде Торғайдағы Гүлнар апайдың батасын алып, «Рафикпен» шыққан төрт жігіттің хабары Алматыдағы маған сенбі күні ғана жетті. Қанша асыққаныммен өзіме ғана жолсапарлық қаражат тауып, Гүлнар апайдың кіші ұлы Ерлан Сатыбалдиев екеуміз Мәскеуге ұштық. Мәскеуден әрі қарай 102-пойызға отырдық. Бағытымыз – Карелия.

Қоңыр күзінің өзі мынадай ызғарлы, қысының қаһарына қалай шыдады екен, қайран боздақтар?

Таңертең жабырқаулы көңіліміз орнына түсті. Бізден алты сағат бұрын жеткен «Рафигіміз» де, осы ауылдың баласындай боп кеткен Марат (Міржақып жөнінде кандидаттық диссертация қорғаған оның мұнда осымен бесінші келуі екен), онымен бірге келген «Егеменді Қазақстанның» Торғайдағы меншікті тілшісі Қайсар Әлім – бәріміз Соколова Клавдия апайдың үйінде шұрқырастық та қалдық. Ауылдық Кеңестің төрайымы Фролова Светлана жеңгейдің тікелей көмегімен бас-аяғы 4-5 сағаттың ішінде диттеген жұмысымызды тындырдық.

Теміржол бойындағы бойшаң қарағайлы төбешіктің етегінде жамырай шошайған, христиан дінінің дәстүріне сай қойылған бейіттердің белгілері жерленгендердің аяқ жағында болса, мұсылмандығын танытқан бұл бейіттің белгісі бас жағында екен.

Ақ патшаның да, қызыл кеңестің де қанды құрығында бұлқынған есіл ердің о дүниелік тыныштығын күзеткен, түрменің қарауыл мұнарасы іспетті темір белгі ұшындағы дөңгелек шарға бес жұлдыз орнатылған.

Темір үшбұрыштың жоғары жағын жартылай қаптаған қаңылтырдың қат болғандығы сондай, кейбір тұсын құрақтап жамағанын көріп, қысқа жіп күрмеуге келмейтін тар қапаста жүрсе де, Міржақыпты соңғы сапарға жөнелткендердің ыстық ықыласы көрініп-ақ тұр.

Село тұрғындары мен мектеп оқушылары қатысқан кішігірім митингіден соң, қабірді ашпас бұрын Марат аруаққа арнап дұға бағыштады. «О жарықтық, аруақтар, кешіре гөр. Аманат, тек аманатты орындаймыз», – деп әрқайсымыз өзіміз білетін «бісмілләмізді» іштей қайталап, темір құлпытасты қозғадық...

Киноға түсіріп жатырмын. Белгінің жерге көмілген түбі бекітіліп, ішіне нән тастар толтырылыпты.

«Құламасын. Жоғалмасын. Ақыры бір күні іздеп келер ұрпағымыз» деп тиянақтаған ғой...

Топырағы торқа қара жер күрекке күш салдырмай-ақ ашылып жатыр, ашылып жатыр.

Арнайы осы рәсімге бөлінген екі кісінің кезегіне дамыл бермей торғайлықтар өз үлестерін қосуда.

Бір-бір уыс топырақ салудың орнына, бір-бір күрек топырақ аршытып қойған заман тақсіреті-ай! Екі метр тереңдіктен әлі шірімеген тақтай табыттың беті ашылды.

О, жасаған! Хан мен қараны теңестіретін қара жер! Бақи өмірге қош айтысқанда, жұртымызға қалар төни белгі ақ сүйегіміз. Жақаңның асыл сүйегі... Со күйі жатыр. Кеше ғана жерленгендей. Арада 57 көктем, 57 күз болмағандай...

Торғайдан арнайы әкелінген табытқа мәпелеп көшірген соң, қабір орнын тауып, «Рафик» елге, біз Ерлан екеуміз Санкт-Петербург, Алматы – Арқалық

арқылы Бидайыққа (қазіргі М. Дулатов атындағы совхозға) жеттік.

Төркінінде жүрген Гүлнар апайдың еңсесі жоғары, жағдайы да жақсы, жаны жасарып қалғандай. Қолдан-қолға тимейді.

Аманат арқалаған ақ түсті «Рафик» алты күннен соң сәрсенбінің сәтінде арнайы тігілген киіз үйдің алдына тұмсық тірей тоқтады. Көш жерден әкесін күткен қыз – Гүлнар апайға қосыла жоқтау айтқан ауыл әйелдері. Ауыл қарияларының күзетінде екі күн түнетілген мәйіт жаназасы шығарылып, жұма күні жамбасы жерге тиді. Азалы жиында жан тебіренерлік сөздер айтылып, самайларына ақ кірген Мадияр тұқымы қарияларының сақалдарына тамған тамшы жасты көргенде, сай сүйегі сырқырамаған жан қалмаған шығар.

– Әке, арманым жоқ! – деп кілемге оралған мәйітті құшып жылаған Гүлнар апай бірде талықсып, бірде өзінен-өзі бекініп, Ерлан мен Мараттың қолтығында жүр. Сол күні ауыл ортасындағы әсем бақтың көрікті жерінде жас қабір пайда болды.

Алматыдан, Жазушылар одағынан арнайы жіберілген ақын Жаппар Өмірбековке, осы жердің түлегі, ақын Серік Тұрғынбековке, әрине, рақметтен басқа сөз жоқ. Бірақ, алты жасар бала алыстан келсе, алпыстағы қария сәлем береді дегендей, бүкіл алаштік тұрып, иіліп тағзым етер асыл азаматымыздың көптен күткен азалы жерлеу рәсімінде өшейінде «мен алаштың жоқтаушысымын» деп көкірек қаққан көзі тірі көптеген ел ағаларының ешқайсысын көре алмаған жұрт сол күні не ойлағанын қайдам? Торғайлықтардың тік тұрып Жақаңа арнап берген асынан соң балаларымызға төбәрік болсын деп мен де жұрт қатарлы үш-төрт көмпитті қалтаға салдым. Құлағымда аудан әкімі Жақан Қосабаевтың «Ойлан, қазақ!» – деген жан айқайы әлі ызыңдап тұрғандай.

Аудан, облыстан жиналған қарақұрым көпшіліктің жағасын жұлқылай арқадан көтерілген жел бұл сезімді бүкіл Алашқа тез жеткізгісі келгендей үдеп, өршіп барады. Тек жас қабірдің басындағы «Міржақып Дулатов. 1885–1935 жж. 1992 ж. Карелиядан әкелініп қайта жерленді» деп жазылған мәрмәр тас қана мызғыр емес. Ылайым солай болғай! Жатқан жеріңіз жайлы болсын, Жақа! Бүгін тек Сіз емес, әзірге мекені белгісіз барлық боздақтардың аруағы бір аунап түскен шығар.

Өйткені Шәкәрім мен Өзіңіз ұлы көш-аманатты бастадыңыздар...

Зұлмат заманның қара көлеңкесінде шейіт кеткен аруақтардың аманат мәйіттері елестейді. Кіндік қаны тамған топырағымен қайта табысқанша ұрпағына мойын созған бұл «аманаттар» уақыт өткен сайын мәңгілік құшағына еніп бара жатқандай...

*Қалила ОМАРОВ, кинорежиссер,
Жамбыл атындағы халықаралық
сыйлықтың лауреаты*

«ТҮТҚЫНДАЛҒАН «ОЯН, ҚАЗАҚ!» АЛМАТЫДА

(Сатқын деректері не дейді?)

Жетісу өңіріндегі 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісінің тарихын зерттеп жүрген Алматы облыстық архивінің директоры С.И.Боранбаева жақында мені аса қызықты архив ісімен таныстырды. Ол көп жылдар бойы зерттеушілер назарына ілінбей, «құпия сақтау» тізіміне жатқызылып келген, ал бұл күндері ғалымдар қауымы үшін пайдалануға рұқсат етілген, көлемі 227 беттен тұратын көне құжаттар болып шықты.

Деректердің басым көпшілігі Жетісу губерниялық біріккен мемлекеттік саяси басқармасының (ОГПУ) шешіміне сәйкес 1927 жылғы 12 ақпанда қамауға алынып, 1928 жылы 29 шілдеде Жетісу губерниялық сотының үкімімен 10 жылға бас бостандығынан айырылған *(кейін бұл үкім бес жылға қысқартылған)* Шөренов Мұхаметжан дейтіннің 1910–1917 жылдардағы іс-әрекетіне байланысты екен.

Архив деректерінде ХХ ғасырдың басындағы, әсіресе Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы Жетісудағы саяси хал-ахуал туралы жалпы мағлұматтар, 1916 жылғы көтерілістің Жетісу ошағына байланысты тың мәліметтер, оған басшылық еткен адамдардың тағдыры туралы қызықты хабарлар келтірілген. Олардың қатарында көтеріліске қатысқан жекелеген адамдардың, көтеріліс басшылары Бекболат Әшекеев, Байбосын Томабаев, Жақсыбай Әтеев, тағы басқалардың патша жендеттері қолынан оққа ұшып, дарға асылғандықтары жөніндегі мәліметтерді ерекше атауға болады.

Сонымен бірге өлке жұртшылығына сол кезде кеңінен белгілі болған, алайда бүгінгі күндерге дейін олардың Ұлы Октябрь қарсаңы мен Совет өкіметінің алғашқы жылдарындағы өмірі мен қызметі жөнінде алыпқашпа ойлар айтылып, әртүрлі бағаланып жүрген, кезінде жап-жақсы білім алған, көзі ашық бірнеше адамдардың мәлімдеме-қолхаттары бар.

Біздің осы мақалада айтайық дегеніміз бұл емес (архив деректеріндегі бұл сюжет арнайы зерттеуді қажет етеді). Ендігі әңгіме «тұтқындалған «Оян, қазақ!» жөнінде болмақ. 1910–1917 жылдардағы қылмыстық ісіне байланысты 1928 жылы басы сотты болған Мұхаметжан Шөренев пен алғашқы басылымы 1909 жылы Уфа қаласында жарық көрген Міржақып Дулатұлының «Оян, қазақ!» кітабының арасында қандай байланыс бар деген заңды сұрақ туады. Бұған архив деректері арқылы жауап аламыз.

Алдымен М.Шөренев туралы. Архив деректері көрсетіп отырғанындай және 1928 жылғы 20 шілдеде Жетісу губерниялық сотының үкімінде дәлелденгеніндей, Мұхаметжан Шөренев 1914 жылдан 1917 жылғы Ақпан революциясына дейін Ресей империясы полиция департаментінің Жетісу облысы Верный (Алматы) бөлімшесінің жасырын тыңшысы болған. Ол өзінің тыңшылық «қызметі» үшін бөлімше бастығы ротмистр Железняковтан атқарған «жұмысының» көлемі мен «сапасына» сәйкес ай сайын 25-тен 50 сомға дейін ақша алып тұрған. Алғашында «№12» агент, кейін «Нияз» деген лақап аттарды иемденген тыңшы Шөренев, архив деректерінде айтылғанындай, Верныйдағы жасырын полиция бөліміне Жетісудағы «мұсылмандар қозғалысы туралы, панисламдық пікірдегі адамдар жөнінде мәліметтер беріп, 1916 жылғы қырғыз (қазақ – К.Н.) қозғалысы туралы кең баяндап отырған. Осының нәтижесінде жасырын полиция бөлімі көтеріліс басшыларын қолға түсіріп, оларды дарға асқан».

Ол өзінің тыңшылық жұмысын атқару үшін жарғақ құлағы жастыққа тимей, Алматы, Ұзынағаш, Шелек, Пішпек сияқты елді мекендерді аралап, Жетісу өңіріндегі ірі базарлар мен жәрменкелерде болып, өз қожаларына қажет мәліметтер жинаған.

Кезінде Верныйдағы гимназияның бірнеше класын бітірген, орысша да, мұсылманша да сауатты тыңшы Алматыдағы зиялы қауыммен де аралас-құралас болып, жақын жүрген. Ол қаладағы Ахмет-Кәрім

Зейнуллиннің кітап дүкеніне де анда-санда бас сұғып тұрған. Осы дүкеннен Міржақып Дулатұлының «Оян, қазақ!» кітабын сатып алушыларды және оны оқып, халыққа таратушыларды да, кітаптың мазмұнымен танысушыларды да тізімге ала жүрген...

XX ғасырдың басынан қалыптасқан қазақ қауымына тән буржуазиялық мақсат-міндеттерді алдына қойған қоғамдық қозғалыс, өлкеде большевизм мен революциялық күрес идеяларының тарауы патша үкіметі мен оның жергілікті әкімшілік аппаратын абыржытпай қойған жоқ.

Осы кезде қазақ зиялылары жалпы демократиялық мәндегі ұлттық тең праволылық, халықтың мәдениетін көтеру, әйел теңдігін қамтамасыз ету, көшпелілерді отырықшыландыру, отаршылардың жер мен суды тартып алуына қарсы наразылық білдіру сияқты мәселелерді көтерді. Осы жалпы демократиялық мазмұндағы талап-тілектердің өзі халық арасында объективті түрде отарлық езгіге қарсы саяси хал-ахуалды қалыптастыруға қызмет етті. Осындай өмірлік сұраныстан туған және оған жауап берген санаулы дүниелердің бірі 1909 жылы жарық көрген, кешікпей тағы да өлденеше рет басылған Міржақып Дулатұлының «Оян, қазағы» еді. Кітапқа эпиграф ретінде алынған:

«Көзінді аш, оян, қазақ, көтер басты,
Өткізбей қараңғыда бекер жасты.
Жер кетті, дін нашарлап, хал һараб боп,
Қазағым, енді жату жарамасты», –

деген шумақ «Оян, қазақтың» айтайын деген басты идеясын дәл берді. Дәл сол кезде Ахмет Байтұрсынов қаламынан туған, бірақ оның 1911 жылы Орынборда жарық көрген «Маса» жинағына цензура енгізбей тастаған мына жолдар да жоғарыда келтірілген Міржақып өлеңімен сабақтас:

«Қазағым, елім,
Қайқайып белің,
Сынуға тұр таянып.

Талауда малың,
Қамауда жаның,
Аш көзіңді, оянып».

Көлемі небәрі 4-5 баспа табақтай Міржақыптың «Оян, қазағында» ХХ ғасырдың басындағы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық, қоғамдық-саяси өміріндегі өзгерістер көркем сөзбен шыншыл кестеленген. Патшалық Россияның отарына айналған ел мен жердің тағдыры, оқу-ағарту мен дін жағдайы, жетімдер мен жесірлер халі, ауылдағы сайлау ісі – «Оян, қазаққа» тақырып болған мәселелер. Сонымен қатар Міржақып қазақ жастарын оқып, білім алуға, орыс тілі мен өнерін үйренуге шақырады. Ол орыс қауымының үлгі алар данышпандары қатарынан Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Крыловтарды атайды да, «қартайып бұл уақытта Толстой тұр, өзіне мәслихаттас ерлерді ертіп», – дей келіп, өз ойын былай түйіндейді:

«Қазақта олар тектес бар ғой шешен,
Халықтан мойны озып, туған көсем.
Семейден шықты Абай Құнанбаев,
Сөзінде қате бар ма сынап көрсең.
Ақын аз Байтұрсынов Ахметтей,
Сөзі алтын, мағынасы меруерттей.
Оқыған ғибрат алып жас жігіттер,
Һәммәсі өз халқына қызмет еткей...»

Міржақыптың өз сөзімен баяндасақ, ол халқының «өткенін сайрап», өзі өмір сүрген сол кезеңнің «кемшілігін зарлап айтты».

Ал Міржақып «Оян, қазағы» жарық көрісімен халықтың үлкен құрметіне ие болды. Сол үшін ол патша әкімшілігіне ұнамады, жасырын полиция органдарының бақылауында болды. 1910 жылы екінші басылымы жарық көрген «Оян, қазақ!» көп кешікпей халық оқуға тиісті емес зиянды шығармалар қатарына жатқызылып, «тұтқынға» алынды. «Оян, қазақтың» «тұтқынға» алынуы туралы ресми мәлімет 1912 жылғы сәуір, мамыр және шілде айларын қамтитын поли-

ция шешімдеріне сәйкес бүкіл ел көлемінде оқуға тыйым салынған кітаптардың алфавиттік көрсеткішінде бар (*Алфавитный указатель книг, арест которых утверждён судебными установлениями за апрель, май и июль 1912 года. Стр. 8*).

«Оян, қазақ!» осылай «тұтқындалған» соң, жер-жерде оны оқып, насихаттаған адамдар жасырын полиция құрығына іліне бастады. Бұл істе Мұхаметжан Шөренев сияқты жасырын тыңшылар ерекше белсенділік көрсеткен.

М.Шөренев 1916 жылдың маусым айында Жетісу губерниясындағы патша әкімшілігіне жақын жүретін, белгілі тілмаш Қойсерке Тоқсанбаевтың үстінен оның ертеректе «Оян, қазақты» оқып, халық арасына таратқаны жөнінде жасырын полицияның Верный бөлімшесіне сөз жеткізеді. М.Шөреневтың арызы бойынша ротмистр Железняков сол кезде өзі басқарып отырған құпия бөлімшенің тілмашы Қойсерке Тоқсанбаевпен әңгіме-тергеу (ресми тергеу емес) жүргізеді. Оның барысында Тоқсанбаев «Оян, қазақты» 1910 жылы, ол «тұтқындалмай» тұрғанда, кітап дүкенінен сатып алып оқығанын мойындап, ал оны халық арасында таратпағанын мәлімдепті. Ротмистр Железняков өзінен жоғары дәрежелі әкімге жолдаған рапортында өз тілмашын қызғыштай қорғап, былай деп жазыпты: «...Разобравшись в деле Койсерке Токсанбаева, я пришел к заключению, что сведения заявителя «№12» (М.Шөреневті айтып отыр – *К.Н.*) не соответствует истине и никогда Токсанбаев книги «Оян, қазақ» не распространял... До предварительного приема на службу Токсанбаева я окружил его своей агентурой... агентура, а также его начальство дали о нем самые лучшие отзывы...»

Жасырын полиция бөлімшесінің басшысы өз тілмашын «Оян, қазақты» оқығаны үшін тартатын жазасынан осылай қорғап қалды. Ол Тоқсанбаев үшін өзінің сөгіс алмауын ойлауы мүмкін. Ал оның жасырын тыңшысы Қ.Тоқсанбаевтың үстінен арыз

бергендегі мақсаты не болды? Әлде тыңшы тілмаштың орнын алғысы келді ме? Ол бізге беймәлім.

Ал біз үшін қызықты мәлімет мынада: сол Қ. Тоқсанбаев 1927 жылғы 12 мамырда М.Шөреновтің тергеуі жүріп жатқан кезде Жетісу губерниялық ОГПУ-інің өкіліне берген мәлімдемесінде 1910–1911 жылдары Верный (Алматы) қаласының зиялы қауымы арасында «Оян, қазақтың» кеңінен тарағаны туралы айтқан. «Оян, қазақты» сол кезде оқып, оны жатқа айтып, көпшілікке таратқандардың қатарында Қ.Тоқсанбаев Алматы тұрғындары Қалмұхамед Қадырбаевты, Мырзахан Төлебаевты, Түлекбек Теміровты атап, қалғандардың аты-жөні жадымда қалмапты депті.

Архив қазынасында сақталған құжаттар «тұтқындалған «Оян, қазақтың» Алматыға байланысты 1910–1916 жылғы тағдыры туралы осылай сыр шертеді.

Жоғарыда айтылғаннан мынадай қорытындылар жасауға болады: біріншіден, 1909 жылы Уфада жарық көрген «Оян, қазақ!» Қазақстанның барлық аймағына кеңінен таралған. Оған кітаптың өлкенің алыс өңірі Алматыға дейін жетіп, жергілікті кітап дүкені арқылы оқырмандарға сатылғандығы дәлел. Екіншіден, Жетісу өңірінде XX ғасырдың басында айтарлықтай зиялы қауым болған, қазақ оқығандары «Оян, қазақпен» өздері ғана танысумен шектелмей, оның мазмұнын халық арасында насихаттаған. Үшіншіден, «Оян, қазақтағы» жалпы демократиялық талап-тілектер жергілікті халық ішінде отаршылдыққа қарсы саяси хал-ахуал қалыптастыруға қызмет еткен. Сондықтан да патша әкімшілігі ол кітапты патшалық төртіп үшін зиянды шығарма деп бағалап, оны «тұтқындаған».

Кеңес НҰРПЕЙІСОВ,
тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Қазақ КСР ҒА корреспондент-мүшесі.
(«Қазақ әдебиеті» газеті, 16 қараша, 1990 ж.)

МІРЖАҚЫП

I

1920—1921 жылдары Ташкенттегі №14-интернатта оқимын, он бес-он алты жасар кезім.

1921 жылдың июнь айы. Бір күні түнде қазақ тілінен сабақ беретін мұғаліміміз Әмин Жүсіповті біреу күндестікпен пышақтап өлтіріп кетті.

Әмин сүйкімді, жігерлі, сабақты жақсы оқытатын жас жігіт еді. Біз, оқушылар, оны өте жақсы көруші едік.

Әмин ағайды біз ғана емес, қаладағы оны білетін қазақ оқығандары да жақсы көреді екен. Әминді жерлеуге халық өте көп жиналды. Қаладағы қазақ оқығандары түгел келді.

Әмин ағайдың қабірі басында митинг өтті. Бірнеше адам шығып сөйледі. Сөйлеушілердің бірі сол кезде қазақ оқығандарына әйгілі Міржақып Дулатов деген кісі болды.

Мен Міржақыпты бұрын көрген де, білген де емес едім, танымайтын едім. Көп арасында біреулер “Міржақып сөйлеп тұр” деп күбірлесті. Содан сөйлеп тұрған адамға мен де көңіл аудардым. Анадй жерде тұрып, өзін байқап қарадым, сөзін мұқият тыңдадым.

Міржақып орта бойлы, жуандау келген қараторы жігіт екен. Үстінде ашық жағалы ақ көйлегі бар. белінде ұштарын шашақтаған ақ белбеуі бар. Тілін кейде сәл төсеп сөйлейді.

Әмин — қазақтың революциядан бұрынғы белгілі ақыны, Мәшһүр Жүсіп Көпеев деген кісінің баласы болып шықты. Әкесі сияқты Әмин де өлең жазады екен. Былтыр ғана Ташкентте жаңа шыға бастаған “Ақ жол” газетінде оның сол газетке арнап жазған өлеңі жарияланыпты. Міржақып соны оқып берді:

Сен «Ақ жолым» халқыңа,
Жолаушы болып барасың.
Бар оқушы қалпыңа,
Ояу көзбен қарарсың.
Көр, арала, сен қария,
Қазақ, қырғыз даласын.
Еділ, Ертіс, Сырдария,
Ойлы-қырлы саласын.
Біріктіріп басын қос,
Алты алаштың баласын.
Төңкеріске көбейт дос,
Үріп жандыр шаласын.
Туды міне ерік деп,
Таптық нағыз серік деп,
Кел, кедейлер, бірік деп,
Шақыр қазақ даласын!

II

Интернаттың директоры Сәдуақас Оспанов еді. Ол революция алдында қазақша, орысша оқыған, білімді, тамаша педагог, ақжарқын жігіт еді.

Сәдуақас кітапқа өте құмар адам екен. Бұрынғы, соңғы қазақ кітаптарын мұқият жинап жүріпті. Оларды сұраған балаларға оқып шығуға бере беретін.

Бір күні мен Сәдуақастан оқып берейін деп кітап сұрадым. Ол маған «Азамат» деген кітап берді. Кітап өнеугі Әмин ағай қабірі басында сөйлеген Міржақып Дулатовтың өлеңдер жинағы екен.

«Азаматты» мен жастығымның астына қойып оқып жүрдім. Екі рет бастан-аяқ оқыдым. Кейбір өлеңдерді қайта-қайта оқып, жаттап алдым. Сонан үш өлең әлі күнге дейін жадымда:

Мен — біткен ойпаң жерге аласа ағаш,
Емеспін жемісі көп тамаша ағаш.
Қалғанша жарты жаңқам мен сенікі
Пайдалан, шаруаңа жараса Алаш.

/Кітаптың эпиграфы/

Бір жерде көп отырсаң жалғыз өзің,
Көрмесе көңіл ашар жанды көзің.

Кейде ащы, кейде тәтті қиял билеп,
Кететін бар емес пе бір мінезің.

/Өз мінезіне/

Бір кезде әлдеқалай бір нәсілдес,
Алдында көп таулардың болып кеңес.
Қазыбек, Шат тауымен екеуінің
Бір үлкен арасында шықты егес.

/М. Ю. Лермонтовтың «Спор» атты өлеңінен/

III

1922 жылы Ташкентте Сырдария облыстық партия мектебінде оқыдым. Онда көп оқушылар ішінде Сұлтан Ешимов деген бір оқушы болды. Ол менен бірер жасы үлкен, біраз дүние көрген, пысық жігіт еді.

Сырқаттанып, Ешимов екеуміз больницада бір-неше күн бірге жаттық. Сауыға бастағаннан ол жатып-тұрып, ішінен ыңырсып өлең айтатынды шығарды. Бір жолы ол маған есіттіріп:

Ешимов төмендердің аласасы,
Сөзімнің бар ма, жоқ па тамашасы.
Жылтырап, тесік моншақ жерде қалмас,
Қазақша бір роман жаза салшы, — деді.

— Ей, сен өлең жазатын ба едің?

— Е, жазбағанда ше!

— Рас па?

— Жоқ, ойнап айтамын. Өлең жазбаймын, өлеңді жақсы көремін. Сарылып, іздеп тауып оқимын. Оқығандарымды жаттап аламын.

— Өлгі өлеңді қайдан оқыдың?

— Міржақып Дулатов деген біреудің «Бақытсыз Жамал» атты кітабынан оқыдым.

— Онда осылай деп жазған ба?

— Жоқ, онда:

Міржақып төмендердің аласасы,
Сөзімнің бар ма, жоқ па тамашасы.
Жылтырап тесік моншақ жерде қалмас,
Қазақша бір роман жаза салшы, —

деп жазған. Мен, әншейін сен мені өлең жазады екен деп ойласын деп айттым.

— Қалай айттың? «Бақытсыз Жамал» дедің бе? Ол кітап қолыңда бар ма?

— Бар, мектепте.

— Мен оқып берейінші.

— Жарайды.

«Бақытсыз Жамалды» оқып шыққанда мен жыладым... Басындағы әлгі бір ауыз өлең әлі есімде.

IV

1925 жылдың жазынан 1928 жылдың ақырына дейін мен Қызылордада баспасөз жұмысында болдым: «Лениншіл жас», «Жас Қайрат», «Еңбекші қазақ», «Ауыл тілі» редакцияларында істедім.

1925 жылы август айында «Еңбекші қазақ» газетінде менің «Абай» атты ұзақ мақалам шықты. Ол Абай өлеңдерінің 1922 жылы Ташкентте басылуына сын-библиография ретінде жазылған еді.

1926 жылы Қызылордада Міржақып Дулатов «Қазақ кітаптарының көрсеткіші» атты кітап шығарды. Онда автор әр кітап жөнінде қысқаша мәлімет-аннотация беріп отырған.

«Абай өлеңдері» деген кітаптың қайда, қашан шыққанын көрсетіп, оған аннотация етіп автор әлгі мақаламнан мынадай сөз келтіріпті:

«Абай — халық ақыны. Халықтың тұрмысындағы кем-кетіктерін, жайсыз қылықтарын жазған. Олардан құтылуға жол көрсеткен. Абайдың ұстаған жолы, көздеген мақсаты елді түземек болған. Абай — ілгерішіл ақын».

Ол кез партияның әдебиет туралы қаулысы (1925) шыққан, қазақ пролетариат-шаруа жазушыларының ассоциациясы құрылған. (Мен оның ұйымдастыру бюросының мүшесі едім). Әдебиет жөнінде айтыс (1926—27 жылдары) болып жүрген кез еді.

Қаз АПП-тың бір мәжілісінде Әбдірахман Бәйділдин (Өлкелік партия комитетінің баспасөз бөлімін басқаратын) менің Абай жөніндегі мақаламды сынады.

«Б.Кенжебаевтың Абайды халық ақыны дегені қате. Халық ақыны деген ақын, таптан тыс ақын болмайды. Қай ақын болсын, қандай да бір таптың ақыны болады. Біздің қате, кемшіліктерімізді тап жаулары дереу пайдаланады. Б.Кенжебаевтың қатесін де жау, алашордашыл ұлтшылдар пайдаланып отыр», — деп Міржақыптың әлгі кітабын көрсетті. Мені табан астында жаудың көмекшісі, ұлтшыл етіп шығарды. Қатты өкіндім.

V

1926—28 жылдары Міржақып Дулатов «Еңбекші қазақ», «Ауыл тілі» газеттері редакциясында әдеби хатшы болып істеп жүрді. Бір жылы біз — Алияс Ахметов, Ахметсапа Жүсіпов, Міржақып, мен төртеуіміз бір бөлмеде отырып қызмет істедік.

Редакцияның тапсыруы бойынша, бір-екі рет съезд, сессия сияқты үлкен жиналыстардың хабарларын газетке біз Міржақып екеуіміз жаздық. Кексе журналист емес пе, ол кісі мұндай хабарларды құрастыруға, жазуға өте шебер болушы еді.

«Еңбекші қазақ» редакциясында істеп жүрген кезінде Міржақыптың бір сұлу күрең қасқа тайы болды. Ол көшеде сол тайды мініп жүретін. Қызметке де соны мініп келетін.

Содан болу керек, Міржақып осы кезде жазған кейбір мақалалары мен фельетондарына «Таймінер» деп қол қоятын.

Жиырманасыншы жылдардың екінші жартысында Міржақып мақала мен фельетонды көп жазатын, фельетондары қызық болып келетін. Аудармалар жасайтын: М. Горькийдің «9 январь» атты әңгімесін

аударып, «Жаңа мектеп» журналында бастырды. Өз жанынан «Қыран кегі» деген поэма жазып, оны да сол журналда жариялады.

Міржақып қызметке келгенде, алдымен жаңа газеттерді қарайтын. Оларды мұқият ізденіп оқитын: керек болар деген мәліметтерді үлкен дәптеріне жазып алып жүруші еді.

Міржақып іске жүйрік еді. Қолына алған жұмысын тез бітіретін. Бірақ жұмысты сарылып отырып істемей, оқтын-оқтын орнынан тұрып, столы жанында бір-екі минут әрлі-берлі жүріп, керіліп-созылып алып істейтін. Кейде ол осындайда:

— Ал, жігіттер, азырақ ат шалдырайық! — деп бірер күлдіргі әңгіме айтатын. Ол күлдіргі әңгімені көп білер еді, әдемі айтар еді.

Бір мысал. 1926 жылы, майда баспасөз күні «Еңбекші қазақ» газетінің сол кездегі редакторы Тұрар Рысқұлов жалпы жиналыста баспасөз жайында баяндама жасады. Сонан кейін Қазақ газет-журналдарының қызметкерлері «Динамо» фотографиясына барып, суретке түстік.

Фотографияға Тұрар біраз кешігіп келді. Сонда Міржақып күлдіргі әңгімелер айтып, жұрттың езуін жидырмады.

Қысқасы, мен көрген, білген, түйген Міржақып Дулатов — үлкен журналист, жазушы, ақын. Қай жөнінде болсын жинақы, терең, алғыр да өткір, мірдің оғындай еді. Тұрған бір қайратты Міржақ кісі еді.

Бейсембай КЕНЖЕБАЕВ,
16.10.71

МАЗМҰНЫ

Баспадан.....	5
Құжаттар мен деректер, хаттар (1904—1917)	7
Кеңес кезіндегі құжаттар.....	229
Түрме әфсанасының тарихы	231
Соңғы жылдары табылған құжаттар факсимилесінің көшірмесі	373
Естеліктер	379
Өмір өткелдері.....	381
Қаз қалпында	448
Алаптың абзал азаматы	450
Мөңгілікке бет алған аманат.....	453
«Тұтқындалған «Оян, қазақ!» Алматыда.....	458
Міржақып	464

Әдеби-көркем басылым

«АЛАШ МҰРАСЫ» СЕРИЯСЫ

Мир-Якуб ДУЛАТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

6-й том

**Документы, письма и воспоминания
(на казахском и русском языках)**

Второе издание

**Редакторлары А. Түлепбердинова, Ж. Досбай
Көркемдеуші редакторы Ж. Болатбаев
Техникалық редактор И. Тарапунец
Корректоры Т. Дадонова, Ж. Баймағамбетова
Компьютерде беттеген Н. Сейдахметова**

ИБ № 6286

**Басуға 26.10.20 қол қойылды. Пішімі 84×108¹/₃₂.
Офсеттік қағаз. Қаріп түрі «ММ Мектептік». Офсеттік
басылыс. Шартты баспа табағы 24,78 + 3,78 жапсырма.
Шартты бояулы беттаңбасы 42,66.
Есептік баспа табағы 19,48 + 3,509 жапсырма.
Таралымы 2010 дана. Тапсырыс № 626**

“Мектеп” баспасы, 050009, Алматы қаласы,

Абай даңғылы, 143-үй

Факс.: 8(727) 394-37-58, 394-42-30.

Тел.: 8(727) 394-41-76, 394-42-34.

E-mail: mektep@mail.ru

Web-site: www.mektep.kz

Тапсырыс берушінің дайын файлдарынан басылып шықты.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,

Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.

E-mail: priemnl@dauir.kz, zakaz@dauir.kz

ӘОЖ 821.512.122
КБЖ 84(5Қаз)—4
Д79

ISBN 978-601-07-1578-3

9 786010 715783

Дулатұлы М.
Д79 **Алты томдық шығармалар жинағы.**
6-том: — Құжаттар, хаттар және естеліктер / Құраст.:
Е. Сатыбалдиев, В. Галиев, Т. Жұртбаев, М. Әпсәметов. —
2-бас. — Алматы: Мектеп, 2020. — 472 б.

ISBN 978—601—07—1578—3

Д $\frac{4306022300-110}{404(05)-20}$ 91—20

ӘОЖ 821.512.122
КБЖ 84(5Қаз)—4

ISBN 978—601—07—1572—2 (общ.)
ISBN 978—601—07—1578—3